

Г. В. ГУБАРЕВ

КНИГА О КАЗАКАХ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КАЗАЧЬЕЙ
ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «КАЗАК»
ПАРИЖ
1957

Г. В. ГУБАРЕВ

КНИГА О КАЗАКАХ

**МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КАЗАЧЬЕЙ
ДРЕВНОСТИ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «КАЗАК»
ПАРИЖ
1957**

GEORGE GUBAROFF

THE BOOK ABOUT THE COSSACKS

Notes on ancient
Cossack history

Издательство газеты «Казак»

PARIS

1957

All rights reserved by author

Drawings of vignettes are taken from «Orientale rugs
antique and moderne» by Walter A. Hawley

Printed in the France

От автора

Казаки живо интересуются своей историей. Казачьи авторы дали много описаний отдельных эпох, событий, военных подвигов и деятельности выдающихся лиц. Однако, по каким то причинам, образ казачьего прошлого не уложен в формы цельной исторической системы. Без системы же, без систематического изучения сложного предмета, умом его не объять.

Много внимания Казакам уделяли иногда и иноплеменники. Поэтому на разных языках о нас скопилось изрядное количество исторической литературы. Но авторы ее люди чужие. Они не всегда достаточно беспристрастны и объективны, т. к. помимо воли руководствуются личными симпатиями, а к тому же, как правило, никогда не проявляют глубокого знакомства с особенностями казачьей природы и казачьего быта; с тем особенным духовным миром, в котором росли десятки поколений Казаков. В их описании действительность нераз отражена искаженной, как в кривом зеркале.

История это описание действий. Действия же бывают сознательными и стихийными, мудрыми и опрометчивыми, полезными и вредными, моральными и лишенными нравственного начала. Возбудители действий кроются в духовных качествах народа, в его миропонимании, в свойствах окружающей его природы, в условиях борьбы за существование, создающих его быт, в опыте прежних поколений. Жизнь свою народ строит сам, последствия своих поступков изживает самолично, платится за свои ошибки нераз собственной кровью, а потому и суждение о прошлых действиях, по праву, принадлежит прежде всего ему самому в национальной истории. Чужой суд часто бывает и несправедливым, и незаслуженно суровым, а национальная исто-

рия — суд родной души: она не замолчит ошибок, проступков и даже крупных грехов, но не осудит безнадежно на веки.

Национальная история это не только занимательное повествование о прошлых днях. Это и неразрывная связь с родным краем, и неиссякаемый источник национального вдохновения; это чередующиеся образы социальных, экономических и политических эпох, пережитых народом со времен глубокой древности до наших дней; это древний опыт, изложенный соответственно мировоззрению и понятиям народа; это сборник неопровержимых актов, подтверждающих его обособленное родословие, основа его прав на владение всем национальным достоянием; это мощное оружие документальной обороны от всяких посягательств извне.

Книга о Казаках — подготовительная работа к курсу казачьей национальной истории, опыт систематического обзора материалов по истории казачьей древности в их последовательном хронологическом порядке.

В области фактических данных Книга о Казаках не представляет ничего такого, что могло бы претендовать на полную новизну. В ней по архивам наших соседей проверена основательность казачьих преданий. Из постороннего балласта отобраны зерна явлений, так или иначе отразившихся на сложении, росте и ущербах казачьего рода, а при том, в меру возможности, изложен и образ эпох пережитых Казаками в древние времена.

Благодаря тому, что исследование велось с постоянным учетом основных казачьих черт, некоторые источники показали свою отменную сущность; в обстоятельствах, мало-значительных с точки зрения посторонних исследователей, обнаружились многоценные указания для казачьего историка. При их помощи подвижная цепь событий пополнилась отсутствовавшими раньше звеньями и образ нашего прошлого принял, хоть временами и непривычный, но зато отчетливый облик.

Весь материал Книги о Казаках распределен на два тома. Самая глубокая древность и Средние века составят содержание первого тома. Он выйдет в шести выпусках, каждый — через три-четыре месяца. В последнем помещены: текст источников, комментарии и список использованной литературы.

Темой второго тома служат последующие эпохи вплоть до начала XVIII века.

Мне ни за что бы не удалось завершить книгу в ее настоящем объеме в том случае, если бы в моем распоряжении не оказались богатства некоторых американских публичных и университетских библиотек. При блестящей постановке снабжения книгой, расстояния не играли роли.

Непрерывная и бескорыстная помощь инженера С. А. Пахомова дала мне возможность приобрести фотокопии многих древних актов и хроник. Ему по праву принадлежит известная доля авторства в книге, также как и моя глубокая благодарность.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить за содействие в работе и следующих лиц: г. профессора И. И. Коровитского, о. митрофорного протоиерея, кандидата богословия А. Н. Сагайдаковского, г. инженера А. И. Скрылова и консультантов по черкесскому и татарскому языкам г. г. А. Карали и М. Шамиля.

Каждый, кто признает книгу заслуживающим внимания вкладом в дело познания Казаков и их истории, должен помнить, что Т. А. Медков принял на себя почти целиком денежный риск и заботы по ее изданию. В наших условиях это равноценно с гражданским подвигом.

АВТОР

Введение

«Донских, Запорожских и Малороссийских Казаков должно почитать за один народ по сходству образа жизни, домостроительства, одежды и Богослужения.»

Описание Дона вице-адмиралом Крюйсом. (1703)

Казачье народное предание, записанное в восемнадцатом веке русским генералом А. И. Ригельманом, ведет наш род от слияния во едино Черкесских, Роксоланских и Казарских племен. Из этих трех слагаемых, которые издревле встречаются в летописях под именами Касагов, Касаков и Казаров, получился народ известный в наше время, как Казаки.

Втечение последнего тысячелетия Казаки были самыми близкими соседями славянского мира, находились в тесном общении с восточными Славянами и может быть поэтому в казачьем обиходе господствующим наречием оказался древне-славянский язык некоторых Меото-Казарских племен.

Больше всего нашим предкам в старое время пришлось общаться с Русью. Вследствие этого самое значительное количество воспоминаний о нашем прошлом сохранилось в русских летописях и актах.

Много внимания уделяла Казакам и русская историография, которая вначале не отрицала нашего права называться отдельным народом. Общая и официальная точка зрения по поводу казачьих родовых корней нашла свое отражение в словах учебника географии К. И. Арсеньева. В этой книжке «в отделе о племенах народов, обитающих в Российских владениях» к «славянскому племени» отнесены: а) Русские, господствующий народ в империи; б) Каза-

ки Донские, Черноморские, Уральские и Сибирские; в) Поляки, народ, составляющий главное население в Царстве Польском и в губерниях от Польши присоединенных». А этот учебник, замечает русский профессор И. И. Лаппо, за время с 1818 по 1849 год выдержал двадцать изданий». *)

Из этого следует, что всем русским школьникам до середины прошлого века предлагалось считать Казаков отдельным народом, лишь только обитающим в Российских владениях.

Подтверждение этому находили в летописях и в выводах старинных историков. Ведь многие из них знали и Касаков, проживавших в конце IX века между Доном и Днепром (Ригельман), и Пятигорских Черкасов, называвшихся Казаками и выведенных Татарами Золотой орды с Кавказа на границы покоренной Руси (Болтин и Татищев), и Казаков, чье имя «древнее Батыева нашествия и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра ниже Киева» (Карамзин), и Казаков, ушедших когда то с Кавказа на Днепр вследствие междоусобной брани (Бантыш Каменский), и Пятигорских Черкасов, храбрых людей, одного с Русскими языка (Татищев).

Этих Пятигорских Черкасов, проживавших за Кубанью вместе с Адыгейцами, Русские, вообще, знали хорошо и еще в начале XVI века рассказывали германскому послу С. Герберштейну, «что они христиане, ни от кого не зависят, живут по своим законам, исповедывают веру греческую, а богослужение выполняют на славянском языке, которым и пользуются главным образом в жизни».

До половины XIX века русская историография, действительно, признавала за Казаками право называться особым народом и этот взгляд не подвергался дискуссиям, как установленная историческая традиция. Но сто лет тому назад, мгновенно и без дебатов, все явления казачьего прошлого Русские перекроили на социальный лад. Казаки уже обитали в новых границах России и великодержавные интересы ее потребовали теоретического «упразднения» Казаков, как народа и теоретического же обращения их в русскую социальную среду, в беглых русских рабов.

Причины этой неожиданной перемены ничего общего с наукой не имели, но русские научные и общественные круги, не потрудившись даже опровергнуть установленных прежде взглядов, легко санкционировали «версию о беглых холопах», услужливо включили Казаков в чужой истори-

*) И. И. Лаппо. Западная Россия и ее соединение с Польшей. Прага. 1924, стр. 59.

ческий комплекс, с готовностью переписали на свой счет казачье национальное достояние и при каждом удобном случае стараются распространить по всему свету новое ложное мнение о «происхождении казачества».

Сущность этой фантастической теории свелась к тому, что все эпохи казачьей древности оказались перечеркнутыми, была первоначального движения казачьих масс с кавказского юга на лесостепные рубежи Восточной Европы признана «не бывшей», а историю Казаков повели сразу с того момента, когда они начали обратное движение на юг, на свои старожитные земли. Утверждалось, будто бы прежние Казаки исчезли, вдруг, без следа, а на их место в степях появились русские беглецы, крепостные крестьяне, которые, уйдя на волю от своих бар, приняли здесь исчезнувшее было имя своих предшественников, Казаков татарских.

Заниматься подробным разбором всего этого вздора нет нужды. Исторические памятники нерушимо сохранили свидетельства о прошлом нашего народа в последовательной связи явлений от самой глубокой древности до наших дней. Каждое правдивое слово казачьей истории легко разоблачает хитросплетения недобросовестных ученых и восстанавливает звено за звеном непрерывную цепь казачьего родословия. Она тянется от нас, Казаков, к Касакам, Касогам и Козарам недавнего, сравнительно, времени и дальше к Коссахам, Коссайям и Ка-Сакам, выступающим из тумана тысячелетий в своем оригинальном скифском виде.

Но, конечно, ошибкой было бы видеть в нас точное воспроизведение облика этих древних племен и народов. Ведь нельзя, например, видеть во Французах нашего времени повторение образа прежних Франков, в нынешних Немцах-Пруссаках — древних Пруссов, а в современных нам Болгарах — Волжских Булгар. Казаки на протяжении многовековой своей жизни тоже прошли ряд изменений и появились на арене современности несколько иными, чем были их предки две тысячи лет тому назад.

Путеводными вехами для определения родственных связей любого народа, для определения путей, по которым шло его развитие, служат, сохранившиеся в источниках, имена его предков.

Не в пример многим другим, казачье национальное имя показывает удивительную устойчивость. Из эпохи в эпоху, на протяжении двух тысяч лет, оно изменялось лишь весьма незначительно и потому в наше время обнаруживает отчетливую связь с названиями народов, вошедших в общий сплав казачьей народности.

Русский историограф Карамзин не без основания говорит о древности нашего имени (см. выше). В казачьем обиходе оно, вероятно, всегда произносилось так же, как и сегодня — **К а з а к и**. Однако разные народы, которым приходилось встречаться с нашими предками, выговаривали и писали его не одинаково. Например, у Греков самое раннее начертание **Коссайи** и **Казахи**; у Китайцев — **Кэса**, **Кюйсэу**; у Тюрков — **Казак**, **Кайсак**; у Персов — **Каззак**; у Кабардинцев — **Къэзак**; у Славян — **Косак**, **Касог**, **Казак**; у Англичан — **Cossack**; у Французов — **Cosaque**; у Испанцев — **Cossacos** и т. п. Различное начертание — следствие неодинакового произношения.

В русских летописях встречаются также имена меньших народов и племен, слывущих под общим прозвищем **Черных Клобуков** или **Черкасов**, совершенно очевидно, вошедших в состав народности казачьей. Это **Узы** (Усы, Аузы, Оузы), **Торки** и **Берендеи** (Перендии) с городами **Тор**, **Торческ**, **Берендичев**, **Берендеево**; **Ижеславцы** с городом **Ижеславцем**; **Торпеи** и **Сакки** с соседними городами **Воинем** и **Саковым**; **Ковуи** в **Северщине**; **Бологовцы** на **Ю. Буге**; **Бродники** на **Дону** и в **Приазовье**; **Чиги** с городом **Чигирином** и **Сары Азманы** на **Донце**.

В некоторых случаях наших предков называют по тем местностям, где проживали их отдельные общины.

Самое древнее территориальное имя казачьих племен **Приазовья** или **Меотиды**, это **Меоты**, в дальнейшем **Кассаровцы**, получившие свое название по частным таманским владениям византийского кайсаря (кесаря). Еще позднее там же **Казары** (Казаровцы, Кажаровцы) по Царству Хазарскому. Затем **Черкасы** по стране **Черкасии**; **Порсяне** или **Поросяне** от реки **Роси**; **Засаксовцы** по городу **Сакову**, который стоял на **Днестре** недалеко от нынешних **Черкас**; **Пятигорцы** и **Гребенцы** по урочищам в **Кабарде** «**Пятигоры** и **Гольый Гребень**»; **Северуки** по **Северскому Донцу** и **Северскому краю**; **Запорожцы** и **Низовцы** по **Запорогам** на **Днепровском Низу**; **Донцы**, **Кубанцы**, **Терцы** и т. п. по тем рекам и областям, где **Казаки** проживали. К таким же территориальным определениям относятся эпитеты: **Казаки «ордынские»**, **«литовские»**, **«малорусские»**, **«русские»**, **«украинские»**, **«перекопские»**, **«путивльские»**, **«белгородские»** и др.

Когда то давно, много веков перед Рождеством Христовым в **Закавказьи** так же, как и в **Средней Азии** проживали скифские племена **Сака**, **Сайи**, **Сагины**. После

на их местах оказались Кайсаки, Коссайи, Касаги, Казахи и Казаки. Между реками Курой и Араксом, в прежней области Саков, которая на переломе двух эр еще сохраняла свое прежнее название Сакассена, географ Страбон (1 в. по Р. Хр.) указывает воинственных Коссайов. Китайские хроники помещают там же в VI-VII в.в. «тукюзское поколение Кэса» и указывают, что Кайсаки (по китайски Кюйсэу) на берегах р. Сыр Дарьи были прямыми потомками Саков. У Русских наше имя первоначально писалось не Казак, а Косак. Так в Киевском Синописе назван народ, появившийся в конце IX века между Доном и Днепром. Следует добавить, что Англичане и Испанцы называют нас и теперь еще Коссаками. Не надо обладать большою зоркостью для того, чтобы заметить, что Касак, Кайсак и Коссак получились из основного имени Сака, Сак, дополненного приставками Ка, Кай, Кос.

Вместе с тем Сайи и Сагины это тоже, измененное произношением Греков, имя Сакаи, значит, Коссайи то же самое, что и Коссаки.

Первоначальные основы нашего народа, его племенной стержень был, без всякого сомнения, происхождения туранского; такой же самый, как у Кайсаков - Казахов и у Казаков Малой Азии. Но перед концом старой эры наши предки, Ка-Саки, отделились от общей массы Туранцев и перешли на предгорья Северного Кавказа. Здесь они оказались в тесном и мирном общении с одной стороны со Скандинавами - Аланами, а с другой с Меотами, часть которых пользовалась древне-славянской речью. В результате многовекового смешивания получился сплав народностей, известный под именем Казаков европейских. Язык они унаследовали от Приазовских Славян.

Процессы слияния племен в один народ ускорила постоянная опасность со стороны Азии. Северо-Кавказские и Донские степи, место длительного пребывания наших предков, находились под непрерывной угрозой нашествия свирепых азиатских орд. Противостоять им удавалось только соединенными силами. Алания, Хазария, Черкасия и Тормань были результатом объединения северо-кавказских племен и народов. За военным сотрудничеством следовала и близость в повседневном быту: возникало кровное родство, завершалось слияние Туранцев, Аланов и Славян в единый казачий народ.

Внешний и духовный облик Казаков сохранил многие черты этих народов, а национальный характер их опреде-

лился в степных тревогах. Несмотря на плодородие их страны, вся деятельность Казаков в обстановке вечных нападений сводилась к одному убыточному занятию — войне. Никакая добыча и военная слава не покрывала кровавых потерь, но опасность делалась привычкой, риск обращался в пристрастие, стали наши предки военным народом, а самое имя Казак сделалось синонимом отважного степного воина.

Вместе с этим, долгие века сохранялась у них подвижность кочевников — отсутствие оседлой привязанности к одному месту. Родиной Казаков в то время была вся широкая степь, а кочевые навыки глубоко уходили корнями в жизнь их древних предков — Скифов.

ДРЕВНИЕ ВЕКА

ВРЕМЯ И УСЛОВИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАЧЬЕЙ НАРОДНОСТИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СКИФИЯ

Земля наших отцов. Первые сведения о Скифах. Скифия Европейская. Погребения Скифов. Их верования. Царские Скифы. Легенды о происхождении Скифов. Кочевое хозяйство. Война с Персами. Военная тактика и хитрости степняков. Царь Дарий отступает.

Прародиной Казаков, Землею их Отцов в точном значении этого слова, следует считать Северо-Кавказскую равнину, Приазовье и берега реки Дона.

Это земля, в защиту которой пролито море казачьей крови, земля, впитавшая потоки знойного пота долгих трудовых дней, земля, насыщенная духом, ушедших в вечность, казачьих поколений, где сам чернозем, кажется, ничто иное, как возвратившаяся в прах казачья жизнь. Это земля, к которой всегда стремилась казачья мысль и с далекой чужбины; земля, которая призывала к себе детей своих изгнанников, даже народившихся далеко от родной степи.

На этой земле уже две тысячи лет тому назад росли и множились племена, положившие начало казачьему роду.

Первые сведения о стране и о людях в ней обитавших дает археология и свидетельства ранних греческих историков.

Археологи восстанавливают образ минувшего по обнаруженным в раскопках предметам древнего домашнего обихода, по предметам материальной культуры. Но после кочевника не остается никаких жилищных напластований. Тут все временно, все переходяще. Развеет ветер пепел угасших костров, зарастут буйным разнотравием следы ушедшего человека и его стад и исчезает из памяти целый отрезок времени живого бытия со всеми его радостями и заботами. Остаются только, волнующиеся, как море, беспредельные ковыльные просторы да появившиеся кое где, новые могилы. Им то, степным курганам, памятникам смерти и принадлежит главное свидетельство о давно минувших днях; только они и сохраняют в степи связь настоящего времени с далеким прошлым.

Кроме этих молчаливых свидетелей, осталась память о древности нашей степи и о людях, когда то там живших, в рукописях культурных, любознательных и подвижных Греков. Задолго до Рождества Христова они составили непревзойденные по полноте хроники событий и описание стран известного им в то время мира. О Европе и Азии подробные сведения сохранились в книгах «отца истории» Геродота, жившего в V веке до Р. Хр. В его время на обширных пространствах Северно - Черноморских и Каспийских степей кочевали многочисленные племена Скифов.

Первое событие из жизни Скифов, известное всемирной истории, относится к XIV или XIII веку до Р. Хр., когда египетский фараон Сесострис, в победном шествии через Малую Азию покорил Скифов и Фракийцев . 1)

Византийский историк Агафий Миринейский (VI в. по Р. Хр.) рассказывает, что Сесострис доходил и до Кавказа, где осталась часть его воинов. От них, будто бы, пошел род Колхов — Грузин. 2)

Вероятно о Скифах, «молокоедах», «доителях кобылиц», говорит в IX в. до Р. Хр. и знаменитый греческий поэт Гомер в «Иллиаде». Он помещает их позади азиатских областей Иллиона, Мизии и Фракии, очевидно, в долине р. Евфрата.

Кочевья Скифов в те отдаленные эпохи должны были находиться в центре Малой Азии, в Белой Сирии.

Более точные и постоянные известия о Скифах появляются у историков только от начала VII в. до Р. Хр. Теперь они размещены на огромном пространстве в Малой и Средней Азии, от р. Евфрата и Закавказья до рек Аму Дарьи (древн. Оксус) и Сыр Дарьи (древн. Яксартес).

Следовательно втечение VIII века произошли их грандиозные перемещения с запада на восток, подальше от

Египтян и могущественной в ту пору Ассирии. Этому же времени соответствует и возраст скифских курганов в Средней Азии. Археологи относят их появление к VII в. до Р. Хр. 3)

Вероятно в то же время появились на Кавказе Зиги, Керкеты, Леги, Албаны, Саки и другие горские племена, которые по понятиям древних географов все были Скифами.

За Кавказскими горами на севере до этого времени господствовали Киммерияне, о которых сохранилось очень мало сведений. Скифы, обойдя Каспий, вышли к ним из за Волги (древ. название Ра) огромной кочевой массой со всем своим достоянием. Под непреодолимым натиском неисчислимых орд Киммерияне оставили прежние поселения и откочевали на юг. Скифы бросились их преследовать, в 650 году до Р. Хр. вторглись в пределы Мидии и Ассирии и хозяйничали там 28 лет. Только потеряв вождей, побитых предательски на пиру у мидийского царя Киоксара, Скифы отхлынули на север и окончательно обосновались в Черноморских степях. Здесь между Доном и Дунаем образовалось кочевое государство известное под именем Скифии Европейской. Одновременно с этим скифские кочевья и поселения на Кавказе и в Средней Азии в древнем мире назывались Скифией Азиатской.

Скифы были преимущественно кочевниками. В поселениях обосновалась только их некоторая часть, Скифы — земледельцы. Остальные проживали таборами в крытых кибитках. Вся их жизнь проходила на колесах и в седле. Передвигались стада с пастбища на пастбище, а за ними шла орда, не задерживаясь долго в одном месте. Поэтому единственным памятником их пребывания в степях остались только многочисленные курганы.

По своему замыслу, по плану подземелий, по ценности погребального инвентаря, скифские погребения воспроизводят в миниатюре египетские пирамиды. Они разбросаны по всей степи, но особенно много высится их на север от днепровских порогов, там, где находились могилы скифских царей. Эта область владений Царских Скифов называлась Страной Геррги.

Геродот подробно описывает ритуал скифского погребения.

Для умерших царей могилы готовили в стране Геррги в виде очень большого квадратного углубления. Одновременно с этим труп бальзамировался по особому способу и покрывался воском, а после этого покойника провозили по

кочевьям всех подчиненных народов; сначала к Скифам Царским, потом к их соседям по очереди. Все дальше и дальше вкруговую, чтобы все подданные могли попрощаться с умершим. Царя погребали в склепе, построенном из балок и прутьев лозы, после чего поверху насыпали курган, стараясь его возвести как можно выше. В могилах оставляли любимые вещи умершего и даже вазы литого золота. По-

Скифский зубной врач. Золотая ваза из Куль Оба.

близости хоронили одну из жен, предварительно ее задушивши, умертвленных при могиле рабов, а также несколько лошадей.

Останки простых смертных тоже возили по друзьям в течение сорока дней и только после этого хоронили под меньшими курганами.

Когда погребение бывало окончено, то все прикасавшиеся к мертвецу проходили обряд ритуального очищения.

В специальных войлочных палатках на раскаленные камни посыпалось конопляное семя. Получались наркотические испарения — гашиш. «Скифы одуревают от этого дыма и кричат без меры от наслаждения», говорит Геродот.

Серебряная ваза из Чертомлыцкого кургана на нижнем Днепре

В религиозных верованиях Скифы исповедывали языческое многобожие. Геродот перечисляет скифских богов по их греческим именам.

Превыше всего они почитали Весту, мать Вселенной, богиню сердца и его пламени. Следующими по значению были Зевс и Земля его жена, родители богов и людей; потом Апполон, бог мужской красоты, юности, поэзии и музыки; Афродита, прекраснейшая из богинь, покровительница растительного мира; Арес, ее муж, бог войны, уничтожения, моровых эпидемий; Диана, богиня охоты, скифское имя которой — Орейлоха, и полубог Гerkулес, герой, олицетворение деятельной мужской силы, по скифскому преданию, родоначальник Царских Скифов.

Царские Скифы почитали еще бога морской стихии Посейдона, покровителя всех вод.

Однако храмы и алтари они воздвигали только в честь Ареса. В очертаниях скифских храмов заметно влияние Ассирия-Вавилона и Египта. Там храмы строились из каменных глыб в виде огромных ступенчатых, пирамидальных построек. Здесь же высокий ступенчатый корпус был выложен из вязанок фашины (лозы, хвороста). Вместо широкой лестницы одна сторона делалась покатой с легким склоном, чтобы можно было взойти на вершину сооружения. На самом верху, под открытым небом посредине жертвенника, устанавливался стальной меч, который и служил символом бога Ареса. Ему одному приносились в жертву кони, овцы, а иногда и человеческая кровь, взятая от пленников.

Жертва варилась в специальном освященном котле. Если же его не было поблизости, то, порезав тушу на куски, наполняли ими желудок жертвенного животного. Наливши воды, этот своеобразный сосуд вешали над огнем. Топливом служили кости, очищенные от мяса. Желудок жарился сам и держал варево, пока оно не закипало. После этого жертва выливалась перед мечом, символом божественной мощи.

Обычно храм был так велик, что на ежегодные ремонты его расходовалось до ста сорока возов фашины. Теперь это горы перегнутой земли, курганы без погребений.

Принято считать, что все Скифы пользовались одним из древне-иранских наречий. Но этому мнению противоречат показания древних географов, у которых имя Скифов охватывает и заведомо разноразличные народы. Особенно на Кавказе.

В Европе объединяющим центром для скифских племен служила верховная ставка Царских Скифов. «За стра-

ною Геррги, говорит Геродот, находятся те, которых называют царствующими. Их большая часть, а остальных они считают своими слугами». К их роду принадлежала династия скифских царей. Цари управляли страной единолично, но должны были считаться со мнением общего собрания своего войска, которое могло не только сместить, но и убить царя за нарушение им обычаев религии. 4)

Царские скифы, по преданию записанному Геродотом, вели свой род от полубога Геркулеса. Геркулес гнал по скифским степям быков Гериона и «достигнув Гилеи — лесистой страны в южной Скифии, встретился с подземным божеством — девой змеей, обитавшей в пещере. От Геракла у девы родилось три сына: Агатырс, Гелон и младший — Скиф. Продолжая свой путь, Геракл оставил для сыновей лук и дорогой пояс с подвешенной к нему золотой чашей. Обладателем пояса и властелином страны должен был стать тот из трех сыновей, который сумеет натянуть лук. Когда сыновья возмужали, сильнейшим из них оказался Скиф.» От него, будто бы, и пошел род царствующих. 5)

Остальным Скифам в удел достались, упавшие с неба, орудия труда: плуг, ярмо, секира и чаша, эмблема благосостояния.

У первого человека Торгитая, говорит вторая легенда, было три сына, прародители Скифов (Сайов): Липоксай, Арпоксай и Колоксай. Когда божественные дары упали с неба, то их нашел младший Колоксай, родоначальник племени Паралатов, которому по этой причине стало принадлежать первенство и власть.

Наконец, скифское предание, записанное Диодором, и, кажется, самое близкое к исторической правде, выводит Скифов с рек Аракса и Танаиса (Дона).

Полевое хозяйство в Скифии Европейской вели только оседлые племена, близкие к греческим колониям на берегах Черного моря. Здесь сеяли в изобилии хлебные злаки для себя и на продажу Грекам, а также коноплю, из волокон которой вырабатывались ткани для одежды.

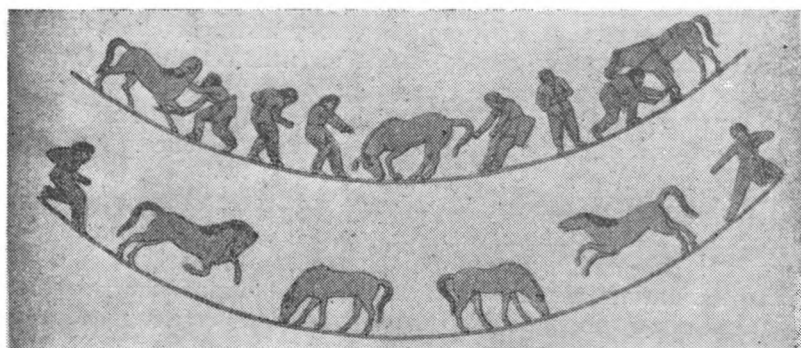
Основными занятиями кочевников были скотоводство-коневодство, охота и рыболовство.

Степняки были лихими наездниками. Конь играл в их жизни большую роль. Кроме тягловой силы и средства быстрого передвижения в условиях войны и мира, он был также предметом их спортивных привязанностей и потому выездка коня стояла на высоком уровне.

Поделив пространства неписанными договорами на юрты отдельных племенных обществ, кочевники перегоняли

по тучным пастбищам стада серого безрогого скота, 6) отары овец, табуны небольших тонкогривых и сухоногих коней. Когда приходила зима, население степи вместе со стадами спускалось к югу, ближе к морю, в крымские и азовские степи, прижималось к горам, пряталось в густых береговых зарослях и камышах.

Будучи кочевниками, все эти люди еще не имели привязанности к почве, к какой либо местности. Родиной их была не земля, которая находилась в общем пользовании, а семья и круг родственников, с которыми они были связаны по крови и по общим интересам. Со стороны внешних врагов они были почти неуязвимы, т. к. обладали широкими пространствами равнинной степи и могли беспредельно отходить вглубь страны.

Изображения с Чертомлыцкой вазы. В верхнем ряду слева Скиф учит коня ложиться.

В одной из своих книг Геродот рассказывает, как персидский царь Дарий через Босфор и Дунай ходил в поход на Европейских Скифов.

Перед лицом опасности, увидевши многочисленную армию Персов уже на своих землях, скифский царь Идентырс обратился за помощью к соседям. Но из них только три народа, Савроматы, Будины и Гелоны согласились отражать пришельцев. Остальные заявили, что Скифы и сами лишь недавно вторглись сюда из Азии, а потому, если их и побьют, то это будет наказание по заслугам за их насилие.

Учитывая свою малочисленность, союзники решили не ввязываться в бой с Персами, а уходить от них в степи, сжигая при этом пастбища и загрязняя источники. Отступая и ловко маневруя, они навели вражеские полчища на тех соседей, что отказались от совместной борьбы. Персы опусто-

шили их края, но самих Скифов настигнуть и поразить им все не удавалось.

После многих переходов утомленный Дарий отправил к Идентырсу послов с такою речью: «Отчего ты все время бегаешь? Если ты чувствуешь себя достойным встречи со мной, то остановись и сражайся. а если для этого у тебя не хватает смелости, то прекрати бегство, пошли дары мне, господину над твоими землями и водами, и дай возможность переговорить с тобой.»

Перевязка раны.

На это Идентырс ответил: «Я никогда и никого не боялся настолько, чтобы перед ним бежать. Я не боюсь и тебя, а только делаю то, что мне по вкусу. Могу тебе объяснить, почему мы не сражаемся. У нас, ведь, нет ни городов, ни полей, которые мы должны были бы защищать от твоего нашествия и разгрома. Если же тебе так сильно хочется с нами биться, то постарайся найти могилы наших предков и попробуй их осквернить. Тогда ты узнаешь, способны ли

мы к бою. Иначе у нас нет нужды меряться с тобою силами, до тех пор, пока этого мы не захотим сами. А на твои слова о господине, знай: наши господа, только один бог Зевс, мой отец, да владычица Скифов, богиня Веста.

Для того, чтобы тебя успокоить, посылаю достойные тебя дары». И он передал с послом птицу, мышь, жабу и пять стрел.

Очевидно Идентырс хотел только насмеяться над Персом, но Дарий принял полученные предметы, как язык символов. Долго думал над ними сам и безрезультатно требовал от магов разъяснить ему таинственное значение приношений.

А между тем Скифы продолжали изводить Персян постоянным противодействием. Особенно досаждали, препятствуя фуражировкам и доставке продуктов. Они часто нападали и на их лагерь.

В этом случае лучшим союзником Персов оказались их выючные ослы. Когда скифские всадники, преследуя врага, приближались к лагерю, там начинали кричать ослы. А так как в Скифии не было ни одного осла или мула, то пораженные их криками степные кони останавливались неподвижно, стригли ушами и в ужасе рвались назад.

Такова была боевая помощь ослов.

Однажды Скифы, построив боевой фронт, двинулись в наступление на царский лагерь. Войска Дария приготовились к отпору. Но в это время через наступающую лаву проскочил заяц. Увидев его, всадники бросили ряды и начали охоту.

Дарий не мог понять, почему это, вдруг, Скифы смешались и кричат во все горло. Когда же ему рассказали о причине смятения в рядах противника, он решил, что такое поведение можно объяснить только пренебрежением к его могуществу. Смущенный таким обстоятельством и следуя совету главного мага, он отдал приказ к отступлению. Тем более, что армия таяла от скифских нападений, голода и болезней.

Тайно ночью Персы покинули лагерь, оставив там своих больных воинов и крикливых ослов. Они ушли назад за Дунай, закончив тем неудачный поход на Скифию.

1) Геродот. История, 2. 103.

2) Агафий Миринейский. История, кн. 2, гл. 18.

3) В. Г. Гафуров. История таджикского народа, стр. 28.

4) В. Н. Граков. Краткий очерк истории Скифов. МИА 36.

5) Цит. по П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена.

6) Круторогий скот появился много позднее после того, как наши предки Черкасы начали приручать диких туров. Поэтому он и называется — черкасский.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КА - САКИ

Азиатская Скифия. Свидетельство Страбона. Скифы Сака. Борьба их с Персами. Военная хитрость царя Кира. Поражение Саков. Персидские празднества Сакаи. Китайские известия. Подвиг Ширака. Сакасена. Коссайи Страбона. Решение вопроса о первоначальном образовании нашего имени. Археология указывает исторические пути скифского народа, Касаков.

В противоположность Европейской Скифии, объединенной под властью царей в обширных границах от Дона до Дуная, имя Скифии Азиатской относилось к политически разрозненным народам, обитавшим на восток от Дона, в Средней Азии и на Кавказе. Здесь было несколько зачаточных государств или, просто, свободных племенных общин, которые иногда в силу необходимости создавали внушительные по размерам, но временные союзы.

Судя по клинописным надписям, в VI веке до Р. Хр. Персы знали три рода Скифов-Сака. Это были: Сака Амиргийские, при р. Мургаб на Туранской возвышенности; Сака восточные, шапка, кочевавшие по Туранской низменности и за рекой Сыр Дарьей; Сака Закавказские, 1) К последним, повидимому, относились и жители Кавказа, т. к. закавказское предгорье между реками Курой и Араксом в то время называлось Областью Саков, Сакасена.

Судьбами Саков подробно занимается другой греческий автор Страбон (63 г. до Р. Хр. — 21 г. по Р. Хр.).

В Географии Страбона рассказывается, что, после ухода Скифов на северные берега Черного моря, в Закавказье

казы и в горах южнее Каспийского моря оставался еще достаточно многочисленный и воинственный народ Сака. Эти Сака непрерывно нападали на персидские владения в Мидии и приносили большой ущерб ее населению. Персы долго не были в силах поставить им преград и их войска нераз терпели поражения от Саков. Только царю Киру Старшему удалось победить беспокойных соседей при помощи военной хитрости.

Во время одного из очередных нашествий Саков Персы выступили против них, но снова были разбиты. Отойдя к главному лагерю, царь приказал отступать дальше спешно, под видом бегства, оставляя на месте запасы военного снаряжения и побольше вина.

Победители, увлеченные разгромом возов и занятые содержанием бурдюков, не заметили возвращения Персов и были ими на половину уничтожены. С тех пор Саки отошли от границ Персии и не решались повторять набег.

Для Персов победа была очень значительным событием. Память ее праздновалась ежегодно, а кроме этого каждые три года учреждались особые торжества — Сакаи, нечто вроде греческих Вакханалий, с маскарадом, плясками, песнями и поголовным пьянством.

В конце старой эры Саков-кочевников узнали Китайцы. В своих летописях они называют их Сэ й к и, Сэ с цы, Са, Сай, Сэ, Сэ у. 2) Позднее в хрониках VI-VII в.в. они прибавляют к их имени приставку К ю й, называют их К ю й с э у, что в китайском начертании соответствует названию К а й с а к. Вероятно уже и тогда нынешние Казахи называли себя этим именем.

Когда при династии Ахеменидов Персия окрепла и разрослась в империю, царь Кир и его приемники непрерывно стремились держать в повиновении и соседних Саков. Те, что проживали в Бактрии, признали власть персидских царей и давали им своих воинов. О них Геродот пишет (кн. 7. 64): «Сака или Скифы носят штаны и имеют на головах высокие твердые шапки, острые в конце. Они вооружены луками своей системы и кинжалами, а на боку носят боевой топор или сагарис». В остальных Саках Персы встречали упорных противников.

Полиен в книге «Военные хитрости» рассказывает один из эпизодов героической борьбы Саков против завоевателей Персов. В 513 году царь Дарий во главе многочисленного войска отправился на покорение непослушных Саков. Во время похода к нему привели перебежчика из степи. Это

был Сак, табунщик Ширак. Израненный, с отрезанным носом и ушами, изуродованный так, по его словам, соплеменниками, он хотел им отомстить за свои раны и предложил Персам провести их тайными тропами в тыл к Сакам. Предложение было принято, но через несколько дней армия Дария оказалась в безводной и бесплодной пустыне. Догадавшись об измене, Персы угрожали Шираку смертью, но тот им ответил гордо: «Я выиграл победу, ибо для отвращения бедствия от Саков, моих земляков, переморил Персов жаждою и голодом». Ширак погиб, но зато Саки разгромили истощенные войска Дария. 3)

Область Саков еще в начале нашей эры сохраняла свое имя — Сакасена. Следовательно, Скифы - Саки проживали здесь много веков подряд. Имя этого народа с веками должно было пройти некоторые изменения. С одной стороны, оно оказалось частично поглощено территориальным наименованием соседей Албанов. С ними им приходилось объединяться для совместного противодействия Персам. А в других случаях, подобно тому, как и в Средней Азии, к их имени приросла приставка Ка, Кос. Саки начали называться Касаками, Касахами, Коссагами и Казахами. Памятником такой перемены и ее подтверждением служат последующее имя Сакасены — Казахия и город Казах, который стоит на р. Куре до наших дней.

Страбон пишет их новое имя Коссайи. Но нужно предполагать, что оно записано им по наслышке от других Греков в фонетическом начертании. Дело в том, что греческая буква гамма, по произношению близкая нашему х, перед о и произносится, как й. Страбон пишет по гречески Коссайои, но если бы он писал Коссахои, то Греки все равно произносили бы Коссайи.

Страну Коссаев Страбон указывает там, где раньше находилась Сакасена: «После гор Загрус находится горная страна Елимаев и таковая же Парайтекинов, а повыше Мидии горная страна Коссайов. В середине же их Мидия и Армения». 4) «Горы ее не очень высоки, не покрыты большим количеством снега и находятся на расстоянии одной тысячи стадий от Евфрата». 5) Здесь может идти речь только о верховьях р. Евфрата, потому что ниже по течению р. Тигр отделяет ее русло от гор.

По этому поводу имеются и важные указания Китайцев. В VII веке по Р. Хр., когда Малая Азия была поделена между Византией и сильной сасанидской Персией, китайские хроники указывают, что Персия «на севере смежна с

тукюзским поколением Кэса», а владения Византии в Малой Азии находятся «прямо против тукюзского поколения Кэса». 6)

Даже если не брать в расчет головоломного китайского произношения, совершенно очевидно, что Кэса это те же Коссай и помещены они у Китайцев, как и у Страбона, в прежней области Саков.

У всех народов из эпохи в эпоху племенные названия претерпевают своеобразные изменения. Такие же изменения прошло и наше имя. Поэтому нельзя опровергать тождественности имен Коссай, Кэса, Косаг, Казах, Касак и Казак только потому, что некоторые из них отклоняются от привычной формы. Нужно помнить, что перемены происходили в течении двух тысяч лет. Ведь и на наших глазах Киргиз-Кайсаков стали называть Казахами. Очевидно, К а з а х это только очередная и неперемнная промежуточная форма по пути от Сака до Казака.

Таким образом, вторая половина первоначального нашего имени Ка-Саки две тысячи лет тому назад служила названием скифского народа. Решение же вопроса о значении приставок Ка, Кай или Кос заключается, вне всякого сомнения, в их особенном смысле по понятиям самих Скифов.

Вообще слог Ка у многих восточных народов служит корнем слов, обозначающих превосходство, главенство. Так, например, у Китайцев као значит высокий; у Лезгинов ка — голова; у Сирийцев, Афганцев и Таджикинов кабир означает великий, могущественный; у Албанцев каба — великий; по «Книге Авесты», сборнику восточно-иранских песнопений, кавы — название вождей и верховных жрецов; хазарский каган — царь; монгольский и тюркский титул кахан, Марко Поло, долголетний сотрудник кахана Кубилая, переводит, как великий хан. Соответственно, Ка-Саки или Кай-Саки должно было бы означать Великие Саки, Главные Саки.

Должно однако заметить, что начертание и произношение Казак принято только у самих Казаков да у народов восточных. На западе, начиная от Русских, Украинцев и Поляков, предпочитают писать наше имя Коссак или Козак.

Разнообразие в произношении национальных имен, вещь совершенно обыденная, но в этом случае изменяется решение вопроса о значении приставки.

Слово Козак развилось соответственно из Коссай, Косаг, Коссак. Но слог кос означал по скифски белый

цвет 7) и, значит, имя Сайов или Саков некогда обогатилось эпитетом белые.

Казачья традиция требует произношения К а з а к , а не К о з а к , но все же без ущерба можно допустить, что существовали и Ка - Саки, Великие Саки, и Кос - Саки, Белые Саки. Когда то Белая Сирия служила местом их кочевий да и, вообще, различие народов по цветам в старое время было широко распространено. Были, например, Болгары Серебряные и Черные, Угры Белые и Черные, Хорваты Белые, Орда Золотая, Белая и Синяя, Русь Малая и Великая, Белая, Червонная и т. п.

В начале новой эры Страбон еще знает область Саков, но о самих Саках в этой области уже не вспоминает. Юг Сакасны, ее горную часть, занимает теперь страна Коссайов. Следует заметить, что Сайи — одно из скифских имен. Оно встречается, как таковое в памятниках и, следовательно, Коссайи так же, как и Коссаки, прямые потомки Скифов.

Страбон пишет: «Коссайи, как и соседние горцы, по большей части воины-лучники. Все время они проводят в фуражировках, так как сами владеют страной малой и неурожайной. Они вынуждены питаться с набегов на другие племена и по необходимости сделались сильным народом, потому что каждый из них воин. Во всяком случае, тринадцать тысяч Коссайов присоединились к Елимаям, когда те воевали против Вавилона и Суз.»

Позднее в VI-VII в.в., как говорилось выше, в Сакасне указывают Коссайов и Китайцы. В X веке страна Казахия, о которой вспоминает византийский император Константин Багрянородный, помещается уже ближе к Кавказскому Хребту в северной части бывшей Сакасны. Тогда же на Донце по соседству с Днепровскими Славянами появляется новый народ, Касаки или Торки.

Пути Касаков от Закавказья к Днепру по писанным историческим памятникам могут быть восстановлены лишь частично, а зато многое узнается из археологических открытий последнего времени. Раскопанные курганы и могилы ясно указывают пути движения и места длительных остановок этого древнего народа. Археологическими исследованиями установлено, что особый тип погребений с конем принадлежит Торкам, которые назывались также Косаками и Узами. 8)

Самые ранние торческие погребения обнаружены в приморской части Северного Дагестана среди могил на древнем кладбище селения со знаменательным наз-

ванием — Тарки (Торки?). Их относят к III столетию до Р. Хр., ко времени наибольшей связи Предкавказья с кавказским югом. «В предварительных сообщениях о раскопках Таркинского могильника указывался смешанный характер местной культуры приморской части Северного Дагестана в сарматскую эпоху, ее тесная связь с одновременными культурами Закавказья и северных степных районов, Предкавказья и Нижнего Поволжья». 9) «Тесное общение, в том числе и торговое, древнего населения Таркинского района с Албанским государством подтверждается имеющимися археологическими материалами.» 10)

Албанским государством называлась когда то восточная часть Закавказья до Грузии и Армении. В нее входила и область Саков. Предполагается, что и Тарки некоторое время входили в состав Албании, которая таким образом тесно связывала Закавказье с Предкавказьем.

Кроме того, время таркинских «погребений с конем» относится к десятилетиям, непосредственно следующим за сокрушительными походами Александра Македонского. Его оружие не миновало и жителей Сакасны. «Их смелости положил конец Александр, атаковав их зимою», говорит Страбон. 11)

Открытия археологии в соответствии с исторической обстановкой того времени указывают IV и III века до Р. Хр., как эпоху передвижения с юга на Северный Кавказ скифских племен Ка-Саков, среди которых были Торки и Берендеи.

1) Б. Г. Гафуров. История таджикского народа.

2) Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т.т. 2 и 3.

3) Б. Г. Гафуров, как выше.

4) Страбон. География 11. 12. 4.

5) Страбон 16. 1. 13. Стадия — 182 метра.

6) Н. Я. Бичурин (Иакинф). Как выше, т. 2. История династии Тхан.

7) Parrot. Versuch einer Entwicklung der Sprache Abstammung Geschichte.

8) Н. Д. Мец. К вопросу о Торках. Крат. сообщ. Ист. Мат. Культ., вып., XIII.

9) К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки. МИА, кн. 23.

10) Там же.

11) Страбон. 11. 13. 6.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АЛАНЫ И САРМАТЫ

Аорсы и Аланы. Аланы были скандинавами. Образ жизни Аланов. Их воинственность. Аланская совокупность народов. Касаки среди аланских племен. Торки — новое имя Касаков. Сарматы. Воинственные Сарматки. Примеры Амазонок. Жилища Сарматов. Сарматы среди Меотов. Горцы Черноморского побережья. Их морские походы.

В IV и III в.в. до Р. Хр. большую часть Северного Кавказа занимали могущественные **А о р с ы**. Одновременно с ними и на тех же местах более поздние историки помещают **А л а н о в**.

Аорсы и Аланы неоднократно совершали походы против Персов, Армян и Римлян. Военные и торговые пути их лежали через Албанию и Сакасену. Они подолгу задерживались там, а может быть владели и частью южных гор. Поэтому не удивительно, что среди них, в конце концов, оказались скифские племена Ясы и Касаки. Сами они Скифами не были. Относительно Аланов известно, что они были родственниками скандинавского народа — Готов. Впоследствии они полностью поглотили Аорсов. Может быть, только Роксоланы остались потомками исчезнувших Аорсов, но Роксоланы тоже были Германцами.

Имя **А л а н о в** созвучно с нордическим **А а л а н д**, что значит **о с т р о в**. Возможно, что они пришли на Кавказ с каких либо островов. Они сохраняли германскую речь, которой пользовались и через тысячу лет. Их наружность в описании историка IV в. Аммиана Марцелина дает облик нордический: «Все Аланы высокого роста, сильные люди,

по цвету волос близкие к блондинам, а суровостью взгляда вселяют страх».

Относительно их образа жизни А. Марцелин рассказывает. 1) «Они не имеют хат и не заботятся об употреблении плуга, но живут на мясе и молоке. Их жилища устроены на возах, накрытых круглыми шалашами из древесной коры. В них они передвигаются с места на место по безграничной степи». «Упряжной скот их пасется вместе со стадами, но особенное внимание они уделяют выезде лошадей». «Почти так же, как солидные, миролюбивые люди находят удовольствие в спокойствии, Аланы видят радость в опасности и войне. Только того человека они считают счастливым, кто теряет жизнь в бою. Тех же, кто стареет и уходит из мира естественной смертью, они провожают горькими упреками, как трусливых дегенератов. Кожа с головы убитого самая желанная добыча. Они ее вешают на боевом седле, как почетный трофей.» «Все те, кто по возрасту или полу не способны к тягестям военной жизни, остаются при возах и заняты делами полегче. Молодые же люди, выросши всадниками с самых ранних мальчишеских лет, смотрят с презрением на передвижение пешком, а постоянно упражняясь в различных видах военного спорта, они делаются опытными воинами.» «Они легки и ловки во владении оружием. В привычках несколько похожи на Гуннов, но все же менее дики в обычаях и в образе жизни. В завоевательных и охотничьих набегах они бродят там и тут, доходя до Меотийского моря и Боспора Киммерийского так же, как до Армении и Мидии.» «Побеждая соседей, они, подобно Персам, включают их в свое национальное имя.» «Они объединяются под одним именем и для краткости все называются Аланами по причине сходства в обычаях, в неприхотливом образе жизни и в оружии.»

Так описывает Аланов историк Аммиан Марцелин. Нужно сказать, однако, что несмотря на слияние, отдельные народы сохраняли и свои прежние имена. Из аланского комплекса известны: Роксоланы, Сиракины, Сарматы (Сирматы, Савроматы), Ясы, Ак-Асы, Ас-Аланы и Узы (Торки и Берендеи).

Религиозный ритуал Аланов отличался еще большей простотой, чем у Скифов. «В их стране не видно храмов или священных мест, хотя бы под соломенным навесом. Но по обычаю варваров в землю втыкается обнаженный меч и они почтительно поклоняются ему, как символу бога войны, главному божеству их страны.»

Археологи нашего времени обращают внимание на то,

что у Аланов «в единстве погребальной обстановки чувствуется относительное экономическое равенство».

Касаки, уйдя из сферы иранских культурных влияний в Закавказье, теперь оказались в окружении племен германско-скандинавских. С этого времени, на протяжении многих веков, они шествуют бок о бок с Аланами и Сарматами, о чем свидетельствуют их совместные погребения. Наряду с прежними названиями Узов и Касаков они приобретают имя скандинавского языческого бога Тора, становятся Торками и Ториатами, а в Приазовье и на Дону глубоко внедряются в жизнь Меотов, среди которых уже и тогда, вероятно, было не мало племен с древне-славянской речью.

Аорсы, Сираки и Аланы известны в истории также и под именем Савроматов или Сарматов.

По словам Прокопия Кесарийского Савроматами в древности называли также и Скандинавов, Готов и Вандалов. 2) Но Сарматы у Греков первоначально были известны, как Скифы. Следовательно, Савроматы или Сарматы были носителями двух, слившихся во едино, начал, скифского и скандинавского.

В V. в. до Р. Хр. греческий врач Гиппократ писал: «В Европе есть, отличающаяся от других, скифская раса, живущая около Меотийского озера. Имя ее — Савроматы. Савроматские женщины, пока они девушки, скачут на лошадях, стреляют из лука, бросают с коня копье и бьются на войне. Девушка по обычаю не выходит замуж до тех пор, пока не убьет трех врагов. Это традиционный священный ритуал, который она должна выполнить. После того, как женщина выйдет замуж, она ездит верхом только во время крупных переселений. Они не имеют правой груди, т. к. еще в младенчестве каждая мать выжигает ее девочкам накаленным до красна бронзовым инструментом, сделанным специально для этой цели. Они поступают так, предполагая, что после этого мускулы и сила при росте ребенка сосредоточатся в правом плече и в правой руке.»

Обычай выжигать правую грудь, чтобы она не мешала в борьбе, унаследован от Амазонок, которые по преданию проживали некогда в тех же местах и были прародительницами Сарматов. Воинственность же была общей чертой скифских женщин. Ктесий писал о Саках: «вообще, женщины у этого племени мужественны и делят с мужьями опасность войны.» 3)

Гиппократ говорит дальше: «Есть и такие Скифы, которых называют Номадами, потому что они не строят домов, а живут в кибитках на колесах. Меньшие имеют по четыре

колеса, а большие по шести. Они покрыты войлоком и внутри устроены как дома, иногда в две комнаты, а иногда и в три. Тут Скифы защищены от дождя, снега и ветра. Кибитку тянет два, три ярма безрогих быков.» 4)

Страбон тоже считал Сарматов Скифами, говоря: «На юг от Скифов жили Сарматы, которые также по происхождению Скифы, а за ними Аорсы и Сираки.» 5)

Кроме Аланов, Аорсов, Сираков и Сарматов историки упоминают на Северном Кавказе многочисленные племена Меотов, жителей Тамани, Кубани, берегов Азовского моря (Меотиды) и южного Дона. Эта область почти до X века новой эры тоже считалась Скифией. Нужно полагать, что Меоты жили в перемежку с Сарматами. По археологическим данным Сарматы пришли сюда позднее Меотов.

«Появление Сарматов (прежде всего Сираков, судя по письменным источникам) в Прикубаньи не нарушило дальнейшего развития местной более высокой культуры Меотов, приобретающей все больше и больше общесарматские черты», говорит один из русских археологов, «Проникновение Сарматов в Прикубанье не было катастрофическим для местного населения: очевидно Сираки, а затем Аланы, видя большие экономические выгоды для себя на богатых землях Прикубанья, постепенно здесь оседали, что привело в последние века до нашей эры к резкому увеличению поселений, которые начинали возникать уже в VI-V вв. до нашей эры.» 6)

Кубань и Меотида в то время были уже краем земледельческим, а благосостояние жителей еще увеличивалось от изобилия рыбы в реках и в сладких водах Азовского моря. Нужно однако иметь в виду, что расположение рек и береговая линия моря выглядели несколько иначе, чем теперь.

Вот что пишет о Земле наших отцов Страбон: 7)

«Двигаясь вдоль берега Меотийского озера, на расстоянии 800 стадий 8) от Танаиса, приходят к реке Большой Ромбит, где устроены большие рыбные промыслы для засолки рыбы. Еще через 800 стадий р. Малый Ромбит и коса, где промыслы поменьше. Люди, живущие около Б. Ромбита, пользуются для рыболовства прибрежными островами. Вблизи М. Ромбита и вдоль всего берега живут Меоты. Они земледельцы, но несмотря на это не меньше воинственны, чем кочевники. Они разделены на многочисленные племена и те, что живут ближе Танаиса, 9) совсем дикие, а те, которых земля граничит с Боспором, более цивилизованы.

От М. Ромбита до Тирамбе и р. Антикейтис 600 стадий; потом 220 до деревни Киммерион, откуда начинается пла-

вание по озеру. Двадцать стадий отсюда до деревни Ахиллеум, где есть храм Ахиллеса. Здесь наиболее узкий проход через устье Меотийского озера, около 20 стадий; на противоположном берегу деревня Мирмекия, ¹⁰⁾ а по ту сторону Гераклея и Парфениум.

Отсюда 90 стадий к монументу Сатира, который стоит на кургане, выступающем в море, как памятник одного из наиболее знаменитых владык Боспора». ¹¹⁾

О народах, населявших эти места, Страбон пишет: «Между Меотами имеются племена: Синды, Дандарии, Ториаты, Агры, Аррехи, Тарпеты, Обидакены, Ситакены, Доски и многие другие. К ним принадлежат также Аспургиане, живущие между Фанагорией и Горгией ¹²⁾ на протяжении 500 стадий».

К тому времени, когда Страбон перечислял племена Меотов, археология относит, обнаруженные на Кубани, погребения с конем, названные теперь торческими. Поэтому Ториаты, никто иной, как те же Торки только в начертании греческом. Тарпеты окажутся через много веков на Днепре вблизи города Саков, пониже Черкас. Это летописные Торпеи и Засаконцы. Вероятно, и Дандарии — предки черниговских Татран, о которых упоминает Слово о Полку Игореве.

Южнее Меотов располагались тогда прародители нынешних Адыгейцев, Абхазов и Черкесов. Они пришли на Черноморское побережье, повидимому, одновременно со Скифами и сохранили до наших дней предание о старой родине Шам (Сирии).

Страбон пишет о них: «После территории Синдов и города Горгии, уже при Эвксинском море приходит берег Ахеев, Зигов и Гениохов. Он по большей части высок и не пригоден для приставания судов, т. к. это часть Кавказских гор. Здешные народы живут с пиратских нападений на море. Их лодки с тонкими бортами узкие и легкие вмещают 25 человек, хотя по необходимости могут поднять и 30. Греки называют их *камарос*.» «Снаряжая флотилии из камарасов, они vyplывают против купеческих кораблей, делают набеги на соседние страны и захватывают чужие города. Таким образом они сохраняют господство на море. Иногда их поддерживают и владельцы Боспора, предоставляя в их распоряжении пристани, рынки сбыта и другие средства распорядиться добычей. И как только они вернутся в свою собственную страну, они не становятся на якоря, а берут камарасы на плечи и несут их в лес, туда, где живут и где обрабатывают скудную почву. Когда же приходит время но-

вого плавания, они приносят камарасы снова на берег. Они делают то же самое и в чужих странах, так как хорошо знают все берега. Тут они прежде всего прячут свои лодки и идут в глубь края дни и ночи, с целью захватить в плен людей. Но охотно предлагают освободить пленников за выкуп, уведомляя родственников тогда, когда уже находятся на море. В тех местах, которыми они владеют сами, т. е. там, где они управляются местными вождями, они приходят на помощь к каждому из своих, кто попадет в беду, отбивая назад камарасы, людей и имущество. Там же, где властвуют Римляне, они уже мало помогают друг другу, так как их вожди перестают об этом думать.

Такова жизнь этих людей. Они управляются вождями, которых название скептухи, но сами скептухи поданные тиранов или князей.»

- 1) Аммиан Марцелин. История Рима.
- 2) Прокопий. История воен, 111. 2. 2.
- 3) Гафуров, как выше, стр. 30.
- 4) Гиппократ, т. 1, гл. 17 и 18.
- 5) Страбон, 11. 2. 1.
- 6) К. Ф. Смирнов. Итоги и задачи изучения сарматских племен. Сов. Арх. XVII.
- 7) Страбон, кн. 11.
- 8) Стадия — 607 англ. футов или 182 метра.
- 9) Танаис — Дон и г. Азов.
- 10) Мирмекия теперь Еникале.
- 11) Боспор Киммерийский — Керченский пролив и государство того же имени.
- 12) Горгипия — Анапа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЦАРСТВО БОСПОРСКОЕ

Греческие колонии на берегах Черного моря. Их торговля с местным населением. Греки поддерживают Меотов — земледельцев. Образование Царства Боспорского. Его структура. Следы Славян на Боспоре. Влияние греческой культуры на варваров. Скифские вазы. Образ наших предков. Упадок колоний. Боспор просит помощи. Митридат IV Евпатор. Гибель Европейской Скифии. Борьба Митридата VI с Римом. Попытка Фарнака освободиться от власти Римлян. Поражение Фарнака. Римляне на берегах Черного моря и в наших степях.

На два или три века раньше грозного, но неудачного похода Дария, предприимчивые Греки без войны, пользуясь только своими торговыми способностями, начали мирное завоевание Понта Эвксинского, как в то время они называли Черное море.

Первыми здесь появились малоазийские Ионийцы. Почти все приморские города построены ими и только один Херсонес основан Дорянами.

В устье реки Днестра вырос город Тирас, у лимана Ю. Буга — Ольвия, в Крыму — Херсонес, Феодосия и Пантикапея (Керчь), на Дону, недалеко от моря, Танаис (Азов) и склад товаров Кремни, на Таманском полуострове — Цеппи, Германа и Фанагория, а южнее по берегу Черного моря — Горгия (Анапа) и Диоскурия (Сухум).

Так ближайшими соседями кочевой степи стали жители колоний, Греки.

Целью основания этих городов была торговля с местным населением. При их посредстве Греция получала необ-

ходимые ей продукты, а в то же время для изделий греческой ремесленной промышленности здесь открывались новые скифские рынки. На наших берегах выросла главная житница Эллинского мира.

Торговля со всем скифским севером оказалась очень доходным предприятием. Отсюда вывозились: хлеб, рыба, соль, шерсть, мед, воск, скот и рабы. Из Греции же сюда везли: оливковое масло, вина, ткани, предметы домашнего и кочевого обихода, оружие и произведения искусства.

Вначале греческие колонии были самостоятельными городами - республиками. С бывшей родиной, Грецией, они были связаны только торговыми договорами. Дела купли — продажи, которые колонии вели с кочевой аристократией Скифии, обеспечивало им мирное сожительство со степью. Поэтому и та часть туземного населения, которая взялась за производство хлеба, могла не бояться нападений степняков.

Население колоний стало быстро расти за счет оседающих на землю кочевников. Интересы торговли требовали увеличения продукции ходких товаров. Это повело к специальной поддержке земледелия, к повышению сельскохозяйственной культуры. В самую раннюю эпоху здесь уже знали употребление плуга. При усердной плужной обработке тучная урожайная земля давала хорошие урожаи. На рынках появлялось достаточно зерна для того, чтобы обеспечить Грецию необходимым хлебом.

На месте нынешней Керчи стоял крупный город Пантикапея. Господствующее положение над проливом Боспором Киммерийским, на путях в глубину Скифии, повело к быстрому росту его богатств и расширению политических влияний. В V в. до Р. Хр. Пантикапея стала столицей Царства Боспорского, союза соседних меотийских городов. Его власть признавали все поселения на Тамани и на восточном побережье Азовского моря. Зависели от Боспора также порты Танаис и Кремни в устьях Дона.

Царство Боспорское было особым типом торгового государства. Все его города — укрепленные склады товаров и крупные морские гавани. Отчетливых рубежей царства, северное, не существовало. Окружающая алано-сарматская степь была независимой и, относительно, мирной. Она давала постоянный и многочисленный контингент покупателей греческих изделий. Археология подтверждает повсеместное распространение их по Северному Кавказу. В свою очередь, степь доставляла боспорским купцам продукты скотовод-

ства и пленников — рабов. Здесь границы лежали, действительно, «на арчаке алаано-сарматского седла».

Боспор держал в своих руках контроль над движением греческих кораблей через пролив к Дону. В самом узком месте пролива, со стороны Тамани, было поселение Цепи. Оно указывает на возможное преграждение его стальными цепями, как это было принято после в Константинополе. Его

Беседа.

славянское название, Цепи, вместе с другими — Кремни и Бог, река, на которой стояла Пантикалея, указывает на распространенность в этих местах славянской речи уже до Р. Хр.

Степняки встречались с боспорскими купцами для сделок купли - продажи. Кроме торговых сношений их связи иногда сводились к военному сотрудничеству. Греки купцы предпочитали сложить охрану и оборону колоний в ру-

ки наемных отрядов. Даже в далекой Греции появились воины, называвшиеся «скифами» и выполнявшие охранную службу по городам.

Трудно теперь учесть результаты культурного влияния Греков на своих соседей. Ясно, что языческое мирозерцание древних Эллинов не способствовало смягчению нравов. Но привлекательная своей яркостью и разносторонностью, высшая по уровню, эллинская культура должна была проникать во все проявления духовной и материальной жизни кочевника. Боспорский рынок вводил в обиход примитивного еще общества много новых предметов. Таким образом, Греки выполняли в степи роль двигателей цивилизации. Это особенно заметно по произведениям искусства. Уже в самую отдаленную эпоху произведения греческих мастеров для скифского потребителя поражают тонкостью выполнения, изысканностью тем и линий. Все скифские сосуды и украшения, обнаруженные археологией, отличаются грацией орнамента и изяществом. А это значит, что упрощенная форма и примитивный рисунок, более дешевый в производстве, уже не удовлетворял покупателя «варвара». 1) Рынок был принужден доставлять ему те шедевры, которые сохранились к услугам исследователя в таинственном мраке погребений.

Степные курганы за последнее столетие доставили археологии изобилие различных показателей. Кроме указаний на подробности погребального обряда они дали образцы оружия, украшений, принадлежностей домашнего хозяйства и орудий ремесленного производства. Жизнь кочевников тоже служила темой для греческого искусства, а потому некоторые предметы воспроизводят и внешний облик жителей древней степи.

Для Казаков в этом случае особенно важны сосуды и вазы, названные в археологии скифскими. На них имеются изображения отдельных сцен из жизни степных обитателей.

На серебряной вазе, найденной близь Никополя в Чертомлыцком кургане, представлены группы с лошадьми. Способ, при помощи которого Скифы заставляли коня лечь, воспроизводится именно такой, какой сохранился до сих пор лишь у одних Казаков.

Золотая ваза из Куль — Обского кургана (близь Керчи) дает изображения воинов в разных положениях. Их костюмы, начиная от головного убора — башлыка, до казакина, широких штанов и обуви, являют первоначальный образец горско-казачьих одеяний нашего времени.

Фигуры людей на серебряной вазе, найденной в Воро-

неже, во всем схожи с куль-обскими, но у них чекмени и штаны больше расписаны узорами.

Вазы выполнены около V века до Р. Хр. По необычайному совпадению, все они найдены в местах, веками связанных с жизнью Казаков.

Вследствие большой доходности колониальной торговли, черноморские купцы извлекали из своей прежней родины, Греции, крупные капиталы в товарах и драгоценностях. Их новые поселения затмили богатством все старые города

Серебряный сосуд из скифского погребения под Воронежем.

метрополии. Но пришла эпоха Пелопонесских и Македонских войн. В течении IV и III веков старой эры Греция пережила власть Македонцев и оказалась под протекторатом Рима. Войны до конца подорвали благосостояние греческого потребителя и положили конец цветущей некогда торговле. В связи с этим ослабела и торговая связь со степью. Скифские племена, пользуясь слабостью колоний, причиняли им много беспокойств неожиданными нападениями. В начале первого века до Р. Хр. Пантикапея, не надеясь уже на собственные силы, обратилась за помощью к царю Понтуса, Фарнаку.

Фарнак владел значительной частью южного Черно-

морского побережья в Малой Азии. Он охотно помог боспорцам и совместно с их войском оттеснил Тавро-Скифов.

Эта помощь стоила, однако, Боспору независимости. Следующий царь Понта, Митридат IV Евпатор, низложил царствовавшую в Пантикапее династию Перисадов и от этого времени Царство Боспорское оказалось под властью понтийских государей, ветви персидского дома Ахеменидов.

Боспор перестал страдать от набегов кочевой степи. Митридат способствовал расширению его границ, росту торговых оборотов и общему процветанию благосостояния.

Под натиском войск Митридата кавказские Сарматы были вынуждены уйти за Дон. В связи с этим произошли крупные события в Европейской Скифии: жившие там раньше Сарматы, теперь, по словам древнего историка, «сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». 2) Остатки Царских Скифов скрылись в стенах своей крымской столицы, Неаполисе, недавно основанной на берегу реки Салгира.

Следующие столетия Сарматы оставались хозяевами европейской части черноморской степи и получили у Греков титул *Базилей*, что значит *Царствующие*. Племена Сарматов-Роксоланов занимали юрты между Доном и Днепром, а Сарматы-Языги дальше на западе. Приморские греческие города оставались от них независимыми. Танаис (Азов) сохранял принадлежность к Боспору, а в Ольвии тоже стоял гарнизон Митридата. Нужно думать, что и жители Меотиды не были безучастными свидетелями военных походов своего нового царя.

Но на долю внука Митридата Евпатора — Митридата VI, выпала многолетняя борьба с Римом. В результате трех войн (88, 82 и 74 гг. до Р. Хр.) он должен был покинуть свои владения в Малой Азии и искать убежища в Меотиде. Вслед за ним на Кавказе появились и Римляне, наследники оскудевшей Греции. В отчаянии от поражений и измены сына Фарнака, поднявшего восстание против отца, Митридат заколол себя кинжалом (63 г. до Р. Хр.). Понтийское царство было присоединено к римским владениям, Боспор же Римляне оставили под управлением Фарнака, в награду за его помощь.

Царь Митридат, родом Перс, будучи противником Греции и Рима, защищал государственные традиции древней Азии. Он восстал против преобладания Рима и погиб в борьбе с ним. Но в его время, когда Северный Кавказ был еще весь свободен от власти завоевателей, там укрепилось мест-

ное национальное сознание, появилось стремление не только сохранить независимость, но и разрастись в сильное государство.

Те же кавказские настроения сохранились при Фарнаке. Однако, преградою к возрождению боспорской независимости стояло могущество Рима, непреодолимое в то время. При первой попытке нового царя освободиться от чужеземной опеки, он был разбит Цезарем, который после этого выслал римскому сенату свое знаменитое донесение: «Пришел, увидел, победил!»

Римляне стали господами берегов Черного моря. Непокорными оставались только горцы Зиги, Ахайи и Гениохи, предки Адигейцев и Черкесов. Против них и на окраинах наших степей выросли римские крепости, которые берегли границы и безопасность движения по торговым и военным путям.

1) Варвар — человек, говорящий непонятно, бормочущий.

2) Диодор Сицилийский, 11. 3. 7. по Б. Н. Граков. Краткий очерк истории Скифов. МИА 36.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КАСАРОВЦЫ

Провинция Кэсарос. Касаровцы. Оседлые Торки — Ториаты. Основы казачьей народности. Казары — народ скифский, языка славянского. Славянский язык на Кавказе. Отсутствие у Казаров славянского своеобразия в быту.

В конце старой эры вся Римская империя была разделена на две административные части. Центр и близкие к нему, завоеванные раньше, уже мирные земли считались собственностью народа и государства. Они назывались **Провинциями Демоса**. В отличие от них, новоприобретенные и еще не замиренные берега Черного и Азовского морей принадлежали лично императорам и назывались **Провинциями Кэсарос** (провинциями кесаря). 1)

После завоевания Боспора и до момента восстановления там Римлянами власти прежней династии, в Пантикапее чеканились монеты с надписью — **К а й с а р и я**. 2) Это имя сохранялось здесь свыше тысячелетия. Еще в XIII веке путешественник Вильгельм Рубрукис писал об этой стране: «Греками, которые проживают там на берегу моря, она называлась Касария, что значит — Цезария». 3)

Меотов впоследствии тоже стали называть Касарами и Касаровцами и это их территориальное имя оказалось таким же устойчивым, как и новое название их края. У Днепровских Славян через тысячу лет оно претворилось в **К а з а р ы**, а еще и в XVIII в. Гребенские Казаки, рассказывая А. И. Ригельману о прежней жизни в Пяти Горах и у Голого Гребня, заметили, что тогда они назывались **К а з а р о в ц а м и** (Кажаровцами). 4)

Касаровцами стали одинаково и приморские племена и степные-прикубанские. Среди последних в это время уже находилась и часть перешедших к оседлости Торков. Самые ранние «погребения с конем», найденные там в могильниках оседлых поселений, относятся к III в. до Р. Хр. 5) Следовательно Торки начали уходить из кочевого быта около этого времени. Они селились на окраинах Меотиды. По выводам археологии, как раз «начиная с IV - III вв. до нашей эры, оседлое земледельческое население в Прикубаньи увеличивается за счет оседания части кочевых племен, живших в этот период в степной полосе. Кочевья кочевников сосредоточивались главным образом по течению степных рек, прорезывающих Кубанские степи с юго-востока на северо-запад, до Приазовской низменности. Таким образом, кочевники имели непосредственное соприкосновение с оседлыми племенами». 6)

Поселившись на берегах Кубани, Торки глубоко вросли в окружающую их жизнь Меотиды, общались и роднились с соседями, знакомились с их языком, но сохраняли прежний погребальный обряд. Первоначальное произношение здесь их имени указано у Страбона, как **Ториа ты**.

В слиянии Торков с коренным населением Меотиды и было заложено начало нашей, казачьей народности. Меоты еще пользовались частными племенными именами, но все вместе назывались Касаровцами, Касарами, считались народом скифским, потому что, начиная от Торков, вобрали в себя немало скифских осколков и, очевидно, вместе с ними присвоили скифское имя **Касаки**. Они передали его потом по наследству своим потомкам, Казакам Азовским, Казакам Гребенским и Казакам - Черкасам.

Скифия, как государство, после сарматского погрома, сохранилась только в Крыму, но ее именем соседи продолжали называть те же земли, что и раньше. В связи с этим, народы, оставшиеся здесь, так же, как и те, что пришли сюда в последствии, по старой традиции именовались Скифами. Это имя в представлении Греков и Римлян стало общим для всего населения Северного Черноморья. Его, дольше, чем к кому либо другому, применяли к жителям Касарии. Греческие хроники знали Скифов-Казаров. В XI веке русский летописец тоже считал Приазовье Скифией, когда писал: «Придоша от Скуф, рекше от Козар, рекомии Болгаре и седоша по Дунаеви». 7)

На основании древних свидетельств **Российские Четьи Миней** утверждают, 8) что жители Приазовья, «коих Греки Козарами, Римляне же Газарами называли,

был народ скифский, языка славянского, страна же их была близь Меотического озера».

Из этого следует, что Касары пользовались языком славянским.

Славянская речь, вне всякого сомнения, в древние времена звучала и на берегах Азовского моря. Некоторые русские и польские историки не без основания считали, что она занесена туда в период общего переселения Славян в Европу из их азиатской прародины. ⁹⁾ Современная археология прилагает старания для того, чтобы вопрос о пребывании племен «славянского языка» на Дону и в Меотиде получил должное освещение. Однако, общих с восточными Славянами показателей: погребений с обязательным сжиганием трупа или предметов, характерных для славянских городищ, украшений, домашней утвари, оружия, при раскопках на казачьих землях не обнаружено, да, пожалуй, и никогда не будет найдено. Ведь славяноязычное население Северного Кавказа оторвалось от других Славян еще во времена доисторические. Десятки веков его культурное развитие шло по своим особым путям. В результате исчезали общеславянские черты сходства, а возникало и множилось различие. Одновременно приобретались общие свойства с разнотропными и разнотропными степными и приморскими соседями. Резонно замечает один из русских историков, что даже у Казаков - Бродников не могло сохраниться «славянское своеобразие», так как они в степи приобретали особенные свойства. «Если бы археологи, говорит он, стали сопоставлять саманные дома Донских Казаков, их, характерный для степняков, костюм и обилие оружия с материальной культурой крестьян бывшей Курской или Орловской губ., то, очевидно, признали бы их разными народами, хотя по диалектологической карте и те и другие отнесены к одному диалекту». ¹⁰⁾

Отдельные исторические пути создают обособленные черты материальной культуры, особые мирозерцание и психологию, даже особенный физический тип, основные различия, при которых общность в языке отходит на задний план.

Археология, все же, обнаружила в таманских находках сходство с некоторыми особенностями в культуре Северян, прежних обитателей Северского Донца. «Это относится к облику поселений, говорит русский археолог, к типу жилищ - землянок, совсем не похожих на наземные глинобитные жилища южных восточнославянских племен (днепровских, Г. Г.), к формам утвари, в частности к глиняной посуде, изготовлявшейся прищельцами от руки, без помощи

гончарного круга, к курганному погребальному обряду, непохожему на погребальный обряд южных племен и др.». 11)

Но это не значит, что Меото-Касары произошли от Северян и ушли некогда от них из Северщины на Тамань. Северяне сами пришли на Донец, Десну и Сулу с юго-востока. Меоты «славянского языка» могли быть просто их кочевыми соседями, отставшими по пути. Отсюда общие степные черты, отличающие тех и других от остальных Славян.

С того времени, как археология начнет изучать Меото-Казаров вне обще-славянской орбиты, можно будет ожидать от нее более точных данных.

Пока же мы, Казаки, должны довольствоваться формулой, предложенной на основании греческих источников Четъи Минеями: «Козары были народом скифским, языка славянского, а страна их лежала близ Меотийского озера.»

Тем более, что это убедительное показание найдет неоднократное подтверждение в более поздних материалах.

1) Страбон, 17. 3. 24.

2) А. Н. Зограф. Описание монет, найденных при раскопах Тиритаки и Мирмекия. МИА 25.

3) Дневник брата Вильгельма Рубрукиса.

4) А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой России.

5) Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА 23.

6) Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА 23.

7) Повесть временных лет, стр. 14.

8) А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой России.

9) П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 252; А. Нарушевич. История народа польского.

10) Б. А. Рыбаков. Древние Русы. Сов. Арх. XVII, стр. 62.

11) П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 259.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДУХ ЭЛЛАДЫ

Культура Эллинов. Эллинизм на Боспоре. Проводники его в Меотиде. Эллинская вера. Культ Афродиты Обманщицы. Почему Обманщица. Поселения Меотов. Меоты землеробы. Меоты рыбаки и мореходы. В своем царстве.

Царство Боспорское по составу населения было страной полуазиатской. Три четверти его жителей, Меоты, хотя и оседлые, вначале по образу жизни мало отличались от своих кочевых соседей. Греки, основатели торговых колоний, построили среди них города со складами товаров и, вместе с предметами широкого потребления, понесли в нашу степь просвещенный дух Эллады, первоначальной родины греческих колонистов.

Эллада, страна Эллинов, уже задолго до Рождества Христова отличалась необычайным расцветом цивилизации, а в мире духовных достижений стояла на первом месте в свете.

Свыше тысячи лет перед началом новой эры уже существовала греческая письменность. Из века в век создавалась красочная литература о человеке и его богах; в IX в. до Р. Хр. Гомер творил бессмертные эпопеи Иллиаду и Одиссею; в V в. до Р. Хр. Геродот написал свои замечательные Истории; в III в. до Р. Хр. на греческий язык была переведена Библия; цвела пышным цветом греческая поэзия; музыкой и пением полны были не только религиозные торжества, но и ученые диспуты; гений изобразительного искусства проявился в скульптуре и ваянии, не превзойденных до сего времени. Двадцать пять веков тому

назад в языческом мире титаны греческой мысли провозглашали единобожие и сродные христианству устои божественной морали. Так возникли основы философии, неувядающие образцы классической мудрости. Теоретические знания: физика, математика, медицина, историософия, стояли на неизмеримой высоте.

Вместе с подвижными и предприимчивыми Эллинами — Греками шли по свету их язык, науки, произведения искусства, ремесленные изделия. Греческие религиозные верования, облеченные в формы поэтической мифологии, ширились по всему окружающему миру. Геродотовы Скифы и те создали своих языческих богов по греческим образцам.

Царство Боспорское было отраслью эллинского мира. Эллада влекла его на свои культурные пути. Да и не только его. Те же влияния шли от нее на всю Малую Азию. Члены династии Ахеменидов, Митридатy, несмотря на персидское происхождение и горячий патриотизм, пришли на наши берега полностью эллинизированными. Они носили греческие имена, поклонялись греческим богам, вели жизнь по греческим обычаям и повседневно пользовались греческим языком.

Творцы красочной и разносторонней цивилизации, Греки сами были проводниками ее на земле наших предков. Эллизм, заманчивый по внешности и блестящий по духовному содержанию, покорял сердца и души встречаемых народов. Что при встрече с ним могли противопоставить ему скромные рыбаки и землеробы Меотиды? Их быт насыщался греческими товарами от художественной застёжки, ткани или кухонного горшка до секиры, плуга и серебряной вазы. Их речь стала изобиловать оборотами и акцентами греческого языка. Во всех проявлениях их жизнь постоянно соприкасалась с большой культурой Эллинов, она приближала их и к крупным духовным откровениям. Не удивительно, что среди Меотов господствовали эллинские верования.

Начиная от VI в. до Р. Хр. особым почитанием у жителей Меотиды пользовалась греческая богиня плодородия, Афродита Апатура. Ее святыни возвышались в Танаисе на Дону, в Германасе, Фанагории и Синдикe на Тамани и в Горгиипи (Анапе) на берегу Черного моря. Здесь в Приазовье царил ее культ.

Страбон сообщает распространенный среди Меотов миф о происхождении эпитета *А п а т у р а*. Он, как будто бы, означал по гречески «обманщица». Но это обманщица особого рода. Вообще, Афродита считалась богиней строгих нравственных правил, она не любила проявлений низменной

чувственности. Рассказывали легенду, что на нее когда то напали огромные люди, Гиганты, с дерзкими и недвусмысленными требованиями. В ужасе она призвала на помощь Геркулеса. Но Геркулес, герой и полубог, не был в состоянии бороться сразу с несколькими великанами. Поэтому богиня притворилась податливой и только потребовала, чтобы Гиганты приходили к ней в пещеру поочередно. Тут Геркулес и расправился с ними по одиночке. 1)

Миф об Апатуре происхождения чисто боспорского. «Повторений или вариантов его в других местах античного мира мы не знаем», говорит один из исследователей вопроса. 2) Это, во всяком случае, сохранившийся до нашего времени и, может быть, единственный продукт местного меотийского творчества.

В нем чувствуются и чисто скифские мотивы: Геракл считался родоначальником Скифов и, как такового, народное воображение посылает его на помощь любимой богине в роли защитника целомудрия. Строго-моральная фабула легенды отражает нравственный уровень ее создателей.

Центром культа Афродиты Боспорской была Фанагория. Отсюда он распространялся, главным образом, по азиатской стороне Боспора. Моряки почитали ее в качестве Верховного Кормчего.

Упадок почитания Апатуры совпадает по времени с распространением в Крыму и на Кавказе Христовой веры.

По всей Меотиде Касаровцы жили в многолюдных поселениях. Для защиты от сарматских набегов они окапывались высокими валами. Дома были низкие полу-землянки, подобные теперешним летним кухням в станицах на Кубани и на Дону. В степном краю лесов было мало. Доставка дерева или камней издалека связывалась с большими трудностями. Зато, два строительных материала имелись в изобилии: глина и камыш. При помощи их и сооружались жилища наших предков.

До пояса дом был вкопан в землю. Несколько вербовых столбов с перекладинами, немного балок на крышу, это все, что требовалось для основы строения. Остальное дополнялось вязками камыша. Когда камышевые стены и крыша были уложены, они обмазывались с двух сторон глиною. Жилище получалось огнеупорное, сухое и теплое. Здесь, у простого глинобитного очага, при скудном пламени нефтяного светильника, собирался на отдых семейный круг наших предков.

Территория Боспора на востоке уходила далеко в степи. На Кубани, там, где теперь расположена станица Елизаветинская, в то время высилось боспорское укрепленное поселение и склад товаров для торговли с Сарматами и Аланами. Тут же вдоль Кубани проживали оседлые Торки — Ториаты. Они, как и другие удаленные от моря Меоты, занимались земледелием. Сеяли здесь в изобилии пшеницу, ячмень и просо. Росла в диком виде и засеивалась конопля, волокна которой шли на производство грубых тканей.

Тягловой силой служили быки или низкорослые кони. Плуги строились по греческим образцам из дерева. Уборка производилась серпами. Предполагается, что Меоты молотили зерновые хлеба прогоняя по току лошадей или же при помощи особой молотильной доски со вделанными в нее кусками кремня. Муку молотили ручными жерновами. 3)

Для хранения зерна копались ямы. Они ничем не отличались от принятых еще недавно в хозяйствах по Дону и по Кубани. Выкопанные в глинистом грунте по форме узкогорлого кувшина, они обмазывались внутри, а иногда и обжигались, после чего сохраняли в целости насыпанное в них зерно.

Женщины пряли нити из шерсти или конопли, а матери ткали на простых вертикальных станках. Тонкие и дорогие ткани привозились из Греции.

Из домашних животных разводили лошадей, коров и овец.

Постоянным занятием приморских Касаровцев с незапамятных времен было рыболовство.

Азовское море и Нижний Дон изобиловали рыбой. Рыбачьи катера Меотов осадистые и быстроходные под косыми парусами резали волны своих вод в поисках рыбьих лавин, забрасывали и тянули невода и возвращались к берегу, нагруженные до бортов жирной сулой и серебристой сельдью. Купцы Греки ожидали их у своих промыслов, где были сооружены большие каменные ванны для засолки, а навесы — для сушки рыбы.

Безкостые и икраные осетры и севрюги, сула, сазан, керченская селедка, сладководная рыба из Меотийского озера и Дона ценилась во всех видах: соленая, вяленая, сушения. От промышленников ее забирали приезжие купцы и везли на кораблях через Черное море к себе в Элладу.

Боспор был государством береговым и морским в полном значении этого слова. Все его население жило интере-

сами заморской торговли и связанного с нею мореплавания. Все были заняты производством и добычей наиболее ходких экспортных товаров, хлеба и рыбы. Боспоряне имели крупный рыболовный и торговый флот. Его обслуживали греческие и местные, меотийские, моряки. Поэтому Касаровцы, кроме своей родной «Меотийской лужи», хорошо знали и широкие воды Понта Эвксинского.

Рядом с Меотами за Кубанью, вдоль гористого побережья, проживали смелые воины и не менее опытные мореходы: Зиги, Ахайи и Гениохи. Они оставались вне зависимости от Рима, а море лежало перед ними во всю ширь. Окружающая природа — высокие горы и суровые скалы — не располагала к мирному труду и потому главным средством их пропитания служил захват купеческих кораблей или набеги на соседние страны.

Постоянный пример корсарства не увлек, однако, Меотов на ту же дорогу. Страбон считал их народом воинственным «не менее кочевников». Но, живя в своем царстве, не было нужды прибегать к добычничеству. Мирный труд покрывал с избытком все насущные нужды, а воинственность находила применение во время дальних плаваний, когда моряки должны были охранять корабли от неожиданных нападений соседних горцев.

Больше пяти веков, до прихода Римлян, Меоты пользовались благами независимой и обеспеченной жизни. Даже после падения местной династии Перисадов, когда власть оказалась в руках Ахеменидов, Боспор оставался своим государством, а Митридатy и их потомки сделались своими государями.

И теперь, когда боспорские цари примирились с зависимостью от Рима, в жизни Меотиды не произошло никаких больших перемен и ломок. Римские императоры не вмешивались особенно в дела своих провинций, лишь бы своевременно вносились полагаемые денежные сборы да не поднимались восстания против завоевателей. Не сменяли они и покорившихся им прежних властителей страны. «Цари, династии и декархи имеются теперь и всегда были в части Кесаря», говорит Страбон. 4)

Таким образом, в новой Кесарии оставалась царствовать прежняя династия со старыми кадрами управления. Торгово-промышленные дела так же, как и раньше, вели по преимуществу Греки. На долю прежних Меотов, а теперь Касаровцев, главной массы населения Кесарии, выпадала неизменно-трудовая жизнь рыбаков, мореходов и землеробов.

Так жили наши предки в то далекое время, когда приморские племена «языка славянского» повстречались и слились в одних государственных границах с чисто-скифскими родами, осевших на Кубани, Торков.

1) Л. П. Харко. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском. КСИИМК XIII.

2) Там же.

3) Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА 23.

4) Страбон 17. 3. 25.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МОРСКИЕ ПОХОДЫ

Ослабление Рима. Остготы. Низложение Рискупорида V-го. Царь Фарсанз помогает Остготам. Морской набег на Питиунт. Скифы громят берега Малой Азии. Касаровцы участвуют в морских походах. Боевой опыт. Пленники — христиане. Проповедь христианства. Крымские иерархи. Окончательное падение Царства Боспорского. Митрополиты Томитаны.

В начале третьего века новой эры владычество Рима над Боспором приняло формы союзных, федеративных, отношений. Империю потрясали внутренние кризисы; войны с Германцами и Персами стоили большого напряжения сил и часто кончались неудачами; непрерывно требовались пополнения и подкрепления на главных фронтах. Поэтому из Боспора были отозваны римские гарнизоны, а охрана со стороны беспокойной степи вернулась в руки самих боспорян.

Боспорская династия, после двухвекового сожительства с Римом, пользовалась доверием императоров, которые не только дарили царей своей дружбой, но и посылали им ежегодные дары. Однако из за этой дружбы цари теряли популярность у своих подданных. Появились угрозы насильственных переворотов, тем более опасных, что и внешняя обстановка сильно усложнилась в связи с теми переменами, которые произошли на землях бывшей Европейской Скифии. Не стало Сарматов, привычных соседей на северо-западе, а на их месте появились, пришедшие с берегов Балтийского моря, Готы. По скандинавской крови Готы были родственниками Аланов и понимали их язык. Сарматов они

изгнали и заняли кочевья в нижне-днепровских степях. Зато, встретившись на Дону с Аланами-Танаитами, они до конца IV века мирно делили с ними господство в Северном Черноморьи.

Историки различают восточных Готов или Остготов и Готов западных или Визиготов. Но по той причине, что пришельцы обосновались на землях древней Скифии, Греки, вскоре после появления здесь Остготов, присвоили им общее для всего местного населения имя Скифов. Хроники их нападений на Римскую империю, написанные Дексипом, озаглавлены «Скификой».

Берега Черного моря до начала третьего века охраняли Римляне. Всякое стремление степняков прорваться к открытому морю встречало сопротивление береговых опорных пунктов. После же ухода римских гарнизонов, охрану торговых и морских путей взяли на себя города - колонии, а в наиболее значительной степени — Царство Боспорское.

Первое время не могли быть успешными и попытки Остготов нарушить береговую линию тем более, что в их распоряжении не имелось сколько либо внушительного флота. Только после того, как в Касарии был низложен представитель старой царствующей династии Рискупорид V, а престол на время захватил новый царь Фарсанз, готские вожди получили его согласие на пропуск их в Черное море.

В 253 году они совершили первый морской набег на отдаленную римскую крепость Питиунт в Абхазии. Остготы были прирожденными мореходами, но Черное море еще знали плохо. Им помог Фарсанз, давший необходимые для переправы суда. Боспоряне участвовали в предприятии лишь в качестве морского экипажа-судоводителей. Они доставили Готов к стенам крепости и возвратились в свои порты.

Остготы Питиунта не взяли, принуждены были добывать на побережьях Абхазии корабли для обратного пути и понесли большие потери. Однако в следующем году они снова выбрались в морской поход по тому же маршруту.

Теперь вместе с ними шли и Меоты на своих судах. «Скифы» легко овладели Питиунтом, уничтожили в нем римский гарнизон и направились к берегам Малой Азии. Они осадили Трапезонт и через некоторое время его взяли. С огромной добычей в сокровищах и живом ясыре они возвратились назад триумфаторами. 1)

Но вскоре после этого, свергнутый Рискупорид, вероятно, при помощи Римлян изгнал Фарсанза и восстановил свою власть над Боспором. 2) Походы через пролив при участии Меотов на некоторое время стали невозможными.

Тогда Готы повели их вдоль западного берега, мимо Дуная, а целью нападений сделались Византий и другие греческие города.

Между тем Касария, судя по данным нумизматики (перерывам в чеканке монет) и свидетельству греческого историка, переживала повторные моменты насильственной перемены правителей. Когда царствовали представители старой династии — друзья Рима, то они, при поддержке римских солдат и флота, препятствовали морским походам Скифов. Когда же к власти приходили их противники, походы через Боспор начинались снова.

Об одном из таких случаев пишет и историк Зосим: «Когда у них царская власть переходила от отца к сыну, то по дружбе с Римлянами, из за торговых выгод и посылаемых им каждый год даров, они преграждали путь Скифам, желающим переправиться в Азию; когда же после гибели царского рода к власти пришли некие неблагородные и негодные люди, то из страха за себя они открыли Скифам проход через Боспор в Азию и дали им для переправы свои суда. 3)

В один из годов «после гибели царского рода», вернее всего в 268 или в 269 году. 4) Готы с племенами Меотиды и Крыма снова предприняли совместный поход к берегам Малой Азии. Теперь они не ограничились опустошением береговых городов, но выслали крупные отряды далеко в глубь материка. «Скифы» прошли с войной по окраинам Каппадокии и через Галатию и Вифинию снова вышли к морю вблизи города Гераклеи. Здесь они были приняты на суда, следовавшие во время их сухопутного похода вдоль морского берега.

Инициаторами первых далеких походов были Остготы. Меото-Касаровцы, принимая в них участие, приобретали опыт в ведении крупных морских сражений, они научились вести бой на походе, «прикрываясь обозом», 5) узнали готские способы штурмов укрепленных городов. Этот опыт впоследствии пригодился их потомкам. В III веке нашей эры начался цикл смелых походов на берега Малой Азии. закончившийся только в XVII в. казачьими морскими предприятиями.

Скифские морские походы имели прямым следствием появление в Меотиде большого числа пленников, живой добычи. В Малой Азии, откуда их приводили, в то время была уже широко распространена Христова вера. Пленники, остававшиеся иногда надолго среди Касаровцев, нераз слу-

жили проводниками идей христианства между ними, тем более, что они находили здесь подготовленную почву.

Впервые Христово Слово прозвучало в Приазовье из уст апостолов Андрея Первозванного и Симона Зилота. В половине первого века они прошли с юга вдоль морского берега, достигли Кубани и просвещали проповедью население Таманского полуострова. Потом апостол Андрей переправился в Крым, побывал в Феодосии и, по преданию, посетил берега Днепра. Апостол Симон остался учительствовать на Кавказе и протерпел смерть от руки язычника.

Во втором веке многочисленные исповедники Новой Веры появились в Грузии, а уже в четвертом — христианство стало там государственной религией. Во втором и в третьем веках в Крым назначались епископы Скифии и Готии. Епископы же Боспора Киммерийского известны от начала четвертого.

Однако в результате внутренних неурядиц и готского нашествия Царство Боспорское пало, просуществовав почти десять веков. 6) Последним его царем был Рискупорид VI. В 333 году крымской стороной царства уже владеют Готы, которые подлежат от этого времени духовному руководству епископов Готии. Кавказская сторона павшего Боспора имела своим духовным главой митрополита Томитанского, т. е. митрополита Томи и Танны. 7) Томи, это город на Тамани, а Тана, греческое название Дона. Следовательно, Приазовье тогда называлось и Томитаной, но это имя сохранилось только в церковных актах и не вытеснило предшествовавшего — Касарии.

1) А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом. Стр. 88 и сл.

2) А. Н. Зограф. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия. Стр. 369.

3) А. М. Ременников, как выше, стр. 85.

4) Там же, стр. 109, и А. Н. Зограф, как выше.

5) А. М. Ременников, как выше, стр. 119.

6) Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 438: «В III веке н. э. ослабевшая Римская империя оказалась не в состоянии осуществлять свой контроль над Причерноморьем. Конец почти тысячелетнему существованию Боспорского Царства положили Готы».

7) Сведения о церковных иерархах в Крыму и на Боспоре позаимствованы из редкой теперь книги: Д. М. Струков. Древние памятники христианства в Тавриде.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В ГОРАХ КАВКАЗА

Начало Великого переселения народов. Гунны. Разгром Аланов. Горы — убежище от азиатских орд. Касаровцы в горах. Горские соседи. Казария основана Касаровцами. Казарские каганы. Отход Касаровцев от эллинской культуры. Где были кочевые Торки.

Земля наших предков никогда не отличалась мирным спокойствием. Она лежала прямо против открытого Урало-Каспийского прохода из Азии; ее равнинность, изобилие рек и тучные пастбища всегда привлекали к себе кочевников-азиатов. Но в том случае, если на Волге и на Дону господствовали народы сильные и объединенные, они противодействовали попыткам нашествия и никому другому не уступали своих мест.

Аланам, многовековым хозяевам Поволжья, Танаиды и большей части Северного Кавказа, тоже удавалось около пяти столетий сдерживать напор Азии. Но за пять веков во многом изменился внутренний состав аланского общества. От сочетания их со Скифами, кроме Сарматов и Роксоланов, которых Страбон называет то Германцами, то Скифами, образовались и другие Скифо-Аланы, как Ясы, Торки, Берендеи, часть Меотов и др. Новые народы, хотя и родственные Аланам, разрастаясь, следовали по пути своих частных интересов. Они покидали аланское содружество, а уходя не раз уводили с собою и коренных Аланов. Народ уменьшался, слабел и терял силу сопротивления.

Поэтому то в 375 г. по Р. Хр., когда из Азии нахлынули неисчислимые массы свирепых Гуннов, Аланы не были в состоянии остановить их у своих заволжских границ. При

попытке противодействия азиаты, как грозный ураган, смели их со своего пути. Современник события, Аммиан Марцелин, записал: «Гунны заняли территорию Аланов, которых обычно называли Танаитами, многих ограбили и убили, а переживших присоединили к себе, как союзников». 1)

Азиатские орды шли вперед, уничтожая по пути всех непокорных. О сопротивлении им нечего было и думать. Когда они приближались, местные народы должны были широко расступиться и уходить подальше в сторону от широких путей переселения. Иначе побитые и обобранные они захватывались непреодолимым течением людских масс и пропадали навсегда в чужих западных странах. Только тот избежал смерти и утона, кто своевременно скрылся за преградой пространства, болот, лесов или гор.

Значительной части аланских племен тоже удалось скрыться в горах за Терекком. Здесь их еще в VI веке считали многочисленным и сильным народом. В то же время главные кадры Остготов удалились с Днепра на юго-запад к Балканам, а некоторые укрылись за стенами городов в Крыму. Равнинные жители Касарии нашли себе убежище в Кавказском горном хребте.

Выводы археологии показывают, что на Кавказ отступило значительное количество степных племен, которые заняли места среди родственного им населения гор и Предкавказья. «В связи с этими событиями, говорит археолог, вероятно, стоит обилие археологических памятников этого периода в Предкавказьи и в горах Северного Кавказа, свидетельствующие о многочисленности населения здесь в этот период.» 2)

Приазовье и Кубань лежали несколько в стороне от главных путей движения азиатских орд. Жители Меотиды имели достаточно времени для того, чтобы узнать об опустошениях и гибели, которые несли с собою Гунны, и своевременно приготовиться к отходу. Кроме того у Касаровцев было в распоряжении много рыбацких судов, а на воде они делались недосыгаемыми для сухопутных азиатов. Море и горы помогли им спастись от гибели. Они явились за Кубанью, очевидно, во множестве.

Само собой разумеется, что Касаровцы должны были здесь сразу же установить хорошие отношения с местным населением, должны были также привыкать к особенностям горской жизни и общими силами отражать попытки Гуннов проникнуть к ним в горы.

Население Кавказского хребта в то время, как и теперь, состояло из большого числа разноплеменных и разноязычных народов. Поблизости к Черному морю Зиги, Ахайи

и Гениохи были объединены в крупный союз горских племен; за ними шла Казахия, лежавшая в центре Кавказа на южных склонах. Тут проживали Касаги, Меланхлены (по греч. Черные плащи) и остатки населения бывшей Сакасены. С противоположной стороны горного хребта, между его северными склонами и рекою Тереком, сосредоточились, отступившие сюда из степей, Аланы, которым принадлежали и Каспийские Ворота, редко заселенная приморская часть Дагестана.

Никто из географов не вспоминает в этих краях имени Казаров или Хазаров. Его принесли сюда, по всем видимостям, Касаровцы. Казарское царство, Хазария, возникло здесь, несомненно, в связи с их приходом после нашествия Гуннов. Они прожили тут со своим именем все шесть веков существования империи. Остальные народы ее населяющие в исторических памятниках чаще называются не Казарами или Хазарами, а по своей племенной принадлежности. Упоминаются Аланы, Турки, Сакалибы, Белые Угры, Болгары, Саксины, Славяне, Евреи и др. И если до образования империи кроме Касаровцев с подобным именем никто не встречается ни в Европе, ни в Азии, то и после того, как Хазария перестала существовать, кроме Приазовья (древней Касарии), нигде не осталось никого, кто бы еще сто лет назывался Казарами.

Греческие и русские летописи отождествляют Казаров со Скифами. Из их записей следует, что Казары это скифский народ, живший на берегу Азовского моря, и что там в Меотиде был их последний оплот. Только тут после падения Хазарской империи еще долго сохранялось ее имя. 3) (См. главу пятую).

Очень знаменательно также и то обстоятельство, что жители Хазарии, оставшиеся после ее окончательного разгрома на берегах Волги, назывались Болгарами, Саксинами, как угодно, но не Казарами. 4)

Из всего этого следует, во первых, что Казарская империя, Хазария, как ее часто называют, была наследницей Касарии, и по населению, и по имени; во вторых, что Касаровцы в горах стали главными организаторами этого нового государства и, в третьих, что главной объединяющей силой в государстве, главными ее кадрами, были те же Касаровцы. Они присоединили к своему новому царству обширные земли вместе с их населением.

Аналогию национальных взаимоотношений Казарии, можно найти в современности. Она кроется в недавней жизни Австрийской империи. Так же, как и Касария (Цезария), имя «Австрия» не обозначало государства австрийской на-

ции. Это Остерайх, Восточная империя, рамки политического объединения нескольких народов вокруг германских кадров. В австрийских границах проживало много народов: Германцы (Немцы), Венгры, Сербь, Чехи, Словаки, Поляки, Украинцы и др. Все они были австрийцами, но после развала империи вернулись к своим родовым национальным именам. В Австрии остались одни Германцы, но пока, существует хотя бы маленькая Австрия, или только память о ней, эти Германцы будут называться Австрийцами.

Так же точно и Казаровцы: это имя принадлежало им до того времени, пока сохранялась память о Касарии и Казарии. В XVIII веке Гребенцы на Тереке еще помнили, что они когда то назывались Казаровцами (Кажаровцами). Теперь у нас в народе это название уже забыто.

В истории не осталось никаких данных о возникновении мощного политического объединения, Казарского Каганата. Нет единодушного мнения и о роде господствующего там племени. Некоторые предполагают в них Тюрк; еврейские источники считают главным народом в империи Скифов — Агатырсов. ⁵⁾ Английские ученые думают, что это были Черкасы. ⁶⁾

Последнюю точку зрения можно считать самой обоснованной, потому что Черкасы более позднее территориальное имя потомства Меото-Казаров.

Таким образом, положительных указаний на непосредственную обстановку образования Казарии в истории не имеется. Это принуждает к особенно внимательному пересмотру обстоятельств, предшествовавших ее появлению, обстоятельств, вызвавших ее к жизни.

Как известно, Меотида стала называться Касарией с приходом туда Римлян. За четыре века римской власти ее жители приобрели обобщающее имя Касаровцев. Однако и Касаровцы не были однородной средой. По Страбону известно, что там было множество разных племен, каждое со своим отдельным именем. Если между ними были племена «языка славянского», то должны были встречаться и Туранцы скифской крови. Иначе бы их всех не стали называть Скифами. Именно такой сплав племен стал называться Касаровцами.

Под натиском Гуннов приморские и равнинные Скифы — Касаровцы ушли туда, где еще жили остатки Скифов горских. То есть, та среда, в которой им предстояло жить, не могла считаться совсем для них чужой. Вместе с тем, уходя в горы, они должны были нести с собою идею своего

древнего Царства на Боспоре. Боспор не был образованием случайным и кратковременным. Его тысячелетний образ, образ блестящего, богатого средствами классического государства, запечатленный в душах его жителей, не мог сразу исчезнуть из памяти. Десятки поколений прожили там спокойно и обеспеченно, наблюдая расцвет благосостояния и благоустроенность своих городов и поселений. Теперь родные очаги со всеми их материальными достижениями пришлось покинуть. Касаровцы несомненно пришли в горы с ненавистью к врагам-завоевателям и с тоскою по Родному краю, привычному государственному ладу и порядку. На новых землях они оставались все тем же населением своего царства в почти полном составе, оставались цельным политическим обществом, готовым возродиться в любых государственных границах на любой территории.

Как им удалось создать новое управление, кто были их первые цари-каганы, как они подчинили их власти окружающие народы, пока остается тайной. И, однако, через столет после выхода из Приазовья, они появляются на арене истории во всеоружии политической организованности. Теперь они обосновались между Каспийским морем и рекою Сулаком в Северном Дагестане, в местности, которой суждено было стать первоначальным центром огромной империи, идейной наследницы Касарии и Царства Боспорского.

Очевидно, главная роль в деле образования Казарии принадлежала Касаровцам. Их новая столица, Семендер (Тарки или Торки), ⁷⁾ известна своим богатством и целыми полями виноградных садов. Кажется, никто бы не смог так быстро развести здесь благородную лозу кроме Казаровцев, у которых раньше на Боспоре уже много веков процветало промышленное виноградарство и виноделие.

Своих первых правителей и военачальников — каганов Казары нашли, по всем видимостям, в одном из царских родов местного кавказского племени. Имя первого, известного истории, кагана, Зибель, носит полностью скандинавский характер. Могло оно выйти из среды Аланов, жителей Казарии. Опираясь на сильных своей организованностью Казарах, каганы могли сделать многое, да многого и достигли, ставши вскоре владыками огромной и богатой империи.

Так представляется картина возникновения Казарской империи по тем скудным данным, коими располагает история.

Касаровцы сохранили в новых местах навыки организованного общества, но долгое пребывание в горах имело последствием потерю многих культурных достижений эпо-

хи близкого сожительства с Эллинами. Раньше они вели оседлый быт, знали плужное земледелие, виноградарство, ремесла, промышленную заготовку рыбы, торговлю и парусное мореходство; имели знакомство с греческой письменностью, широко распространенной по их краю; если не были еще христианами, то, по крайней мере, не чужды им были основы Новой Веры; имели перед глазами благоустройство своих городов, содержащихся, по данным археологии, в большей чистоте и порядке, чем многие из современных нам городов Восточной Европы. Участвуя в дальних плаваниях на своих и греческих торговых кораблях, Касаровцы были знакомы и с жизнью мировых культурных центров.

Эллада преподносила им готовые формы греческой цивилизации. Воспринимая их, Касаровцы легко опередили в развитии все соседние степные народы. Некоторые старые образцы они использовали, создавая новую Казарию. Но теперь, оторванные от привычной трудовой жизни, от богатых рынков снабжения, от живого слова христианской проповеди, массы должны были все больше отказываться от привычек оседлого благосостояния. Непрерывная война, боевая самозащита, тоже не способствовала смягчению нравов. За столетие пребывания в горах, много воды утекло в Кубани и Тереке, многое изменилось в наружности и в душе наших предков, Касаровцев.

Как и где пережили время прохода Гуннов кочевые Торки - Касаки, известий не сохранилось. Вероятно, много их погибло. Другая часть оказалась вместе с Аланами в горах Кавказа, а остальные спасались, где кто мог. Курганы с «торческими погребениями» теперь находят и в верховьях реки Урала. Возможно, что именно там, в Уральских горах, Торки сохраняли жизнь в тревожную эпоху гуннского нашествия.

Уральские горы отрогами упираются в Прикаспийскую низменность, откуда впоследствии Торки и Берендеи начали свой переход на Дон.

1) Аммиан Марцелин. История Рима.

2) Т. И. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА 23.

3) Об этом в Российских Четьи Минеях на день 11 мая, в Повести временных лет, т. I, стр. 14, и в греческой хронике Георгия Амартолы слова: «также и Асиєю и Европиею и Скуфиєю, рекше Козары», по Пов. времн. лет, Комментарий, т. II, стр. 223.

4) Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 460.

5) Статья «Казары» в Еврейской Энциклопедии.

6) Г. Раулинсон. Седьмая Великая Монархия Востока.

7) Существовавшее в последствии на этом месте княжество называлось Шемхальством Торковским.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Дополнения к материалам по истории Древних веков.

Темою предыдущих глав служил краткий обзор обстоятельств, при которых две разнородные группы, К а с а к и и М е о т о - К а с а р ы , начали взаимное слияние воедино и заложили основное ядро нашей народности.

Рассмотренные эпохи покрывают тысячелетний промежуток времени и относятся к истории тех мест, где на протяжении веков росли и множились корни казачьего племени, где из рода в род нарождались, жили и умирали наши предки.

К некоторым моментам изложения следует возвратиться еще раз ввиду их существенного значения для всего последующего исследования.

Прежде всего надо помнить, что от времени первоначального появления в истории нашего имени нас отделяет не меньше двадцати веков. Поэтому очень важен вопрос об источниках, о материалах, положенных в основу описания такого старого времени.

Память о прошлом нашей степи сохранилась в немногочисленных записях соседей современников, да в предметах материальной культуры, обнаруженных при археологических раскопках, в частности, и в наших степных курганах. Нужно признать, что это не достаточно обильные данные для того, чтобы по ним составить подробную историю того времени. Они дают только общий облик явлений, происходивших когда то на казачьих землях. Тем более, что не все-

гда удается получить в распоряжение нужную и исчерпывающую литературу по каждому вопросу. Но драгоценное свойство всего доступного письменного материала заключается в том, что в нем помещено множество названий племен и народов, обитавших в степи, причем вспоминаются они во взаимной связи по времени и месту.

Таким образом, несмотря на туман веков, восстанавливается история зарождения казачьего рода, проявляются силуэты Скифов Сака, Касайов, Касаков, Касагов и др. Это крепкие звенья, связующие Казаков с их далекими предками.

Многое можно узнать и по археологическим открытиям последнего века. Места покинутых городищ, покрытые пластами новой многовековой почвы так же, как степные погребения, наши курганы, точно определяют отдельные этапы исторических путей казачьих прародителей. Мало этого, предметы, изъятые при раскопках, дают представление и о повседневном быте степняков, о незамысловатом комфорте, созданном руками местных и греческих ремесленников, о художественных вкусах, об украшениях, костюмах, оружии.

Во многих случаях основные черты выкопанных предметов находят свое отражение в современности. Такова, например, конструкция глинобитных хат-землянок; таков крой скифского кафтана, сохранившийся в казакине — теплушке наших дедов, а отчасти и в черкеске. Это заметил еще в 1864 году русский академик Стефани ¹⁾. В казачье-кавказском оружии повторяются фасоны скифских кинжалов и открытые черенки аланского палаша и сабли из курганов. Они не имеют крестовин или охранных дужек так же, как и эфес нашей пашки. Все это ничто иное, как освященные тысячелетиями образцы снаряжения, перешедшие от неизвестного воина, нашего предка, к нам самим.

Таков язык предметов, хорошо понятный археологам. Его дополняют описания старинных авторов.

Памятники древней письменности сообща с археологией дают представление и о духовных влечениях наших предков. Следует вспомнить степную религию Скифов или распространенное среди оседлых Меотов почитание Жизнеподательницы Афродиты, как очередные ступени духовного развития на пути к христианству.

В описанных Геродотом военных приемах Скифов, в изматывании противника неожиданными нападениями, в быстроте движения вперед, назад, в сторону, уже чувствуется зародыш подвижной казачьей лавы, готовой рассыпаться во все стороны и загреметь копытами в бегстве,

только для того, чтобы вскоре, снова сомкнувшись, ударить на врага в ином месте.

Тоже и на море. Смелые походы через Понт Эвксинский к берегам Малой Азии, при участии меотийских воинов, начали в III в. Остготы. Потом они возобновляются организованные уже Казарами. Кончают же их Казаки с Дона и Днепра в таких же утлых ладьях и по тем же самым маршрутам в XVI-XVII в.в.

Особый смысл имеет краткий анализ условий появления на Кавказе славянской речи. Ведь, Меото-Касаровцы «языка славянского» — одна из наиболее значительных составных частей казачьего рода. Русские летописи относят Меотов к потомству Иафета, сына Ноева, наравне с другими племенами Кавказа. Та часть из них, что пользовалась славянским языком, не входила в обще-славянский культурный комплекс, а шла совсем отдельными, своими, путями. Сохраняя азиатскую, «варварскую» сущность, Меоты все же принадлежали к миру античной Эллады.

Меоты были оседлым народом. Их поколения долго пользовались благами мирной жизни. Но когда им около столетия пришлось скрываться в горах, каждый должен был взяться за оружие. Оседлая мораль и зарождающееся христианское миролюбие уступили место воинственности и беспощадности. В обстановке непрерывной войны перед каждым вставал вопрос: погибнуть или самому перейти в нападение. В тех условиях иначе невозможно было бы прожить. Поэтому к войне привыкали с детства.

Но, обратившись в суровых воинов, Касаровцы сохраняли неизменный социальный инстинкт, тяготение к организованному общинному правопорядку. Потому и родилась мысль возродить свою Казарию на новом месте.

Вопрос о причинах и обстановке зарождения Казарии - Хазарии, ввиду бедности материалов по этому вопросу, здесь дан только, как наиболее возможное разрешение интересной и важной для казачьей истории «казарской загадки», но нужно заметить, что взгляд на жителей Казарии, будущих Черкасов, как на основателей Казарской империи, совпадает со мнением английских этнологов. Кроме Касаров, Касаровцев в то время на Кавказе не было никого, кто бы носил в своем имени такой отчетливый зародыш названия будущей Казарии.

Вначале это имя (Касаровцы) носило исключительно территориальный характер, а после оно стало приобретать и более широкое этнологическое значение. Оно вобрало в себя некоторые скифские племенные названия, но все же, после падения Каганата, мало кто, кроме бывших Касаров-

цев, жителей Приазовья, сохранил за собою прозвище Казаров.

Начало Средних веков для народов, населявших наши степи, складывается в историю Казарского или Хазарского Каганата.

1) П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 66.

СРЕДНИЕ ВЕКА

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

Касаровцы на берегу Каспия. Английские этнологи считают основателями Хазарии Черкасов. Казары. Войны с Персией. Дербентская стена. Семендер. Новые хозяева Приазовья. Исход Булгаров. Возвращение Казаров в Меотиду. Племенной состав Хазарии. Ее данники. Хазария — торговое государство.

Нашествие Гуннов во многом изменило на Северном Кавказе размещение местных племен. Согнаны были с насиженных мест и тысячелетние обитатели Меотиды-Меоты, Касаровцы. Они появляются снова на арене мировой истории в конце V века значительным народом, который теперь называется Казары, Кхазары, Хазары, Газары и т. п. Их имя изменяется в зависимости от манеры произношения этого слова на Западе и на Востоке. В русской летописи словом Козары обозначается и сам народ, и империя им созданная.

В конце V века Казары занимают приморскую часть и отроги гор в Северном Дагестане и ведут кровавую борьбу с Персами. Историк Персии пишет: «Обычно предполагают, что они были Тюрками, но, по остроумным выводам современных авторов, это были Черкасы. Вопрос еще не разработан достаточно ясно. Без риска ошибиться можно только

признать, что Кхазары того времени, это ужасные варвары, малокультурные в обычаях кочевники, немилосердные в войне, гроза для тех областей, которые им удавалось занять и опустошить» ¹⁾).

Характеристика для Казар, конечно, суровая, но нужно заметить, что и сами Персы не отличались большим мягкосердечием. В ту эпоху они неуклонно распространялись к северу и край за краем занимали христианские страны Закавказья. В 428 году пала Армения, около 491 г. — Албания (нынешний Азербейджан), а в 532 г. — Грузия.

После покорения Грузии, персидский царь Хозрой в том же году прорвался и в страну Казар. «Он опустошил ее огнем и мечем и перебил тысячи жителей» ²⁾, повествует тот же историк Персии. Персы совсем не были гуманными завоевателями.

Для того, чтобы закрыть Казарам проход в Закавказье, Хозрой приказал выстроить длинную каменную стену от гор до моря, южнее Дербента. Это препятствие, однако, не долго сдерживало воинственных Казаров. Они нашли новые пути через горы и снова появились в землях персидского царя.

Совершенно очевидно, что нападения их на Персию не могут считаться только грабительскими налетами «варваров». Раньше борьбу за сферу политических и торговых влияний в Закавказьи вели Аорсы и Аланы. Теперь Казары продолжали их дело. Они боролись за свои интересы и пользовались способами войны, принятыми в те суровые времена. Пожалуй, кроме персидских летописцев, никто их и не считал такими ужасными дикарями. Еврейский историк говорит просто: «Их царь, который носил титул Хакана или Хагана, вел воинственных сынов степи от победы к победе» ³⁾.

Однако к середине VI века отношения с Персами изменяются в корне. О мире между ними говорит Прокопий Кесарийский. Казаро-аланский союз он знает под старым именем «Аланов». «Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских Ворот, занимают Аланы; это племя независимое, по большей части оно было союзным с Персами и ходило походом на Римлян и других врагов Персов» ⁴⁾. Незадолго перед этим он называл их же «христианами и друзьями Ромеев» ⁵⁾, Византийцев. Политика вещь изменчивая!

Персидские источники указывают Казаров там, где Прокопий знал Аланов. Казаров он еще не вспоминает, но, очевидно, Аланы и Казары жили на одном и том же месте, а потому и слыли у Персов под общим именем Казаров. Их

край, от Терека до гор и самые горы, испокон веков состоял во владении Аланов. Теперь их остатки, укрывшись здесь от Гуннов, гостеприимно приняли к себе и ушедших из Меотиды Касаровцев. Сообща они вели войны, сообща заключали и расторгали союзы, сообща отстраивали свою, разрушенную Гуннами государственность.

Алано-Казарским центром стало небольшое древнее селение недалеко от моря (Тарки). Дав ему имя Семендер, они обратили его в цветущий торговый город, а будучи опытными виноградарями, Казары заложили вокруг своей столицы тысячи виноградников.

На запад от новой Казарии, по Прокопию, проживали племена Сабейров и Утригуров. Тут же находился сильный народ Булгары, родственный им по гуннской крови. Булгары занимали прежнюю Меотиду.

Около 560 г. из Средней Азии пришли новые кочевники — Авары ⁶⁾. Эти расположились на западном берегу Азовского моря, но прожили здесь только 75 лет. В 635 году болгарский царь Куврат заставил их уйти дальше в Европу. Во время Куврата, Приазовская Болгария объединяла все задержавшиеся на Северном Кавказе гуннские племена и потому имела достаточно сил для противодействия любому нашествию. Однако после смерти князя, распалось на части и его княжество, так как каждый из пяти сыновей Куврата взял себе часть отцовских подданных. Старший, Ваян, остался на месте между Кубанью и Манычем; второй, Котраг, расположился против него за Азовским морем; трое остальных ушли на Дунай. Из них Аспарух, завоевав часть фракийских Славян, основал новое болгарское княжество. Славяне там подчинились Болгарам, но их было много, а Болгар мало и потому со временем Тюрки-Булгары растворились в славянской массе. В народе сохранились многие тюркские расовые черты, сохранилось и имя Болгар, но прежний их язык был забыт, а повсюду восторжествовал местный — славянский. Некоторые русские историки считают, что Булгары познакомились с ним еще в Приазовьи.

Так зародился народ известный и теперь под именем Болгар. О том же, что после этого случилось на Кубани, рассказывает греческий летописец: «Именно потому, что народ так разделился и расселился, племя Хазар, жившее внутри области именуемой Верилией, по соседству с Сарматией, часто нападало на него. И пройдя все области, лежащие за Понтом Эвксинским, проникло через все земли до моря. И вслед за тем подчинило Ваяна и заставило производить уплату дани» ⁷⁾.

Вскоре, однако, и Ваян со своим народом ушел из Мео-

тиды на Волгу. Там произошло то же, что и на Дунае. Болгары подчинили себе местные финские и тюркские племена и создали государство с центром в городе Великий Булгар⁸⁾. В противоположность ослабявшимся Болгарам дунайским, на Волге их одноплеменники неизменно оставались Тюрками.

Они продолжали платить дань Хазарам.

Таким образом, во второй половине седьмого века Казары возвратились в Меотиду. Одновременно они овладели и всей степью между Доном и Волгой вместе с ее населением. Свою столицу они перенесли на Волгу в старый аланский город Атель, с царской ставкой, Баланьяром, на одном из островов Ахтубы (дельты Волги).

По примеру всех степных государств Хазария управлялась кадрами господствующего племени. Обычно предполагается, что это были Тюрки, но такому мнению противоречит характер имен, принадлежавших лицам царствовавшей там династии. Известные истории — Зибель, Теодора, Булан не могут считаться тюркскими. Первые два, без сомнения, скандинавского, аланского происхождения, а третье — казарское и сохранилось в казачьей фамилии Булановых. Нужно думать, что в Хазарии правил один из старых аланских княжеских домов, что династия выделилась из среды прежних хозяев страны нового расселения Касаровцев у Каспийского моря, т. е. из Аланов.

Неизвестно также, какой язык там считался государственным. Наряду со скифо-туранским и аланским наречиями в Хазарии был широко распространен славянский язык Казаров. «Арабский ученый ал Бекри (умер в 1094 г.) пишет, что Хазары, из за смешения со Славянами, говорили по славянски наравне с другими народами севера»⁹⁾. Сохранилось также известие о том, что св. Кирилл, получив задание составить славянский алфавит, сразу же отправился к Хазарам в Приазовье, в поисках первоначальных форм славянской речи. По этому поводу русский историк Татищев говорит: «В житии Кирилла Селунского, как в Римских, так и в наших написано, что Кирилл первое Казар веру Христовой учил и для них буквы сложил (а Нестор скажет в Моравии) и потом Моравам и Болгарам сообщены¹⁰⁾. Из этого следует, что Моравы и Болгары пользовались одним языком с Приазовскими Козарами.

Кроме Волжских Болгар, Казарам платили дань финские племена Верхней Волги, а также и Славяне — Вятичи, Северяне и Поляне. Первые обитали возле реки Оки и в самых верховьях Дона, где теперь археология обнаружила остатки их поселений. Местом расселения Северян были бе-

рега Десны, Донца и Сейма. О покорении Полян летописец рассказывает так: «Полян притесняли Древляне и другие окрестные люди. И нашли их Козары, сидящих в лесу на этих горах и сказали им: «Платите нам дань». Поляне, посоветовавшись, дали им от каждого дыма меч. Козары понесли их к своему князю и к своим старейшинам и сказали: «Вот, мы приобрели новую дань.» «Откуда?», спросили те. «Из леса с гор над рекой Днепрянской.» «А что вам дали?» Они им показали мечи. Тут старейшины козарские говорят, «нехорошая это дань, княже! Мы приобрели все одной стороной оружия, саблями, а у них оружие обоюдоострое — мечи. Эти когданибудь станут брать дань с нас самих и с других земель» ¹¹⁾.

Как бы там не было, Казары продолжали получать от Полян условленную дань.

Покоряя соседей, Казария выросла в большую и богатую державу. Население ее не было однообразным. «Хазарское государство было многоплеменным. В его состав входили Болгары, Тюрки, Славяне, Евреи и др. Славян здесь было много» ¹²⁾. Русский историк по какой то причине не упоминает здесь Аланов и самих Казар.

Казары на много веков закрыли Урало-Каспийский проход в Европу, а обосновавшись на Волге и на Дону, они стали хозяевами двух крупных водных путей между Востоком и славяно-финским Севером. Благодаря этому Хазария вскоре заняла первое место во всей кавказской торговле. «Ведя полукочевое, полуоседлое хозяйство, говорит русский историк, население этого государства втянуто было в большую по тому времени торговлю, в которой принимали участие купцы, как местного происхождения, так и приезжие с Кавказа, из Средней Азии, Ирана с одной стороны и Киевской Руси, Новгородского края — с другой. Производилась торговля мехами, воском, кожами, идущими из районов Камы и более северных мест, в обмен на ткани и оружие из областей Кавказа и стран Азии» ¹³⁾.

Так как Персы, продвигаясь все глубже в Закавказье, постоянно угрожали торговым путям Хазарии, против них, главным образом, и было направлено вначале оружие Казар. Это делало их естественными союзниками Византии, на долю которой выпала вековая и непрерывная борьба с Персией за малоазийские греческие владения.

1) Г. Раулисон. Седьмая Великая Монархия Востока, т. 2, стр. 3.

2) Там же, стр. 84.

3) Проф. Г. Грэтс. История Евреев.

- 4) Прокопий из Кесарии. Война с Готами, IV. 3. 4.
- 5) Прокопий из Кесарии. История воен, II. 29. 15.
- 6) Маврикий Стратег называет Аваров Скифами.
- 7) Никифора патриарха константинопольского краткая история. Визант. Врем. III.
- 8) Ш. Ф. Мухамедьяров. Критическая статья «А. П. Смирнов. Волжские Булгары.» Тоже и Н. Я. Мерперт. Вопросы происхождения Булгар в книге А. П. Смирнова «Волжские Булгары». Сов. арх. XVII.
- 9) Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд. 1949 г. Интересно, что автор, поместивши слова ал Бекри в первоначальном издании своей книги, счел необходимым изъять их из текста следующего издания (1953 г.). Причину этому следует искать в официальных установках современной русской историографии. Теперь всех восточных Славян выводят или с Днепра, или с верховьев Волги. Для кавказских Славян места нет.
- 10) В. Н. Татищев. История Российская, стр. 216.
- 11) Повесть Временных лет.
- 12) Б. Д. Греков, как выше.
- 13) Б. Д. Греков, как выше.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

НАСЕЛЕНИЕ И ВЛАСТЬ ХАЗАРИИ

Продолжатели боспорской государственной традиции. Народы Кайсаровцы. Мнение английского этнолога. Черкасы и Белые Хазары. Казачьи предки. Выдержки из арабских авторов. Бездеятельные цари. Критический срок правления. Погребение царей. Хакан бхе. Высшее судилище. Торговые дела. Город Итиль.

Во время расцвета торговой и политической жизни Хазарии, когда владения империи раскинулись от Волги до Днепра, население ее стало очень разнообразным по своему племенному составу. Можно говорить даже о различиях расовых, так как арабские летописцы вспоминают Хазаров темной и светлой окраски кожи. Но если известно с определенностью, что в границах Хазарии тогда проживали Аланы, Тюрки, Скифо-Казары, Евреи, Славяне, Булгары, Мордва и т. п., то до сего времени все еще не установлено достоверно, кем были основатели государства, те племена, от которых империя получила свое имя **К х а з а р , К о - з а р ы** или **Х а з а р и я**.

В предыдущем изложении высказывалось предположение, что основное ядро правящего там класса сложилось из совокупности коренных кавказских племен, воинственных и сильных своей организованностью продолжателей боспорской политической и национальной традиции; тех Кайсаров, что сохранились из населения Кайсарии (древнего Царства Боспорского).

Кого же можно понимать под территориальным названием Кайсаров или Казаров, как их звали после? К каким народам это имя относилось раньше? Какие из них, покинув родную Кайсарию, вынуждены были искать в горах спасения от гуннского разгрома?

Прежде всего там должны были оказаться равнинные Зиги или Цики, некогда подвластные Риму. Это о них вспоминает Страбон, говоря: «там, где властвуют Римляне, они уже мало помогают друг другу, так как их вожди перестают об этом думать». Следом за ними идут коренные жители Приазовья, среди которых оседлые Торки-Ториаты так же, как и племена славянской речи, не были в меньшинстве. Должны были встретиться с ними в горах и остатки Аланов-Танаитов с низовьев Дона и какие то Кабары, влиятельное племя в будущей Хазарии.

Перечисленные народы до исхода в горы пол тысячелетия жили на землях, носивших имя Провинции Кайсара или Кайсари. Вполне естественно, что за этот длительный срок ими всеми было принято обобщающее территориальное имя если не Кайсаров, то Кайсаровцев. Можно ли сомневаться в том, что именно им выпало на долю принести свое имя за Терек и передать его Казарскому каганату, ими же созданному.

После падения Хазарии эти народы стали известными, как Черкасы. Не удивительно, что один из английских этнологов видел основателей Хазарии в отдаленных предках Черкасов. Это — Г. Г. Хаворт. В статье «Черкасы и Белые Кхазары» ¹⁾ он основывает свои доводы на том, что Кхазария зародилась на Северном Кавказе, т. е. там, где господами и вождями местных народов всегда были Черкасы в лице Касогов - Кабардинцев. Кабаров, которых Константин Багрянородный, по его словам, считал народом не только хазарским, но и влиятельным в Хазарии ²⁾, он признает теми же Кабардинцами ³⁾. Проследив пути их переселений, английский ученый приходит к решению, что кроме них никто другой не мог быть первым организатором Кхазарского царства. Тем более, что и имя их Кассакки или Касог и созвучно с именем Кхазар.

Вероятно по той же причине, т. е. по причине созвучия имен, вспоминает он и наших предков: «Хорошо известно, — пишет он, — что казачий центр на Украине назывался Черкасами, что то же название было принято и для казачьей столицы на Дону. В русских летописях Казаков часто называют и Черкасами, а в 1500 году Уз Черкас — глава Азовских Казаков». «Казаки, — говорит он дальше, — в одинаковой степени выходцы из Польши или России,

а больше всего Казаки Донские, имеют много обычаев, во всем схожих с черкесскими, а военную тактику они унаследовали вместе с именем от своих предков Кассаков или Касогов, как их называет Нестор ⁴⁾. Имя Кассак появилось впервые у Константина Багрянородного и имеет у него совершенно определенное значение.»

Приводя эти соображения, Г. Г. Хаворт как бы привлекает к кадрам основателей Хазарии и наших предков. К сожалению, мысли своей он до конца не договаривает.

Покойному ученому нельзя отказать в исследовательской прозорливости. Имя Черкасов, действительно, в истории настолько слилось с понятиями о Касогах и Казаках, что часто в хрониках без специального пояснения невозможно понять о каких именно Черкасах идет речь: о горцах или о наших предках. Но приписывая Касогам - Кабардинцам роль первоначальных правителей Хазарии, английский этнолог оставил без внимания, что одновременно с Хазарией на Кавказе в горах существовала страна Казахия. Осетины же, называя Кабардинцев именем Касгон (Касагон, Касыгон), зовут и теперь их край не иначе как Казах. Может быть в северной части древней Казахии и обитала большая часть Кабардинцев. Казахия по всем данным не принадлежала Хазарии. Кроме того в прошлом веке никто не обращал внимания на боспорские П р о в и н ц и и К а й с а р а и потому Г. Г. Хаворт не принял в расчет, что их жители могли по областям своего расселения носить имя Кайсаров. А может ли быть более близкое созвучие, чем оно слышится в словах Кайсар и Казар.

Честь первоначального возглавления каганата могла принадлежать прикубанским Кабардинцам, но кроме них в создании мощного союза племен, каким Хазария была вначале, должны были принимать участие и другие Кайсаровцы.

Г. Г. Хаворт приводит в своей статье также и выдержки из книги Фрэна «О Хазарах» ⁵⁾, с некоторыми свидетельствами арабских авторов:

«Ибн Хаукал говорит, что Кхазары совершенно отличались по языку от Тюрков.» «Ахмед бен Фозлан тоже утверждал, что хазарский язык иной, чем персидский и тюркский.» «Арабские географы Ибн эл Этир и Шемс ад Дин уверенно связывают Кхазар с Грузинами и Армянами. Они отличают их от Тюрков, и по некоторым их замечаниям нетрудно догадаться, что речь идет о Черкесах.» «Кхазары по языку не схожи ни с Тюрками, ни с Персами, ни с Русами. Их речь такая же, как у Болгар. И по внешнему виду они не похожи на Тюрков. Существовало два рода Кхазар

ров: одни Кхазары черные, почти такого же темного цвета, как Индусы, а другие светлой кожи, красивой и благородной внешности (оба рода с темными волосами).»

«Их цари были иудеями, а сами Кхазары — магометане, христиане или язычники; иные из них по примеру своих царей тоже принимали иудейство. Воины же по большей части исповедывали магометанство.» «Кхазарские князья, по примеру арабских эмиров Трансоксианы, формировали свою гвардию из Тюрков — наемников.»

Селение Тарки
Древний Семендер в наши дни (по кн. МИА 23)

«Царь Кхазаров назывался хаканом или великим хаканом⁶⁾. Он проводил время бездейтельно и бесполезно, более похожий на Далай Ламу, чем на правителя. Он содержался в строгом обособлении и показывался лишь в редких случаях. К его услугам было двадцать жен и шестьдесят наложниц. Жены и наложницы проживали в особой постройке, которая называлась *Кубба*. Каждая из них имела прислужника — евнуха.» «Если царь выезжал куда либо верхом на лошади, то его окружала вся гвардия, скрывая от взоров подданных; царский трон был сооружен из золота и драгоценных камней; приказы хакана соблюдались так строго, что каждый не выполнивший его распоряжения мог поплатиться за это головой. Но ему не позволя-

лось царствовать больше, чем сорок лет; по истечении положенного срока его заточали в башне или позволяли окончить жизнь самоубийством. Иногда, в годы больших несчастий, царь тоже бывал вынужден посвятить себя и свою жизнь для подданных. О погребении царей рассказывают ту же самую историю, что и про Аттилу ⁷⁾ и без сомнения правдивую в обоих случаях. Будто бы после смерти кагана, осушив дно реки, строили там дворец-усыпальницу. Внутри его помещали покойника, а после погребения возвращали воды в старое русло. Никого из принимавших участие в постройке не оставляли в живых. Так они, по их словам, предохраняли труп от червей и от злоумышленников. Никому неизвестное место почивания царя они называли Ра-ем.»

«Кхазарский хакан высоко почитался императорами Византии. К нему византийский двор адресовался, как к «наиболее благородному и знаменитому царю.» На послания к нему привешивалась золотая печать в три солида, в то время как наиболее могущественные государи в Европе почитались печатями лишь в два солида.»

«Выше было сказано, что хакан это царь бездеятельный, царствующий, но не правящий. Действительный же правитель, хотя и назывался только заместителем царя и носил титул хана или хакана-бхе, командуя армией, объявляя войну и заключая мир, был царем фактическим ⁸⁾. Таким были и Зибель, сопровождавший Ираклия в персидском походе. Следующим по значению и по власти считался кендер-хакан, а ниже его — чаусхиан. Только эти высокие вельможи имели доступ к священной особе великого хакана. Личная охрана царя состояла из тюркских наемников, называвшихся — л а р с и и . Их число — 7.000 человек, вооруженных луками и пиками, одетых в шлемы, кирасы и кольчуги. В кхазарском войске были также Русы и язычники Славяне.»

«Высшее судилище находилось в Итиле, столице Хазарии. Блюстителями права и справедливости в государстве были семь судей: два магометанина судили по законам Пророка, два Хазара — иудея руководствовались старыми законами Израиля, а два христианина — Евангельскими правилами. Седьмой судья назначался для Русов, Славян и других язычников. Он выносил решения на основании законов природы, а в трудных случаях обращался к магометанским судьям — кадиям и брал в расчет их советы. Император находился в постоянных общениях также и с судьями. Арабские авторы говорят, что правовой порядок и

безопасность привлекали в Кхазарию многих купцов. В одном Итиле их проживало до десяти тысяч.»

«В Кхазарии добывалось серебро и медь, но благосостояние ее жителей основывалось главным образом на широко поставленной торговле. Медь, воск, осетровая икра и меха (особенно шкурки выдры) проходили здесь от Славян и Болгар в Персию, а с обратными караванами шли товары не только из Персии, а и со всего Востока.» «Идолопоклонники среди Кхазар продавали собственных детей в рабство и делали рабами друг друга, в то время как христиане и иудеи считали это противным совести.» «Итиль был большим городом. Там среди деревянных домов возвышались 30 мечетей, большой собор и синагоги. Кроме Итиля Арабы знали еще три города: Беленджар, Семендер и Хамлидж. В грузинских же хрониках встречаются и другие.»

Такова была жизнь в государстве, основанном, по всем видимостям, нашими предками, во время его наибольшего расцвета.

Изложив арабские сведения, Г. Г. Хаворт делает свои заключения: «Даже из этого краткого обзора совершенно очевидно, что Кхазары были народом древней цивилизации с высоко развитыми культурными достижениями. Обычай, окружавший их царей — признак длительного предыдущего существования.»

1) Журнал Этнологического Общества в Лондоне, 1870 год, т. 2.

2) У Константина Багрянородного: «Кабары были хазарской расы».

Слово кабар на многих туранских наречиях означает великий, а великим могло называться любое племя, особенно будучи влиятельным в государстве. Поэтому рискованно ставить знак равенства между Кабарами и Кабардинцами, народом Великого Бога (Кабардей) или народом с Великой реки (Кабардон).

4) Нестор — летописец.

5) Fraehn, De Chazaris. Excerpta ex scriptoribus arabicis.

6) Г. Г. Хаворт поясняет: хакан или кхан — титул принятый в древности также у Болгар, Аваров и Русов. Он имеет тот же смысл, что и норманский гаакон. Бег или бек, хазарский титул, встречается еще и теперь, как часть черкесских имен.

7) Атилла — вождь Гуннов.

8) По адыгейски слово пше означает князь. Может быть хазарское бхе имело то же самое значение.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ХАЗАРСКАЯ ИМПЕРИЯ

Каган Зибель в союзе с императором Ираклием. На море. Борьба с Арабами. Хазария и Византия. Династические браки. Еврейские беженцы в Хазарии. Сакалибы. Старозаконные влияния. Каган Булан принимает иудейство. Христиане, мусульмане и язычники. Богатство разнородной империи. Присоединение Готской области. Саркел или Белая Вежа.

Византийский император Ираклий, во время похода на Персию, отправил из Грузии посольство к казарскому царю Зибелю. Он приглашал его заключить союз против общего врага. Каган обещался помочь. В 622 году они дружески встретились под стенами осажденного Византийцами Тифлиса. Ираклий обнялся с Зибелем, переложил на его голову свою корону и, называя его сыном, пригласил к себе на пиршество. Тут он принял кагана с почетом, подарил ему различные драгоценности и богатые одежды со своего плеча, а пришедших с ним князей собственноручно украсил жемчужными серьгами. Мало этого, за участие в войне против Персов, император обещал Зибелю в жены свою дочь Евдокию. Тот склонился к союзу и передал в распоряжение Ираклия казарского князя с большим войском. Получив подкрепление, император двинулся походом на Персию, а своего нового союзника оставил под Тифлисом осаждать дальше укрывшийся за его стенами персидский гарнизон ¹⁾).

Войны с Персами тянулись много лет, а в связи с этим у Казаров с Византией продолжались добрые отношения. В сентябре 627 года каган дал Ираклию снова 40 тысяч всад-

ников и они помогли ему пройти через Армению к границам Персии ²⁾. Дружба между союзниками была поколеблена только в конце седьмого века, после того, как Казары заняли Меотиду. Теперь Казария укрепилась на морских путях бывшей Касарии и стала участницей походов на берега Малой Азии.

Ригельман пишет: «О храбрости народа того много в древних летописях греческих и римских описуется, а наипаче Царюграду опасны были, подходили под град оной морем». 3) Этот автор делает Казаров участниками нападения на Константинополь в 626 году, но тут очевидная ошибка, потому что тогда они дружили с Ираклием, а к тому же еще не имели выхода в Черное море. Совершенно ясно, что в этом году под стенами византийской столицы вместе с Аварами были не Казары, а Славяне Днестровские и Дунайские. Вообще же, периоды казарских нападений на Царьград приходили лишь временами и не могли быть длительными, так как от начала восьмого столетия Казары были непрерывно заняты борьбой с новым воинственным соседом, Арабами.

Багдадский Калифат занял всю Персию еще в седьмом веке. Вслед за этим Арабы завоевали Армению, Восточную Грузию и Кавказскую Албанию, до Дербента включительно ⁴⁾. Но тут их попытки продвигаться дальше на север встретили решительное сопротивление Казаров. Византия в это время сдерживала завоевателей на своих границах в Малой Азии. Интересы обоих сходились к одной цели и поэтому нельзя нельзя допустить, чтобы Казары себе в ущерб выступили тогда против Византийцев, своих естественных союзников. Известно только, что каганы иногда вмешивались в династические распри Второго Рима (Царьграда). Например, в 704 году убежище в Хазарии получил, изгнанный из Константинополя, император Юстиниан II. Каган принял его у себя, выдал за него замуж свою сестру Теодору и разрешил супругам проживать в Фанагории ⁵⁾. Впоследствии, когда Юстиниан вернулся к власти, казарская принцесса стала византийской императрицей. В 711 году Хазария оказала поддержку и гостеприимство новому претенденту на царьградский престол, Вардану-Филиппику ⁶⁾.

Но вскоре после этого состоялся брак византийского царевича Константина Копронима с дочерью кагана Ириной и снова вернулись дни мира. У Ригельмана по этому поводу пишется: «От поятия же дщери кагановой в супружество Копрониму, повидимому, жили Козары с Греками в мире. Однако, иные славянские народы ненавидствовали сему, беспокоили Греков» ⁷⁾.

Первенство в налетах на земли Царьграда всегда принадлежало Готам и Славянам Западным, но, очевидно, в некоторые эпохи у берегов Византии появлялись и Казарские боевые флотилии. Еврейский историк не напрасно говорит, что «Византийский император дрожал при имени Казаров, лстыл им и платил дань, в надежде удержать их от попыток разгромить Константинополь» ⁸⁾.

Первая половина восьмого века ознаменовалась появлением в Хазарии толп еврейских беженцев. В 723 году император Лев Исавр приказал насильно обращать в христианство всех своих подданных иудеев и магометан. Евреи Малой Азии, которым и без того приходилось тяжело от непрерывной войны, стали массами переселяться в Крым. Потом они перебрались и на Кавказ, где разместились по городам «гостеприимной страны Казаров.» «Аланы и Казары относились терпимо к людям иной расы или другой веры», пишет еврейский историк. Евреи стали хорошо известными по всей стране, как купцы, торговые посредники, переводчики, ремесленники и т. п. Они заслужили доверие и у казарских правителей. От них каган и его приближенные узнали ближе основы старозаветной религии, а под влиянием личного примера и уговоров своих новых советников начали склоняться к иудейству.

Это была эпоха наиболее напряженной и кровавой борьбы с Арабами. Во второй половине восьмого века войска калифа прорвались на Северный Кавказ. По сообщению арабского летописца Ал Балдури, полководец Марван доходил даже до Дона, разрушил множество поселений и свыше 20.000 Сакалибов увел в неволю ⁹⁾. (Ал Балдури приводит знакомое с древности имя Сака, лишь дополнив его новым окончанием — Сакалибы. Очевидно, Скифы-Сака составляли еще значительную часть населения Хазарии.) Но Сакалибы вскоре оправились после поражения. Сообща с остальными Казарами они не только отразили нашествие, но проникли в арабские владения и на некоторое время заняли персидский город Ардебиль ¹⁰⁾.

Тут то, вернувшись из победоносного похода, каган Булан и решил перейти в иудейство ¹¹⁾. С ним вместе приняли обрезание и его приближенные, т. е. казарские сановники и аристократия в большей своей части. Иудеями не сделались князья — родоначальники некоторых племен, основные массы населения и воины. Все эти остались христианами, магометанами или язычниками.

Каковы были прежние верования правящих кругов Хазарии, достоверно не известно. Записанное в десятом веке

предание утверждает, что каган Булан еще до перехода в иудейство запретил в своих владениях выполнение языческих обрядов. Следовательно, видеть в правителях Хазарии последователей языческого религиозного культа нет оснований. Да византийские императоры и не роднились бы так легко с язычниками. Основное население империи, Аланы, Касаровцы и остатки скифо-сарматских племен, давно уже вспоминались как христиане и имели своих первопресвитеров в лице епископов Скифии Боспорянской, Томи и Таны. Возможно, что во время гуннских поражений и вековых невзгод переселения многие из них потеряли чистоту своей веры, возможно даже, что в массах снова восторжествовало язычество или просто безверие, но трудно допустить, чтобы гордый византийский император предлагал свою дочь в жены кагану Зибелю в том случае, если бы тот числился язычником. К тому же и имена хазарских царевен, ставших византийскими императрицами, Теодора и Ирина, находятся в христианских святцах. Значит, если царствующий дом в Хазарии и не был раньше по настоящему христианским, то, во всяком случае, таковым считался. В девятом веке христиан в Хазарии было не меньше, чем магометан, и гораздо больше, чем представителей всякой другой веры. Соответственно с этим, в Верховный суд назначались два судьи иудея, два христианина, два магометанина и один язычник для данников, Болгар и Днепровских Славян. Иудеев было не так много, но из них слагались влиятельные круги и потому они были приравнены к христианам, которых было гораздо больше и которых, наравне с магометанами, можно считать наиболее многочисленной частью населения страны.

В первом поколении новообращенных старозаветная религия соблюдалась только по форме и не проникала глубоко в их души. Правоверными посекдователями иудаизма стали лишь потомки Булана, начиная от его сына Обадиага, с которого и начинаются в династии еврейские имена. Они строили синагоги, точно выполняли предписания Талмуда и вели богослужения по правилам, принятым в древних еврейских общинах. Был обнародован закон, по которому наследовать трон могли только лица иудейской веры 12).

Хазария была разноязычной и разноплеменной монархией, но Казары и Аланы были там в большинстве. Принявши веру незначительного меньшинства, ее правители отгородились от народных масс особым мирозозерцанием и обособленным ритуальным обрядом. Едва ли это способствовало увеличению их популярности в империи.

В государстве процветало изобилие и благосостояние. Двор кагана утопал в восточной роскоши. Царская резиденция помещалась на одном из островов Ахтубы в позолоченном шатро — подобном дворце с золотыми дверями. Широко поставленная торговля с соседями обогащала все слои населения. Археология свидетельствует: «Могильники изобилуют серебрянными сасанидскими монетами, арабскими диргемами и золотыми византийскими солидами VI-X вв. Ни в какой другой период своей истории население Сев. Кавказа не обладало таким множеством украшений из драгоценных камней и металлов неместного производства, как в этот период.» «С включением Северного Кавказа в орбиту влияния Хазарии (с VII в.) были созданы наиболее благоприятные условия для участия местных племен в широком обмене материальными и культурными ценностями. И если в предшествующий период среди населения Северного Кавказа уже бытовали предметы, считавшиеся достоянием только передовых народов, то, начиная с середины I тысячелетия н. э., все новинки тогдашней военной техники и культуры быстро осваивались обитателями Северо-Кавказского края» ¹³⁾. «Одновременно наблюдается и общность материальной культуры, присущей всем народностям Предкавказья, особенно в Хазарский период» ¹⁴⁾.

В конце VIII столетия Казары заняли Готскую область, Керченский полуостров с городом Дорос. Таким образом, все земли бывшей Касарии (теперь ее называли «Скифия Боспорянская») вошли в границы Хазарии. Готская область управлялась одним из казарских князей.

В 834 году, выполняя просьбу кагана, византийский император Теофил прислал к нему строителя Петрониса Каматероса, своего шурина. Вместе со строителем прибыли в Хазарию специалисты — рабочие и нужные для постройки новой крепости материалы. На Дону, выше донецкого устья, был возведен город Саркел, важный военный пункт обороны с севера и с запада ¹⁵⁾. Славяне называли новый город Белой Вежей.

Постройка крепости была задумана, очевидно, с целью охраны плодородного Подонья от возможных нашествий Мадьяр и Печенегов, накопившихся к тому времени за Волгой. К тому же, на Днепре и на Оке обнаруживалось большее объединение и организованность уданников Славян. С этой стороны тоже могла появиться реальная опасность. Наличие какого то общего врага заставляло Хазарию действовать сообща с Византией. А Царьград, принимая участие в

постройке Саркела, одновременно восстановил потерянную было власть в Херсонесе и в соседних с ним крымских областях.

1) Г. Раулинсон. Седьмая Великая Монархия Востока, т. 2, стр. 179 и Никифора патриарха константинопольского краткая история, Визант. Временник III, стр. 384.

2) Там же.

3) А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой России.

4) Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 432.

5) Никифора патр. констант. Краткая история.

6) Там же.

7) А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой России. Константин V Копроним был императором Византии от 741 до 775 г.

8) Проф. Г. Грэтс. История Евреев.

9) П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 252. Русские историки совершенно безосновательно видят в Сакалибах Подонских Славян.

10) Проф. Г. Грэтс, как выше.

11) Там же.

12) Проф. Г. Грэтс. История Евреев.

13) Е. Крупнов. Предисловие. Материалы и исследования по археол. Сев. Кавказа, МИА 23.

14) Там же.

15) М. В. Левченко. Известия Константина Багрянородного. Визант. Времен. VI.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

Степь без кумиров. Меч и крест. На заре христианства. Проповедь Новой Веры у Скифов. Первые иерархи. Их титулы. Танаис — цитадель Христа. Послы Меото-Казаров в Царьград. Св. Кирилл в Приазовьи изучает древнюю славянскую речь. Славянская азбука. Крещение Казаров.

История Геродота дает довольно отчетливый образ религиозных верований и ритуальных обрядов у населения древней степи. Скифы обожествляли силы природы, поклонялись Создателю мира и матери Земле, верили в загробную жизнь, почитали умерших предков. Всякого, кто решился бы осквернить их могилы, ожидала жестокая месть. Их храмы, хворостяные пирамиды, высились на ковыльных равнинах, доступные для всех кочевников; обрядность отличалась чрезвычайной простотой, без жреческого сословия, без торжественных церемоний. Все было несложно по кочевому.

Скифы не создавали кумиров по своему подобию. Могущество божественной силы они олицетворяли в образе меча. Это было явление замечательное для такого древнего времени. Они еще жили в примитивном быте номадов, обращались в узком круге пастушеских интересов, а разум и религиозное чувство уже оперировали символами более сложными, чем деревянные или каменные изображения богов. Скифы поклонялись не кумирам, а идее божества. По сравнению с жителем лесов степной человек в культуре духа ушел далеко вперед, он очень рано отказался от идо-

лов. Ему, жителю беспредельной степи, не приходила мысль о возможности заключить образ бесконечной творческой мощи окружающего его мира, образ божества, в камне или в куске дерева. Бог Скифа оставался Духом.

Смена эпох, политические перемены, перестановки в племенных отношениях, надо полагать, мало отражались на верованиях степи. У Аланов, например, в IV в. по Р. Хр. практиковался тот же обряд, что и у Скифов во времена Геродота. Вспомним, как писал Аммиан Марцелин: «Храмов или освященных мест не видно в их стране, хотя бы и под соломенной крышей, но по обычаю варваров в землю втыкается обнаженный меч и они почтительно поклоняются ему, как богу войны, главному божеству их кочевой страны».

Такова была степь.

В Боспоре Киммерийском у Меото-Казаров верования складывались под влиянием эллинского многобожия. Но и там на первом месте стояла Мать Земля, поклонение творческим силам природы, влившееся в формы специального культа Афродиты Апатуры, непорочной и прекрасной богини плодородия.

Вероятно, христианству не пришлось ломать в корне основные понятия мирозерцания несложных, но гармонических натур степняка и морехода. Ход эволюции народных чувств и народной мудрости шаг за шагом приближался сам к тем рубежам, у которых кончалась духовная темнота язычества, а восходила ясная заря высокого в своей простоте Христова Учения.

Процесс христианизации бродячих племен и полуоседлого населения Меотиды (Приазовья) не нуждался в давлении извне, во вмешательстве государей или завоевателей, в насильственных переворотах. Он ширился среди них путем постепенного нарастания и еще задолго до формального обращения наших предков в христианство, Новое Учение проложило широкую дорогу к их сердцам. Оставалось только в широкой степи под куполом южного неба низвергнуть с вершин храмов-пирамид прежний символ, грозный окровавленный меч, а на его место водрузить крест, не менее орошенный жертвенной кровью, символ всепобеждающей любви.

Начало новой эры, это — время, когда христианство победно ширилось на Кавказе и по всему побережью Черного моря. Первое Слово раздалось здесь из уст апостолов Андрея Первозванного и Симона Зилота. За ними следовал св. Климент, епископ римский, ученик апостола Петра и сподвижник апостола Павла. В 94 году он был сослан из Рима

в тавро-скифские каменоломни Керченского полуострова. В течении семи лет своего здесь пребывания он основал десятки церковных общин и рукоположил им священников. В 101 году, по приказанию Траяна, императора-язычника, св. Климента утопили в море поблизости города Пантикапея (Керчи).

Духовные историки IV века Евсевий и Созамонт упоминают епископа Скифов и Готов для 253 года, без указания его местопребывания. В конце того же третьего века они знают скифского епископа Евангелика.

С IV и до IX века известен ряд высоких иерархов, трудившихся над просвещением населения в Крыму и на берегах Азовского моря. Они носили титулы епископов и митрополитов «Томи и Таны», «Томитаны и всей Готии», «Зихии и всей Готии», «Скифии Боспорянской» и т. п. 1)

В 310 году иерусалимским патриархом Германом поставлен епископ Скифии Василий;

в 318 году епископ Херсонеса Евферий привез грамоту от иерусалимского патриарха и указ царя Константина о беспрепятственном исповедывании христианства;

в 325 году на актах Первого Вселенского Собора в Никее расписался Феофил, митрополит Готов провинции Боспорской. Там же имеется подпись и епископа боспорянского Домна;

в 344 году, по церковной истории Созамонта, на Собор прибыл, не указанный по имени, епископ Боспора;

между 344 и 370 г.г. известен Ульфила, епископ Готов и Скифии Боспорянской, митрополит томитанский. Он был поставлен константинопольским патриархом Евсевием и знаменит переводом евангелия на язык Готов;

около 370 г. известен по прениям о догматах веры с императором Валентом епископ Томи — Бретоний;

в 381 г. Евферий II херсонский подписался под актом Второго Собора в Константинополе. Там между азийскими епископами — подпись Геронтия Томитанского;

в 404 году св. Иоанном Златоустом поставлен Унила, епископ готский;

в 431 году подписался под актами Ефесского Собора Тимофей, епископ Скифии Томитанской;

на четырех Соборах в 448, 449, 451 и 459 годах присутствовал епископ Боспорский Евдоксий;

в 448 году на Константинопольском соборе присутствовал также епископ Томитаны Александр;

в 457 году под окружным посланием императору Льву I подписался Феотим, митрополит Томитаны и прочей Скифии;

в 520 году акт избрания патриарха Епифания подписал Патерн, митрополит всей Скифии;

в 553 году под актом Константинопольского Вселенского Собора подписался Иоанн, митрополит боспорский;

в 715 году во епископы сурожские хиротонизован Стефан, получивший прозвище Исповедника. Он выступал против иконоборцев в защиту почитания икон и за это по приказу императора Льва Исавра был заключен в темницу. При следующем императоре, Константине Копрониме, освобожден благодаря заступничеству императрицы Ирины, дочери хазарского хакана. Потом он был восприемником ее сына и возвратился в Сурож, где скончался в 750 г. глубоким стариком. Церковь признает его святым;

в 787 году акт Седьмого Вселенского Собора в Никее подписал «Давид, смиреннейший диакон святейшей Церкви Боспорской вместо Андрея, достопочтеннейшего епископа своего»;

в 839 году епархией Боспора управлял митрополит Херсонеса.

От 837 г. в течение ста лет в Крыму господствовали епископы католические.

Достоин внимания, что некоторые епископы крымских Готов были поставлены властью Грузинских католиков.

В истории сохранились имена 36 епископов и митрополитов, стоявших во главе одной из упомянутых церквей между 310 и 867 годами. Ясно, что без значительных масс христианской паствы не было бы и столь высоких иерархов. А, в свою очередь, длительная их деятельность не могла остаться без положительных результатов. Это и подтверждается свидетельствами современников, утверждающих, что в VI веке на Кавказе и в Приазовье можно было встретить много христианских народов.

На Дону цитаделью Христа был Танаис (Азов), где от 637 года возвышался храм в честь Иоанна Предтечи ²⁾.

Возможно, что среди отдельных групп населения в те эпохи еще встречались язычники, возможно также, что христианская религия не была усвоена всеми одинаково крепко и во всех правилах Церкви. Вероятнее всего, что по недостатку духовенства христиане не выполняли обязательных для них Таинств, даже Таинства Крещения. Не исключены и частые отступничества и отпадения, но о Христе и о Его Учении степь и приморье узнали очень рано, почти на заре христианства.

Сам по себе характер постепенности распространения веры устраняет возможность определить точно дату обра-

щения наших предков ко Христу, но все говорит за то, что оно совершилось в эпоху пребывания их в границах Хазарской империи, где христиане составляли значительную часть жителей.

С того времени, как каганы перешли в иудейство, между инаковерующими должны были зародиться религиозные антагонизмы. В стране издавна провозглашалась веротерпимость, разрешалось беспрепятственное выполнение богослужения любой веры, кроме языческой, но влиятельные слои хазарского общества, иудейская аристократия и магометане — военные, не могли удержаться от соблазна выступать среди широких кругов населения в роли поборников своей веры. Их религиозное рвение было направлено и в сторону Приазовья.

Однако Меото-Казары с давних пор вращались среди христиан, а многие из них уже и сами приняли евангельское учение. Они привыкли смотреть на Греков, как на передовой народ, века приносивший к ним материальные и духовные ценности. Византия в их глазах была центром христианского мира и теперь, когда попытки обратить их в чуждое их обычаям иудейство или магометанство стали особенно назойливыми, они около 845 года обратились в Царьград.

«Доселе мы знали единого Бога, царствующего над всеми, — говорили их послы императору, — и ему поклонялись, обращаясь к востоку. Теперь же Евреи убеждают нас принять их веру, магометане же склоняют на свою. Имея к Вам исстари любовь и дружбу, зная, что народ ваш велик и царство ваше от Бога, мы просим вашего наставления. Пришлите к нам ученого мужа, пусть он обличит неправду евреев и мусульман» ³⁾.

Византийский император Михаил III был в это время озабочен укреплением своего политического и церковного влияния среди Западных Славян. Греческое духовенство шло к ним с проповедью и остро испытывало нужду в понятных для них богослужевных книгах. Но тогда не существовало еще славянской письменности, не было даже букв для начертания слов на этом языке.

Император призвал из Салоник двух молодых ученых священнослужителей, Константина Философа (в монашестве — Кирилл) и его брата Мефодия. Он поручил им заняться составлением азбуки, при помощи которой можно было бы сделать переводы Священного Писания на славянский язык.

Константин сразу же направил путь к Казарам с тем,

чтобы изучить там древние основы славянской речи, а одновременно и разрешить их религиозные сомнения.

По дороге он задержался в крымском Херсонесе и, как говорит летописное предание, нашел там «Евангелие и Псалтырь русыкими письмены писано и человека обрет глаголюща тою беседою» ⁴⁾. Но это не были славянские книги. Тогда на южном побережье Крыма рядом с Готами еще проживали родственные им Росомоны. Их город Новая Росия или Маврокастрон стоял недалеко от Евпатории. ⁵⁾ Со времен епископа Ульфилы они имели евангелие на своем языке, общем для всех Готов. Нужно полагать, что летопись говорит, именно, об этих «русыких письменах», которые действительно принадлежали Русам, но не Славянам, а тому народу, от которого Славяне вскоре получили свое имя, — Русь.

Переправившись в Приазовье, Константин - Кирилл изучал там особенности древнего диалекта Казаров. Для каждого отдельного звука их речи он изобрел особые буквы, из которых составила азбука «кириллица». При ее помощи церковная жизнь Славян обогатилась собственными книгами на языке, который теперь считают древне-болгарским, а называют церковно-славянским.

Во всяком случае, «кириллица» родилась на звуковых основах казарской речи. Это подчеркивает и русский историк Татищев, говоря, что Кирилл прежде всего проповедывал христианство Казарам «и для них буквы сложил», а Болгарам и Морavam сообщил их позднее (см. главу десятую). Буквы полностью отвечали требованиям древне-болгарского языка. В этом можно видеть простую случайность, но не следует забывать и того, что Болгары пришли на Дунай с берегов Азовского моря и должны были знать язык Меото-Казаров.

Кирилл бегло говорил по славянски. Находясь среди Казаров, он разъяснял им основы Христова Учения и в результате его проповеди крестились все некрещенные до сего времени.

Таким образом, история изобретения общеславянской письменности непосредственно связана с торжеством христианства на нашей земле.

Это произошло около 860 года.

Завершив с божественной славой свою деятельность в Казарии, Кирилл отправился на помощь к брату в Чехию. Здесь они сообща перевели на церковно-славянский язык много богослужебных книг и за работой Просветитель на-

ших предков умер 14-го февраля 869 года. Православная церковь причисляет его к лику святых.

1) Сведения касающиеся церковной истории позаимствованы из книги: Дм. Струков. Древние памятники христианства в Тавриде.

2) В 1637 году, как бы ознаменовав тысячелетие построения храма, Казаки отобрали Азов от Турок.

3) Д. Струков, как выше.

4) Повесть временных лет.

5) Д. Струков, как выше и Визант. Временник VI, стр. 19. Новый Город Русский — может быть прежняя скифская столица в Крыму Неаполис на р. Салгир.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

УЗЫ ИЛИ ТОРКИ

Узы — Торки за Волгой. Торки бьют Печенегов. Переселение на Дон. Наши предки Торки-Берендеи. Касак — победитель Татар. Торческие курганы. Имя Казаков и раньше принадлежало Торкам и Берендеям. Торки и Хазария. Хазария слабеет. Поход Русов через ее земли. Засада мусульман. Гибель Русов.

Перед концом девятого века в истории Хазарии появляется имя Торков. Как говорилось раньше, Торки оседлые, Ториаты и Торпеты проживали на берегах реки Кубани уже в конце старой эры (см. главу третью). Они принадлежали к тем народам, на которые распространялось территориальное имя Касаров, Касаровцев. Теперь же другая часть Торков обнаруживается в Прикаспийских степях около реки Волги. Они кочевали там при границах Хазарии и, следуя своим обычаям, по договорам помогали ей бороться с враждебными соседями. Таковыми в девятом веке были племена Печенегов, занимавших заволжские степи восточнее Торков.

Постоянными нападениями Печенеги причиняли Хазарии чувствительные потери и препятствовали спокойному течению их торговых дел.

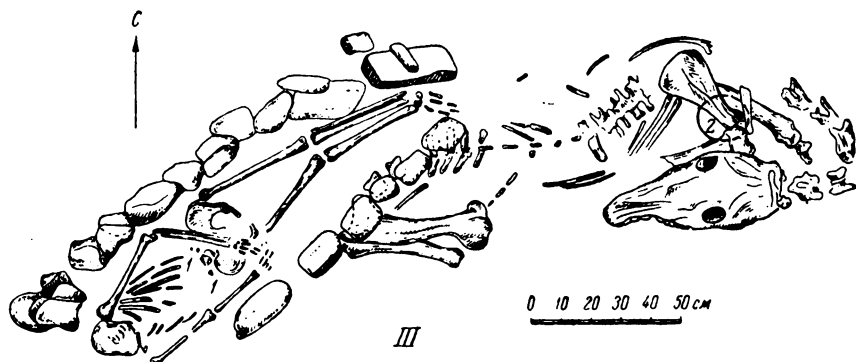
Около 893 года хакан договорился с Торками об изгнании Печенегов. Константин Багрянородный пишет об этом так:

«Печенеги сначала жили возле реки Волги и Яика и соседями их были народы, которые назывались Мазары и

Узы (как известно, Узы византийских историков, Гуззы арабских, тождественны Торкам наших летописей. Н. Мец). Пятьдесят лет назад, так называемые Узы, согласившись с Хазарами и напавши на Печенегов, одолели их и выгнали из собственной страны.» (Цит. по Н. Д. Мец. К вопросу о Торках)

После этого Печенеги ушли за Днепр, а Узы или Торки следом за ними переселились на Дон и Донец.

«В X веке, как сообщает Масуди, Торки появляются на правом берегу Дона. Местом жительства Торков в бассейне реки Дона, по мнению ряда исследователей (Н. Е. Бранденбург, В. А. Городцев и др.), был город Славянск, который в древности носил имя этого племени и назывался Тором. На пребывание здесь Торков указывают и названия двух рек. Тор и Торец, а кроме того имеется деревня Торская и Торское городище» ¹⁾.

**Погребение с конем у селения Тарки, III или II в. до Р. Хр.
(по кн. МИА 23)**

По Константину Багрянородному Узия, земля Узов или Торков, находилась между кочевьями Печенегов и Хазарией и, следовательно, тоже на Донце.

Следует вспомнить, что Торки или Узы были скифо-аланским народом, которому принадлежало и древнее имя Касаков. До своего появления на Дону они прошли длительный путь через Терек и Кубань к Волге, оставляя память о себе в разбросанных по степи курганах, в особом типе «торческих погребений».

«Отличительной чертой их, — рассказывает исследователь вопроса Н. Д. Мец, — является захоронение человека вместе с конем. Обряд погребения следующий: покойник ориентирован головой на запад, в вытянутом положении;

с левой стороны его — лошадинный остов, ориентированный также на запад. Захоронения коня неоднородны — иногда это целый остов, иногда часть его, голова, передние и задние конечности, расположенные в строгом порядке: голова коня у головы покойника, с ориентировкой на запад; передняя пара ног у головы коня, копытами на запад же, а задняя пара ног — у ног покойника, копытами на восток» ²⁾).

Начиная от десятого века, т. е. со времени, когда на Дону и на Донце появляются торческие курганы, начинают упоминать Торков и русские летописи. Очень часто рядом с ними стоят Берендеи, которых летописцы иногда называют Перендиями. А Перендий, Перун, Перкунас то же самое, что и скандинавский Тор — бог грома и молний. В этом лишнее доказательство действительности происхождения имени Торков от скандинавского корня. Один из наиболее ранних русских историков — Болтин перечисляет их имена: «Торки и Торпеи они же Поросяне и Берендеи. Одни от Славян, а другие от Сармат их производят. Смешение их с теми и другими оба мнения делает вероятными» ³⁾. На Руси они назывались также Черными Клобуками и Черкасами.

Ригельман связывает появление имени Казаков с приходом Торков на Донец: «Начало Казаков, — говорит он, — происходит со времени 948 года от славного победителя Татар — Касака и по его имени проиеновалось воинство его Казаками, о чем и Синописис Киевский пишет также, что, победивши Татар, Козаки жительствоваь остались между реками Доном и Днепром» ⁴⁾. Ригельман указал здесь время записи события Багрянородным (948 г.). Изгнание Татар — Печенегов за Днепр произошло на 50-55 лет раньше. Кроме того, выводить наше имя от имени вождя Касака нельзя. Касаки, Касаги и другие подобные имена встречаются в истории и перед этим. Багрянородный тоже вспоминает Коса — одно из хазарских племен. Если такой вождь был действительно, то его имя или прозвище могло скорее произойти от названия народа, так, например, как в древности — Арсак (Засаковец), Уз Черкас, Казарин, Торчин, да и в наше время — Алан, Роман, Франк или Герман.

После Болтина и Ригельмана, историк Н. М. Карамзин также считал, что имя Казаков «древнее Батыева нашего и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра ниже Киева. Там находим и первые жилища Малороссийских Казаков. Торки и Берендеи назывались Черкасами, — пишет он дальше, — Казаки тоже. Вспомним Касагов, обитавших по нашим летописям между

Каспийским и Черным морями, вспомним и страну Казахию, полагаемую императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что Осетинцы именуют Черкесов Касахами. Столько обстоятельств вместе заставляют думать, что Торки и Берендеи, называясь Черкасами, назывались и Казаками» ⁵⁾. (Карамзин говорит здесь о более поздней эпохе, когда под натиском Половцев Торки переселились в бассейн Днепра)

К ценным выводам русского историографа следует относиться с большим вниманием. В самом деле, два имени, Черкасы и Казаки, в течение столетий тесно переплетаются друг с другом. Но, вместе с тем, Черкасы с Днепра и Дона всегда предпочитали сами себя называть Казаками. Черкасами в русских понятиях они оставались вплоть до восемнадцатого века, после чего это территориальное прозвище перестало употребляться по отношению к каким либо Казакам, а закрепилось окончательно за Кавказскими горами.

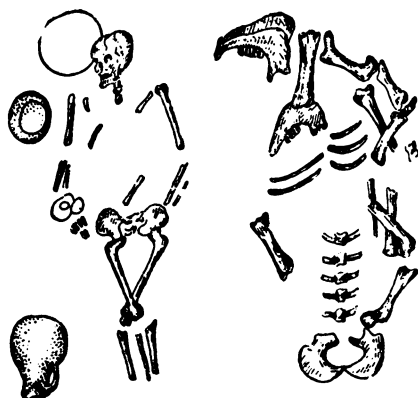

**Погребение с конем близ ст. Усть-Лабинской I в. до Р. Хр.
(по кн. МИА 23)**

В десятом веке Торки кочевые располагались еще на западной границе Хазарии, в углу между Доном, Донцом и Азовским морем. Но отношения кочевых Торков с хазарскими каганами основывались только на временных договорах о взаимной помощи. В начале десятого столетия народы аланского комплекса, а в том числе и Торки, совершенно освободились от политических влияний Хазарии и вели обособленную от нее, независимую жизнь. Кавказские Аланы, племена Ясов, набегами опустошали девять соседних областей, ослабевшей по каким то причинам, хазарской империи, самую плодородную ее часть. Торки или Узы то-

же тревожили ее со стороны Дона. Багрянородный предполагал возможность нападений на Хазарию и со стороны Узов ⁶⁾.

Империя проявляла отчетливые признаки катастрофической слабости. Соседи безнаказанно и со всех сторон громили ее пограничье; Днепровские Славяне, объединенные и организованные Русами, не только перестали платить ей дань, но даже повисли угрозой над ее целостью и благосостоянием; при первом толчке извне готовы были порваться внутренние связи с западными провинциями, Подоньем и Приазовьем. В 913 году какие то Русы беспрепятственно прошли через ее воды и земли грабительским походом на Персию.

План Прикубанского погребения с конем
(по кн. МИА 23)

Араб Масуди рассказывает, как Русы подошли по Дону к Волго-Донской переволоке. Они имели 500 судов, по сто человек на каждом. Хакан не был в состоянии выставить против них достаточно сил и потому согласился пропустить их по Волге в Каспий. Русы переволочили суда и мимо столицы Хазаров спустились в море.

От их набега пострадали владения Персии, Дербент и его окрестности. Но когда они возвращались тем же путем нагруженные добычей, то в устьях Волги встретили засаду мусульманских войск кагана. Многие Русы погибли. Только части удалось прорваться и бежать вверх по реке.

В русских летописях об этом походе ничего не вспоминается. 913 год — время смерти князя Олега. Может быть он тоже нашел там гибель под хазарской шашкой, а лето-

писец, не желая об этом вспоминать, предпочел поместить поэтическую легенду о гибели князя от укуса змеи.

Во всяком случае, непонятно, почему столь значительное событие — поход огромных масс в далекую Персию и почти поголовная гибель русской рати — прошло незамеченным для летописцев. Днепровские Славяне должны были принимать в нем участие, хотя бы под началом своих новых государей — Русов, усилившихся к этому времени путем покорения соседних народов.

1) Н. Д. Мец. К вопросу о Торках.

2) Там же.

3) И. Болтин. Примечания на историю древния и нынешния России Г. Леклерка.

4) А. Ригельман. История или повествование о Донских Казаках.

5) Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. 8.

6) Константин Багрянородный. Об управлении империей, гл. 10.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

СЛАВЯНЕ И РУСЫ

Славяне. Их обычаи по свидетельству древних. Аварский плен. Само. Гибель Аваров. Славянские племена на Днепре. Приазовские Споры. Артана. Киев построен Хазарами. Аскольд и Дир — хазарские наместники. Хакан Рус. Варяги — Русы. Рюрик в Новгороде. Норманисты и автохтонисты. Росомоны Иорнанда. Город Росия и епископы русские. Русь внешняя. Названия днепровских походов. Первые Русы не были Славянами.

Данники хазарского хакана Поляне, Северяне и Вятичи принадлежали к славянскому роду. Имя Славян появилось в истории около пятого века по Р. Хр. и вначале применялось к племенам, жившим вдоль реки Дуная. Сродные им по языку народы размещались в ту эпоху также на побережьях Черного моря между устьями Днестра и Дуная, по Висле, в верховьях Сев. Донца и в Приазовьи.

В VI веке готский летописец Иорнанд и греческий — Прокопий из Кесарии указывают поселения Славян вдоль Сарматских гор (теперь Карпаты). Последний предполагал, что они пришли на Дунай из Сарматии Азиатской. На Донце к северу от Азовского моря в его время еще проживали «бесчисленные племена Антов» ¹⁾. Тюрки-Авары, продвигаясь на запад, захватили и часть Антов, которые на Дунае встретили своих соплеменников — Славян.

Прокопий признает Антов и Славян за близких родственников. «У тех и у других, — говорит он, — один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и

огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый не совсем темный, но все они темно-красные. Образ жизни у них, как у Массаетов, грубый, без всяких удобств. Вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем не злобные, а во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. И некогда даже имя у Славян и Антов было одно и то же. В древности оба эти племена назывались Спорами (рассеянными), думаю потому, что они жили, занимая страну спораден — рассеяно, отдаленными поселками. Поэтому то им и земли надо занимать много» ²⁾.

«Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и, вообще, не признают, что она по отношению к людям имеет какую либо силу. И когда им, вот-вот, грозит смерть охваченным болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу. Избежав смерти, они приносят то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки и нимф и всякие другие божества, приносят жертвы всем им, а при помощи этих жертв производят и гадания.» «Вступая в битву, большинство из них идет на врага со щитами и дротиками в руках, панцырей же они никогда не одевают: иные не носят ни рубашек, ни плащей, а одни только штаны, подпоясанные широким поясом на бедрах, и в таком виде идут сражаться с врагом» ³⁾.

Менандр в Книге Посольств тоже считает, что Славяне пришли на Дунай с востока. Раньше у них было народоправство, но к его времени, во второй половине VI века, славянские вожди управляли своими племенами единолично ⁴⁾.

Когда Авары появились на Дунае, то первое время они жили дружно и с дунайскими Славянами и с теми Антами, что пришли с ними вместе. Но немного погодя Авары решили обратить их всех в положение своих данников. Напавши на Славян, они их разгромили, уничтожили их вождей и заставили не только платить дань, но и подчиняться самым унижительным требованиям. Наступила очень тяжелая неволя под властью управителей, поставленных аварскими каганами.

Русская летопись вспоминает об этом печальном для Славян времени, называя Аваров — Обрами:

«Эти Обры воевали и против Славян и примучили Дулебов, также Славян; и творили насилие женам дулебским: если поедет куда Обрин, то не позволял запрещь коня или

вола, но приказывал впречь в телегу три, четыре или пять жен и везти его Обрина. И так мучили Дулебов.» Но Бог, по словам летописца, истребил Аваров за их гордость, после чего на Руси осталась поговорка: «Погибоша аки Обре» ⁵⁾.

Западные историки дают иной образ освобождения от аварского плена: В 623 году, выведенные из терпения Славяне восстали против своих притеснителей. Под предводительством Франконца (немца) Само они разбили Аваров и освободились от рабства. Само остался у них князем, имел двенадцать жен и оставил после себя 22 сына и 17 дочерей.

В одну из тяжелых эпох часть Славян начала обратный отход с запада на северо-восток. В седьмом веке они пришли на Днепр. Потом под прикрытием лесов достигли реки Оки и озера Ильменя. По близости к Карпатам остались Дулебы, Воляняне и Бужане. На правом берегу Днепра осели Поляне, Древляне и Дреговичи. Кривичи заняли верховья рек Зап. Двины, Волги и Днепра; Северяне населили землю Северскую по Суле, Десне и верховьям Донца. Здесь Северяне встретили остатки Антов, племени Вятичей, прежних жителей, которые под их давлением отошли ближе к Оке.

Племена Споров и Антов возвращались теперь на восток с новым именем — Славян. Родственные им по языку Меото-Казары не принимали участия ни в их передвижении, ни в образовании нового расового имени — Славяне, Склавины. Оно родилось далеко от них на западе и, следовательно, применять к ним это имя нет оснований. Древние авторы этого и не делают. Они называют Приазовских Казаров народом скифским, лишь только одного языка со Славянами.

Кроме русских летописных записей о приходе Славян с Дуная, о том же имеется свидетельство в хронике константинопольского патриарха Никифора. Под годом 764 у него записано:

«Прошло немного времени и выходцы из склавинского племени, переселяясь со своей земли, перешли через Эвксинское море. Их количество достигло до двухсот восьми тысяч человек. И они поселились у реки, именуемой — Артана» ⁶⁾.

Ар т а н а — тюркское название реки и местности, лежащей на запад от Дона. Смысл этого слова — «по другую сторону от Таны», или, иначе говоря, «за Доном».

Ар т а н а, вероятнее всего, принятое у тюркских народов, первоначальное название Малого Дона, Донца.

Вскоре после прибытия на Днепр и Донец, Славяне попали под власть Хазаров. Они платили им дань и управля-

лись князьями, хазарскими наместниками. Основателями города Киева летопись указывает хазарских князей Кия, Щека и Хорива. Исследователь древне-русской речи Л. П. Якубинский пишет:

«По точному смыслу чтения Лаврентьевского списка «Повести временных лет», сами эти три брата, имена которых на славянской почве не объяснимы, оказываются хазарского происхождения: на вопрос Аскольда и Дира: «чий се градок?» — Киевляне ответили: «была суть три братья Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градокошь и изгибоша, и мы седим, платяче дань родом их (т. е. родичам, от слова род в значении р о д и ч) Козаром» 7).

После того, как Аскольд и Дир завладели Киевом, он не переставал считаться городом хаканов:

«В X веке Киев считался в Хазарии хазарским, т. е. принадлежавшим Хазарам, городом, — пишет дальше Л. П. Якубинский. — Это видно из сохранившегося письма одного хазарского Еврея, который сообщает, что царь Руси Helgu или Halgu (т. е. Олег) по подстрекательству греческого царя Романа напал на хазарский город Самбораю и взял его воровским образом. Мы знаем по летописи, что Олег взял воровским образом Киев, который по сообщению Константина Багрянородного носил еще и название Самбатас» 8).

Если это так, то Аскольд и Дир, значит, тоже управляли Киевом от имени хазарских императоров и может быть благодаря этому у Русов был принят вначале хазарский титул правителей — х а к а н ы .

В то время как на Днепре безраздельно властвовали Хазары, Славяне Ильменские должны были долгое время покоряться варягам. В 862 году им удалось избавиться от варяжских наместников. Они изгнали их за море и перестали платить им дань. После этого они, по словам летописца, «начали сами собой владеть и не было у них правды. Род восстал на род, разгорелись междоусобия и стали воевать друг с другом. Тогда порешили: «поищем себе князя, чтобы правил нами и судил справедливо.»

Выбор пал на князей норманнов из племени Русь и к ним за море отправились послы. «Земля наша велика и обильна, — сказали они князьям, — а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами.» «Собрались три брата со своими родами и с большой, смелой дружиной. Они пришли к Новгороду и там сел старший, по имени Рюрик, другой на Белоозере — Синеус, а третий в Изборске, имя ему Трувор. И от тех варягов, от тех пришельцев, прозва-

лася Русь и от них называется Русская земля; и сегодня еще есть новгородские люди варяжского рода» ⁹⁾).

Все летописи трактуют одинаково причины, по которым славянские племенные названия уступили место обобщающему имени — Русь. Но несмотря на это, уже больше ста лет между русскими историками ведется горячий спор. Некоторые принимают полностью точку зрения летописей и называются норманистами. Их противники автохтонисты или славянофилы наоборот считают, что Русь — название местное, что оно принадлежало вначале одному из славянских племен, а впоследствии распространилось и на все остальные.

Для нас, Казаков, вопрос о происхождении слова Русь имеет значение только потому, что он связан с эпохой возникновения первоначальной русской государственности, с появлением династии, на долю которой выпало многовековое господство над Восточными Славянами. Нашим предкам тоже нераз приходилось связывать свои судьбы с некоторыми князьями этого рода и для того, чтобы понять характер их взаимоотношений, следует задержать несколько внимание на споре норманистов с автохтонистами — славянофилами.

Нужно признать, что норманисты, кроме свидетельства летописей, обладают основательным арсеналом доказательств, в то время, как славянофилы, противопоставляя им уязвленное национальное самолюбие (кстати сказать, совершенно необоснованно), оперируют лишь косвенными показателями.

Имена сродные по звучанию с именем Русь в 862 году на берегах Черного моря новыми не было. Однако, нет данных полагать, что они вначале принадлежали какому либо славянскому народу. Были в глубокой древности *Аорсы* (срав. с тюркским *Урусы*); были *Роксоланы*, а может быть и *Росоланы*, о которых знают все древние авторы; был южный народ *Урус* или *Орос*, описанный Псевдо - Захарием в 555 году; тогда же в шестом веке, по Иорнанду, среди *Остготов* проживали *Росомоны*. И. П. Буданов цитирует слова *Али бен Саид Магриби* (очевидно, по *Фрэну*): «Восточнее того города (*Судака*) есть вход в море *Манитиш* (по *Фрэну*, это испорченное *Меотис*). У этой стороны лежит *Русия*, который есть главный город *Русов*. На восток от него есть озеро *Тома*, в середине которого есть остров *Алибен*... Знаменитый главный город в этом округе называется *Тома*» ¹⁰⁾. В начале девятого века Церковная история знает на Крымском полуострове епископов *росских*, а город *Росия* или *Маврокастрон* обозначен на древней карте выше

Евпатории ¹¹⁾. «Не об этих ли Росах упоминает патриарх Фотий в послании своем 858 года, восхваляя их за неизменность православия», спрашивает один из русских авторов. ¹²⁾ Отвечает на этот вопрос Лев Диакон, говоря о жителях Крыма Тавро-Скифах: «которых мы обыкновенно называем Русами» ³⁾. Тавро - Скифы не были Славянами, а сложились из многовекового смешивания действительных Скифов с Готами. Тот же Фотий в другом окружном послании, «говоря о нашествии этого народа на Византию, называет его то Русью, то Скифами: «народ часто упоминаемый и прославляемый, превосходящий все другие народы своей жестокостью и кровожадностью, — я говорю о Русах, которые, покорив окрестные народы, возгордились и, возымев о себе высокое мнение, подняли оружие на Римскую державу» ¹⁴⁾.

Константин Багрянородный, вспоминая Росию «внешнюю» на Днепре, как бы подразумевает этим и Росию «внутреннюю», вернее всего в византийских крымских владениях, где либо в Тавро-Скифии. В главе 37 трактата «Об управлении империей» он пишет, что Русы занимают особую от Славян область. Он же приводит названия днепровских порогов по славянски и по русски.

Названия эти разные. У Русов они звучат не по славянски и потому есть основание думать, что Русы и Славяне, живя отдельно, пользовались различными языками.

Названия порогов

у Славян	у Русов
1 Нессупи	Нессупи
2 Островуни праг	Ульворси
3	Геландри
4 Неясыт	Анфор
5 Вульнипраг	Баруфорс
6 Веручи	Леонти
7 Напрези	Струвун

Об одном из мест поселения первоначальных Русов, говорит, хотя и очень туманно, автор X века — Джайхани. Ибн Руста цитирует его так:

«Что касается до Руси, то находится она на острове окруженном озером. Остров этот, на котором живут они (Русь), занимает пространство трех дней пути; покрыт он лесами и болотами; нездоров он и сыр до того, что стоит наступить ногой на землю и она уже трясется по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется ха-

кан Рус. Они производят набеги на Славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, отвозят в Хазран или Булгар и продают там» ¹⁵).

Где лежал этот таинственный остров неизвестно. За тысячу последних лет уровень морей много понизился и некоторые острова слились в сплошную береговую линию. Такой остров мог находиться и в Крыму там, где стоял город Росия.

Кроме приведенных данных о южных Русах, встречаются также и свидетельства некоторых древних авторов о Русах северных.

В одной из германских летописей (анналах Бертинского монастыря) под 839 годом сообщается, что ко двору короля Людовика Благочестивого вместе с Греческими послами однажды явилась группа людей, именовавших себя Русью. Они пребывали в Византии с поручением от своего хакана Рус, но, будучи отрезаны от родины нашествием варваров, возвращались теперь окружным путем. Возбудив порозрение, они подверглись тщательному допросу и оказались Свееми (Скандинавами) ¹⁶).

Историк Ключевский приводит другое свидетельство: «Еврей Ибрагим... записки которого сохранились в сочинениях арабского писателя XI века Ал Бекри, около половины X века писал, что «племена севера (в том числе и Русь) завладели некоторыми из Славян и до сей поры живут среди них, даже усвоили их язык, смешавшись с ними.»

Нужно прибавить, что Финны и Эстонцы до нашего времени сохраняют для Шведов имя Р у о с и , а береговая полоса в Швеции против Финского залива называется Р о с л а г е н .

Таким образом, первоначальных Русов, Русов-норманнов, можно было найти и в Крыму и далеко на севере. Скандинавские племена, которым в основе принадлежало это имя, выделили когда то из себя часть, переселившуюся к берегам Черного моря.

Из этого следует, что в тех случаях, когда речь идет о событиях совершившихся до середины IX века, в Русах надо видеть не Славян, а Скандинавов. Таковыми были Русы нападавшие на Византию в ранние эпохи; таковыми были Русы осадившие, по словам грузина-летописца Георгия Мтацминдели, в 626 году город Константинополь; тоже и «воинственные Русы» нападавшие на Дербент в 643 году. Не принадлежал к Славянам и «народ русский воинственный и языческий», по сообщению Константина Багрянородного, принявший Крещение при его деде императоре Василии. А вместе с тем, все эти Русы, собравшись на сла-

вянской почве, создали кадры управления в княжествах Рюриковичей. Они способствовали организации и укреплению варяго-русской государственности и имя Русь со временем перешло на всех, объединенных под их властью, Славян. Благодаря этому варяго-русская государственность вскоре обратилась в государственность славяно-русскую, а ее организаторы растворились без следа в преобладающей массе славянского населения страны.

-
- 1) Прокопий из Кесарии. Война с Готами, IV. 4. 9.
 - 2) Там же, III. 14. 27 сл.
 - 3) Там же, III. 14. 23 сл. Кожанные пояса шириною свыше 20 сант. были еще недавно в употреблении у карпатских Гуцулов, как часть праздничного наряда.
 - 4) А.Нарушевич. История польского народа.
 - 5) Повесть временных лет.
 - 6) Никифора, патр. константинопольского. Краткая История, Визант. Времен. III, стр. 378.
 - 7) Л. П. Якубинский. История древне-русского языка, стр. 346.
 - 8) Там же.
 - 9) Новгородская первая летопись.
 - 10) И. П. Буданов. Дон и Москва, кн. III, стр. 33.
 - 11) Виз. Врем. IV, стр. 19 и Д. Струков. Древние памятники христианства в Тавриде.
 - 12) Д. Струков. Там же.
 - 13) Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 334.
 - 14) Там же, стр. 447.
 - 15) Там же, стр. 446.
 - 16) Л. П. Якубинский. История древне-русского языка, стр. 338.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПАДЕНИЕ ХАЗАРИИ

Три славянских области. Артана. Русы — объединители Славян. Закат Хазарии. Казары — дружинники князя Игоря. Святослав Игоревич. Хазарский поход Святослава. Гибель империи. Остатки Хазаров. Саксины. Снова Кассария. Таматарха.

Джайхани, арабский географ десятого века, указавший поселения Русов на каком то таинственном острове, помещает Славян отдельно от Русов. Он знает три восточнославянских племенных центра: первый — Куявия с городом Куява, второй — Славия на озере Ильмень и третий — Артана, лежавшая «по близости к Хазару».

Местоположение двух первых не вызывает никаких сомнений. Это Киев и Новгород. А относительно третьего, Артаны, единомыслия у историков нет. Одни помещают ее в Рязани, а другие на берегу Азовского моря. Но едва ли оба эти мнения можно считать близкими к истине. Артану, во всяком случае, надо искать вне границ Хазарии, потому что Джайхани указал ее «по близости к Хазару», а не в самой Хазарии. Поэтому ее нельзя предполагать в Приазовьи или на берегах Дона, в границах империи. Вместе с тем, все близкие к Хазарии племена Славян в IX и X столетиях состояли данниками хакана, а по летописи это — Поляне, Радимичи и Вятичи. Центр Полян — Киев и потому их не следует принимать в расчет при поисках Артаны. Северяне же, Радимичи и Вятичи занимали земли по верховьям Донца по Суле и дальше в стороны, до Днепра и Оки. Это область, где археология наших времен обнаружила остатки

славянских поселений «Роменской культуры» и где в шестом веке, по словам Прокопия Кесарийского, проживали «бесчисленные племена Антов». Здесь и должна была находиться Артана, самое близкое к Хазарии место расселения Славян. Такое положение отвечает и тюркскому значению слов «ар Тана» — «позади Дона». Донец, считая от Азии, действительно, лежит в Задоньи.

Так же как и Поляне, Славяне из Артаны были покорены Хазарами и платили им дань. Но в 881 году хакан потерял Киев. Там обосновался Олег, племянник варяго-русского князя Рюрика, и с тех пор Киев стал южным центром владений Рюриковичей. Киевские князья сыграли роковую роль в судьбах Хазарии.

В течение следующих пяти лет, согласно летописи, события развернулись следующим образом:

«Отправился Олег на Северян и победил их, и возложил на них легкую дань, и не позволил им платить дань Хазарам, говоря так: «Я враг им и вы не должны ничего им давать».

«Пошел Олег к Радимичам, спрашивая: «кому даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «не давайте Хазарам, но платите мне». И дали Олегу по щелягу, как раньше давали Хазарам.»

Совершенно очевидно, что Хазария к этому времени была уже совсем обезсилена: данники отпадали, а каган ничем не мог противостоять новым захватчикам. Какие то разногласия нарушали внутреннюю спайку разноплеменного населения. Над страной повисли и сгущались с каждым годом зловещие тени грядущей гибели.

После смерти Олега (913 г.) в Киеве княжил сын Рюрика — Игорь. В его время княжеская дружина пополнялась из хазарского Приазовья. По каким то причинам, пока еще не совсем ясным, Казары — христиане, оставив родину, шли на службу к киевскому князю — язычнику. Из летописи известно, что в 944 году по договору Игоря с Греками, они, как христиане, приносили присягу по своей вере: «Крещенных Русов и Козар приводили к присяге в церкви св. Ильи, которая стоит над Ручаем, в конце Пасынча беседы; здесь была соборная церковь, потому что многие варяги были христианами» ¹⁾.

Для воинов-христиан, в которых легко узнать наших предков, не нашлось места в своей казарской армии! Там господствовали магометане, а известно, что религиозные различия повсюду были причиной национальных и политических разногласий. Связанные с верой убеждения о правоте, о специальных преимуществах избранного

Богом народа, о физической и духовной чистоте и т. п., часто служили зародышем для взаимной ненависти между инаковерующими. От алтарей антагонизмы расходились в широкие массы, перерастая там в открытую вражду и вызывая столкновения. При деспотическом строе, какой царил в Хазарии, трудно предполагать равенство в правах для всех религиозных общин в одинаковой степени. Магометане в то время, прославляя Аллаха, пользовались боевыми лозунгами. Они и иудеи были сильны в Хазарии. Христиане же, повидимому, почетом там не пользовались, особенно в IX-X в.в. Во влиятельных кругах они своих представителей не имели. Каждый день мог принести им унижения и оскорбления, без возможности найти управу на обидчика. Поэтому, вероятно, Казары-христиане покидали свой край и шли туда, где для воина было готово почетное место в дружине чужого государя.

Гордые, непримиримые и деятельные жители Приазовья уходили с родины и служили интересам русских князей. А в это время вся армия хакана насчитывала только двенадцать тысяч наемников, конницы и пехоты ²⁾. С такими силами, конечно, противостоять Русам было невозможно.

В Киеве должны были хорошо знать о царивших в Хазарии отношениях, а присутствие в княжеской дружине Казаров-эмигрантов подсказывало мысль о вторжении в границы их ослабевшей родины. Эмигранты, пожалуй, тоже этого хотели. Святослав Игоревич, внук Рюрика, и начал свое боевое княжение с нападения на Хазарию.

Воинственный и хищный, он сам, вероятно, по крови был связан с тавро-скифским, росомонским югом. Он брил бороду и голову, но носил длинные усы и оставлял на макушке чуб-оселедец; в одном ухе висела у него золотая серьга. В этих особенностях его внешности — подтверждение родственных связей Святослава с Черноморьем: ни северные народы, ни Славяне подобным обычаям не следовали. Бритая голова и чуб на макушке это мода исключительно северокавказская, сарматская. Она долго сохранялась у прикубанских Черкасов — Циков ³⁾ да у Запорожских Казаков. Донцов же с серьгой в ухе можно было встретить и в наше время.

В 965 году Святослав повел войска на Хазарию. Каган встретил его на Дону, но потерпел поражение и в бегстве открыл безоружную страну. Город Саркел был взят и разрушен. Русы заняли Дон и прошли огнем и мечем по Северному Кавказу. Не ограничиваясь этим, Святослав разгромил покинутую каганом столицу — Атель (Итиль) и опу-

стошил земли Буртасов и Булгар. Современник, арабский географ Ибн Хаукал сообщает о разрушении хазарских городов Саркела, Итиля и Семендера.

Запись русской летописи об этом большом событии необычайно коротка: «Иде Святослав на Козары; слышавши же Козары, изидоша противу с князем своим Каганом и съступишася битися и бывши брани одоле Святослав Козаром и град их Белу Вежу взя. И Ясы победи и Касоги» ⁴⁾.

«Хазарский каганат прекратил свое существование, — говорит русский историк, — остатки его на Нижней Волге известны под именем Саксинов и уже не играют сколько нибудь значительной роли» ⁵⁾.

Имя этих хазарских последышей на Волге С а к с и н ы очень похоже на название закавказской области Саков — С а к а с е н а !

Хазария была создана политическими навыками и боевыми трудами Меотов-Касаровцев. В ней должна была возродиться боспорская государственная традиция с ориентацией на культурный византийский Запад. Но династия пошла по иным путям. Ее власть выродилась в формы восточной деспотии с идеологией иудаизма. Вследствие этого в разноплеменном, по разному верующем, разноязычном населении империи развились силы отталкивания от центра, ставшего ему чуждым. Хазария перестала быть духовной родиной и для своих жителей — христиан. Многие из них ушли в эмиграцию и приложили потом руку к ее падению.

Но все же это была страна, с которой наши предки были связаны пол тысячелетия.

Просуществовав пять веков, при первом толчке извне империя распалась на отдельные части. Возродившийся Великий Булгар, к которому перешла вся торговля с Востоком, занял ее место на Волге. Хакан же после всех поражений ушел на крымскую сторону своего царства в Готскую область, где от погрома уцелели города Корчев (Керчь), Теодорос (Феодосия), Сольдая (Судак) и др. Эта область с противолежащими берегами Азовского моря еще долго потом сохраняла старое имя павшей империи. В 1253 году путешественник Вильгельм де Рубрукис писал о ней: «Это провинция, называемая по латыни Газария; Греками же, которые проживают там на берегу моря, она называется Кассария, что значит — Цезария». «Провинция Газария или Кассария, куда мы прибыли, состоит из трех частей. В первой западной ее части она имеет город Керчова, где св. Климент претерпел мучения.»

Вторую часть Кассарии Рубрукис указывает на юг от

Керченского полуострова с городом Сольдая. «На возвышенном берегу от Керчовы до Сольдая стоит ряд укрепленных замков, — рассказывает он, — и почти в каждом из них имеется свой собственный язык. Также здесь много Готов, говорящих на немецком наречии.» «А восточная часть этой провинции лежит там, где Танаис выливает свои струи в Понтийское море. Тут расположен город Матрига.» «Все три части Кассарии сообщаются между собою по морю» ⁶⁾.

Так еще крепко в XIII столетии сохранялась память не только о Хазарии, но и о древней Кассарии! Но следует при этом заметить, что Матрига, о которой писал Рубрукис, это город Таматарха, потерявший по каким то причинам первый слог своего имени.

В 948 году Константин Багрянородный писал: «Напротив Боспора стоит город называемый Таматарха». «После Таматархи в 18 или 20 милях от нее есть река Укруг, которая отделяет Таматарху от Цикии.»

Таматарха тоже была частью Хазарии. После падения империи она временно оставалась под властью киевских князей вместе с Приазовьем и Подоньем. В 1015 году здесь возникло самостоятельное княжество Томаторканское.

1) Троицкая летопись.

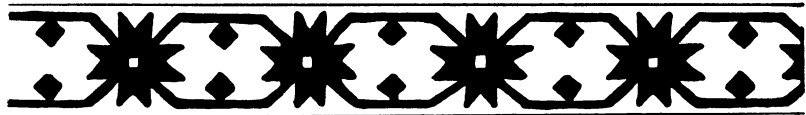
2) Г. Гретс. История Евреев.

3) Георгий Интериано. Жизнь и поселения Циков.

4) Повесть временных лет, т. 2, стр. 309.

5) В. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 460.

6) Дневник брата Вильгельма де Рубрукиса. Рубрукис считал Азовское море продолжением Дона.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ТОМАТОРКАНЬ

Кайсария азиатская и европейская. Торговое первенство Пантикапеи. Расцвет Меотиды. Селение Томи или Тома. Его рост. Переименование в Тома-торкань. Греческая Таматарха то же самое, что и Томаторкань. Спор русских историков. Надпись на Томаторканском камне. История этой мраморной плиты. «Дело» о ее ограждении. Постановление Ученой Архивной комиссии. На острове Фанагорийском. Укруг. Томаторкань — колония Киева.

Земли древнего Царства Боспорского или Кайсарии, как его называли позднее, были разделены морями на две противоположащие области: азиатскую и европейскую. Среди населения азиатской, кавказской стороны, в Меотиде, преобладали остатки скифо-сарматов, земледельцы и рыболовы, в то время как по европейской стороне, через пролив на нынешнем Керченском полуострове, в цветущих городах проживали по большей части Греки — колонисты, купцы, промышленники, художники и ремесленники. Они удобно располагались здесь опоясанные морем, вдалеке от опасной степи.

Политическое первенство Пантикапеи, боспорской столицы, передавало торгово-промышленные преимущества в руки европейской стороны. Заморские товары шли обычно через ее пристани. На долю же купцов из Восточного Приазовья, даже при наличии высоко развитой в этой области промышленности ¹⁾, оставалась второстепенная роль посредников между пантикапейским рынком и соседней северо-кавказской степью.

Но иногда приходили эпохи, когда восточные берега Азовского моря целиком освобождались от власти правителей Боспора и связывали свои судьбы с одним из государств Кавказа. В это время некоторые приморские города и селения Меотиды приобретали особенный торговый вес, а корабли с заморскими товарами приплывали прямо в их затишные гавани, минуя царственную Пантикапею.

Одна из таких эпох морского и торгового торжества Меотиды началась в конце седьмого века с выходом Хазари к берегам Черного и Азовского морей.

Тогда то одно из приморских селений, лежавшее в глубине Таманского залива — Томи начало быстро разрастаться в крупный торговый и административный центр. Его непосредственная связь с кубанским водным и черноморско-каспийским сухим путями, так же как его положение на берегу огромного, глубокого и закрытого, как озеро, залива открывало перед ним большие торговые возможности.

Томи издавна было значительным приморским поселением и уже несколько веков его название входило в титул митрополитов Томи и Таны. В «Краткой истории» патриарха Никифора Томи упоминается под 704 годом. Знали его и Арабы. Как говорилось раньше (см. гл. пятнадцатую), Али бен Саид Магриби, указав города Судак и Росию в Таврии, полагает на восток от них озеро Тома и добавляет: «Знаменитый главный город в этом округе называется Тома».

С того времени, как Томи включилось в широко поставленные торговые обороты Хазарии, оно стало сильным конкурентом Корчева, прежней Пантикапеи. С ростом торгового и административного значения города множилось и его население, а вместе с этим, надо полагать, выросло влияние местных Ториатов, Торков (Торъков, как пишет русский летописец). Вероятно, по этой причине к основному названию города приросло окончание торкань. Поселение Томи обратилось в город Тома торкань, что в греческом произношении дало Таматарху.

Время такой перемены можно определить концом VIII столетия, так как в 800 году здесь упоминается уже не Томианское архиепископство, а Таматарханское ²⁾.

Подобное изменение произошло и с первоначальным именем Астрахани. Прежде город назывался Хаджи, потом Хаджи-торкань, Азиторкань, Азторокань. И тут и там Торки пребывали веками ³⁾.

Русские называли Томаторкань — Тматороканью. Но следует заметить, что первоначальное начертание этого

имени у Славян было Тьмуторокань и, значит, произносилось оно как Томуторокань с коротким О в первом слоге. Только впоследствии переписчики летописи стали писать Тмуторокань и даже Тьмуторокань, очевидно, применяясь к привычным понятиям и осмысливая название по своему.

Самым близким к древнему произношению Греков и Славян, а потому и самым правильным, следует признать начертание Тома т о р к а н ь .

Помимо совершенно однообразного звучания Томаторкани и Таматархи, русские историки долго оспаривали их тождественность. Не приходили они к одному мнению и по вопросу о местоположении города и помещали Томаторкань, то на Дону, то в Рязани, то в Астрахани.

А между тем всем была известна ее близость к Черноморскому побережью и соседство с греческими колониями. Все знали, что Половцы, заняв донские и донецкие степи, навсегда отрезали Томаторкань от Днепровской Руси. (Игорь Святославович в 1185 году мечтал восстановить порванные связи, «поискать Тмуторокани» ⁴⁾, разгромив Половцев). Знали и о надписи на, так называемом, «Тьмутороканском камне», где местоположение Томаторкани указано совершенно точно.

История этой мраморной плиты стоит того, чтобы несколько задержать на ней внимание.

В 1792 году среди развалин древнего поселения около нынешней Тамани, солдаты 1-го батальона Таврического егерского корпуса обнаружили большую мраморную плиту. Размеры находки, 2,10 x 1,10 x 0,23 метра, подали им мысль ее хозяйственного применения: они положили камень у порога своей казармы вместо ступеньки.

Вскоре, однако, кто то грамотный заметил, что на одном из длинных обрезов камня выдолблена надпись древне-славянским шрифтом:

«В лето 6576 индикта 17 Глеб князь мерил море по леду от Тьмутороканя до Кърчева 8054 сажень.» ⁵⁾

Об открытии сообщили по начальству и даже донесли императрице Екатерине II. В результате последовало высочайшее повеление: исторический памятник содержать в сохранности, построив для него специальное ограждение.

Приказание было исполнено и о камне на время забыли, пока, наконец, не обнаружили его снова в г. Тамани около церкви среди обломков мрамора. Теперь перевезли его в Петербург и поместили в Государственный Эрмитаж, где он хранится до сего времени.

Кажется, с этой находкой должны были бы рассеяться все сомнения, но разногласия продолжались. Некоторые

русские ученые и литераторы выражали сомнение в неподдельности надписи, находили, что буквы кириллицы в ней мало истерты и т. п. Вопрос о местонахождении Томаторкани еще оставался не решенным.

Но, вот, в 1911 году председатель ставропольской Ученой Архивной комиссии, присяжный поверенный Г. Н. Прозрителев, разбирая архивы Таврического губернаторства, к которому принадлежала и Тамань, обнаружил среди других бумаг «Дело о ограждении известного, на острове Фанагории найденного и оттуда было бригадиром Пустошкиным взятого камня». ⁶⁾

В этой переписке на 36 листах ветхой бумаги (с водными знаками XVIII века) изложены, между прочим, и обстоятельства, при которых был найден Тьмутароканский камень.

Среди сношений, предписаний и ордеров оказались в ней также оригиналы писем Верного Войска Черноморского кошевого атамана Захария Алексеевича Чепиги и войскового судьи Антона Андреевича Головатого с их личными подписями ⁷⁾.

Подлинность переписки не вызвала никаких сомнений. Характер бумаги, содержание писем, их стиль, подписи, все отвечало указанным в ней датам (1793-1795).

Ставропольская Ученая комиссия своим протоколом от 17 декабря 1911 года засвидетельствовала неподдельность и большую научную ценность «Дела» и с тех пор признано окончательно, что город Томаторкань располагался в непосредственной близости к нынешней Тамани, то есть там, где Константин Багрянородный указывает и Таматарху: «Напротив Боспора, — писал он, — стоит город, называемый Таматарха». Из сопоставлений различных свидетельств следует, что Томи, Тома, Томаторкань, Таматарха и Тамань это один и тот же населенный пункт. Он был расположен на острове, который до девятнадцатого века назывался Фанагорийским. Озера и заливы (теперешние плавни) в то время отделяли западную часть Таманского полуострова от материка, после чего дельта реки Купы (Кубани) окружала ее второй полосой воды. Древнее название рукавов Кубани, указанное Багрянородным, У к р у г (у круг, вокруг) лишний раз подтверждает распространенность здесь славянской речи.

После 965 года на этом острове, в городе Томаторкани, образовался центр новой киевской колонии. А так как восточные Славяне обычно называли княжество или область именем главного города, вся западная часть Хазарии, попавши под власть Киева, стала именоваться Томаторканью.

Отныне в Приазовье как бы воскресала идея древней Кайсарии. С того времени, как там правили ставленники римских императоров, прошло больше шести веков. Находясь постоянно под ударами кочевников, видел этот край гуннские разорения, видел владычество Болгар, а три последние века входил в состав своего казарского государства — Хазарии. Теперь, попав во владение варяго-русской династии, став ее «волостью», область получила новое имя, Томаторкань, но ее жителей соседи по прежнему называли Касарами и Казарами, не забывая и их связей со Скифами.

1) Аммиан Марцеллин (История Рима XXII, VIII, 30) вспоминает острова Фанагорию и Германассу, как пункты высоко развитой промышленности.

2) И. П. Буданов. Дон и Москва, кн. 3, стр. 32.

3) В житии св. Стефана Сурожского упоминается князь с подобным же прозвищем — Юрий Торкан.

4) Слово о полку Игореве.

5) А. С. Орлов. Библиография русских надписей, стр. 13, и А. П. Якубовский. История древнерусского языка, стр. 284.

6) А. С. Орлов. Библиография русских надписей, стр. 167 сл.

7) То же. Выдержки из переписки наиболее интересные для казачьих читателей в приложениях к настоящей книге.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПРИАЗОВЬЕ И ДОН

Побежденные народы. Летописная запись. Кого летопись называет Казарами? Хазарские Славяне. Переселенцы с Балкан. В Артане. Посуличи и Бродники. Ас-Аланы. Танаиты. Асы, Осы и Усы. Страна Касак. Касаки и Касоги. Казахия. Ее местоположение. Сакалибы и Саксины.

«Иде Святослав на Козары. Слышавши же Козары изидоша противу с князем своим каганом, и съступишася на бои, и бысть брань, одоле Святослав Козаром, и град их Белу вежу взя. И Ясы победи и Касоги, и приведе Киеву» ¹⁾. Это все, что сказано в летописи по поводу разгрома Хазарии. Нет ни слова о том, что в результате поражения каган должен был отдать Святославу западную часть своей империи. Несколько подробнее об этом стало известно из хроники Араба Ибн Хаукала ²⁾.

Не вспоминается и Томаторкань. В 965 году Томаторкань — только крупный торговый город и небольшая островная область около него. Может быть тогда даже ее имя в Киеве не было известно. Но помимо отсутствия летописной записи, во владении Киева от этого времени появляется новоприобретенная колония: Приазовье и Дон. Названия завоеванных областей тоже не приведены в летописи, в ней только перечисляются народы, жившие там. Это Козары, Ясы и Касоги. Именно их победил Святослав и привел в подчинение Киеву.

О Казарах уже много говорилось раньше. В полном объеме это все жители Хазарии. Но после падения империи имя Казары закрепилось на несколько веков только

за жителями Приазовья. Их Киев знал лучше всех других, как хазарских эмигрантов. Поэтому только их образ запечатлелся до наших дней в одном из русских древних памятников — Четъи Минейх: Козары это народ связанный кровными узами со Скифами, но речи славянской, проживавший на берегах Азовского моря. По нынешней терминологии — Приазовские Славяне.

От восемнадцатого века, когда свидетельство Четъи Миней обнаружил и опубликовал А. И. Ригельман ³⁾, вопросом о Приазовских Славянах занимались многие историки, русские и иностранные. Основных разногласий в том, что Славяне очень старые жители Меотиды и Дона, не существовало. Но одни считали, что они разместились здесь еще в доисторические времена; другие указывали VI век и производили их от Антов, занимавших тогда, по Прокпию Кесарийскому, степи на север от Азовского моря; третьи называли VIII - IX века, а четвертые вели начало, так называемой, «славяно - русской колонизации Приазовья» от 965 года, то есть от момента поражения Хазарии.

Последнее мнение полностью опровергается записью Араба ал Бекри, утверждавшего, что «Хазары из за смешения со Славянами говорили по славянски наравне с другими народами севера» ⁴⁾. Зато слова ал Бекри целиком согласуются с указаниями Четъи Миней и с результатами археологических изысканий последних лет.

Современный русский историк - археолог замечает: «Следует, повидимому, различать два периода славянского проникновения на юго-восток, ранний и поздний, границей между которыми было время VIII - IX вв.» ⁵⁾.

Что касается Славян раннего проникновения в Меотиду, то само по себе понятно, что никому бы не пришла мысль называть их Скифами и Казарами в том случае, если бы они не были здесь во времена Скифии, Кайсарии и Хазарии. А Скифами и Казарами их называли. Но кроме них там были и более поздние переселенцы. Археология указывает VIII век, как время появления среди Казаров новых Славян, по быту и материальной культуре отличных от всех других восточных Славян.

VIII век это время размещения в Артане огромных масс пришельцев из за Дуная. Патриарх Никифор записал под 764 годом: «Выходцы из склавинского племени, переселяясь со своей земли, перешли через (обошли? Г.) Эвксинское море. Их количество достигало до двухсот восьми тысяч человек и они поселились у реки именуемой Артана» ⁶⁾ Тут будет уместным вспомнить также и Джайха-

ни с его третьей славянской общиной в Артане, «поблизости к Хазару» (смотри главу шестнадцатую).

По последним данным археологии картина переселения представляется в следующем виде: «Первоначально новые поселенцы появились, повидимому, в бассейне Псла и Ворсклы, — пишет историк Третьяков. — Многочисленные городища на Ворскле, обследованные в последние годы, относятся к VIII, IX и последующим столетиям. В этот период или несколько позднее Славяне появились на Верхнем Дону, куда до этого времени, т. е. до VIII - IX вв., они, кажется, никогда еще не проникали. Следующим шагом славянской колонизации юго-востока явилось проникновение Славян в бассейн Верхнего Донца. О масштабах славянской колонизации говорит не только большое число вновь возникающих селений, но и обширные их размеры.» «На широком пространстве между Днепром и Доном появляется новое славянское население, численность которого быстро растет из десятилетия в десятилетие» ⁷⁾.

Так в Артане «поблизости к Хазару» создан третий славянский центр из последних выходцев с Балкан. Это были родоначальники летописных Посуличей, Бродников и даже может быть Северян. Археология дает неоспоримые указания на то, что патриарх Никифор писал о переселении Славян в наши донецкие степи, а не в Малую Азию, как думал чешский славяновед Нидерле ⁸⁾.

На Донце, в непосредственной близости от хазарских рубежей, появились многочисленные Посуличи и Бродники. Будет ли ошибкой предполагать, что часть переселяющихся народных масс проникла и на Дон в границы Хазарии, где было достаточно места для размещения новых жителей, куда манили неисчерпаемые природные богатства и предоставлялось широкое поле для деятельности всякого рода в городах высококультурного и богатого государства. «Следует полагать, — говорит тот же историк Третьяков, — что Донецкие Славяне издавна проникали на юг, на Тамань и в Крым и что те, правда, крайне неопределенные и спорные следы славянской культуры, которые обнаруживаются археологами по обеим сторонам Керченского пролива, принадлежат именно им» ⁹⁾.

В дополнение к этим словам можно было бы принять некоторые соображения. Дело в том, что Меото-Казары, даже в части пользовавшейся славянским языком, были носителями не славянской, а особой, местной, скифо-сарматской культуры в ее эллинской обработке. Отсюда и исходит неопределенность и спорность следов оставленных Приазовскими Славянами в археологических памятниках.

Новые пришельцы с Балкан, тоже не принесли в их среду «славянского своеобразия», царившего на Днестре, так как сами мало были похожи на Восточных Славян.

Таким образом, некоторые летописные свидетельства, топонимика (славянские названия рек и поселений), также как результаты археологических раскопок устанавливают древнее наличие славяноязычных племен и на Дону, и в Приазовьи.

Посуличи и Бродники стояли вне общего строя жизни Днепровских Славян и потому летопись вспоминает их лишь в редких случаях. Их было свыше двухсот тысяч и они, пока не разбрелись, были достаточно сильны для того, чтобы противостоять Киеву. Выступление их на арену истории нашего Востока в 881 году и начинается с войны: «И бе обладая Олег Поляны и Древляны, Северяны и Радимичи, а Посуличи и Тиверцы имаше рать»¹⁰⁾.

Нужно думать, что попавшие в Хазарию задунайцы со временем приобрели прозвище Казаров и Казаровцев наравне со старожилами. В славянскую речь местных племен они должны были внести кое какие западные черты.

Так в X веке обстоял вопрос с приазовскими и подонскими Славянами. Остается разобраться в том, кого летописец понимал под именем Ясов и Касогов.

На западных окраинах Хазарской империи Славяне - Казары проживали в перемежку с местными Ас-Аланами и Касогами, а Посуличи и Бродники от 898 года на Донце непосредственно соприкасались с пришедшими сюда Торками-Касаками.

Древняя земля Аланов начиналась от берегов нижней половины Дона и тянулась на юго-восток по Северному Кавказу вплоть до гор и Каспийского моря. После гуннского погрома Аланы были сильно ослаблены, но не уничтожены окончательно. К десятому веку комплекс аланских народов состоял, во первых, из небольшого скандинавского (германского) ядра Танаитов, проживавших около Дона, потом из покоренных ими некогда Иронцев и Дигорцев на Тереке (теперь Осетины) и, наконец, из Торков - Касаков, живших в то время еще на Донце. Тогда все перечисленные народы не только располагались в близком соседстве, но и сохраняли взаимные культурные связи. Поэтому имя Ясов и Аланов в некоторых случаях распространялось на каждый из них, тем более, что их частные названия были близкими по звучанию: Танаиты назывались Ясами¹¹⁾ и Асами, Иронцы и Дигорцы — Осами, а

Торки — Узами или, как о них говорит первый русский историк Татищев, «народ по просту именуемый У с».

Узы так же как и Осы по крови Аланами не были, но многовековая совместная жизнь наделила их рядом общих свойств, а потому летописцы и географы мало отличали их друг от друга. Аланов и Ясов знали на Дону и на Тереке, а с другой стороны, старинное имя Узов - Касак применяли ко всей древней земле Аланов настолько распространено, что, например, по проф. Вернадскому, «в персидском географическом сочинении «Страны Света» (Гудуд ал Алам), изданном в конце десятого столетия, имя Касак применяется к стране Аланов» ¹²⁾. Значит, Дон, Донец и Терек в равной степени назывались страной К а с а к , населенной Ясами.

Третий народ, побежденный Святославом, по летописи — Касоги.

Как говорилось раньше, Касоги в лице некоторых меотийских племен, так же как созвучные им по имени Касаки, в лице Торков, Ториатов, Торпетов, много веков разделяли судьбы с другими приазовскими народами и потому охватывались общим для них всех названием Меотов и Казаров. Кочевья и поселения Касогов меотийских лежали вдоль берегов Азовского моря по обеим его сторонам и их, вероятно, имеет ввиду летописная запись 965 года. Но постоянное сильное и независимое ядро Касаков-Касогов в X веке располагалось от верховьев Кубани, через Кавказские горы, до берегов рек Куры и Аракса.

Эта самостоятельная касого-касацкая страна у Греков называлась К а з а х и я , у Арабов К а ш е к , у Китайцев К э с а . Где то около Грузии она имела свой выход к Черному морю. Ее местоположение довольно точно указывает император Константин Багрянородный. Русский историк В. Н. Татищев исчерпывающе разъясняет запись Багрянородного в следующих словах: «Император выше Лазинцев к северной стороне полагает Абазгов и Апсилгов, потом Зихийцев, впрочем Палагийцев, после Казахийцев и выше их Кавказ; выше Кавказа Аланов в степных местах». «Император ясно пишет, что выше Казахии находятся Кавказские горы и за оными горами Алания.» ¹³⁾

По Шафарику «Казахи, древние Касоги — племя, обитающее в русской Армении, т. е. Эриванской и Тифлисской губерниях, тождественные с нынешними Кайсаками. Страна Казах или Казахская дистанция, называемая Страбоном Сакасене, входит ныне в состав Елизаветпольского уезда, Тифлисской губернии» ¹⁴⁾.

Свидетелями древней Казахии остались: город Казах на реке Куре и туранский народ Казаки и сейчас живущий у озера Севан.

Казахийцы были дальними соседями Казаров на юго-востоке, а прямо на восток, от Волги до реки Сыр Дарья в то время кочевали Гуззы или Кайсаки, по нынешнему тоже Казахи. Другими соседями на востоке были Сакалибы и Саксины. Ибн Фадлан называет болгарского хакана царем Сакалибов¹⁵⁾.

Имя Сакалибы часто переводят как Славяне, что приводит к ложному взгляду на Великий Булгар, как на славянское царство. А между тем, по письменным источникам, так же как по данным археологии, в то время на Средней Волге еще не проживало славянских масс, достаточных для того, чтобы покрыть своим количеством местные тюркские и финские племена. И, во всяком случае, всех Сакалибов, встречающихся в арабских хрониках, считать Славянами нельзя. Сака, как известно, древнее имя части Скифов, а Сакасена — одна из скифских областей в Закавказьи. Соответственно — понятия Сакалибы и Саксины в этом случае следовало бы отнести к скифским остаткам на Волге. При подобном трактовании вопроса ничего не оказалось бы неожиданного и в титуле волжского «царя Сакалибов».

Таковы были ближайшие и дальние соседи маленькой островной Томаторкани, в первые годы ее подчинения Киеву. Ее окружали народы разных племен и наречий, но каждый из них, если не назывался Касак, Касог, Казар или Казах, именем совсем близким к нашему, то, во всяком случае, сохранял еще более древнюю память о Скифах-Сака.

Следовательно, основы нашего имени после падения Хазарии можно было встретить повсюду от Закавказья до Среднего Дона и от Днепра до Сыр Дарьи.

-
- 1) Новгородская первая летопись.
 - 2) Повесть временных лет, т. 2, стр. 310.
 - 3) А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой России.
 - 4) Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд. 1949 г., стр. 433-434.
 - 5) П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 253.
 - 6) Патр. Никифора Краткая история, Визант. Времен. III.
 - 7) П. Н. Третьяков, как выше, стр. 256.
 - 8) Л. Нидерле. Славянские древности, стр. 93.
 - 9) П. Н. Третьяков, как выше, стр. 255.
 - 10) Троицкая летопись.

11) Там же под 1116 годом: «Ярополк ходи на половецкую землю к реце зовомей Дон, и ту взя полон мног, и 3 города взяше половецкие: Галин, Чешюев и Сугров, и приведе с собою Ясы, и жену полони собе Ясыню».

12) Г. Вернадский и Д. Джанты. Осетинская легенда об Иридада и Мстиславе.

13) В. Н. Татищев. История Российская, кн. 1.

14) Цит. по И. П. Буданов. Дон и Москва, кн. III, стр. 29.

15) А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЮНЫЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВ

Крещение славянской Руси. Начало уделов. Мстислав Владимирович в Томаторкани. Его дружина. Конец хазарских хаканов. Мстислав и Редедя. Погибший Редедя. Касоги или Касаки? Мнение профессора Вернадского. Осетинское предание. Аланский князь Иридада.

После смерти Святослава (980 г.) в Киеве княжил его сын Владимир. Владимир Святославович объединял под своей властью весь славянский восток. Томаторкань при нем оставалась отдаленной «волостью» и управлялась княжескими посадниками.

В 988 году Владимир принял христианство, а одновременно с крещением вступил в брак с греческой царевной Анной. Приказав уничтожить в своих владениях языческие капища и идолов, он объявил христианство господствующей верой. От этого времени славянская Русь вступила на светлый путь христианской культуры.

Будучи язычником, Владимир Святославович имел несколько жен. Теперь он был вынужден расстаться с ними навсегда. Может быть, по этой причине киевский князь, сразу же после крещения, разделил свои земли между двенадцатью сыновьями, прижитыми им в язычестве, с тем, чтобы вместе с ними удалить из столицы и их матерей. Себе он оставил только Киев и ближайшую к нему область. С провинций же или уделов новые господа должны были уплачивать отцу «урок» деньгами. Далекая Томаторкань досталась в удел одному из младших сыновей от жены «чехени» — Мстиславу ¹⁾.

Мстислав Владимирович был еще ребенком, когда получил свой удел, но по обязанности правителя переселился на юг, где и воспитывался между кавказцами. Из него вырос свой человек на Кавказе, энергичный и решительный княжич, не менее воинственный, чем его дед Святослав. Оседлое население Приазовья, славяноязычные Хазары, вместе с родами дедовских и отцовских дружинников составляли надежное войско молодого князя.

В 1016 году, через год после смерти отца, Мстислав в союзе с Византией уничтожил последние остатки Хазарии. Царьград прислал свой флот к Керченскому полуострову, который еще назывался Хазарией. Область населенная по преимуществу Остготами была занята византийцами, а правивший там хахан Георгий Цула попал в плен к Грекам. По древней римской традиции он был скоро восстановлен в правах вассального правителя даже с расширенными полномочиями «императорского протоспофария и стратига Херсона» ²⁾.

Последний оплот хазарской династии пал, но имя Хазарии не исчезло. На Керченском полуострове и на Тамани оно сохранялось еще веками.

После окончательного разгрома Хазарии владения Мстислава расширились до приволжских степей, а одновременно с этим Томаторкань из части чужого политического тела, какой она была до смерти Владимира Святославовича, обратилась в самодавливающий живой государственный организм, независимую и сильную державу **Томаторканскую**.

Однако, беспокойные черноморские степи между Доном и Днепром не были еще в это время крепко освоены Мстиславом. Там кочевали вольные народы Касоги и Торки-Касаки и прямая связь Томаторкани с Днепром зависела от степени их замиренности.

В 1022 году молодой князь решил закрепить их за собой окончательно и пошел походом на степные племена Касогов. Столкновение окончилось трагически для их князя Редеди, но войска обеих сторон не понесли потерь. По словам летописца дело было так: «В то время Мстислав, который владел Тьмутороканью, пошел на Касогов. Узнав об этом, касогский князь Редедя вышел ему навстречу. И когда оба войска стали друг против друга, Редедя обратился к Мстиславу с такими словами: «Зачем нам губить в битве наши дружины. Лучше сойдемся и поборемся сами. И если одолеешь ты, то возьмешь все мое достояние, и жену мою, и детей моих, и землю мою. А если я одолею, то возьму все твое». И ответил Мстислав: «пусть будет так».

И сказал Редедя Мстиславу: «будем биться не оружием, а борьбою». И схватились крепко и долго боролись, и стал Мстислав изнемогать, так как Редедя был велик и силен. И взмолился Мстислав: О, Пречистая Богородица, помоги мне! если я его одолею, то построю церковь во имя Твое». И сказавши так, ударил им о землю и вынув нож зарезал Редедю. И пошел в его землю, и взял его достояние, и жену его, и детей его, и наложил дань на Касогов. А вернувшись в Тьмуторокань заложил церковь Пресвятой Богородице и построил ее. Стоит она и теперь в Тьмуторокани»³⁾.

По описанию летописи, дело сводилось к борьбе представителей двух династий. Эпизод в обычном кавказском стиле. Развязка столкновения отвечала доблести обоих князей. Сами вожди предоставили решение спора Суду Божию, не принуждая родственные по составу дружины проливать братскую кровь. Результат борьбы был принят, как Божие соизволение, как указание свыше. Касоги (или Касаки?) безропотно приняли главенство Мстислава, стали его подданными и пополняли его войско.

Нельзя, конечно, относиться к борьбе двух князей как к безобидному спортивному состязанию. Трагический финал отвечал ее целям: устранить князя-соперника и подчинить себе его народ. Он соответствовал духу того времени. Тогда в борьбе за уделы немилосердно резались и Рюриковичи на Днепре и феодальные князья на Кавказе. Один из борющихся должен был уйти из жизни. Поставив на кон все свое достояние, вплоть до семьи, каждый из них тем самым разрывал все связи с жизнью. Смерть предполагалась уже в условиях поединка. Она ожидала бы и Мстислава, в случае его поражения.

Летопись не указывает точно, кто именно в ней подразумевается под Касогами. В этом случае, так же как в записи 965 года возникает сомнение: идет ли здесь речь о Касогах горских (Циках, Казахийцах) или о степных племенах Приазовья и о Касаках. Дальнейшие события показывают, что поход на «Касогов» имел две цели: утвердить власть Томаторкани над их землями, а одновременно с этим подготовить плацдарм для выступления против Киева. Мстислав ставил на кон Тамань, Приазовье, Нижний Дон и хазарские степи на востоке. Просто невероятно, чтобы томаторканский князь рисковал своим обширным и богатым княжеством, рисковал жизнью, только ради неприступных гор Цикии или Казахии. Зато его богатой ставке полностью отвечали алано-касацкий Дон и Донец. Они

лежали на пути между Томаторканским побережьем и родовыми владениями его отца по Днепру. А Мстислав в это время, несомненно, уже задумал движение на север. Стремления на юг он не проявлял ни теперь, ни в последствии. Следовательно, соперником Мстислава выступал не какой либо южный князь, а касакский или аланский владелец промежуточных донских и донецких путей, водных и сухопутных.

Профессор Вернадский, ученый серьезно занимавшийся вопросом о происхождении Редеди, не считает его Адыгейцем или Кабардинцем, а выводит его род от Руксаланов (по осетински — «блистательных Аланов») ⁴).

Свои выводы профессор Вернадский основывает прежде всего на том соображении, что имя летописных Касогов — не исключительная принадлежность горских Черкесов. В ту далекую эпоху это имя и сродные ему по звучанию были распространены не только по Северному Кавказу, но и по Дону. Они укрепились и за Аланами настолько, что даже их земли, в персидской географии, назывались страной К а с а к (см. предыдущую главу). Затем, по проверке оказалось, что Редедя не черкесское имя и что, не смотря на многократные поиски, ни в Кабарде, ни у Адыгейцев не обнаружено преданий на тему о борьбе Мстислава с Редедю. В Истории Черкесского народа, написанной Бекмурзин Ногмовым между годами 1835-43, действительно, говорится о поединке адыгейского князя Редеди с Мстиславом, князем Тамтайкаера, но признано, что здесь автор целиком заимствовал описание из киевской Повести временных лет, а не нашел его среди местных преданий.

«Нет данных считать, что эта история принадлежит черкесскому фольклору», утверждает профессор Вернадский. «Но как теперь выяснилось исследованиями Джамбулата Джаншиева, повесть о Редедее все же существует в кавказском эпосе, но не у Черкесов, а у Осетинов. Имя Редеди показывает измененную форму осетинского Ири Дада, что значит Отец Ирона» ⁵)

В осетинской легенде очень часто вспоминаются Руксаланы и потому можно предполагать, что предание перешло к Осетинам от Аланов-Танайтов, живших еще в X-XI вв. одной культурной жизнью и с ними, и с донецкими Касаками.

Редедя в летописи называется князем касожским, но по всем видимостям сам он не был Касогом, а принадлежал к роду аланских владетельных князей, сохранявших по традиции политическое первенство в придонских степях Касака. Этим только и можно объяснить, непонятное на

первый взгляд, равнодушие касогских воинов: чужой князь приходил на смену другого почти чужого им князя.

Осетинская легенда не воспроизводит целиком летописную картину борьбы и дает иногда образы, не оправданные исторически, но она указывает точно место поединка — «равнины Тымайтерхона» и приводит имена бойцов. Это — Иридада и красноволосый Мстислав.

1) Повесть временных лет.

2) Визант. Временник VI, стр. 266.

3) Повесть временных лет.

4) Г. Вернадский и Д. Джанты. Осетинское сказание об Иридада и Мстиславе.

5) Там же.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ДЕРЖАВА МСТИСЛАВА ХРАБРОГО

Мстислав наследник Хазарии. Поход на Днепр. В Чернигове. Битва при Листвене. Бегство Ярослава. Широкая Томаторкань. Наши предки на новых землях. Черниговские были. Польские пленники. Прекрасная Нада из рода Бургалты. Славянские диалекты в Томаторкани. Личность Мстислава. Его роль в казачьей истории.

Устранив династического соперника и утвердившись на земле Касаков, Мстислав стал могущественным государем. Однако, это было еще не все, что поставил себе целью томаторканский князь. Волею судеб ему пришлось быть на востоке наследником Хазарии. Значительная часть павшей империи вошла в границы его державы. Но вместе с землями к нему перешли и связанные с ними обязанности стража Европы: он должен был держать заслон перед широко открытыми Урало-Каспийскими воротами и препятствовать новым вторжениям азиатских кочевников. Такая роль, за которую никогда не брался Киев, выпадала на долю каждой государственной формации выросшей на Дону. Справиться с ней мог только сильный союз местных племен и народов. Держава Мстислава благодаря своему положению не могла быть слабой и пассивной.

Кроме того, теперь, когда его многочисленные вначале братья, уничтожая друг друга в удельных распрях, погибли все за исключением старшего Ярослава и младшего Судислава, он считал себя вправе получить лучшую часть в отцовском наследстве. Взгляды его были устремлены на Чернигово - Северщину, спокойный и богатый лесной край

с развитыми ремеслами и земледелием. Пока что, хозяином там оставался киевский и новгородский князь Ярослав.

Мстислав уже имел могучую дружину из природных воинов, старых и новых подданных, Казаров, Касогов, Касаков и Ясов (Танаитов, Донцов). В 1023 году, через год после победы над Редедей, Мстислав двинул свои войска к Днепру. Летописец записал под этим годом: «Поиде Мстислав на Ярослава с Козары и с Касоги» ¹⁾.

Ярослав был в это время в Новгороде. Он не мог сразу выступить против брата, так как в Суздале вспыхнули языческие бунты. Томаторканский князь подошел к Киеву, но киевляне встретили его как чужого и не пустили в город. Мстислав двинулся к Чернигову и занял его без боя. Здесь он сформировал дополнительные войска из местных Северян.

Между тем, Ярослав, справившись со своими язычниками, начал готовиться к борьбе. Он собрал новгородских и киевских воинов, а кроме постоянной дружины вызвал из Скандинавии специальный отряд варягов. Когда оттуда пришел «красавец» Якун со своими людьми, Ярослав повел войска на Чернигов.

Летописец так описывает встречу братьев под Лиственом:

«Мстислав с вечера приготовил войска, поставив Северян лицом против варягов, а сам с дружиной расположился по крыльям. И была ночь, и была тьма, молния и гром, и дождь. Мстислав говорит своей дружине: «пойдем на них». И они пошли, Мстислав и Ярослав, друг против друга. И когда сошлись Северяне с варягами, варяги много потрудились избивая Северян, но потом ударил Мстислав со своей дружиной и начал рубить варягов. И закипел горячий бой. При блеске молний сверкало оружие, гремела буря и шла страшная резня. Ярослав увидел, что его побеждают и бросился бежать вместе с Якуном, князем варяжским. Тут то Якун и потерял свои золотые латы. Ярослав бежал в Новгород, а Якун за море. Мстислав же на рассвете, увидевши побитых своих Северян и варягов Ярослава, говорил: «Кто же этому не был бы рад!? Вот, лежит Северян, вот варяг, а своя дружина цела!» ²⁾

Поражение под Лиственом было столь жестоким, что Ярослав не решился вернуться на юг даже после предложения Мстислава: «Садись в своем Киеве, ты старший брат. А с меня довольно и этой стороны». Не в пример другим князьям и самому Ярославу, Мстислав не стремился

захватить все владения отца, а довольствовался их частью. Тем, что считал принадлежащим ему по праву.

В 1026 году братья заключили договор в Городце, по которому границей между их царствами был признан Днепр. Только после этого Ярослав переехал из Новгорода в Киев.

Заняв весь левый берег Днепра, томаторканский князь стал владельцем огромных пространств. Его держава раскинулась от Кавказских гор до верховьев Дона, Оки и Волги. На западе она упиралась в Днепр, а на востоке в приволжские степи. Большую часть земель он приобрел из Томаторкани, при помощи своих кавказских кадров, оружием своих кавказских и степных воинов. Томаторканцы знали, что благодаря их боевым трудам прежняя граница княжества отодвинулась на сотни километров, предоставляя к их услугам богатые и относительно спокойные места для поселения у лесных граней, по соседству с маловоенными, но зато хозяйственными Славянами. Черниговщина и Северский край представлялись им лишь новой окраиной.

Раньше связь со славянскими землями у Казаров, Ясов и Касогов исходила из отношений служебных. Если какой либо их род основывал поселение при киевских пограничных частокколах, то это следовало за боевой службой киевскому князю. Старым соратникам, людям проверенным, князья не препятствовали строить здесь оседлый быт. Теперь же берега рек Псела, Сулы и Сейма, полоса означенная еще Владимиром Святославовичем, как рубеж обороны от кочевников, оказались в центре Томаторканского царства. Там лежали степи богатые водами и тучными пастбищами. Полукочевые Казары и Касаки использовали свое законное право и оседали здесь под опекой мужественного и ласкового князя, объединенные в границах собственного государства.

Исторические источники не описывают процессов их переселения, но после княжения Мстислава они оказались жителями всей лесо-степной полосы и русские летописи начинают все чаще вспоминать Черных Клобуков, людей одетых в черные шапки, которые, собственно, и составляли главную массу подданных Томаторканского князя. Воины фаворизированной им дружины вместе с семьями и родами оказались расселены поблизости к Чернигову, ставшему теперь второй, северной, столицей царства. Из них составила, приближенная к князю, военная каста черниговских б е л е й . Их перечисляет Слово о полку Игоре в е . Это Шелбиры, Татраны, Топчаки, Ревуги,

Ольберы и Могуты, доблестные роды бывших дружинников Мстислава: «Тии бо без щитов с засапожники кликом плъки побеждают, звонячи в прадеднюю славу», говорит-

Мстислав Храбрый

Рис. художника В. Н. Грекова

ся о них в Слове. Вместе с Ковуями и Берендеями черниговские были положили начало Казакам Северским. Племена Торпеев ³⁾ и Засаковцев обосновались в городах Воинь и Саков, заложенных на Днепре при впадении в не-

го рек Сулы и Псио. На Суле и ее притоках тоже появились городки племени Берендеев — Баруч, Браны и известные по археологии Белиловка, Ягнятин и Бакожин ⁴⁾. «Процесс поселения на Черниговских землях степных народов начался давно, — замечает русский академик Д. С. Лихачев, — еще Мстислав Владимирович в начале XI века вывел из Тмуторокани и поселил на своих землях свою касого-яско-хазарскую дружину. Впоследствии здесь осели и подчинились русскому влиянию Ковуи» ⁵⁾. В то же время на Дону оставались стоять нерушимо древние алано-касацкие поселения Акас, Осенев, Галин, Чешуев и Сугров, на Донце городок Торчевский, Тор и Изюм, а по дороге от Курска к верховьям Дона Ижеславец, Берендеево и другие, после разрушенные, городки и селения.

Все разноплеменное, но объединенное тысячелетним соседством и христианской верой, население царства при Мстиславе сожительствовало мирно, размещаясь в безопасных и удобных для скотоводства местах. Сам князь с дружиной охранял их спокойствие, сдерживая враждебные выпады Печенегов.

В 1031 году, используя междоусобицу в Польше, Мстислав сообща с Ярославом прошел по червеньским и польским городам, «повоеваста Лядскую землю и многи Ляхи приведаста и разделиша я» ⁶⁾. Ярослав свою часть ясыря поселил в городах по реке Роси. В державе Мстислава они послужили для усиления земледельческого населения страны. Среди польских пленников обычно было много жителей Подляхия, Холмщины и Червоной Руси. Они принесли с собой диалекты отличные от языка днепровской Руси. Близкое соседство с новыми поселенцами определило западно-русьские (украинские) формы, в которые теперь вливалась славянская речь, живущих между ними, племен.

В летописях нет ни слова о семейной жизни Мстислава, но в осетинской легенде ведется особое повествование о его браке с «самой прекрасной девушкой аланского края». «Это было чудо красоты, картина расписанная солнцем и звали ее Надо из рода Бургалты». «Не прошло и года после свадьбы, как Надо родила Мстиславу сына» ⁷⁾. Сын Евстафий был у него и по летописи, но он умер еще при жизни отца в 1033 году. Сам Мстислав, простудившись на охоте, скончался неожиданно в 1036 году.

Известия о жизни и деятельности Мстислава весьма ограничены, но и те, что сохранились в скудных источниках, дают образ по тем суровым временам исключитель-

ный. На фоне себялюбия, стяжательства, варварских насилиев и взаимных братских убийств, обычных в среде Рюриковичей, наш князь выделяется как личность большой духовной высоты. От начала и до конца жизни, касалось ли дело его безопасности или его личной пользы, вождь наших предков оставался рыцарем без страха и упрека. Из далекого прошлого его облик выступает освещенный светлыми лучами героизма и великодушия.

Никакие русские князья до него не вступали в единоборство с противником. Для этой цели содержались специальные богатыри или отроки-силачи. Идеальный способ разрешения конфликтов при помощи личных состязаний правителей не вошел в моду и после Мстислава. Он и Редя остались князьями единственными в своем роде. То же самое наблюдается в отношениях его с братом. Разбив в бою и терроризовав его поражением, Мстислав не посягнул на все наследство отца, а оставил Ярославу равную долю. Пока он был жив, Судислав, третий брат, благополучно княжил у себя в Плескове и Ярослав не решался посягнуть на его жизнь и свободу.

Мстислав проявил себя хорошим христианином. Известно, что в городе Томаторкани он воздвиг храм Пресвятой Богородицы, а в Чернигове заложил церковь Христу Спасу. При нем успели вывести ее стены в высоту, «яко на кони стояще досяащи»⁸⁾.

Храбрый князь по рождению не был связан ни с Казарами, ни с Касаками, но он искренне любил своих донцов и кавказцев, а в дружине души не чаял. Всячески берег воинов и не только способствовал устройству их оседлого быта, а и возвел их роды в положение первых людей среди Северян.

Кроме всего этого у Казаков имеются особые причины чтить память вождя их предков: его краткое княжение, это целая эпоха в сложении казачьей народности. При нем завершился один из значительных этапов слияния во едино разноразличных народов и ему принадлежит заслуга политического объединения племен, выступивших вскоре на арену истории под общим именем Казаков.

Полувековое пребывание в границах Томаторкани, расширенной гением и руководством Мстислава, принадлежность к одному политическому центру укрепило в его подданных сознание единства. Близкое и мирное знакомство открыло степнякам однообразие их скифо-сарматского быта, верований и обычаев. Кочевники распространились по всем углам выросшей державы, повсюду заложили новые очаги молодой оседлой жизни. Вместе с этим они

начали переход от племенных имен к общенародному. Сливались племена, а одновременно шло слияние и их имен. Воскресало и распространялось заглушенное было в памяти древнее имя Касаков. В то время, как Киевская Русь, узнав их ближе, готовила для них прозвища Черные Клобуки и Черкасы, внутри объединенного народа росло значение двух сливающихся имен К а с а к и К а з а р .

Мстислав в русской истории известен как князь томуканский и черниговский, а дружинный эпос наделил его эпитетом Храброго. Великая роль, которую он выполнил по отношению к казачьему роду, дает основание считать его казачьим князем-объединителем.

Русская летопись описывает его в кратких словах: «Был Мстислав дороден телом, лицом чермен, с большими глазами, храбрый в бою, милостив, очень любил дружину, имения своего для нее не жалел, ни пить, ни есть не возбранял» ⁹⁾.

1) Повесть временных лет.

2) Там же.

3) Сравн. Торпеты из Меотиды в Географии Страбона.

4) Крат. сообщ. Института истории матер. культ. XII, стр. 86.

5) Д. С. Лихачев. Комментарии к Слову о полку Игореве.

6) Повесть временных лет.

7) Г. Вернадский - Д. Джанты. Осетинское сказание.

8) Повесть временных лет.

9) Там же. Чермен переводят, как рыжий В осетинской легенде: «их красноволосый вождь назывался Мстиславом».

Д Е Р Ж А
МСТИСЛАВА ХРАБОГО
ОБОЗНАЧЕНІЯ:

Границы Государства: оооооо
Расположение следующих племен:

1 Место — Козары

2. Косогу и Ясёй-Алмы

3 Подонскіе бродники, Послушци

4. Topku - Kacaku go 1054r.

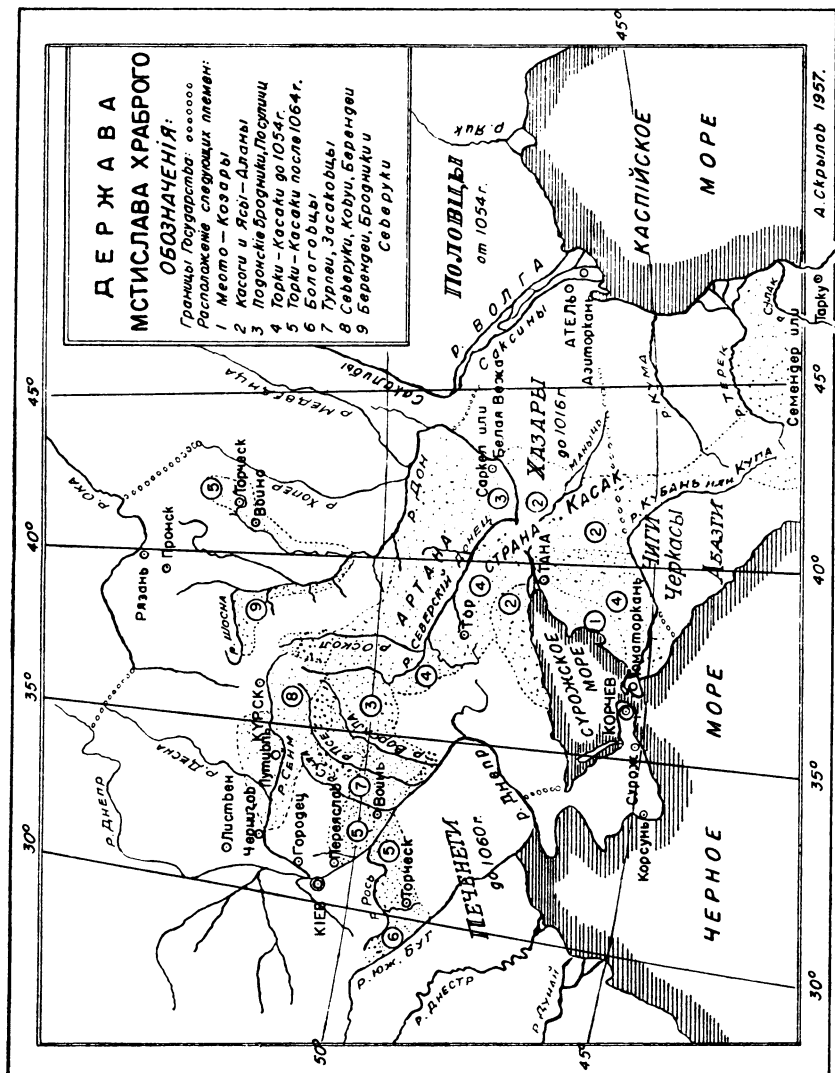
5 Торки-Касаки посл 1064г.

Болгария

7 Турноу, Засаковцы

В Северуки, Ковуи, Берендеи
и Берендеи Берендеи.

Берендс, Бродники и
Савини

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ТОМАТОРКАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Ярослав и Судислав. Непокорные Касаки. После смерти Ярослава. Переяславское княжество. Томаторкань в первоначальных границах. Урало-Каспийский проход открыт. Половцы. Торки уходят на Балканы. Их возвращение. Среди Черных Клобуков. Томаторкань против Киева. Петля на шее. Томаторканские князья Глеб и Ростислав. Отравление Ростислава. Летописец Никон. Роман Святославович. Томаторкань и Византия. Олег Святославович. Черкасия.

Мстислав Храбрый не оставил прямого наследника и потому после смерти князя на осиротелую державу мог претендовать один из его двух братьев, Ярослав или Судислав. Но сила была на стороне Ярослава. Вскоре после смерти Мстислава он захватил Судислава в Плескове, «всади его в поруб» и держал заточенным в башне, пока был жив сам ¹⁾.

Избавившись от возможного соперника, киевский князь принялся за покорение бывших подданных томаторканского князя. Лишенные вождя и объединителя, находясь в состоянии междуцарствия, томаторканцы в то время не сумели удержаться при самостоятельности, но подчинились Киеву только в результате насилия. Ригельман пишет, что Ярослав завоевал царство покойного брата не сразу и только «овладев многими землями вдоль Днепра реки простирающимися, покорил под свою власть Косаков, которых прежде более всего опасался» ²⁾. От этого времени начинается сожительство Касаков с Киевом.

Узнав Касаков ближе, Русь окрестила их названием Черные Клобуки. Это, конечно, только прозвище

данное им в народе по их внешнему виду. Черные барашковые шапки или острые в конце войлочные скуфьи, обычный головной убор степняков и кавказцев, на Днепре были необычайностью.

В летописи встречается и другое общее для них всех прозвище — Черкасы: «Чернии Клобуци, еже зовоми Черкасы». Чаще же всего летописец пользуется племенными именами, каковы Торки, Торпеи, Берендичи, Ковуи и т. п.

Судя по летописным записям, отношения Черных Клобуков с киевскими князьями не отвечали понятию о подданстве. Связи были не крепкие и постоянно рвались.

В последние годы княжения Ярослава Мудрого (умер в 1054 году) Русь пользовалась относительным спокойствием. После первоначальных столкновений с Касаками Ярослав, повидимому, жил с ними в ладах и хотя не осталось следов сердечных отношений, какими они были при Мстиславе, нет также указаний на недоразумения и ссоры. Обстановка переменилась сразу после смерти Ярослава. При разделе отцовских владений, его сыновья выделили особо области с преобладающим черноклобуцким населением. Из Посулья, Посемья, Курской области и верховьев Дона было образовано отдельное княжество с центром в городе Переяславе Южном. Оно досталось Всеволоду Ярославичу. Нижний Дон и Приазовье тоже должны были войти в границы Переяславского княжества, но вскоре связь с югом стала делаться затруднительной, так как в степях появились Половцы, никем не задержанные на границах Азии.

Раньше роль Стража Европы выполняла Хазария, сколоченная в мощное государство путем политического сожительства племен Сев. Кавказа. После гибели Хазарии на ее месте не осталось ни одного народа достаточно многочисленного для того, чтобы только собственными силами справиться с обороной от Азии. Тогда местные племена, храня в памяти ужасы гуннских насилий и воодушевленные идеей безопасности, легко объединились около Мстислава. При их помощи молодой Рюрикович создал могучую державу. Но после его смерти русские князья разобрали по частям это блестящее политическое образование, а сами, вследствие разделения и распрей, не были в состоянии сдерживать движение азиатов. Когда из за Урала, в год смерти Ярослава (1054), пришли Половцы, им никто и не попробовал поставить преград.

Половцы или Куманы известны также под именем Кыпчаков. Но Кыпчак, очевидно, не название народа, а только титул племенных вождей, по которому их юрты назывались Дешт и Кыпчак, т. е. Степь принадлежащая Кыпчакам. Многочисленный и сильный народ, Куманы, сложился из нескольких тюркских княжеств. Перекочевав из Азии, Куманы беспрепятственно разместились между реками Яиком и Доном, стараясь распространиться и дальше к Днепру. Киев не противодействовал, а переяславский князь Всеволод поспешил «створить мир с ними». Томаторкань переживала время междуцарствия и ослабления. Живущие вдоль Дона Аланы, Торки и Казары должны были покориться пришельцам. Сопротивление начали одни Торки донецкие. Но они не признавали Всеволода своим князем и недавно бились с ним у города Воиня ³). Теперь теснимые Половцами, они не встретили сочувствия на Днепре, а попытка укрыться под сенью лесных рубежей вызвала враждебное выступление четырех днепровских князей: «Изяслав и Святослав, и Всеволод, и Всеслав, совокупиша вои бесчислены, поидоша на коних и в лодях бецислено множество на Торки». Торки-Касаки не были в силах выдержать борьбу одновременно и с Половцами, и с Русью. Тесня перед собой Печенегов, они временно скрылись из днепровских степей, уйдя к Дунаю. Киевский летописец признал их достойными Божьей кары: «Торци, убояшася, пробегоша и до сего дни, и помроша бегаючи, Божьим гневом гонимы, ови от зимы, друзии же голодом, инии же мором и судомь Божьим» ⁴).

Торки переживали тогда одну из самых тяжелых эпох своей истории, но не погибли все целиком. «Куда они исчезли из поля зрения летописца разъясняют византийские источники, которые сообщают, что в 1064 году Узы (Торки) «всем племенем в количестве 600.000 человек вторглись в Византию, предав разорению ее Балканские провинции. Жители сплотились и Византия совместно с Печенегами их разгромила, поселив остатки в Македонии.» «Часть же племени, как сообщает Атталеиот, потерпев сильно от зимы, изнуренная болезнями и голодом, ушла обратно за Дунай ⁵)». Остатки Торков пробились назад к Днепру. Они стали кочевать и селиться в области покинутой Печенегами между Днепром и Бугом на юг от реки Роси или размещались между Берендичами, которые осели на лесных рубежах еще раньше, может быть, уже во времена Мстислава. От этого времени Торки и их ближайшие родственники Берендеи стали наиболее заметной величиной среди Черных Клобуков. «Переяславское и южные части Киев-

ского и Черниговского княжеств сплошь были усеяны торческими поселениями, — пишет русский историк. — Они заходили еще севернее в Рязанское и даже Суздальское княжества. Очень много торкских названий речек и населенных мест являются и до сих пор следами их поселений»⁶⁾.

Оседание Торков-Касаков на границах лесостепной зоны проходило в непрерывной борьбе с Половецкой степью. Русские князья по договорам с Половцами тоже не раз действовали в ущерб Черным Клобукам. Время показало, что таким образом они поступали и себе во вред.

В это время Томаторкань оставалась небольшим организованным государством. Она управлялась приглашенными со стороны выборными князьями и еще долгие годы сохраняла свою власть на Кубани и в Приазовьи. Сохраняя по традиции мирные связи с Черниговом, Томаторкань десятки лет принимала участие в вооруженных выступлениях против Киевской Руси и оказывала поддержку ее врагам. Приют и кормление здесь находили не только изгои, князья оставшиеся без уделов по проискам родственников, но и все те, кто должен был спастись от гнева киевского князя вплоть до воевод, дружинников и монахов. Томаторкань стала краем своеобразного политического убежища.

Из летописных данных для этой эпохи можно заключать, что и Византия не оставляла надежды восстановить и укрепить потерянные здесь влияния. Но, очевидно, это ей мало удавалось. Греки в Томаторкани составляли значительную часть приморских городских жителей, но решающий голос все же оставался на стороне казарских военных кругов. Правителей из какой либо византийской династии сюда не приглашали, хотя князья, за редким исключением были выборные. По большей части выбор падал на черниговскую ветвь дома Рюриковичей.

У восточных авторов сохранилось известие, что Казары не только избирали себе вождей вольной волею, но и строго обуславливали сроки их власти. При договоре выполнялся символический ритуал: на шею кандидату накидывали веревочную петлю и спрашивали, сколько лет он хочет властвовать. Тот сам назначал срок и если потом пытался его нарушить, то обычное право разрешало его умертвить, как узурпатора.

После смерти Ярослава первым известным истории князем в Томаторкани был Глеб, сын Святослава черни-

говского. В 1064 году его сменил двоюродный брат Ростислав Владимирович, покинувший Новгород вместе с двумя воеводами, Пореем киевским и Выщатой новгородским. Казары признали Ростислава своим князем. Он правил в Томаторкани три года, имел надежную дружину и брал дань с соседей, «у Касог и у инех стран».

Однако его присутствие на черноморском побережье не пришлось по вкусу Византии, опасавшейся за свои крымские области. Греки решили его извести. К нему был подослан один из греческих сановников, соседний наместник — «котопан». Котопану удалось заслужить доверие, ничего не подозревавшего, Ростислава. Когда они однажды пировали, Грек подсыпал из под ногтя яд в бокал князя и тот оказался обречен на медленную смерть. Он умер на седьмой день (1067 г.).

Летописец записал: «Бе же Ростислав муж добль, ратен, взростом же леп и красен лицем. И умре месяца февраля в 3 день и тамо положен бысть в церкви святыя Богородицы».

После смерти Ростислава томаторканцы пригласили к себе снова Глеба Святославовича. Послом в Чернигов отправился киево-печерский монах и летописец Никон, скрывавшийся у них от гнева киевского князя Изяслава. Никон жил уже здесь около шести лет и вблизи города основал монастырь по примеру (прикладу) киево-печерского. Как человек духовный и ученый он заслужил всеобщее уважение. Поэтому его и избрали для столь важного и почетного посольства ⁷⁾.

В этом же месяце феврале Никон отправился в Чернигов и успешно выполнил, возложенное на него, поручение, хотя и с некоторой задержкой. Глеб принял приглашение и два года княжил у Казаров. В 1068 году он сделал промеры расстояния от города Томаторкани и до Керчи. Память об этом сохранилась в надписи на так называемом тьмутороканском камне, найденном около 1792 года поблизости Тамани (см. гл. семнадцатую). В 1069 году Глеба позвали новгородцы. Он отъехал к ним, правил у них до 1078 года и убит в походе за Волоск Ламский. Похоронен в Чернигове.

После Глеба выбор томаторканцев пал на его брата Романа Святославовича. Вокняжившись в Томаторкани, Роман принял к себе родного брата Олега и двоюродного брата Бориса Вячеславовича, бежавших к нему из Чернигова. В 1078 году, при помощи Казаров и Половцев, братья отобрали было Чернигов от своего дядки Всеволода, но после,

потеряв в боях Бориса, Олег был снова принужден оставить город. Он вернулся к Роману на Тамань.

Следующей весной, сообщая с Половцами они пошли к городу Воиню. Всеволод черниговский укрепился против них в Переяславе. Отсюда ему удалось подговорить Половцев и те предательски убили князя Романа, своего союзника. После этого заговорщики Казары схватили Олега и выдали его Грекам: «А Олега емше Козаре поточиша и за море Цесарюграду»⁸⁾.

Византия следила за всеми событиями, происходившими на земле бывшей Кайсарии и имела там своих сторонников не только среди местных Греков, но и между Казарами. Олег был насильно отправлен в Византию, только по указанию Царьграда. Крымские владения Царьграда постоянно находились под угрозой со стороны крепнущей Руси. Надо было противодействовать ее усилению. Молодой княжич, настойчи́вый и воинственный, не брезгающий никакими средствами и всегда готовый причинить ущерб днепровским князьям был бы ценным союзником. Оставалось только с ним договориться.

Олег Святославович два или три года прожил на острове Родос и женился там на Гречанке Феофании Музалон. В 1083 году он возвратился в Томаторкань, без сомнения, при полной поддержке византийского императора. В это время город был во власти князей Давида Игоревича и Володаря Ростиславовича. Олег располагал достаточными силами для того, чтобы изгнать Давида и Володаря и наказать участников покушения на брата Романа: «Иссече Козары иже беша светници на убьенье брата его и на самого, а Давида и Володаря пусти»⁹⁾.

От этого времени в течение многих лет, Олег был грозой днепровских князей. Оставаясь врагом Киева и Переяслава, он нераз пользовался услугами Половцев. В 1094 году он появился под стенами Чернигова. Там в это время находился брат его покойного отца Владимир Мономах, который поспешно уступил Олегу город и удалился в Переяслав. Союзники Олега, Половцы, безнаказанно опустошили окрестности Чернигова и многих жителей увели с собой в неволю. Олег остался в Чернигове и на Кавказ больше не возвращался.

Олег, несомненно, был тайным союзником Царьграда и много способствовал ослаблению Руси. В нем не угасало чувство мести по отношению к обидевшим его днепровским родственникам. Как бич Божий, он налетел на русские земли, неся опустошение и ужас. Память по нем осталась там надолго. Еще через сто лет вспоминает его автор Сло-

ва о полку Игореве: «Ступает в злат стремен в граде Тьмуторокани, тот же звон слыша давний великий Ярослав сын Всеволодь, а Владимир по вся утра уши закладаша в Чернигове». То есть, одни его сборы в поход наполняли трепетом сердца днепровских князей.

От конца XI века Томаторкань перестает появляться в русских летописях, а лишь однажды вспоминается, как далекое от Руси княжество в Слове о полку Игореве. Доступные исследованию исторические материалы говорят, что, несмотря на вековое господство русской династии Рюриковичей, Томаторкань русской не стала, так же как в наше время Болгария не стала немецкой под властью династии Кобургов. Приазовская Русь, о которой иногда любят говорить русские историки — понятие нереальное. Таковой в древности не существовало. Томаторкань и ее область с начала и до конца оставалась узлом, где сходились торговые и политические нити нашей степи, Кавказа и Греции. Нашествие Святослава было следствием присутствия там славяноязычных Казар, которые все же не проявляли особенного тяготения к своим днепровским соплеменникам, а наоборот оказались средоточием обид на Русь. Поэтому Томаторкань стала выигрышным козырем и в византийской политике, и в хищнических выпадах Половцев. Каждое предприятие начатое отсюда встречало у Куманов полную поддержку. Они охотно вмешивались в распри русских князей, так как поддерживая одних, в роли поборников справедливости, могли безнаказанно грабить других. Однако Казары приазовские и подонские, несмотря на частые союзы с Половцами, сами не чувствовали безопасности в своих слабо укрепленных городках. Под давлением половецкого насилия часть из них передвигалась к Руси ¹⁰⁾, а другие стали переселяться за Кубань, где теперь в горах и предгорьях, от Черного до Каспийского моря зарождался новый союз племенных обществ — Черкасия. Тамань и Кубань вошли в ее границы, но старое название, Томаторкань, сохранилось только за городом, который и тут оставался центром одного из союзных княжеств. Со временем в ее имени отпала приставка ТО и соседи стали называть город сокращенно, Матарха или Матрига. В XII веке там правили касогские или аланские князья, а город служил резиденцией христианского архиепископа, распространявшего свою деятельность и на горскую Цикию (Адыгеи) ¹¹⁾. Арабский географ Эдриси пишет о городе: «Матарха цветуща, окружена обработанными полями, виноградниками. Князья ее отважны, предприимчивы

и грозны для соседних народов. В городе происходят ярмарки, куда стекаются народы из близких и далеких стран» ¹²⁾).

1) Повесть временных лет.

2) А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой Руси.

3) Троицкая летопись, год 1055.

4) Там же, г. 1059.

5) П. Голубовский. Печенеги, Торки и Половцы. Цит. по Н. Д. Мец. К вопросу о Торках.

6) Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 470.

7) Повесть временных лет. т. II, стр. 85.

8). Там же, том I, г. 1079.

9) Там же, г. 1083.

10) Там же, г. 1117: «Том же лете придоша Беловежъци в Русь», и в Поучении Владимира Мономаха: «Тогда же и Торци придоша ко мне и с Половец Читеевичи (Читеевичи?)».

11) Гельцер по И. П. Буданов. Дон и Москва, кн. 3, стр. 32, и Р. Трахо. Черкесы, стр. 17.

12) Р. Трахо. Черкесы, стр. 15.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ЧЕРНЫЕ КЛОБУКИ КАЗАЧЬЕЙ НАРОДНОСТИ

Древние прототипы нашего имени. Предшественники казачьих предков. Казаки — сплав народов на скифской основе. Томаторкань — колыбель современных Казаков. Древность с современностью связывают Черкасы. Торжество славянской речи. Черные Клобуки исповедывали христианство. Аланские могилы. Этнологические аналогии: Болгары, Великороссы, Германцы. Закрепленные формы. Преобладание массы. Язык отцов — свойство некрепкое. Историк А. И. Ригельман. Казачье преданье на Днепре, на Дону, на Тереке. Не Москали и не Русские. Казачьи предания сходятся со свидетельством истории.

Уже от начала новой эры в греческих, персидских и китайских хрониках неоднократно встречаются племенные названия созвучные с нашим казачьим именем. В десятом столетии они появляются и в русских летописях. К эпохе Мстислава Храброго наименования Касак, Касог, Казах и Казар часто понимаются не только как народы, но и как страны, где эти народы обитали: Приазовье сохраняет древнее имя Кассарии или Казарии; по Дону и Северному Кавказу широкой полосой раскинулась страна Касак (см. главу восемнадцатую); на южных склонах Кавказских гор известна страна Казахия, а земля Кайсаков тянется от реки Яика до Сыр Дарьи. Население перечисленных стран и областей, если не было чисто скифским, как Кайсаки ¹⁾, то получилось от смешивания Скифов с местными славянскими, аланскими или кавказскими племенами. Отсюда и явилось здесь повсюду преобладание старинного скифского Ка-Сака, которое изменялось только сообразно с местным

произношением. Даже Аланы-Донцы (Танаиты), скандинавы по происхождению и германцы по речи, к десятому веку были уже настолько перемешаны со Скифами, что и их земля называлась скифским именем К а с а к. Касаками назывались и их родственники Торки, проживавшие повсюду от Донца до Кубани. «Одни от Славян, другие от Сармат их производят, — пишет о Торках русский историк И. Болтин. — Смешение их с теми и другими оба мнения делает вероятными» ²⁾. Но Сарматы, о которых говорит Болтин, тоже получились из сплава Скифов с местными кавказскими племенами, а больше всего с Аланами.

Задолго до времени Мстислава в людских массах, населявших Северный Кавказ и бассейн Дона, начались процессы взаимного поглощения, выравнивания, формирования однообразного быта, верований и даже внешности. Они происходили непрерывно на протяжении тысячи лет совместной жизни и завершились на полях Державы Томаторканской. Из Касаков, Касогов и Казаров, в результате их, выковалось основное ядро казачьего народа, выковалось и единое имя — Казаки.

После эпохи Мстислава соседняя Русь уже не видела в них больших различий и потому окрестила их всех одним прозвищем — Черные Клобуки. Позднее оно претворилось в другое, общее для всех черноклобуцких племен, поясняющее имя — Черкасы. Причиной такой перемены послужил постоянный приток в их и без того кавказскую среду многочисленных групп связанных территориально и духовно с Кавказом. Тысячелетнее соседство с горами, неоднократные переселения к ним в горы, частые сношения с ними и родственные связи наделили Казаров и Касаков многими чертами коренных кавказцев. Они выносили из гор тамошние обычаи в военных сноровках, в боевом снаряжении, в образцах оружия, в костюмах и т. п. Казачья меховая шапка и широкие шаровары обычные у Казаков, это неперемнная принадлежность убранства всякого жителя южных гор. Черкас всегда и обязательно человек кавказский, потому что он получил свое название по стране Черкасии, возникшей на Кавказе, а не где либо в другом месте. Ригельман не напрасно писал в XVIII веке о кровной связи Казаков с Черкесами, которую, по его словам, «доказывает и то, что сходство лица, одежды и несколько жительства, обычаи и во многом обряды равные с Черкесами имеют» ³⁾. Благодаря этим общекавказским чертам, Русь и наделила Черных Клобуков именем Черкасов. Русские называли их так в жизни, в актах и летописных записях вплоть до XVIII века, еще и тогда, когда вся

Европа и особенно близкая Польша знала наших предков под их собственным именем — Казаков. Это оказалось весьма счастливым обстоятельством для исследователя казачьей истории, потому что Черкасы, таким образом, сохранились отчетливым связующим звеном между Черными Клобуками и нами, Казаками.

Можно недоумевать, почему в те далекие времена русские летописи еще не употребляют имени К а з а к , хотя по восточным данным оно уже имело широкое распространение на Кавказе и в прилегающих к нему областях. Но, повидимому, Касаки и Касоги летописных записей, так же как и Черкасы, имели более широкое значение, чем им обычно приписывается. Касоги это все те, кого после называли Черкасами. Были среди них и предшественники наших предков. В распоряжении летописца тогда еще имелись частные племенные наименования. Он и употреблял их: Торки, Ковуи, Бологовцы... (как в наше время — Донцы, Терцы, Кубанцы и т. п.), а если надо было указать их всех вместе, то для этого служили прозвища Черные Клобуки и Черкасы. Кроме Северян, так и называлась главная масса жителей Томаторкани, вошедшая теперь в днепровскую жизнь. Кайсак, Коссак и Касак должны были обозначать принадлежность к скифскому роду, а в этом, может быть, на Руси нужды не видели, хотя бы потому, что о Скифах знали только от Греков, а сами, если и общались с ними когда то, то за тысячу лет разлуки успели о них забыть. Кроме Греков их хорошо помнили только Персы.

У Русов к самому раннему времени относится заметка о Казаках, помещенная в Киевском Синописе: «Козаки от славного своего древнего некоего вождя, прозвищем Козака, победивши с ним Татаров, прозвашася».

Все Черные Клобуки мало отличались друг от друга в смысле быта, верований и общественного строя, но едиными по языку, безусловно, вначале не были. Там пользовались несколькими наречиями, которые по необходимости, в совместной политической и хозяйственной жизни, должны были перейти к одному общепонятному языку. По местным условиям преимущество оказалось на стороне славянской речи. Это был язык томаторканских Казаров, хорошо знакомый Черным Клобукам по совместной жизни в Хазарии и Томаторкани. Теперь они его постоянно слышали на землях соседней Руси, и в повседневной жизни, и во время богослужений. Православная Церковь играла

большую роль в деле распространения славянского языка среди иноязычных христиан.

Все Черные Клобуки исповедывали христианство.

Об Аланах и Меото-Казарах на этот счет имеются достоверные сведения и о них говорилось раньше (смотри главы десятую и тринадцатую). Отчетливых данных о Торках, Берендеях и других племенах нет. Не дают их и русские летописи, но в самом их молчании кроются красноречивые указания. Приводя в изобилии соображения богословского свойства, летописцы возвращаются к темам о вере очень часто. Имеются сведения о том, как огнем и мечем крестили новгородцев, рассказывается о крещении части Камских Болгар, рассказывается о переходе в христианство печенежских князей Метигая и Кучуга, но нигде не сообщается об обращении кого либо из Черных Клобуков.

Мало этого. Летопись очень подробно занимается суздальскими и новгородскими языческими мятежами, но нигде не говорит о каких либо столкновениях Русов с нашими предками по мотивам религиозным. А вместе с этим, во многих случаях летописец отзывается о Черных Клобуках, как о христианах. Например, в 1093 году население города Торческа названо «родом христианским», а русский князь обращается к Торкам, как к «братьям», что было бы не мыслимо в том случае, если бы они считались язычниками, «погаными». Название города Белая Церковь, которую историк Болтин считает тоже древним поселением Торков, говорит само за себя. Ясно, что это поселение христианское.

Вообще, Торки и Берендеи, как и Осы, племена и народы аланского комплекса, могли перенять христианство очень рано от своего господствующего народа — Аланов. Они, таким образом, пришли в соприкосновение с Русью будучи уже христианами. Среди их имен на Днепре было и прозвище «ижеславцев», «исповедников», людей правой веры. Болтин писал: «Они были известны под именем Торков или Берендеев, Ижеславцев, Черных Клобуков, Порсян или Поросян» ⁴⁾. Ко всему этому, черноклобуцкие племена в свое время были гражданами Томаторкани, а Томаторкань, как известно, не только христианское государство, но и центр высшей церковной иерархии для всего Северного Кавказа.

Взгляду на Торков, как на христиан, противоречит, как будто бы, обстановка их могил IX-X веков: погребения с конем, оружием и предметами домашнего обихода. Но привычная обрядность держалась у новообращенных христиан подчас многие века: возжигание огней в ночь под

Ивана Купала, так же как языческий обычай колядок, со блюдались в России до недавнего времени. В. Рубрукис описывает погребальный обряд Половцев в середине XIII века: «Я видел недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях шестнадцать шкур лошадей, по четыре с каждой стороны и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен» ⁵⁾.

Вообще же в миллионах христианских могил через тысячу лет невозможно доискаться признаков веры погребенного. Они уничтожаются временем, даже если высечены из камня. На подонских степных курганах, свидетелях раннего средневековья, долго сохранялись каменные кресты. Теперь их нет. В последний раз о них вспоминал в XV веке Иосафат Барбаро: «Страна Алания называется так по народу Аланам, который они сами по алански называют Ас. Они были христианами и Татары изгнали их прочь или уничтожили. В этом крае горы, реки и равнины. Кругом видно множество небольших возвышений, означающих места погребения. На вершине каждого большой камень с дырой, куда вставлен крест высеченный из другого камня» ⁶⁾.

Может явиться вопрос: каким это образом произошло, что туранская и аланская часть Черных Клобуков стала пользоваться славянской речью, как своей прирожденной?

Разобраться в этой загадке помогают аналогии образования других народностей. Тогда на востоке Европы и на гранях Азии народы находились в постоянном движении. А в таком состоянии, как и во взбаламученной жидкости, растворения, поглощения и выравнивания в однообразную массу происходят гораздо быстрее и интенсивней, чем в состоянии спокойной оседлой обособленности. Еще совсем недавно для того времени турки Болгары, уйдя с берегов Азовского моря на Дунай, оказались совершенно поглощены местными Славянами. Они передали им свое имя и азиатский тип, но исцезли из жизни, как тюркский народ, стали Славянами. Теми же путями в верховьях реки Волги происходило формирование другой, знакомой нам народности. Славянские племена, явившись туда во множестве, сильные своей массой, господствующим положением, а может быть и агрессивным духом своих князей, поглотили вначале ряд местных финских племен, а затем смешались с Монголами и Тюрками, в результате чего к XV веку получился законченный тип Великоросса.

В сложение народов Европы тоже вошли нераз многочисленные составные части. В одном случае из племен Ал-

ломанов, Германцев, Кельтов, Славян и Литовцев (Пруссов) возрос народ Германский, совершенно искренне убежденный в чистоте своей расы.

В кочевом быту или в условиях непрерывных войн и переселений народность переменчива и непостоянна. Она приобретает отчетливые и устойчивые черты лишь после того, как скроется в отдельную ячейку за преградами натуральными (моря, горы, болота), политическими (государственные границы) или хотя бы психологическими (твердое сознание своей обособленности). В эволюции речи, в ее переменах, как закон, действует преобладание количества, физической массы. Чем больше народ, тем сильнее его влияния. Сам он усваивает лишь малозначительные свойства сожителей, а передает им все свои главные черты и, если не встречает организованного сопротивления, то со временем торжествует полностью. Так могучий своей культурой классический мир поддался варваризации в результате близкого соприкосновения Рима и Греции с преобладающими массами пришельцев, а норманны Русы, несмотря на их культурное превосходство, несмотря на политическое господство в стране, отдав Славянам свое имя, через три-четыре поколения растворились в их преобладающей массе и ославянились.

Черкасы, обосновавшись оседло на границах лесного пояса, приобретали соседями с одной стороны довольно дружественных Славян, а с другой — враждебных Половцев. Отсюда выросло притяжение к миру славянскому и отталкивание от половецкой степи. В таких условиях и развился окончательный и общий казачий тип. Славянская сущность выразилась у Черных Клобуков в равнении на язык Казаров и Руси, в засильи славянских оборотов речи и грамматических форм, в то время как внешность, общественный строй и обычаи сохраняли прежнее казачье своеобразие, развившееся за много веков предшествовавшей жизни. Оказалось, что гораздо легче было потерять язык отцов, чем наружные, бытовые и психологические признаки рода.

Изложенные выше соображения о промежуточных этапах развития казачьей народности основаны на указаниях исторических памятников. Но оказывается, что свидетельство истории согласуется во многих пунктах и с казачьим преданием, загложим к нашему времени, но сохранившимся еще среди Казаков в XVIII веке.

Казаки должны быть очень благодарны историку и генералу А. И. Ригельману за его деятельность на казачьей

исторической ниве. Он не только изучил со вниманием ход древней жизни Казаков по актам, хроникам и летописям, но и записал всенародные предания о происхождении казачьего рода.

Исследователи его времени имели возможность ознакомиться с историческими памятниками, погибшими после во время пожаров или умышленно испорченными по требованиям «русской имперской пользы». Ригельман знал многое из того, что было потеряно для следующих поколений. Кроме этого, будучи молодым инженером, он в 1739-40 годах состоял в личном контакте с Запорожцами, а потом много лет провел на Дону и на Тереке. Таким образом часть записей А. И. Ригельмана приобретает ценность оригинального исторического источника.

К казачьему народному преданию историк относился с большим вниманием. По его словам, «должен был принять несколько за справедливые потому более, что они между собой весьма сходственно о себе рассказывают», одинаково во всех местах казачьего расселения. Его интересовало в первую очередь, что это за люди Казаки, откуда ведут они свой род и почему так старательно противодействуют внедрению на их землях русских порядков. На эти вопросы он находил ответ у самих Казаков.

Запорожцы говорили, что они «происходят от народа Козарского и поселились при Днепре реке и оттоль распустились по всем тем местам, где ныне обитают». «От сего же носящегося молвою в народе имени, — пишет Ригельман, — Казаки запорожские, живущие в Сече, особливо о себе произносить стали, якобы они заподлинно от Козар происшествие свое имели и тем представляли себя быть народу вольному» ⁷⁾. Донцы же, в разговорах с ним, согласны были признать себя русскими, но по подданству только, а не по происхождению: «Мнят будто бы они от неких вольных людей, а более от Черкес и горских народов взялись и для того считают себя природою не от московских людей и думают заподлинно только обрусевши живучи при России, а не русскими людьми быть. И по такому их воображению никогда себя Москвитами не именуют, ниже любят, кто их Москалем назовет и отвечают на то, что «я де не Москаль, но русский и то по закону и вере православной, а не по природе» ⁸⁾. «Иные же мнят о себе из народов Роксолянских, — говорит Ригельман в другом сочинении, — Донцы же от Черкес. Прочие же от некаких вольных людей, кои якобы не принадлежали ни к какому владению и потому мнят о себе все, будто бы они навсегда право имеют в вольности и ни под чьим точным владени-

ем, как только под защитой тех областей, к которым они прикосновенны состоят. И для того не почитают себя, чтоб они подлинно были из русских людей или чьи бывшие подданные» ⁹⁾.

Гребенские Казаки на Тереке тоже рассказали ему о своем прошлом: «В Черкесах были по объявлению тамошних и жительство имели двумя деревнями, а именно, одна в Большой Кабарде при устье реки Газы, впадающей в реку Урюф, а она впадает в Терек с левой его стороны и назывались Кажаровцы; другая в Малой Кабарде ж, в самом ущельи Татар Туповом, которое урочище состоит близ реки Терка и ниже впадающей во оной речки Акс с левой же ее стороны». А в другом месте: «Первоначальное убежище таковых беглецов было, по объявлению Гребенских старожил, за Тереком, в самой нынешней Кабарде и в части Кумыцкого владения, в Гребнях, в урочищах Голого Гребня, в ущелье Павловом, и ущелье Кошлаковском, и при Пименовом Дубе» ¹⁰⁾.

Из этих преданий следует, что Казаки пришли на Терек из гор; что они жили в горах много времени и потому урочища, где они проживали, успели приобрести славянские названия; что они там назывались Казаровцами (Ригельман записал в казачьем произношении «Кажаровцами»), а это и есть самое знаменательное место предания. Оно указывает Казарию, как страну их пребывания до переселения в горы.

По смыслу всех записанных А. И. Ригельманом преданий, казачья память связывала истоки своего рода с Казарами, Черкесами (Касогами) и Сарматами Роксоланами (Касаками). Это те же народы, которые стали составной частью казачьей народности и по свидетельству истории. Таким образом, по всем данным, современные нам Казаки обрисовываются в виде сплава скифо-сарматских племен Касаков с местными жителями Подонья и Приазовья — Ясами, Касогами и Казарами.

Первоначально наши предки назывались не Казаки, а Касаки или Коссаки. Только после окончательного слияния племен их главные имена Касак, Касог и Казар дали в сложении Казак, имя, которое И. М. Карамзин не без основания считал, по времени старше Батыева нашествия (1237 г.). Древние Казаки представлялись Карамзину, как «люди азиатского вида, говорившие на смешанном славянско-татарском наречии, исповедывавшие веру греческую» ¹²⁾.

1) Кайсаков арабские хроники называли словом Гуззех. Пови-

димому, это производное от персидского Каззак. В Европе слово Гуззех претерпело еще большие изменения и обратилось в имя Торков - Узы, которое тоже не может быть ничем иным, как трансформированное Казак.

- 2) И. Болтин. Примечания...
- 3) А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой России.
- 4) И. Болтин, как выше.
- 5) В. Рубрукис. Дневник.
- 6) Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану, стр. 5.
- 7) А. И. Ригельман, как выше.
- 8) А. И. Ригельман. История о Донских Казаках.
- 9) А. И. Ригельман. Летописное повествование...
- 10) Там же.
- 11) Корень «казар» сохранился в черноморском диалекте казачьей речи, как ласково-уничижительное «казарлюга».
- 12) Такую трактовку слов Карамзина я встречал у Бантыш-Каменского в самом раннем издании его Истории Малой России, т. I, Фраза приведена здесь по памяти.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

НАЧАЛО СЛУЖИЛЫХ КАЗАКОВ

Князья — иноплеменники. Слияние Славян в русскую нацию. Бунт новгородцев. Граждане второго сорта. Древляне убили Игоря. Охрана от подданных. Княжеская дружина. Варяги. Наемничество в Европе. Конкуренты норманнов на Днепре. Касаки независимый военный народ. Союзники Руси. Дальнейшее оседание на лесостепных гранях. Торческ и Белая Церковь. Касаки дружинники. Союзные обязательства. Перманентная война. Полковая организация. Кормленые города. Торческие князья. Казачий ясырь. Боевые свойства Черкасов. Внедрение украинской речи.

Связавши некогда свои судьбы с массами Славян, Русы вскоре все целиком славянизировались, «даже усвоили их язык, смешавшись с ними», писал Араб ал Бекри (смотри главу пятнадцатую). Вместе с тем, они передали подданным свое имя Русь, которое от X века стало исключительной принадлежностью Восточных Славян. Однако, ни у Рюрика, первого новгородского князя из племени Русь, ни у его ближайшего потомства в Киеве не было еще национальной близости с подданными. Отношение со Славянами, пока что, сводилось к получению от них дани для князя и «полюдь» для дружины, да к охране их от врагов, к обеспечению им безопасного труда, необходимого для накопления платежных средств. Охрана внутреннего порядка в стране, так же как и защита от внешних врагов, выполнялась при помощи неславянской дружины. Первые князья и их воины долго оставались в своей стране иноплеменниками. Рядовое население пользовалось относительно мирной жизнью и хотя считало своих новых господарей чужаками, захватчиками, «находниками», должно было все же признать князя и его династию правящим, законодательным и объединяющим центром.

Владения из года в год росли и расширялись. Они считались княжеской вотчиной, потомственным имуществом князя, но для славянского населения княжеское господство постепенно обращалось в стройный общественный и политический организм, в национальное государство. Интересы народа и власти часто бывали совершенно противоположными, но все же нераз, когда борьба за жизнь и рост нации требовала объединения всех живых сил, противоречия отходили в сторону и местные племенные группы сливались в однообразный монолит. Опыт истории говорит, что в этих случаях у династии и подданных, воодушевленных единством правящей воли, непременно возникало искреннее влечение к жертвенному сотрудничеству, особенно тогда, если целью его было поглощение слабых и разрозненных соседей. Династия Рюрика во многом способствовала слиянию Восточных Славян в русскую нацию. Даже в обстановке вечных княжеских междоусобий и татарского ига ее представители создали сильное Московское государство. Но это не пришло сразу. Вначале были только завоеватели и покоренные.

Князья, конечно, ставили свои интересы на первое место, а если народ выражал протест и бунтовал, то его успокаивали суровыми мерами. Уже через два года после призвания князей, то есть в 864 году, по словам летописи, «оскорбишася новгородци, глаголюще, яко быти нам рабом и много зла пострадати от Рюрика и от рода его». Но попытка свергнуть власть князя-норманна окончилась неудачей. Вождь заговора и его сообщники погибли: «Уби Рюрик Вадима храброго и иных многих изби новгородцев съветников его» ¹⁾. После того как Киев был отобран от Аскольда и обращен в новый центр русского княжения, приемник Рюрика — Олег повел Славян на Царьград. При их помощи Русы победили Греков, но Славяне остались войском второго сорта, не участвовали в разделе добычи и даже паруса получили из самого дешевого материала, крапивы: «И рече Олег. — исшийте паруса паволочиты Руси, а Слова нам кропиньные. И бысть тако» ²⁾. А между тем, иностранцы считали Славян храбрыми воинами.

Игорь, следующий после Олега князь, нанимал для дальних походов Печенегов, а в дружине у него наряду с норманнами появились жители Приазовья, Казары. Судьба этого князя показывает, как мало Рюриковичи могли доверять своим подданным: когда он пришел к Древлянам «в полюдь» с малой дружиной, там напали на него и убили.

Ясно, что при таких отношениях князья не могли пол-

ностью доверять местному населению. Оружие народу выдавалось всегда только временно, против внешних врагов. Но и в таких случаях народное ополчение, «вои», по сравнению с дружиной выглядели только плохо вооруженными подсобными толпами.

Опора власти, старшая дружина, в основных своих кадрах состояла из княжеских родственников, а в помощь им вербовались иностранцы. Вначале это норманны из Скандинавии, а после степняки из среды вольных народов Причерноморья.

Норманны назывались варягами или варангами. Варяги не нация и не народность, а только наемные воины. Они могли выйти из любой среды, из любого племени, с севера или юга, с востока или запада, но первоначальный обычай вольнонаемничества исходил, несомненно, от воинов — скандинавов. Они служили и в Византии, а в X веке их знала уже вся Европа и как наемников, и как завоевателей. Взявши на себя обязательства, они верно их выполняли, не считаясь с трудами и опасностями.

В Европе продолжателями традиции наемничества стали знаменитые швейцарские лучники и алебардисты, немецкие ландскнехты, кондотьеры и т. п. На службу к чужим монархам шли по договорам и владельцы боевых кораблей со своими командами. Наемным солдатом был и Христофор Колумб, итальянец, открывший для испанской короны огромный материк Нового Света. На востоке Европы такими же наемниками нераз бывали Казары и Торки-Касаки, начавшие обычай, долго продержавшийся у последующих поколений их потомков — Казаков.

В X веке жители нашей степи, Казары, Касаки и Асы Донцы стали на Днепре серьезными конкурентами норманнов. Их услугами киевские князья пользовались начиная с Игоря и Святослава. Владимир Святославович по примеру отца и деда тоже вербовал воинов-степняков, а в 985 году призывал на помощь конницу Торков с Донца ³⁾. Недоразумения с прежней норманнской дружиной принуждали к этому особенно. Варяги стали чересчур требовательными и готовы были по каждому поводу начать бунт. Владимир обновил состав наемных войск, стараясь использовать в своих интересах расовые соревнования и антагонизмы. Он вводил в свои кадры разноплеменных воинов. Дружины пополнялись норманнами и степняками, а в новых городах у южной и восточной границ по рекам Рось и Сула, помещались «муже лучшие от Словен, и от Кривич, и от Вятич, и от сих насели грады».

При Мстиславе Храбром сотрудничество наших пред-

ков с Киевом прервалось. Оно возобновилось после того, как царство оказалось разрезанным пополам приходом Половцев. Тогда часть наших предков, уйдя с Дона и Донца, отодвинулись ближе к Кавказским горам, а другие обособились в лесо-степной полосе восточно-европейской равнины. Здесь снова возродились старые традиции вооруженной службы по договорам, а необходимость борьбы со степью заставляла непрерывно сотрудничать с Русью.

Ригельман пишет: «Во время жития и пребывания Косаков оных при местах около Бористена или нынешнего Днепра и прочих рек, соседственные владельцы по храбрости и силе их всемерно искали их дружбы и ласкаясь к ним склоняли и приводили к своей стороне, так как вольных людей». «Они, во первых, насколько известно, помогали воевать и побеждать русским князьям и отдавали себя их руководству до междоусобий среди князей, а особенно до того момента, когда усилившаяся Польша изгнала великого князя с киевского престола. Тогда король ее Болеслав Храбрый привел под свое управление и Косаков, а по нынешнему Казаков, и укрепил ими границы Киевского княжества от Татар и Русских» ⁴⁾. Болеслав Храбрый был королем от 992-1025 г.г.

Касаки проживали в близком соседстве с Русью, но оставались народом независимым. Их общины сохраняли своих князей, которые сами избирали себе сюзеренов-наемателей, заключали с ними договоры и по собственной воле прерывали договорные отношения. Русская историография нашего времени определяет Черных Клобуков как «федератов», союзников Руси. Союзы, однако, часто нарушались и переходили в столкновения. До победы над Касаками «больше всего опасался» их и Ярослав. В 1054 году после смерти Ярослава Торки-Касаки снова во вражде с Русью и бьются с князем Всеволодом под Воином. В 1060 году ходили на них четыре князя, «совокупиша воины бесчислены». В 1080 году «заратишася Торци переяславции на Русь». Принимали они участие и в княжеских междоусобицах. Но все же удельные правители видели в них источник пополнения своих сил и охотно привлекали их на свои границы. Поэтому из степи к Черным Клобукам по прежнему подходили то остатки Торков, то какие то Читеевичи (Чигеевичи?) ⁵⁾, то Беловежцы, которые по некоторым данным осели по Южному Бугу и стали известны под именем Бологовцев ⁶⁾.

Гонимые тревожными степными судьбами, приходили они на грани лесо-степи, но особенного спокойствия не находили и здесь. Половцы продолжали нападать, а Русь не

всегда бывала надежной союзницей. Так что иногда приходилось ожидать нападений и со стороны степи, и со стороны леса или, снявшись с мест, уходить туда, где по соседству не было ни Половцев, ни Русских. Так в 1120 году «бежали Торци Берендичи из Русские земли». «И тако мятущиеся сде и онде и тако погибоша», кончает летописец свою запись с пренебрежением и злостью ⁷⁾.

Однако, вместе с подобными замечаниями о гибели, Торки и Берендеи продолжают непрерывно упоминаться в летописях, как некое черноклобуцкое население пограничья. Русский историк Б. Д. Греков пишет: «У нас есть многочисленные доказательства тому, что кочевники, особенно Берендеи и Торки прочно оседали на территории русского государства. Об этом совершенно ясно говорит топонимика». Греков указывает ряд географических названий и между другими: Торчиново городище, в Богодуховском уезде; с. Торское, Купянского уезда; урочище Торч, Киевского уезда; Торчин и р. Торчанка, приток Уши, Радославского уезда; Торчица на р. Торчице; с. Торчевский Степак, Таращанского уезда; Торчицкое взгорье, Васильковского у.; Берендичев (сейчас Бердичев); Торчин, Липецкого у.; Торков, Браславского у. и т. д. «Все эти названия распространены в пограничной лесостепной полосе, причем в стороне леса их очень мало. Кочевники оседали на окраинах Руси, предпочитая по вполне понятным причинам лесу — степь» ⁸⁾. Кочевья и большое число поселений Торков размещались между Днепром и Бугом на юг от реки Рось. На небольшой речке Росаве стоял один из их главных центров — Торческ. «Жили они по реке Роси, — говорит Болтин, — и главный их город был Торческ, а другой Белая Церковь» ⁹⁾.

Со своей лесо-степи Черные Клобуки были всегда готовы к боевому сотрудничеству с русскими князьями. «Помощь русским князьям, — говорит Греков, — оказывалась в порядке либо общих военных предприятий, либо найма вспомогательных военных сил, либо поселения кочевников на границах Руси на определенных условиях, т. е. на положении федератов» ¹⁰⁾.

«Общие военные положения» это то же самое, что постоянное войско или дружина. В том случае, если какой либо Казар или Касак нанимался в дружину одного из князей, он переходил на жительство в его стольный город, где дружинники составляли особый привилегированный класс общества. В Киеве их называли «гриди» и «отроки», а в Чернигове — «были». Выше их по положению — «стояли люди именуемые то русью, то боярами, то огнища-

нами» ¹¹⁾, ниже их купцы. «Гриди» и «были» это воины, получавшие кроме «полюдья» и земельные поместья. Впоследствии их стали называть «житьи люди», «дети боярские», «дворяне».

Дружинники и их роды уже не назывались ни Черными Клобуками, ни Касаками, ни каким либо иным племенным именем. О их происхождении можно было узнать только по прозвищам. Они стали родоначальниками русских, литовских и польских фамилий Казаковых, Касоговых, Казариновых, Казакевичей, Козаков, Коссаков, Косаковских и др.

«Наем вспомогательных военных сил» сводился к призыванию одной или нескольких общин на помощь против нападающего врага, а также и при сборах в поход на соседей, по единовременным договорам для каждого отдельного случая.

Что же касается союзных условий, на которых Касаки селились около границ княжества, то тут они должны были зорко наблюдать за степью для предупреждения неожиданных нападений и в интересах союзника, и в своих собственных. С другой стороны, они получали поддержку в борьбе с Половцами, беспошлинное право купли продажи на русских рынках и очень часто, кроме этого, специальное жалованье, «кормление». Касаки оседали вблизи границ крупными общинами способными к самообороне. На их долю приходились первые удары Половцев. Поэтому их общины жили в состоянии вечной боевой готовности. Б. Д. Греков определяет его, как полковую организацию: «Все эти поселенные на правах федератов народы составляли «полки», т. е. были организованы по военному» ¹²⁾. Иначе говоря, уже в то время было заложено основание полковой и станичной службы приграничных казачьих общин.

С мест своего поселения Черные Клобуки всегда были готовы отразить нападение степняков. Здесь все обстояло на подобие тому, как это было у древних Германцев по описанию Тацита: «Их турмы и клинья представляют собой не случайные скопления людей, а составляются из семейств и родов, а вблизи находятся милые их сердцу существа и они слышат оттуда вопли женщин и плач младенцев. Для каждого воина это самые священные свидетели, самые ценные хвалители; свои раны они несут к матерям и женам, а те не боятся считать их и перевязывать. Они же носят сражающимся пищу, а так же поощряют их» ¹³⁾. Такая обстановка складывалась в поселениях Касаков во время отражения нападающих врагов.

За боевую работу Касакам часто выплачивалось «жалование». По большей части им отдавались в «кормление» некоторые русские поселения, с которых они и брали «полюдье». Но Черные Клобуки оставались свободными в выборе союзника или сюзерена - нанимателя. Б. Д. Греков приводит содержание Ипатской летописи под 1159 годом: «Интересный случай, когда начальники Берендеев Тудор Сатмазович, Каракоз Мнюзович и Карас Кокей сочли для себя выгодным перейти на службу от одного князя (Изяслава) к другому (Мстиславу). Они послали к Мстиславу сказать: «аже ны хоцещи любити, яко же ны есть любил отец твой и по городу ны даси по лепшему, то мы на том отступим от Изяслава». Мстислав согласился и, стало быть, дал им по лучшему городу, несомненно, по Роси, где и были поселены все эти конники-кочевники» ¹⁴).

В Торческе на речке Росаве проживали вожди Торков, которых летописец называет князьями. В конце XII века здесь известен «торцький князь Кондувдый». Он попал в полосу междоусобных интриг и, обиженный князем Святославом, навел на него Половцев. После он договорился с другим князем, Рюриком, «который дал ему город Дверень на Роси «Русские земли деля», т. е. для того, чтобы он охранял Русскую землю» ¹⁵).

Кроме «кормленных» городов Касакам принадлежало во всех случаях исключительное право распоряжаться по своему усмотрению захваченной добычей и пленниками. Однажды (в 1154 г.) Берендеи взяли с боя многих Половцев и держали у себя. Родственники пленников просили киевского князя Юрия Долгорукого посодействовать их освобождению. Юрий был женат на Половчанке и готов был бы им помочь. Он обратился к Черным Клобукам, с которыми его уже связывали союзные отношения. Летописец записал: «Берендееве же не даша их, рекше: Мы того деля умираем за Русьскую землю и головы свои складываем». Юрий не мог принудить их силой, потому что это противоречило бы их договорным правам. Он попытался замирить Половцев дарами, но те обиженные поехали прочь «и много пакости створиша около Переяслава» ¹⁶). Князя призывали Касаков на помощь не только в случае столкновений с Половцами, а и при начавшихся междоусобицах в борьбе за уделы. От их участия стало зависеть соотношение сил и они сделались заметной величиной в политической жизни Русов.

Летописные записи второй половины XII века дают очень интересный образ моральных и боевых качеств Чер-

ных Клобуков. Правда, в первые годы сожителства с Русью и в связи с княжескими распрями, они делались иногда участниками неблагоприятных авантур, но, вообще, можно считать, что Черкасы проявлялись как народ смелый и надежный в выполнении взятых на себя обязательств.

Вот тому примеры из летописи.

В 1169 году Половцы подошли к Киевским границам с двух сторон от Днепра, под Переяслав и под Корсунь. Отсюда они отправили в Киев послов с предложением договориться о крепком мире. Киевский князь Глеб Юрьевич с радостью согласился на встречу и тотчас же отправился под Переяслав. Там он быстро пришел к соглашению с половецкими вождями, одарил их щедро и, взяв с собой полк Берендеев, поспешно переправился через Днепр с тем, чтобы заключить мирный договор со второй группой кыпчацких князей.

Но все половецкое предприятие оказалось военной хитростью. Пока Глеб был за Днепром, Кыпчаки из под Корсуни бросились за реку Рось, грабили и жгли села под Киевом, забирали людей и скот.

Князь на походе узнал о таком вероломстве и тотчас же хотел итти на них, но Берендеи уговаривали его: «Княже, не езд. Тебе прилично итти только с большим войском, а тут тебе лучше послать нас с одним из братьев». Глеб послушал совета. Сотню конных переяславцев ¹⁷⁾ и полторы тысячи пеших Берендеев он отправил вперед под командой брата Михалки.

Выйдя на киевскую дорогу, Берендеи захватили авангард возвращающегося врага и уничтожили следующий за ним отряд в семь тысяч человек. При этом они освободили русских пленников и отобрали награбленное добро. Тут же стало известно, что сзади подходят главные половецкие силы, около 15.000 воинов. Сотня переяславцев во главе с княжеским братом готова была броситься им навстречу, но Берендеи и тут не пустили их раньше себя. «Не ездите, — сказали они, — вы будете охраной нашего тыла, а вперед должны итти мы, стрельцы». После этого они двинулись на подошедшего ближе врага, рассеяли его и взяли 1500 пленных.

В 1171 году Берендеи и Торки, во главе с тем же княжичем Михалкой, перерезали дорогу, углубившимся в страну, Половцам. Встретив их, они многих порубили и освободили 400 пленников - киевлян.

В 1184 году во время победного похода русских князей на Половцев, молодой переяславский князь Владимир Гле-

бович шел в авангарде, имея с собой немного переяславцев и 2100 Берендеев. Когда они сошлись в степи с Кыпчаками, Владимир бросился на их полчища только со своими воинами: он ушел далеко вперед, а «князи русьстии не утягли бяху с Володимером». Черкасы сами обратили врага в бегство, многих порубили и 7.000 взяли в плен. Среди пленников оказалось 417 лиц княжеской крови¹⁸⁾.

В Слове о полку Игореве приводятся, между прочим, слова князя Святослава: «Уж я не вижу над вами брата моего Ярослава с черниговскими былями Могу-тами, Татранами, Шелбирами, Топчаками, Ревугами и Ольберами. Эти то без щитов с одними кинжалами кликом полки побеждают, гремя прадедовской славой». Перечисленные здесь роды воинов Мстислава Храброго пользовались заслуженной славой. Но в неудачном походе Игоря из всех черниговских Черкасов принимали участие только одни Ковуи с вождем Ольстином Олексичем. Они погибли почти все.

Получая в «кормление» города по рекам Роси и Суле, черкасские воины попадали в массовое окружение Славян западных, потому что начиная от десятого века южные границы Киевской Руси усиленно заселялись польским ясырем, жителями Подляхии, Холмщины, Червоной Руси и Галичины. Пленники приносили на Днепр основы украинского языка, который таким образом по отношению к заднепровским Касакам делался самым близким славянским наречием. В связи с этим речь Черкасов все больше удалялась от прежних азовско-славянских форм и приближалась к диалектам западно-славянским, тем более, что в междуречьи Буга и Горыни их поселения упирались в сплошную массу украинских жителей Волыни.

1) Никоновская летопись.

2) Повесть временных лет, г. 907.

3) То же, г. 985.

4) А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой России.

5) Повесть временных лет.

6) У И. Болтина в «Примечаниях»: «В летописи о переселении сем, именно, написано: В 1117 году пришли многие Беловежцы в Русь, которым князь великий повелел для поселения земли отве-сти, а купцы сели по разным городам.» Об этом дальше.

7) Троицкая летопись.

8) Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 349.

9) И. Болтин. Примечания..., стр. 42.

10) Б. Д. Греков, как выше, стр. 348.

- 11) Там же, стр. 346.
- 12) Там же, стр. 351.
- 13) Там же, стр. 340.
- 14) Там же, стр. 350.
- 15) Там же.
- 16) Троицкая летопись, г. 1155.
- 17) Переяславских Торков летопись упоминает в 1080 г., а переяславские Казаки известны по актам XVI столетия.
- 18) Троицкая летопись, г. 1185.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

БЕСПОКОЙНЫЕ СОСЕДИ

Княжеские междоусобия и половецкие беды. Киевляне и Черные Клобуки. Изяслав Мстиславович. Юрий Долгая Рука. Княжение и смерть Изяслава. Юрий в Киеве. Андрей Боголюбский. Разгром Киева. Колонизационные устремления южан. Русы на Оке и Волге. Пропавшие Меряне. Великороссы. Торки - Казаки в верховьях Дона. Начало Донских Казаков верховых.

В днепровском бассейне Черные Клобуки оказались на положении плотной прослойки, возникшей между Русью и половецкой степью. Благодаря этому на их городки удары степняков приходились в первую очередь. В таких условиях успех обороны стоял в прямой зависимости от боевой готовности, поддержанной надежными союзными узами с Русами. Но на Днепре в XII веке творилась такая междоусобная сумятица, что нераз трудно было решить, с которым из местных князей оборонительное соглашение окажется наиболее полезным и прочным. Род Рюриковичей, за триста лет пребывания у власти, разросся во все стороны боковыми отпрысками; появилось множество князей, не привыкших считаться с традициями престолонаследия; обоснованные и необоснованные претензии поддерживались при помощи оружия и Половцев. Распри, начатые после смерти Ярослава, продолжались уже свыше столетия, а Половцы, пользуясь ими, почти каждый год нападали на Поросье и Посулье, иногда по собственному почину, а чаще подстрекаемые к тому враждующими князьями Рюриковичами.

Днепровским Черкасам больше всего приходилось страдать от предприятий Олега Святославовича и его потомков. Соответственно этому и в отличие от Приазовья, к роду Ольговичей здесь относились со враждой.

От 1139 года Киевом владел Всеволод Ольгович. Умирая в 1146 году, он назначил своим приемником брата Игоря. Но киевляне, так же как и ближние Черные Клобуки, Ольговичей не хотели. Симпатии тех и других были на стороне мономахова внука Изяслава Мстиславовича. Владея Переяславом, Изяслав никогда не прибегал к помощи Половцев, с Ольговичами враждовал и как справедливый государь пользовался уважением переяславцев. Киевляне пригласили его к себе. В ответ на приглашение Изяслав пошел к Киеву. По пути, на переправе через Днепр, его встретили Черные Клобуки. «Ты наш князь, — сказали они ему, — а Ольговичей не хотим. Иди скоро, а мы пойдем за тобой.» С ними Изяслав захватил Киев и пленил там Игоря Ольговича.

Взаимные симпатии продолжались во все время недолгого княжения Изяслава. Эти восемь лет черкасские воины составляли существенный оплот его главных сил. Они помогли ему выиграть борьбу и с отцовским братом Юрием Владимировичем Долгоруким.

Юрий Долгая Рука пришел из своего Суздаля и, призвав на помощь Половцев, пробовал отобрать от племянника Киев. Но киевляне, переяславцы и Черные Клобуки общими силами побили Долгорукого и заставили его удалиться назад в Суздаль. Изяслав продолжал княжить в Киеве. Он умер в 1154 году, женившись перед тем на абазинской княжне. «Плакала за ним вся Русская земля, — говорит летописец, — и все Черные Клобуки, не только как по своему князю и господину, а как по родному отцу.»

После смерти Изяслава около Киева возобновилась борьба претендентов и на этот раз победителем вышел Юрий Долгая Рука. Обосновавшись на великом княжении, Юрий постарался договориться и с Черными Клобуками, но имея дело с народом независимым, он мог распоряжаться их помощью лишь в рамках договоренности. Свидетельством тому служит происшествие с Берендеями и половецкими пленниками, о чем уже говорилось раньше (смотри главу двадцать третью). «Совершенно очевидно, — пишет Б. Д. Греков, — что Берендеи, о которых идет речь, находились на службе у Юрия на каких то договорных условиях. Половцы, от которых в данном случае Русь при помощи Берендеев и защищала свои границы, обращаются не к Берендеям, а к Юрию. Но и пределы власти Юрия над Бе-

рендеями были обусловлены договорными условиями, среди которых не трудно заметить одно: право федератов на военную добычу» ¹⁾.

Как бы там ни было, степная угроза надвигалась на наших предков из года в год все теснее. Накоплялся непоплатный счет половецких насилий и грабежей, а в то же время надвигалась и роковая развязка многолетних семейных распрей в русском княжеском доме, назревали крупные перемены в жизни самих Славян и их стольного города Киева.

Когда Юрий Долгая Рука занял киевский престол, он поместил своего старшего сына Андрея наместником в соседний Вышгород. Но княжичу было не по душе зависимое положение да еще на гранях вечно беспокойной степи. Много лучше и свободней он чувствовал себя на севере. Помимо воли отца он ушел назад во Владимир на Клязьме, куда после смерти Юрия в 1157 году перенес центр русского великого княжения. Киев обратился во второстепенный окраинный город, но отдать его кому либо другому Андрей не хотел. Когда там пробовал утвердиться Мстислав Изяславович, Андрей послал против него свою рать. Суздальцы и владимирцы, овладев городом, разграбили и сожгли его, надолго лишив сил для соперничества с новой северной столицей. В разрушенном Киеве остался править андреев брат Глеб Юрьевич. Черные Клобуки усердно его поддерживали.

Андрей, прозванный Боголюбским, княжил до 1175 года и пал жертвой боярского заговора.

«От всей фигуры Андрея веет чем то новым, — пишет о нем русский историк Ключевский, — но едва ли эта новизна была доброй.» «Проявив в молодости на юге столько боевой доблести и политической рассудительности, он потом, живя сиднем в своем Боголюбове, наделал не мало дурных дел. Собирал и посылал большие рати грабить то Киев, то Новгород, раскидывая паутину властолюбивых козней по всей русской земле из своего темного угла на Клязьме. Повести дело так, чтобы 400 новгородцев на Белоозере обратили в бегство семитысячную суздальскую рать, потом организовать такой поход на Новгород, после которого новгородцы продавали пленных суздальцев втрое дешевле овец, — все это можно было сделать и без андреева ума» ²⁾.

В эти годы двенадцатого века славянские жители Днепровской Руси, доведенные междоусобиями и набегами Половцев до такого состояния, когда уже нечего было те-

рять, массами снимались с мест и устремлялись в более спокойные волго-окские пределы. «Южане в короткое время усилили русский элемент в Суздальском краю, — говорит другой русский профессор Платонов, — они содействовали скорому обрусению этой финской окраины и подъему в ней княжеского могущества. Под давлением русской колонизации финские инородцы или покидали свои места, уступая их русским пришельцам, или же подвергались обрусению и постепенно утрачивали свой язык и свое обличье. В том и другом случае финны исчезли бесследно и на их местах оказывалось сплошное русское население. Летописец, сначала упоминавший о Мерянах, потом как будто бы о них забывает. Если бы Меряне выселились в другую область или же были избиты на месте, летопись знала бы об этом. Но так как Меряне постепенно и мирно обрусели, то исчезновение их племени совершилось для русских людей совсем неприметно. Однако смешение русских поселенцев с финскими туземцами не прошло бесследно и для русских. Они восприяли некоторые физические и духовные черты того племени, с которым роднились на новых местах. Изменился их чисто славянский тип и характер; получилось как бы новое славянское племя. Это племя, в состав которого вошли русские славяне разных областей и племен и некоторая примесь финнов, называется великорусским племенем» ³⁾.

Не оставались на одном месте и Черные Клобуки. В конце двенадцатого века часть Торков и Торпеев переселилась в бассейн Северного Дона, куда они перенесли свои поселения вместе с их старыми названиями. Там появились новые Торческ и Воино (старый Торческ на Росаве, недалеко от Белой Церкви, а старый Воинь, город племени Торпеев, в устье р. Сулы). Жители их завязали дружественные связи с Волжскими Болгарами и в 1184 году сообщая с ними, не особенно удачно, отражали нападение Русов. В летописи значится: «Болгаре же из города Собекуля и из Челмата поидоша в лодьях, а из Торцьского на коних на лодье наши». В списке, составленном около конца XIV века, Торческ и Воино помещены среди городов рязанских, а на Днепре их уже нет. Тут же в списке значатся и подонские поселения: «в верх Дону Дубок, Корник, Урюпеск» ⁴⁾. Урюпеск, без сомнения, первое известное и сохранившееся до наших дней название казачьего поселения на Дону. В настоящее время оно еще живо на Хопре в имени станицы Урюпинской, а может быть и станицы Урупской на Кубани.

Точно положение первых казачьих городков на Верхнем Дону в летописи не указано. А. И. Ригельман считает, что Казаки, придя сюда с Днепра, «гораздо выше нынешних их мест, как то от Воронежа реки вверх по Дону, жительство свое имели».

У Русских они назывались общим именем — Черкасы и это позднее дало москвитам повод в сношениях с польским королем (1554 г.) и персидским шахом (1594 г.) утверждать, что Кабардинцы — те же самые Черкасы из рязанских пределов. Они, будто бы, долгое время были холопами (слугами) московского царя, а после ушли в горы ⁵⁾. Правдивость этих утверждений вызывает большое сомнение.

Послы по наказам должны были говорить: «Кабардинские Черкасы долго были холопами его царского величества, а покинув его царское величество бежали с Рязани и вселились в горы.» Но эти слова наказа можно считать лишь хитрой дипломатической уловкой, подтасовкой имен, умышленным смешением понятий Черкасы-Казаки и Черкасы-горцы. Казаки или Черкасы степные обитали после Мстислава повсюду на Днестре и на Дону. Жили они и на рязанских «украинах». Но относить их к племени Кабардинцев было бы очевидной ошибкой. Когда речь идет о многочисленном населении Северного Дона, в тамошних Черкасах можно видеть только казачьих предков. Никакие исторические памятники не упоминают Кабардинцев в таких далеких от Кавказа местах, а зато присутствие здесь Бродников не вызывает сомнений ⁶⁾. По археологическим данным они появились на Верхнем Дону уже в девятом веке. Позднее сюда же начали переселяться Торки и Торпеты, Черкасы с Днепра. Б. Д. Греков пишет: «Переяславское и южные части Киевского и Черниговского княжеств сплошь были усеяны торкскими поселениями. Они заходили еще севернее — в Рязанское и даже Суздальское княжества, (курсив мой. Г.). Очень много торкских названий речек и населенных мест являются и до сих пор следами их поселений» ⁷⁾. Сплав Бродников с Торками, синтез их имен Казар — Касак и положили начало Казакам Донским Верховым. Хронологически оно связано с переселением сюда части Торков. Первое летописное указание на этот счет имеется под годом 1184, а судя по грамотам московских митрополитов в XIV столетии на Северном Дону уже существовали многочисленные христианские приходы и монастыри. Если кто и перешел отсюда на Кавказ, то только часть Казаков, а не Кабардинцы. К тому же, среди горцев Кавказа казачьи общины не были редкостью. От XIII до

XVIII века у Русских они назывались Черкасами Пятигорскими⁸⁾.

-
- 1) Б. Д. Греков. Киевская Русь, ст. 350.
 - 2) Проф. В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. 1.
 - 3) Проф. С. Ф. Платонов. Учебн. русской истории, стр. 60.
 - 4) Новгородская первая летопись. Статьи предшест. Комиссионному списку.
 - 5) Caucasian Review 2, стр. 18. Автор А. Намиток ссылается на книгу С. Белокурова. Сношения России с Кавказом.
 - 6) Греков и Якубовский. Золотая Орда и ее падение, ст. 203.
 - 7) Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 270.
 - 8) Об этом у Волтина, С. Герберштейна, Матвея из Мехова, Та-тищева.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

НА СВОИХ РЕКАХ

Верхне-донские юрты. Немного мирной жизни. Бродники. Кыпчацкие города на Дону. Черкасы. Пятигорские. Генеральское мнение. Его истинный смысл. Городки черкасских переселенцев. Жизнь в горах. Горские влияния. Эволюция костюма. Оселедец. Оружие. Седло. Формы речи.

Верховья Дона обладали многими притягательными свойствами и по своему положению, и по своим природным богатствам. С северной стороны подонская земля примыкала к лесному поясу, где в большинстве проживали мирные и христианские Славяне. Можно было ладить и с Мордвинами, болгарскими подданными на востоке, а половецкие кочевья оставались далеко на юге за пустынной лесо-степной полосой.

Черкасы находили здесь то, чего они не имели на Днепре: некоторую долю мирного спокойствия. Там они жили в водовороте постоянной бестолковой междоусобицы и бесплановой борьбы Руси со степью. Все время занимала война. Здесь же вдали и от Русских, и от Половцев, они получили возможность уделять больше времени мирным семейным и хозяйственным нуждам. Пустынность края располагала к расширению юртов, к более глубокому освоению свободных пространств вдоль берегов щедрой реки.

Поэтому неудивительно, что со всех краев своего Поля, по милости Половцев ставшего Диким Полем, на Верхний Дон стекались все новые общины Касаков и Казаров. Именно здесь забила снова ключом разносторонняя культурно-хозяйственная, а не исключительно военная, жизнь каза-

чьих общин, получивших в обиходе наименование Донских верховых.

По свидетельству археологии эти места вначале были заселены народами сарматской культуры, Скифо-аланами. Славянские поселения появились здесь около IX века,

Черкас землероб.
Рис. Ригельмана.

вскоре после перемещения Балканских Славян в Артану. Казачий историк И. Ф. Быкадоров находит в области Червленого Яра, между Доном и Хопром, городки Бродников, которые по его словам отсюда вели боевое сотрудничество с половецкими и русскими князьями ¹⁾. Русский профессор Б. А. Рыбаков считает Бродников сплавом Славян с Сарма-

тами. Бродники, по его мнению, «были известны уже Тациту, как Венеты, внедрявшиеся в сарматскую среду,» а юго-восточные окраины антских поселений или, иначе говоря, Донец и Дон как раз и служили тем местом, где «древние Венеты со времен Тацита смешивались с Сарматами» ²⁾. Судя по данным летописи, Бродники — христиане языка славянского и проживали они вблизи Дона. Северные их общины непрерывно множились и пополнялись притоком Днепровских Черкасов, родственных им по языку и обычаям. Область, прилегавшая к верховьям Дона, неуклонно шла по пути благосостояния и роста культурных достижений.

Несколько иначе складывалась жизнь населения Среднего и Нижнего Дона.

От 1060 года здесь утвердилась власть Кыпчаков. Дешт и Кыпчак, Половецкое ханство было образованием чисто кочевым, но когда Половцы пришли на Черноморские земли, они сохранили в целости, существовавшие там раньше, центры оседлой жизни. Остались стоять нерушимо и города в стране Касак, на берегах Дона, в качестве торговых, ремесленных и земледельческих очагов кочевого царства. Население городов и городских округов сложилось много раньше, еще во времена Хазарии. Там жили Асы-Танаиты, Торки, Казары-Бродники, Греки, Евреи и т. п. Все они продолжали привычные занятия и снабжали местные рынки продуктами своего труда. Но, вероятно, им тоже приходилось переносить многие несправедливости от новых хозяев Поля и когда чаша терпения переполнялась они восставали, бились с Половцами и с боем прорывались к Днепровским Черкасам. Это случилось, например, во времена киевского князя Владимира Мономаха с остатками степных Торков, с какими то Читеевичами (Чигеевичами?) и с жителями Белой Вежи. Однако, такие уходы не лишали подонских городов их казаро-касацкого облика и во время глубоких походов к Дону Русы находили там жителей христиан.

Уходы с Дона и из половецкого Приазовья усиливали также казачье-черкасский элемент в кавказских предгорьях. От XIII века в исторических памятниках появляется новый термин Черкасы Пятигорские, который заменялся и именем Казаков ³⁾. В дальнейшем времени название Черкасы Пятигорские приобрело совершенно определенный смысл и обозначало крупное скопление наших предков в долине Средней Кубани недалеко от Пятигор — Бештау. Не может быть никакого сомнения, что большая

часть Черкасов Пятигорских сложилась из потомков прежних Казаровцев. Их общины собрались здесь под защиту гор, как равноправная часть нового союза горских племен, страны Черкасии.

Нужно думать, что именно Пятигорских Черкасов, как первоисточник казачьего рода, имел ввиду один из самых ранних русских историков генерал-майор Иван Болтин. Он указал первоначальные казачьи кочевья в степях между Черным и Каспийским морями и приводит в своей книге нижеследующие соображения:

«В самую отдаленную древность в юге России жили многие племена татарские, сарматские и славянские под разными именами, по многим городам, селениям имели правление, начальство. Из сих племен некоторые, отдаляясь от жилищ в степи, составили особую шайку, питаются рыболовством и разбоем. Сих бродяг называли Татары, по свойству их состояния и образа жизни, казаками, то есть бездомовными бродягами. Своевольная жизнь и привольные места были привадою всем распутного житья удалцам умножить их общество; наконец, многие тысячи таких собрались, разделились на многие улусы и заняли всю степь между Черного и Каспийского морей. Сделались они соседями опасными и нужными.» «Язык их, как по названиям городов и князьков или начальников их судить можно, более сходствовал с татарским нежели с другими.» «Название сих казаков, — говорит дальше Болтин, — известно стало быть около половины XIII века, а вскоре потом и селитьбы их во многих местах появились, яко в княжестве Курском, в Мещере и по реке Дону.⁴⁾»

Если с этой записи снять шелуху грубостей, пренебрежительного отношения к инородцам и предвзятостей, по которым Казак - кочевник должен был называться бездомовым бродягой, то под ее покровом окажется очень интересная сущность, на первый взгляд незаметная. Во первых, Болтин указывает три источника, из которых потекла река казачьего рода. Он ведет начало Казаков от тех же Туранцев (Татары Болтина), Скифо-аланов (Сарматы) и Славян. Конечно, выделившиеся из их среды племена нельзя называть шайкой, как это делает превосходительный историк. Речь здесь может идти только о народе, «многие тысячи» которого, будучи разделены на «многие улусы», занимали «всю степь между Черного и Каспийского морей.» И Татарам, которых Европа узнала только в XIII столетии, не было нужды придумывать для них казачье имя, так как многие из этих племен и народов носили его уже сотни лет. Интересно, что Болтин считает XIII век временем первого

знакомства Руси с Казаками, в то время как современные нам русские историки указывают пятнадцатый. Выдумали ли историк Болтин, указанную им дату? Сомнительно. Во первых, потому что ему не представлялось в этом нужды, а во вторых, потому, что похожие данные приводит и его современник, историк В. Н. Татищев. Выглядит так, что они скорее обнаружили их в одном из тех исторических памятников, которые после затерялись в архивах.

«Опасными и нужными» людьми Казаки были в действительности, а их степной промысел не был более разбойным, чем взаимные нападения и грабежи русских удельных князей, соответственно нравам сурового средневековья. У наших предков к тому же не оставалось иных средств к существованию, кроме добычи и боевой службы соседним государям. Грек Страбон на 1700 лет раньше Болтина понял, что характер деятельности народа стоит в прямой зависимости от природных и политических условий его территориального размещения (смотри о Коссах в главе второй). Азовско-Черноморские степи издавна принадлежали нашим предкам. Завидные по природным богатствам места при трудовом усилии могли бы дать все нужное человеку для безбедного существования. Но благосостояние, накопленное поколениями, как и самая жизнь, гибли от одного удара при нашествии непреодолимых орд азиатов. Оставалась единственная возможная деятельность — воинский промысел.

Казаровцы, или по их новому названию Пятигорские Черкасы, проживали в горах и предгорьях Кавказа несколько веков. Выходцы из их среды положили начало многим казачьим общинам на Днепре и на Дону. От них произошли по прямой линии почти все Терские Казаки, а известные истории Азовские Казаки, люди одного с ними родового гнезда, неизменно остававшиеся в Меотиде, на берегах Азовского моря.

Жизнь в горах рядом с коренными горцами наложила свой отчетливый отпечаток на некоторых обычаях и на внешности Пятигорских Черкасов. Приобретенные там свойства они разнесли после во все новые места своего расселения. Горский климат, резкие разницы температуры, движение по крутым склонам послужили причиной многих перемен в костюме бывших степняков. Чекмени удлинились, охраняя бедра от холода камней, широкие скифские штаны стали еще шире, для того чтобы на крутизнах не затруднять движение в колене ⁵⁾, а одновременно охранять ногу от укусов змей и скорпионов; на ногах появились но-

говицы или кожаные чулки-ичеги, поверх которых надевались чирики (по черкесски — чарыки); высокая и остроко-
нечная войлочная скуфья постепенно стала заменяться меховой барашковой папахой, которая в горах служила не только шапкой, а и защитой головы от укусов скорпиона. так как это ядовитое насекомое уходит от запаха овечьей шерсти. Здесь же на Кавказе родилась мода оставлять на бритой голове чуб-оселедец ⁶⁾. Отсюда же пришла к Казакам особая войлочная бурка с рукавами, которая у Запорожцев называлась «копаник» ⁷⁾, а у Черкесов «гобенедж». Из оружия по прежнему у Черкасов сохранялся лук со стрелами, прямой аланский палаш или кривая шашка с открытыми эфесами и затейливыми резными украшениями, кинжал, принятый еще у Саков, их же боевой топорик — сагарис и скифский дротик, короткая пика. Тут же входят в употребление седла более совершенной конструкции, чем прежние скифские. Их фасон считается «продуктом изобретательской мысли кавказских мастеров» той эпохи. Найденные при раскопках образцы деревянного ленчика изготовлены из кавказских пород и являют собой ранний прототип горско-казацкого седла ⁸⁾.

Воины Казаровцы роднились с горцами, заимствовали от них обычаи и моды, равнялись по образу жизни и по внешности, сливались в настолько однообразную массу, что соседи перестали их отличать друг от друга, называя тех и других одним именем Черкассы.

Так к началу XIII века обстояли дела в стране, которую наряду с Доном можно считать колыбелью казачьего рода.

Иак говорилось раньше, в XI веке между основными землями расселения наших предков выросла труднопроходимая преграда половецких кочевий. Приазовье оказалось безнадежно разобщенным и с Днепром, и с Верхним Доном, а рязанские «украины» с бассейном Днепра связывала только редкая цепь черкасских поселений по северским рекам. Здесь тоже назревал прорыв в связи с непрерывным запустением наиболее открытых и наиболее уязвимых со стороны степи посульских юртов. В связи с этим, развитие торговых, промысловых и политических связей Черкасов расходилось по трем обособленным путям. Одних кормил Днепр, других — Дон, третьих — Кубань и соседние моря. На Днепре сохранялось, возникшее раньше боевое сотрудничество с Киевом и Переяславом, по большей части с князьями Мономаховичами; на Дону появились служилые отношения с более близкими Ольговичами, с Курском и Ря-

занью, а на Кавказе закреплялись связи с соседними горскими князьями.

Эта разобщенность, кроме печальной возможности враждебных встреч и взаимного ущерба в боях за чужие интересы, несколько отразилась на путях национальной эволюции трех ветвей нашего народа. По имени, быту и внешности они оставались все теми же Черкасами-Казаками, но территориальное разделение направило из разговорную славянскую речь по трем различным линиям. Древний казарский язык сохранялся только на Кавказе. В степях же, рядом с общепринятыми туранскими, славянские наречия Казаков стали заимствовать формы от ближайших соседей и сожителей, украино-волынские на Нижнем Днепре и русские повсюду на севере.

1) И. Ф. Быкадоров. Донское войско в борьбе за выход в море, стр. 5.

2) Б. А. Рыбаков. Древние Русы, Сов. Арх. XVII, стр. 62.

3) Болтин, Татищев, Сухоруков.

4) И. Болтин. Примечания...

5) Горцы тирольцы и шотландцы оставляют колени обнаженными по той же причине, но в их горах нет ни скорпионов, ни змей.

6) Георгий Интериано. Жизнь и поселения Циков.

7) Эрих Лассота. Дневник.

8) Е. И. Крупнов. Предисловие, МИА 23.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

КАЗАЧЬИ ОБЩИНЫ

Кочевники поневоле. Назад к оседлости. Червлёный Яр. Черкасы землеробы. Бологовцы. На границе половецких кочевий. Черкасский скот. «Особнии князи». Связи с Русью. Черкасская община. Выборные вожди. Атаманы. Войсковые Круги. Отъехавшие князья. Государство - волость и государство - Земля. Самобытность казачьего народоправства. Воля, рожденная в движении.

Нашествие Половцев, их насилия и несправедливости принудили многие черноклобуцкие племена покинуть свои древние поселения в Поле, покинуть ставший привычным оседлый быт и перейти в неустойчивое и подвижное полукочевое состояние. Но, переселившись в лесостепь между русскими и половецкими гранями, общины Черных Клобуков не нашли спокойствия и здесь. Они должны были много времени посвящать делу самообороны. А вместе с тем, у этих кочевников по необходимости не исчезала и память об удобствах оседлости, о спокойной прелести мирных трудовых дней. Не пропадало у них стремление возродить оседлый образ жизни в новых местах. При первой возможности они начали возврат к прошлому, уходя в пустынные верховья рек Дона и Южного Буга, ближе к лесам, а подальше от половецкой степи.

По притокам Дона, Воронежу и Хопру, в области известной под именем Червлёного Яра и там, где летопись указывает «в верх Дону Дубок, Корник, Урюпеск», вскоре забила ключем деятельная и богатая жизнь новых черкасских поселенцев.

Благословенная страна дарила относительным спокойствием, а за малейшее трудовое усилие вознаграждала изобилием земных плодов. Манила к себе девственная земля с нетронутыми еще силами целинных черноземов, привлекали воды тихих рек, наполненные дорогой рыбой, и множество разнообразной дичи по лесам и береговым зарослям. Здесь скотовод, рыбак, охотник, ставший воином-профессионалом, имел возможность возвратиться к привычкам и обычаям своих оседлых предков. Не покидая оружия, Черкас-Казак взялся за плуг. И вот, зажелтели буйным колосом урожайные поля, золотое зерно посыпалось потоком в хозяйские закрома, а благодарные мысль и чувства обратились к доброму Богу, после долгих лет кровопролитий, тяжелых мытарств и скитаний, осыпавшему своих детей лаской мирного спокойствия и изобилия. Область Червленого Яра покрылась многочисленными городками и селениями, а богатые церковные приходы и монастыри, выросшие там, вызывали после, в XIV веке, зависть рязанского духовенства.

Так начиналась казачья жизнь на Верхнем Дону.

В то же время, на противоположном конце тысячеверстной линии черкасских юртов, крепко обосновались по берегам Ю. Буга хозяйственные общины Болоховцев.

Болоховцы относятся к тому роду внерусских племен, которые летопись называет Черными Клобуками. Они жили обособленно, управлялись своими князьями и по договорам участвовали на Руси в борьбе сторон за уделы и власть. Но Болоховцы не были только воинами. Судя по некоторым записям летописи и по указаниям топонимики, они опытные землеробы, знают виноградарство, хмелеводство и искусственное орошение полей. По тем же данным видно, что они пользовались славянским языком, на Буге появились не так давно и истоки реки заняли помимо согласия на то волынских князей. Может быть, это Подонские Казары, издревле опытные виноградари, полеводы и огородники или жители Белой Вежи, принужденные покинуть родную землю; те люди, о которых Болтин писал: «В летописи о переселении сем именно написано: В 1117 году пришли многие беловежцы в Русь, которым князь великий повелел для поселения земли отвести, а купцы сели по разным городам» ¹⁾

Летопись называет их Болоховцами, но историк Костомаров, не без основания, осмысливает их имя, как б о л о г о в ц ы , т. е. производящие болото, благо, земледельцы, сеятели ²⁾.

Кроме Бологовцев на Днепре в XII веке, кажется, ни-

кто из Черных Клобуков земледелием не занимался. Для того, чтобы посвятить себя сельскому хозяйству надо было уйти дальше от Половцев, а многие Черкасы-скотоводы расставались со степью неохотно. За спиной стояла стена леса, хоть и спокойного, но чуждого всаднику, его коню и его стадам; впереди же изобилие трав и широкое поле для степной охоты и боевого промысла. Здесь паслись гурты их круторогих черкасских быков и коров, лишь недавно обращенных в покорных домашних животных из диких степных туров ³⁾; тут же ходили отары овец и табуны низкорослых, но быстрых и злых коней. Степь разоряла руками Половцев, но она же и кормила лихача-джигита своими благами и половецкой добычей. Пагубное пристрастие к риску держало многих Черкасов на границе враждебных половецких кочевий, а юрты отдельных черкасских общин, растянувшись до бесконечности, долго еще оставались разбросанными по узкой лесо-степной полосе.

При первоначальном размещении в лесо-степной зоне, каждое племя Черных Клобуков вело отдельную жизнь и управлялось родовыми старейшинами или князьями. Однако, есть указания летописи и на более обширные племенные союзы. В XII веке князья — родоначальники, по большей части, еще оставались на своих местах. Ипатьевская летопись приводит имена некоторых из них: Кондувдый, Тудор Сатмазович, Каракоз Мнюзович, Карас Кокей, Басти ⁴⁾, Ольстин. Вспоминаются в ней и «особнии князи» болоховские, к сожалению, без указания имен. Черноклобуцкие племена не считались жителями русских княжеств и летописцы выделяют их в особую категорию, не включая в понятие Русь. Приграничные общины Черных Клобуков создают для Руси оборонные базы со стороны степи, а, в свою очередь, русские рынки и «кормленные» города, предоставленные в распоряжение Черкасов, служат для них базами хозяйственными и поставляют им продукты своего оседлого труда. Но живя в тесном общении с Русью, наши предки неизменно сохраняют свободу действий, обособленный быт на своих юртах и отдельное управление. Русские князья там власти не имели, а союзные договоры носили характер временный и легко разрывались.

По скудным данным исторических памятников внутренние отношения черноклобуцких общин представляются как патриархальный строй с ограниченными полномочиями родоначальников. В распоряжении князей не было особых кадров для принуждения к послушанию. Они пользовались только авторитетом старшинства и потому в делах

управления не могли себя чувствовать полновластными хозяевами. Кадрами князя служила вся община и таким образом основной постановляющей силой неизменно оставалось само общество воинственное, деятельное и вольнолюбивое. Общие народные собрания мирились с авторитетом родовых старейшин только до известного времени. На смену им стали приходить вожди выборные. Отряды собираясь в поход комплектовались нераз из разноплеменных добровольческих групп и таким образом во главе предприятия явочным порядком не мог стать один из племенных князей. Требовалось согласие всех участников похода, которые общим постановлением и передавали бразды правления человеку, обладавшему общепризнанными личными достоинствами: воинской доблестью, распорядительностью и боевым опытом. У Танаитов — Донцов такой обычай велся издавна. В конце IV века Аммиан Марцелин писал о них: «Они не знают значения рабства, так как рождены от благородной крови и еще сейчас они выбирают вождем того человека, кто знаменит долгим опытом войны» ⁵⁾. Так было принято у Донских Аланов. У наших предков, так же как и в настоящее время у нас, выборный начальник назывался атаманом.

Судя по окончанию, слово а т а - м а н пошло от тех же Танаитов. На их древне-германском наречии оно означало или о т е ц - м у ж , или о т е ц - м у ж е й . Но подобное же значение оно имеет и на некоторых восточных языках. Еще недавно турецкого реформатора Кемаля пашу наделили званием а т а - т ю р к , о т е ц т у р о к ; а т а б е к и — титул удельных правителей Азербайджана в Средние века; Рашид ад Дин рассказывает, что, однажды, когда в Хорезме принимали атабека из города Майбуд, «вследствие того, что тот был человеком старым, султан назвал его отцом, посадил рядом с собой и дал прозвище ата-хан (т. е. отец - государь)» ⁶⁾. Титул а т а м а н , очевидно, потому и утвердился у наших предков, что они его понимали одинаково, как о т е ц , б а т ь к а , независимо от того каким пользовались языком. Исторически впервые титул атамана встречается в литовских хрониках применительно к середине XIV века ⁷⁾, но это не значит, что он не был в употреблении и раньше.

Атаманам в походе предоставлялась полнота власти. По возвращении домой они, может быть, ее и теряли, но и тут их соратники, мужи - воины, больше чем кто либо другой чувствовали свою силу и право распоряжаться общественными делами. Такое сознание приобреталось участием в военных предприятиях и подкреплялось на собраниях

внушительностью испытанного в боях оружия. На Кругах мнение одноплеменного табунщика или пастыря-чабана не могло равняться со словом воина и потому право решающего голоса стало принадлежать лишь лицам способным носить оружие, а авторитет исполнительной власти пере-

Черкасская женщина.

Рис. Ригельмана

шел к носителям боевой славы — атаманам. Первенство граждан-бойцов придавало воинский облик всем проявлениям общественной жизни, народное собрание понимается теперь, как Войсковой Круг, а если где либо в общинах сохраняются еще князья не выбранные в атаманы, то

их роль сводится к нулю. Они становятся в своих племенах лишними людьми. Потеряв авторитет и даже видимость власти, такие князья отъезжали вместе с ближайшими родственниками к одному из соседних государей на единоличную службу. Там они принимались с почетом, как люди знатного происхождения, получали боярское звание, поместья и умножали в стране слой родовой аристократии.

Следы отъехавших в Русь и на Литву черноклобуцких начальников заметны в некоторых летописных лицах. Таковы, например, Торчин, доверенный муж Олега и Давида Святославовичей (1100 г.), или воевода Святополка Иванок Захарович Казарин (1107 г.), или Ольстин Олексич в Чернигове (1186 г.), или выходцы из Литвы и гвардейцы Ивана Грозного князья Болоховские и князь Иван Казак Новокрещен⁸⁾.

Князья устранились не везде одновременно. В Томаркани, например, выборное начало привилось раньше, чем в какой другой области. И, во всяком случае, повсеместный переход от княжеской власти к выборным атаманам завершился не позднее первой половины XIV века. Последний раз Ипатьевская летопись упоминает болоховских князей в 1241 году, а около 1350 года литовская хроника указывает на их землях по Бугу уже правителей — атаманов (смотри выше). С другой стороны, московские митрополиты в посланиях на Дон между годами 1333 и 1353 обращаются к христианам, попам, игуменам, баскакам, сотникам и даже боярам, а князей не вспоминают.

От того, что черноклобуцкие племенные юрты вместо князей стали управляться атаманами, казачьи общины не потеряли своего прежнего облика зачаточных «государств-волостей». Уход князей, может быть, даже способствовал объединению племен в более крупные союзы. Во всяком случае, на Верхнем Дону и в Днепровско-бугском междуречьи появляются отчетливые формы новых и более обширных политических образований, из которых каждое по структуре полностью отвечает принятому в государственведении понятию о «речном государстве — Земле»⁹⁾.

В черкасских «Землях» установилась совершенно самобытная система управления. Путем естественного хода вещей институт Войсковых Кругов и Атаманов обратился там в крепкое государственное учреждение.

Казачье народоправство зародилось и выросло в нормальном ходе общественной эволюции. Его обычаи сложились в эпоху многовекового кочевого состояния, его терминология не похожа ни на одну из соседских. Нет нужды ви-

деть в казачьих демократических традициях подражание кому бы то ни было или искать в них повторения чужих образцов. Города - республики древних Эллинов, русские вечевые навыки, польско - литовские аристократические Сеймы, монгольское собрание знатных — Курилтай, все это учреждения подобные, но не тождественные. Явились они в иной среде и в результате других условий общественного развития.

Казачье народоправство, строй может быть и не совершенный, но крепко укоренившийся в сознании. Однако, родившись в подвижной среде, оно, в свою очередь, стало причиной медленного закрепления в оседлости значительной части наших предков. Со всех сторон нависала угроза порабощения. Будучи воинами, Черкасы жили в состоянии постоянной боевой готовности и энергично отражали нападения. В тех же случаях, когда неравенство сил отнимало возможность оборониться от чужих насилий оружием, они снимались и уходили в новые места.

Казачья Воля, получив начало в движении, движением же охраняла свою неприкосновенность.

1) И. Болтин. Примечания...

2) Болого — древняя форма слова благо. Костомаров знал о преимущественном употреблении в южной украинской речи придыхательного (фрикативного) Г, из за чего слово произносилось как «болохо».

3) Повесть временных лет, т. II, стр. 452. По Шарлеману: На Украине еще недавно крупных быков называли местами турами («погнав турив», «напувати турив» — вблизи Умани).

4) В летописи: «свои Берендичи, Бастеева чадь».

5) Аммиан Марцелин. История Рима.

6) Рашид ад Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 240.

7) Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях, т. 2-3.

8) Тысячная книга 1550 г. Карамзин ведет род князей Болоховских от бологовских родовых вождей, отъехавших в свое время на Литву.

9) Термины «государство-волость», «государство-земля» приняты в книге Н. Н. Алексеев. Теория государства.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ПЕРВЫЕ МОНГОЛЫ

Царство Чингисхана. Джебе и Субедей. Поражение Аланов. Половцы отступают. Бродники. Русы и Половцы. Приготовления к бою. Калка. Разгром Русов. Вождь Плоскыня. Сомнительная вина. Куда отошли Монголы. Устройство кочевого царства. Улус и его структура. Хотоны. Курень. Территория улуса. Родовая солидарность. Хлебопашцы, ремесленники, воины. Армия. Гвардия — кешиг. Сам погибай, а товарища выручай.

В первой половине XIII столетия на просторах нашей Степи произошли коренные перемены. Из глубины Азии появились новые завоеватели — Монголы.

Азиатское царство, начавшее теперь наступление на Европу, создалось гением и трудами небольшого вначале монгольского князя Тимучина Чингисхана. Выросши на Дальнем Востоке из малого кочевого улуса, новая монархия стала быстро расширяться в сторону запада. Не довольствуясь властью над восточными Монголами и оседлыми Китайцами, Тимучин обратился к Средней Азии. В течение трех лет (1219-1222) ему удалось овладеть всем Туркестаном и богатым Хорезмом.

Преследуя отступавших хорезмийцев, монгольский отряд под командой полководцев Джебе и Субедея прошел Северный Иран и ворвался в Закавказье. Монголы опустошили Армению и Грузию, а потом через Ширванское ущелье проникли за горы в землю Аланов.

Рашид ад Дин рассказывает: «Когда Монголы дошли до области Алан, где население было многочисленно, то оно совместно с Кипчаками сразилось с монгольским войском и

ни одна сторона не одержала верха. Тогда Монголы сообщили Кипчакам следующее: «Мы и вы — одного племени и происходим из одного рода, а Аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд то, что вы пожелаете, вы же оставьте нам Аланов». Одновременно они послали Кипчакам много всякого добра. Кипчаки повернули назад. Монголы одержали победу над Аланами и то, что было предопределено судьбою в отношении избиения и грабежа, они то и осуществили. Кипчаки же, полагаясь на заключенный мир, без опасения разбрелись по своим областям. Монголы внезапно напали на них, перебили всех, кого нашли и взяли назад столько же, сколько отдали раньше. Уцелевшая часть Кипчаков бежала в страну Русов.

Монголы зазимовали в той области, которая вся представляла сплошные луга и поросли. Оттуда они напали на город Судак, что на берегу моря» ¹⁾.

Зимой на Дону «к Татарам присоединились Бродники (по всем признакам Славяне, жившие на берегах Азовского моря и по Дону). Это воинственное население, прототип позднейшего казачества, находилось во враждебных отношениях к князьям черниговским и киевским» ²⁾. Эти слова принадлежат русскому историку, который не решается назвать Бродников казачьими предками, каковыми они были в действительности.

Между тем, Половцы, принужденные покинуть донские кочевья, собрались около Днепра. Их хан Котян обратился за помощью к своему зятю, галицкому князю Мстиславу. Мстислав Мстиславич не оставил своего тестя в беде, а к нему присоединились князья киевский, черниговский и пересопницкий. Все сообща они постановили выступить в поход на нового врага. Просили они поддержки и у Юрия суздальского. Тот послал, было, племянника Василько с ростовцами «и не утягну Василько прийти к ним на Русь» ³⁾. Не успел. События развернулись слишком быстро.

Когда Монголам стало известно о выступлении против них Русских, они отправили в Киев послов с предупреждением, что у них имеются счеты только с Половцами. «Мы вашей земли не заняли, — говорили послы, — ни городов ваших, ни сел; и не на вас мы идем, но пришли снова ⁴⁾. Богом ведомые, на холопов, на конюхов своих, на поганых Половцев; а вы с нами возьмите мир и если они выбегут к вам и вы их бейте, а добро забирайте себе, так как мы слышали, что они и вам делают много зла. Поэтому то мы их и бьем» ⁵⁾.

Было ли это предложение искренним неизвестно. Русские князья на него ничего не ответили, а толпа киевлян

послов перебила. Тогда Монголы, будто бы, сказали: «Мы не причинили вам ничего плохого, но если вы желаете войны — вы ее будете иметь» ⁶⁾. Они стали продвигаться к Днепру. Русские же, соединив свои войска, пошли им в обход, двигаясь на юг правым берегом реки. Недалеко от днепровского лимана, «не дошедши Олешья» ⁷⁾, князя повели переправу на восточный берег.

Здесь к ним снова прибыли посланники Монголов с упреками по поводу убийства первого посольства и выступления в поход. Это не поколебало решимости Русов. В течение двенадцати дней они продвигались на восток и при встречах передовых отрядов постоянно выходили победителями. На реке Калке (Кальмиусе) они задержались и расположились боевым лагерем, но тут отступавшее монгольское войско внезапно обернулось назад и ударило по передовым отрядам Кыпчаков. Половцы бежали. Отступая, они привели в смятение и ряды Русов. Создалась паника, «смятошася вси и бысть сеча зла и люта», в результате которой союзники пришли в себя только за Днепром. Половцы тоже изменили, избивали и грабили отступающих Русских. В бегстве погибло шесть князей и много воинов. Гибели многих способствовал сам зачинщик предприятия, Мстислав галицкий. Переправившись назад через Днепр одним из первых, он приказал убрать все лодки и тем отрезал путь отступления для оставшихся за рекой.

В укреплении сооруженном среди береговых камней на реке Калке задержались только Мстислав киевский со своим зятем Андреем да князь дубровицкий Александр. В продолжение трех дней их дружины оборонялись от нападающих полков Чегыркана и Тешухана. Там же с Татарами были и Бродники ⁸⁾.

Русский летописец очень нелестно отзываясь о их вожде Пlosкыне. Он, якобы, уверял князей, что им не станетя ничего худого, если они добровольно сдадутся, что их освободят по выкупу. Даже, будто бы, «целова крест честный» в подтверждение своих слов, а взявши укрепление и захвативши двух князей (третий, очевидно, пал), он связал их и передал Татарам. Татары же подушили их под досками, севши на них обедать.

При оценке поступка Пlosкыни русский летописец руководствовался понятной жалостью к своим князьям. Ему не могло быть по вкусу и братание христиан - Бродников с «погаными». Поэтому в летописном описании можно предполагать некоторую пристрастность. Если же все было так, как это изложено в летописи, то нужно принять в расчет, что Русы сдались только после трехдневного сопротивле-

ния, при котором Татары несли потери, да и у Русских не доставало уже одного из князей. Кроме того, Плоскыня, лишь недавний союзник татарский, не мог самостоятельно решать судьбы пленников, взятых сообща. В этом случае он выступал только как передатчик татарского предложения и, может быть, сам верил в его искренность: степная традиция не признавала необходимости добывать поверженного в прах врага уже только по той причине, что за него можно получить денежный выкуп. Но Монголы руководствовались своими обычаями. Они, видно, не хотели простить киевскому князю гибели послов. Убийство в Киеве произошло, если не по его приказу, то с его попустительства. За проступок киевлян их князь заплатил жизнью.

Конечно, нарушение присяги, «крестного целования», — явление достойное всяческого порицания. Но оно случилось и в княжеской среде. Об этом вспоминает нераз и летопись. Возможно, что и самим Бродникам приходилось быть жертвой подобного вероломства. Историческая ответственность за смерть пленников возложена на вождя наших предков без достаточного на то основания. Может быть, Плоскыня и не брал на себя никаких обязательств! Нейтральных, беспристрастных описаний этого случая не осталось.

Каким образом Бродники попали к Татарам в союзники, ни летопись, ни какие либо другие источники пояснений не дают. Совершенно очевидно, что они оказались по стороне Татар от первой встречи на Дону и что причин этому надо доискиваться, с одной стороны, в их отчужденности от днепровских Русов, так же как в их ненависти к Половцам. Враждебные отношения с киевскими князьями исходят от времен томаторканских. После смерти Мстислава Храброго они продолжались веками и теперь нашли свое выражение в выступлении Бродников.

Имели ли князья по своей стороне каких либо Черкасов, ничего не известно. В качестве союзных войск их полки могли быть и у Русов, но едва ли в Поросье у Черных Клобуков было желание биться за благополучие старых недругов, Половцев.

После боя на реке Калке, Монголы ушли за Дон. Побитые на Волге Болгарами, они снова исчезли в азиатских степях. Джебе и Судебей приводили своих всадников в Европу из владений Тимучина Чингисхана, который в это время уже владел почти всей Азией и был у зенита славы и могущества. Империя Чингисхана славилась блестящей организованностью и внутренним порядком. Каждому на-

роду и каждому классу в нем была гредназначена своя точно очерченная роль. Повсюду царила суровая дисциплина, обязательная в одинаковой степени и для рядового подданного, и для воина, и для администратора.

В XIII веке Монголы все сплошь были кочевниками, а в общественном развитии еще не вышли из стадии родовых отношений. Самодавлеющая единица их политического и военного управления — улус тоже построен на началах кровного родства. Ханский сын или царевич получал свою часть в отцовском наследстве в виде монгольского родового союза, из которого и складывалось основное ядро улуса. В некоторых случаях к нему добавлялись завоеванные иноплеменники с их землями. Благодаря этому, иные улусы со временем становились обширными княжествами, очень неоднородными по национальному составу. Размеры улусов были неодинаковы: крупное наследие Джучи считалось улусом, но улусами назывались также незначительные владения каких либо мелких огланов (царевичей). Улусы наследников Чингисхана, взятые все вместе, складывались в огромную империю, во главе которой стоял кахан, великий хан или хан ханов.

Каханы, ханы и огланы по происхождению принадлежали к роду Тимучина Чингисхана, но в очень обширных улусах меньшие родовые группы хотоны часто сохраняли свою знать, не чингисидов: багатуров, сеченей, мергень и т. п. Самой малой единицей гражданского управления считался курень.

Рашид ад Дин говорит: «Значение куреня есть кольцо. В старинные времена, когда какое нибудь племя останавливалось на каком нибудь месте, на подобие кольца, а старейший из них был подобен точке в середине круга, это называли курень. В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, располагаются по той же фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель»⁹⁾. Курени подчинялись агам, зайсангам, шуленгам, которые несли ответственность перед своими нойонами (князьями) за порядок и благополучие в кочевьях.

Люди улуса выплачивали своему нойону незначительную подать в натуре и участвовали во всех его военных предприятиях. Эти отношения регулировало местное обычное право и законы Чингисхана (Яса). Границы кочевий, юрт улуса, основывались на наследственных правах. Межевые недоразумения и споры, если не могли окончиться мирным соглашением соседей, разрешались волею кахана. В степных масштабах юрт улуса занимал иногда очень обширные пространства, где кочевое население меняло место-

пребывание в зависимости от времени года, обилия или недостатка воды, урожая трав и т. п. Военные кадры удельного князя — чингисида. составлялись в улусе из 4-5 тысяч обученных всадников под командой опытных командиров — Монголов. Но кроме этого, в случае нужды, выставлялось территориальное ополчение. Во всех случаях организация войска основывалась на числах кратных десяти: десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч (тьмы или тумены).

В монгольских улусах повсюду царили родственные отношения, как результат родовой солидарности и круговой поруки. Одноулусные родовичи считали общепринятым долгом взаимную поддержку и помощь попавшим в беду. Всякий бедняк находил в своей среде радушный прием и угощение. Часто богатч снабжал нуждающегося соседа съестными припасами, скотом и всем необходимым для жизни. Но это не мешало суровой дисциплине, царившей во всех кругах. По мнению некоторых исследователей, создается впечатление, что эта дисциплина основывалась у Монголов на какой то врожденной склонности, благодаря которой, даже там, где находилось двое, один сразу принимал на себя командование, а другой послушное подчинение.

Подвижное степное хозяйство с его примитивным животноводством не могло удовлетворить всех потребностей даже такого несложного быта, какой вели кочевые. улусы. Дополнять его должна была деятельность населения Китая и Хорезма, где задание оседлых жителей сводилось к хлебопашеству и производству продуктов ремесленных. Ремесленники, вообще, ценились в ордах очень высоко и считались желанной добычей. В самом разгаре победной резни, Татары-победители старались их сохранить для того, чтобы пополнить ими кадры своих специалистов. Почти все виды ремесленников находились на учете ханских чиновников. В качестве общей повинности, они должны были поставлять казне и двору установленное количество своих изделий. Особенно ценились оружейники, ткачи и кожевники.

Оседлые земледельцы, из жителей завоеванных народов, принуждались платить налоги с обработанной земли, содержать построй воинских частей и по мере надобности доставлять транспортные средства, подводы и вьючных животных. Кроме этого, часть мужчин из покоренных стран мобилизовалась в армию в качестве подсобных военнослужащих. В некоторых случаях из них же формировались штурмовые отряды. Но основные кадры армии всегда состояли из коренных подданных великого хана. По прика-

зу хана все способные носить оружие молодые люди из кочевых обществ должны были покинуть мирный пастушеский труд и явиться на сборный пункт. Каждый воин приводил одного или два верховых коня со всей необходимой в походе сбруей, приносил собственное оружие и продовольствие на больший или меньший срок. Два соседа доставляли одну вьючную лошадь, а десять человек обзаводились своей палаткой и составляли первое звено воинской организации. В их обязательное походное имущество входило: две лопаты, кирка, серп, пила, топор, сто иголок, веревки, котел и т. п. Прежде чем поступить в строй они проходили специальный смотр снаряжения. Воины выходили на службу со своими одноулусниками и родственниками, из которых назначались также и их младшие начальники. Старшие, т. е. командиры полков, тысяцкие и темники (десятитысячники) рекрутировались из родовой аристократии того же улуса или назначались ханом из гвардейцев, прошедших специальную подготовку для командования крупными войсковыми частями. Таких гвардейцев в распоряжении кахана (хана ханов, великого хана) постоянно находился тумен или, иначе говоря, десять тысяч. Он назывался кешиг, что по монгольски означало очередная стража. Воины в гвардию набирались из семейств свободного и служилого состояния, молодые люди «ловкие, стойкие и крепкие». Рядовой воин гвардии — кешигтен считался по служебному положению выше армейских тысяцких. После известных сроков службы в гвардии, каждый из них делался кандидатом на высшие командные посты в армии.

Путешественник Плано Карпини рассказывает о военной организации Монголов следующее:

«Чингисхан подчинил своих Татар командирам десятков, командирам сотен и командирам тысячей. Над десятью тысяцкими он поставил темников, а кроме них над всей армией поручил командование двум или трем князьям, из которых один считался старше всех. Когда они вели бой с какимнибудь другим народом, каждый воин, бежавший с поля битвы, наказывался смертью, кроме тех случаев, если отступление велось согласно приказанию. Подлежал казни также и тот, кто отставал от своего десятка, храбро идущего вперед. Если же кто либо из десятка попадал в плен, то те из их компании, что не бросятся ему на выручку, тоже наказывались смертью. Из оружия и снаряжения каждый воин обязывался приобрести: два длинных лука или один большой, а другой поменьше, три колчана полных стрел, один топор и веревки для того, чтобы тянуть осадные машины. Богатые имеют еще мечи, отточенные с одной сторо-

ны, остроконечные и несколько выгнутые, прикрытия на плечи и грудь лошадей, а для себя шлемы и кольчуги»¹⁰.

1) Рашид ад Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 229.

2) Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение, стр. 203.

3) В то время Русью преимущественно называлось Поднепровье с Киевом.

4) По Плано Карпини первый поход на Половцев совершил сын Чингисхана — Джучи. Побивши их, Джучи ушел назад в Азию.

5) Новгородская первая летопись.

6) Так у Марко Поло.

7) У Волтина: Город Олешье, Алешки, по гречески Элисса.

8) Историк В. Н. Татищев (История Российская, кн. 3) писал: «Бродники, видно, что языка русского были, как сие имя и князь их Плоскина уверяют, которые, видно, на Дону с Половцами жили, как о том Карпеин и Рубрукис показывают, потому же что крест целовал, уверяет быть христиане».

9) Рашид ад Дин. Сборник летописей. Цит. по Греков и Якубовский. Зол. Орда, стр. 37.

10) ПланоКарпини. Путешествие в северо-восточную часть света.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ТАТАРЫ ЗАВОЕВАТЕЛИ

Смерть Чингисхана. Курилтай избирает нового царя. Угедей. Улус Джучи. Новый поход в Европу. На Дону. Завоевание Волжских Болгар. Организация покоренных. Рязань, Владимир на Клязьме и Тверь падают жертвой Монголов. Царство Золотой Орды. Покоренные Половцы. Татары в Киеве. Дальше на Запад. Битва под Лигницем. Неудачная осада Будапешта. Возвращение на Волгу. Русские данники. Казаки в Улусе Джучи. В стороне от Руси.

Монголы или Татары, как их часто называют, приходили в наши степи под командой Джебе и Субедея еще в то время, когда был жив Тимучин Чингисхан. Сделав глубокую боевую разведку, они намеревались вскоре начать последовательное завоевание Европы. Но в 1227 году Чингисхан умер и потому развитие европейского плана было отложено на несколько лет. В первую очередь приходилось уладить семейные и династические отношения царствующего дома Чингисидов, избрать нового хана.

Для этой цели съехалось собрание почетных граждан царства, Курилтай, и его постановлением решено передать верховную власть в руки Угедея, третьего сына умершего Тимучина. Курилтай подтвердил также права остальных наследников кахана на отдельные улусы, где они могли княжить под верховной властью Угедея.

Половецкие степи еще не принадлежали Монголам, но их тоже приняли в расчет, как часть Улуса Джучи ¹⁾. Сам Джучи в это время уже отошел в лучший мир и права на его часть Курилтай решил передать царевичу Бату, кото-

рого признал прямым наследником, хотя тот считался только побочным сыном Джучи. При выборах нового кахана Бату оказал Угедею некоторые услуги и в награду за них дядя помог своему не совсем полноправному племяннику стать владельцем Улуса Джучи, большую часть которого предстояло еще завоевать. Но Угедей подумал и об этом. Кроме толп ордынских всадников Бату получил в свое распоряжение 4000 обученных бойцов во главе с опытным воином Субедеем. Кахан послал также к нему в помощь еще двух царевичей Гаюка и Менгу с их дружинами, и таким образом, обученного войска собралось свыше пятнадцати тысяч. С ними Бату должен был приступить к выполнению намеченного раньше плана завоеваний в Европе.

В 1236 году Батухан выступил в поход. Дойдя до Волги, он разделил свои силы на две части. Южный отряд повел царевич Менгу, а северный — полководец Судебей. Встретившись с Половцами, Менгу потеснил их за Дон и шаг за шагом стал занимать берега реки и степи Северного Кавказа. Местные племена уходили в горы или спешно отступали, стараясь скрыться в лесах и болотах. Некоторые оставались на местах и признавали власть завоевателей. Однако Татары не всегда щадили даже покорившихся, а сопротивлявшихся уничтожали целиком.

Погибло много подонских городов. Орна, крупный речной порт где то в пойме Дона, оказал упорное сопротивление. После безуспешных попыток взять город приступом, Татары направили на него воды ближних рек и потопили вместе с жителями и всем их добром ²⁾. Бродникам, все же, удалось как то избежать уничтожения.

В это время северная группа войск, продвигаясь вверх по Волге, покорила Волжских Болгар, Буртасов и Башкир. В земле Болгар Судебей задержался для того, чтобы сформировать новые туземные полки. Еще Чингисхан ввел особую систему завоевания стран по зонам. Заняв какую либо область, Монголы производили учет всех переживших резню молодых мужчин. Годные к службе в армии передавались в руки татарских начальников для обучения новому строю и военным приемам. Из них создавались штурмовые колонны для первых ударов по главным силам неприятеля. Новосформированные полки уводились вперед и, таким образом, в завоеванных землях не оставалось молодежи, способной на мятеж. На тылах было обеспечено спокойствие, а передовые силы пополнялись ударными частями. Так же поступили на Средней Волге. Субедей оставался там почти целый год, собрал остатки Болгар и их соседей в конные отряды, выучил и повел на Северную Русь.

Поход он начал в декабре 1237 года, после того как реки и болота покрылись льдом. Первые удары пришлось на обширную землю Рязанскую. Татары подошли к ней с востока и юга. Разрушив по пути Белгород, Ижеславец, Борисовлебов и другие южные города, они подступили к Рязани. Тут Бату потребовал от князя Юрия Игоревича покорности и «десятины», десятой доли от всего имущества страны. Рязанцы не спешили сдаваться и послали за поддержкой к Юрию владимирскому. Однако, шедших к ним на выручку, владимирцев Татары уничтожили у Коломны. 21 декабря они взяли Рязань и, разгромив все княжество, двинулись дальше на север. Москву Татары обратили в пепел. Когда стали приближаться к столице великого княжения Владимиру на Клязьме, князь Юрий ушел к Угличу набирать войско. Орды сожгли беззащитный город, перебив большую часть жителей вместе с великокняжеской семьей, а потом настигли и самого Юрия на р. Сити. Русские потерпели и здесь поражение, Юрий же пал в бою.

Монголы прошли Тверь и Торжок, оставляя за собой груды развалин, дым пожарищ и горы русских трупов. Только от земель Великого Новгорода, опасаясь разлива рек и весенней распутицы, Бату повернул назад в южные степи.

С этого времени Улус Джучи разросся в обособленное и сильное государство с монгольскими правящими кадрами. Куманы — Половцы были покорены и в монгольском царстве оставались туземными подданными тюркского племени. Из них 40.000 кибиток отошло к Дунаю, где они отдались под покровительство венгерского короля Беллы IV и остались навсегда в Трансильвании.

Марко Поло писал: «Первый владыка западных Татар Саин³⁾ был великим и могущественным князем. Он покорил Русь, Куманию, Аланию, Лаков, Мадьяр, Циков, Готов и Казар. Все эти области завоевал князь Саин. Перед покорением они принадлежали Куманам, но они не состояли под единым управлением и вследствие отсутствия единства потеряли свою страну и разбежались по разным частям света. Те же что остались на месте пошли в подданство князя Саина».

Приведя в порядок дела расширенной империи и регламентировав даннические отношения с Северной Русью, Бату напал на Чернигов и Переяслав, а в следующем 1240 году двинулся за Днепр.

Киевом управлял теперь ставленник Даниила Галицкого, посадник Дмитрий. На предложение сдаться без боя

киевляне ответили отказом и снова убили парламентариев. Через два дня после этого, 3-го декабря Монголы ворвались в город. Почти поголовно они истребили население не только Киева, но и всей его области, оставляя повсюду развалины и пепелища. Посадник Дмитрий попал в плен, но остался жив и, по какой то таинственной причине, впоследствии заслужил особое расположение хана.

Монголы двинулись на Европу, опустошая все по пути. Сам Бату повел южную группу. Он занял Каменец и, оставив там свой гарнизон, пошел на Венгрию. Брат его Байдар или Бандар во главе другой половины ханских войск двинулся походом на Польшу. Разрушив Владимир Волынский, Галич и другие города, через Люблин и Завихост Байдар дошел до реки Вислы. Богатую добычу и десятки тысяч пленников, преимущественно молодых женщин и девушек, Татары отправили назад за Днепр. Переждав пока пройдет весенняя распутица, а дороги подсохнут, они снова двинулись на запад. Всю весну 1241 года они громили Польшу. Дошли до ее столицы Кракова, взяли и сожгли ее, а потом, обойдя грозную цитадель Бреславля, вошли в пределы германские.

Татар было такое огромное множество, что их нашествие было подобно налету саранчи. Войска состояли из самых разнообразных народов, но вели их монгольские начальники. «В особенности много вооруженных Куманов, — записал очевидец, архидиакон Том из Сплита, — они гонят их перед собой в сражение и убивают, как только заметят, что те не достаточно смело идут вперед.»

Приблизившись к Лигницу, Байдар встретил соединенные силы Поляков и Германцев. Европейцы защищались долго и упорно, выпуская вперед строй за строем все новые ряды закованных в сталь рыцарей. Но, вот, в то время, когда еще не выяснился исход боя, по польским рядам проскакал какой то всадник, крича по русски: убегайте! убегайте! Это вызвало замешательство и окончилось паникой. Поляки поздно спохватились, что обмануты кем то из татарских рядов. Битва была проиграна с огромными потерями. Тут погиб цвет европейского рыцарства, хотя много пало и Татар. Киевская летопись на белорусском языке рассказывает о поражении так: «В той же час Татарин указался ис чарами, кгдаж на корогви была написана литера якася, а наверху голова челоувечья з долгою бородою, которой с уст дым шкаредный и смродливый выходил на наших; зачим наши здумившись ослабели, а Татаре моц взяли и на голову наших побили; и для личбы у каждого трупа одно ухо отрезовали и так десять мехов ушей нарезали» ⁴⁾.

Под Оломюнцем Байдара снова встретило сопротивление и потому он не рискнул продвигаться глубже в Европу, а через Моравию пошел под Будапешт на соединение с ханом Бату.

Встретив в Европе организованный и единодушный отпор, Татары, не взяв Будапешта и пробыв в Венгрии почти два года, отхлынули назад в Черноморье. Бату раскинул ханскую ставку, Сарай, на одном из рукавов волжской Ахтубы и занялся устройством своего молодого царства. Покоренная Русь на всем своем протяжении обратилась в положение данника Золотой Орды. Однако она сохраняла обособленный строй жизни и управлялась своей прежней династией.

«Завоеванные татарскими войсками русские земли не вошли непосредственно в состав Золотой Орды, — читаем в одном из недавних исследований ⁵⁾. — Золотоордынские ханы рассматривали русские земли, как политически автономные, имеющие свою собственную власть, но находящиеся в зависимости от ханов и обязанные платить им дань, в ы х о д.» «Русские феодальные княжества стали в вассальные отношения к хану.» «Зависимость от ханов выражалась в том, что русский великий князь садился на своем столе «пожалованием царевым», т. е. ханским.» «Даже восточные источники (арабские и персидские) не относили русских земель к владениям Улуса Джучи. Русские княжества рассматривались, как государства, хотя и зависимые и платящие дань, но имеющие своих князей, т. е. свою власть.» Таким образом, русские княжества не охватывались границами новой степной империи, которая кончалась повсюду на тех рубежах, где начиналась славянская Русь. Русь была завоевана и покорена, но ханы не беспокоили себя проведением там каких либо новшеств и перемен. Они вмешивались в ее жизнь лишь в тех случаях, если непорядки грозили нарушить регулярное поступление дани. «Когда княжеские столы наследовались правильно и мирно, — говорит проф. Платонов, — татары не изменяли действующего порядка перехода столов от брата к брату или от отца к сыну. Когда же начинались между князьями ссоры и усобицы и князья обращались к татарам сами за судом и помощью, тогда ханы проявляли свою державную волю, давали ярлыки по своему произволу и наказывали строптивых князей, сажая в тюрьму и даже убивая их самих и разоряя их земли своими татарскими ратями» ⁶⁾. Династические права на Руси Татары признавали лишь за Рюриковичами, так же точно как у себя они допускали к ханскому престолу исключительно потомков Чингисхана.

Завоеватели - кочевники в своей массе стояли безусловно на низшей ступени культурного развития, чем оседлая Русь, но Монголы к покоренным народам относились высоко, презирали странный и, по их мнению, нечистоплотный образ жизни лесного человека и чувствовали себя по сравнению с ним народом господ.

В границах новой степной империи оказались и Казаки, то есть те объединенные племена Торков, Казаров, Бродников и Аланов, которые уже называли себя этим общим именем и проживали на равнине. В тех случаях, когда они были связаны договорами с русскими князьями и принимали участие в общей борьбе с Монголами, их судьба оказалась не лучше, чем судьба Руси: многие из них были перебиты, их города разрушены. Снесены с лица земли Торческ, Воишь, Саков, Ижеславец и многие другие. Но с другой стороны, в архивах сохранились документальные указания, что общины Черных Клобуков в днепро-бугском клину, так же как и казаро-бродницкие поселения на Верхнем Дону, остались нерушимо на своих местах, признали власть золотоордынских ханов и жили по прежним обычаям ⁷⁾. Торки, Аланы и Казары упоминаются у Плано Карпини в списке покоренных Татарами народов ⁸⁾, а А. И. Ригельман по этому поводу пишет: «Когда Татары под предводительством хана своего Батые в 1240 году взяли Киев, оный до основания разрушили и был город оной со всеми облегающими его местами пуст, тогда и Казаки отторгнулись от державства Российского и оставались под властью Татар» ⁹⁾. Он же говорит в другой книге: «Уведомляет и примечание к Татарской родословной истории о Казаках, живущих в стране, как Татары именуют, Кипчакской, то есть на землях тех же самых, лежащих между рек Тин или Танаис и Бористен, ныне же именуемые Доном и Днепром» ¹⁰⁾.

Что касается Казаков-Черкасов, обитавших на северо-кавказской равнине, то те, скрывшись вместе с Аланами в горах независимой Черкасии, остались неподвластными Золотой Орде. Совместно с Циками и другими горскими народами они долгое время беспокоили набегами южную границу монгольского царства. Вильгельм Рубрукис записал в своем Дневнике: «На юг от нас высились большие горы, на склонах которых живут Черкасы и Аланы или Акас. Они христиане и воюют против Татар.» И в другом месте: «Зикия, которая не состоит в подданстве у Татар».

Политическая граница Золотоордынской империи на севере и северо-западе упиралась в ту же стену лесной зо-

ны. Прежняя линия соприкосновения Черкасов со Славянами оказалась теперь рубежом владений Улуса Джучи. Земли казачьих общин, так же как и половецкая степь (Дешт и Кыпчак), оказались по татарской стороне. Казаки и их враги Половцы потеряли самостоятельность. Волею судеб они стали подданными одного и того же государства, Царства Золотой Орды.

До этого времени полоса черкасских поселений, обороняясь от Половцев, одновременно прикрывала от них и земли Славян. Иначе говоря, обороняла лес от степи. С приходом Татар положение переменялось. Казакам, по поручению Татар, пришлось охранять границы империи от возможных выступлений Русов. Значит, они обороняли теперь степь от леса. Эта задача была много легче первоначальной. Жители лесной зоны, Славяне земледельцы, и раньше не отличались особенной воинственностью. Окончательно обезволенные татарскими погромами, они редко бунтовались и покорно выполняли возложенные на них повинности. Двухвековому сожительству Черкасов со Славянами и боевому сотрудничеству с их князьями теперь был положен конец. Часто страдающий партнер в русско-половецких союзах и столкновениях, Черкасы начали жить интересами степной империи. Они встречали и теперь русские вооруженные отряды, выставленные данниками для нужд Орды, видели русских пленников при татарских стадах, общались с Русью и тогда, когда вместе с баскаками (головами, начальниками округов) шли для получения дани, но все такие встречи сильно отличались от прежних. Исторические судьбы Казаков и Руси разошлись на продолжительное время.

1) Улус то же, что и русская вотчина.

2) Плано Карпини. Путешествие в северо-восточную часть земли.

3) Саин — титул Батухана. Он означает — «великолепный».

4) Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси.

5) Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение.

6) Проф. С. Ф. Платонов. Учебник русской истории.

7) Ипатьевская летопись г. 1241 и грамоты моск. митрополитов Феогноста и Алексея в годы 1333 - 1360.

8) Плано Карпини, как выше.

9) А. И. Ригельман. Летописное повествование о М. России.

10) А. И. Ригельман. Повествование о Донских Казаках.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

В ЦАРСТВЕ ХАНА БАТУ

Опустошенная Русь. Ничья земля. Три пути. Северные и западные границы царства. Наши предки в Золотой Орде. Служилые Бредники. Рубрукис приехал на Дон. Могучая река. Две переправы. Русы перевозчики. Скифские шапки. Все восточные Славяне назывались Русами. Фантастический город Русия. Урусы летописца Натанзи.

Возвращаясь из неудачного похода на Европу в 1242 году, Монголы окончательно опустошили широкую полосу земель перед западной границей своих новых владений. Киев, некогда один из богатейших городов Восточной Европы, оставался лежать в развалинах. Города и села на пути от Киева в Польшу были стерты с лица земли, а побитые жители брошены на месте, так как никого не осталось, кто бы позаботился о их погребении. Трупы гнили там, где кто был убит.

Летопись рассказывает о результатах погрома на Волыни: «Данилови же со братом пришедше к Берестю и не возмогоста ити в поле, смрада ради множества избьеных: не бе бо на Володимире не остал живой, церкви святой Богородицы исполнена трупья, иные церкви наполнены быша трупья и тел мертвых» ¹⁾ Десятком лет позднее, Плано Карпини записал в дорожных впечатлениях о тех же местах: «Проезжая через эту страну, мы находили неисчислимое количество человеческих черепов и кости разбросанные повсюду на земле.» «Раньше это был очень большой и населенный город, — говорит он дальше о Киеве, — а те-

перь там сохранились жалкие остатки двух сотен домов, жители которых содержатся в полном рабстве» ²⁾).

Та же участь постигла Подолье и Восточную Галичину. Сам соперник Киева — Галич потерпел не меньше. На восток от Львова мало что осталось из старых, больших раньше, городов. Поселения сгорели до тла, люди перебиты, пошли в неволю или разбежались кто куда мог, земли заросли дикими травами. Особенно опустело Подолье, Русь Дольная, славившаяся своими природными богатствами. Здесь в буйной траве прятался вол с рогами вместе; урожай зерна на обработанных полях доходил до сам — пятьдесят; вещь забытая в степи или плуг там оставленный заросла и покрывалась травой в 3-4 дня; повсюду можно было встретить леса дикорастущих фруктовых деревьев, а пчелы часто роились прямо в земляных норах, так что нераз нога загрязала в меду.

Эти земли после прохода Татар лежали покинутыми. «Везде бесконечная, безлюдная пустыня, — говорит польский историк. — Нигде ни деревни, ни жителей. Дикий зверь смотрит издалека на редких путников, как на особенное в этих краях зрелище.» Здесь возникла преграда опустошенным пространством, «ничья земля», где только и показывались стерегущие границы разъезды или бесконечные толпы татарских воинов, выходящих в поход на Европу. «Ничью землю» прорезывали три татарских пути на запад: первый — Волинский или Черный шлях, вдоль реки Роси, через Киевщину и Волинь на Сокаль и Жолкев; второй — Подольский или Кучманский шлях, на Трембовлю и Злочев, а третий Волошский — вдоль Днестра на Бучач и Галич. По этим путям, особенно в первое время, часто проходили большие ханские армии.

Места расположенные ближе к реке Припять, так же как Северная Волинь, пострадали меньше. Бедный край полешуков интересовал Татар мало. Здесь пролегалла дорога из Европы в Киев для путешественников нетатар. Сюда же под охрану лесов и Припятских болот собирались бездомные беглецы с разоренных земель. Другим пристанищем стала Червоная Русь, которая находилась под ударами обычных татарских набегов только до Львова и Зап. Буга. Дальше на запад налаживалась более или менее нормальная жизнь.

Там, где Черный шлях упирался в Днепр, у г. Канева, Татары устроили переправу и основали пограничный пропускной пункт. На юго-запад от Канева граница золотоордынских владений охватывала все днепровско-бугские юрты Черных Клобуков и спускалась к Дунаю, а на север она

шла по Днепру, Десне и за р. Сейм направлялась к верховьям Дона, где легла крепким рубежом между поселениями Бродников и Рязанским княжеством. Наши предки по своим обычаям мало отличались от остальных жителей степи. Очевидно поэтому их, наравне с Половцами, хан оставил в границах своего царства, несмотря на их славянский язык. За ними и тут сохранились обязанности военно-служилого народа. Все подонские Бродники и Черкасы с Верхнего Дона несли сторожевую службу на границах новой степной империи.

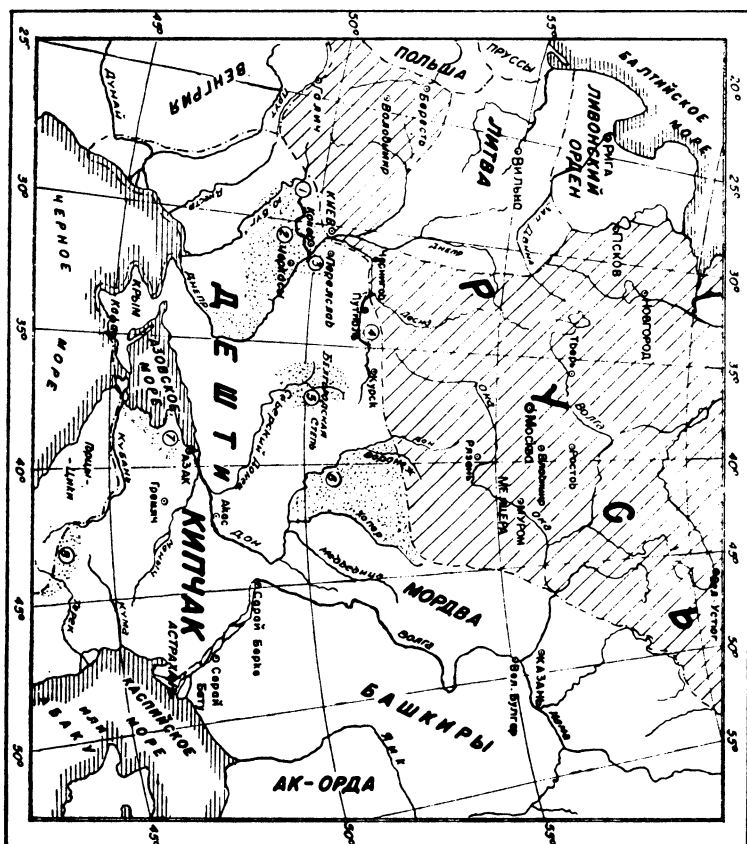
Вот, что по этому поводу думает калмыцкий ученый, доктор Хара Даван: «Обитатели Подонья были привлечены Монголами к военно-полицейской и пограничной службе, составив, таким образом, нечто вроде служилого сословия, освобожденного от тягла и податной повинности.» «Эти жители Подноья, Бродники, как они тогда назывались, в административном отношении управлялись иначе, чем остальная Русь. Само население избирало своих десятников и сотников, которые только утверждались монгольским губернатором-баскаком. Ввиду доверия, которым пользовалось у Монголов население Подонья... ему было предоставлено право избирать трех кандидатов на должность баскака, из которых хан назначал одного по своему выбору» ³⁾.

По раннему русскому историку Болтину, действительно, «баскаки держали при себе по несколько сот человек татар конных, вооруженных, для собственного их охранения и для рассылок и называли их Казаками» ⁴⁾. О Бродниках во время Татар упоминает также новый русский историк В. В. Мавродин: «Бродники, предшественники казачества, появились в Молдавии, и в Трансильвании, и на Балканах» ⁵⁾.

Таким образом, жители донских берегов оставались военным народом и при Татарах. Но кроме этого, они усерднее чем раньше принялись за мирный труд хлебопашцев и рыболовов. Дон был переполнен рыбою, которая для Казаков служила не только привычной едою, но и товаром на сбыт в соседней Руси. Монголы не умели ею пользоваться. На это обратил внимание Вильгельм Рубрукис, посетивший берега нашей реки в 1253 году: «Варварские и дикие Татары, — пишет он, — не знают как ее ловить и не рассчитывают на рыбу, как на постоянную пищу. Они пользуются ею разве только в тех случаях, когда им удастся выпросить кусок мяса большой рыбы, чтобы съесть его подобно мясу барана» ⁶⁾.

По словам Рубрукиса, монгольские кочевья вдоль Дона располагались только в степях и не поднимались в глубину

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ ДЕШТ И КИПЧАК

МАСШТАБ
0 100 500 км.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

А. Смирнов 1958.

ПОСЕЛЕНИЯ И КОЧЕВЬЯ КАЗАКОВ

- КАЗАКИ ИЛИ ЧЕРКАСЫ
- ① Болеховцы (XIII—XIV вв.)
 - ② Паросские (XII—XVI вв.)
 - ③ Перемеловские (XV—XVII вв.)
 - ④ Путиловские
 - ⑤ Белгородские
 - ⑥ Донские Верховые (XII—XIV вв.)
 - ⑦ Азовские (XII—XVI вв.)
 - ⑧ Пятигорские (XII—XVI вв.)
- Соборный (XV—XVII вв.)

лесной зоны. «На севере от этой области лежит Руссия, которая полна повсюду лесов и тянется от Польши и Венгрии до самого Танаиса.» В своих владениях Монголы поручили местным жителям устроить две переправы через Дон. «За несколько дней перед праздником св. Марии Магдалины, — пишет он, — мы прибыли к берегам могучей реки Танаиса, которая отделяет Азию от Европы, так же как Нил в Египте отделяет Азию от Африки. На том месте, куда мы прибыли, Бату и Сартак приказали построить нечто в роде поселка на восточном берегу реки, где поселили группу Русских, обязанных переправлять на пароме послов и купцов. Эти люди перевезли сначала нас самих, а потом наши возы, устанавливая их в связанные вместе челны, передними колесами в одну лодку, а задними в другую.» «Когда мы их спросили, найдутся ли у них упряжные животные для нас, они ответили, что по указу Батухана их служба ограничивается лишь перевозом путников и купцов, за что они и получали порядочную плату.» «В этом месте мы дошли до большой крайности по той причине, что не могли получить ни за какие деньги ни лошадей, ни быков. И только после того как я объявил им, что мы прибыли для работы на благо всех христиан, они послали в наше распоряжение быков и людей под наш багаж, предоставив нам самим двигаться пешком. В это время они собирали свое жито. Пшеница же не очень урожайна на их почве, а зато в большом изобилии они сеют просо.» «Головной убор у местных русских женщин — такой же как и у наших. Их верхние кафтаны покрыты цветным или серым матерьялом. Мужчины же носят шляпы на подобие германских, но кроме этого можно видеть у них некие высокие, островерхие шапки, сделанные из войлока, по своей форме очень схожие с головою сахара» ⁷⁾.

Покойный И. Ф. Быкадоров видел в подонских Русах наших предков Донских Казаков и в этом не ошибался. Но вместе с тем он, кажется, был смущен тем обстоятельством, что француз назвал их русскими. Может быть даже. этот, по существу маловажный, штрих послужил причиной для целого ряда последующих его выкладок: он повел наш род от каких то фантастических Русов, будто бы живших в древности на Дону в городе Русия ⁸⁾. Между тем, Донские Русы и город Русия на Дону это предметы совершенно нереальные и никогда не существовавшие. Явились же они в понятиях, только как результат недоразумения. В последнем по времени подробном анализе путей развития имени Русь, автор его А. В. Соловьев указывает, что Е. Голубинский в Истории русской церкви обращает внимание на ряд геогра-

фических названий Черноморского побережья, образовавшихся от корня *ros*. Они помечены на итальянских морских картах XIV - XV в.в. Среди них: *Rosso* или *fiume Rosso* вблизи устья Дона и *casale dei Rossi* к югу от Азова»⁹⁾. Но дело в том, что в переводе на русский язык оба эти названия оказываются далекими и от Руси, и от России. Смысл первого — «красная речка», а второго — «родовое жилище семьи Росси». Единичные случаи появления на картах названий, образовавшихся в сочетании со словом *rosso*, *rossa*, не достаточное основание для указания в тех местах Русов или их города России, уже по одному тому, что слово *rosso* и производные от него означают только красный цвет. Россия же по итальянски *Rossia*, а русский — *rossiano*.

В XIII - XIV веках, действительно, Казаков иногда можно угадывать под именем «Русь», если говорят о них отдаленные иностранцы. Но не реже, в таких случаях, их можно угадывать и под именем «Татары». На Западе и на арабско-персидском Востоке в то время все Восточные Славяне определялись общим именем Русь, Русский, Урус. Ничего удивительного нет в том, что Рубрукис назвал Русскими и подонских христиан, говоривших по славянски. Под именем Урус Арабы и Персы иногда понимали всех жителей севера, даже и не Славян. Например в XV веке Натанзи (Аноним Искандера) пишет: «После многих боев Тохтамыш бежал и большая часть войска Урусов была убита руками Узбеков.» Здесь под Урусами разумеется сборная армия Тохтамыша и Витовта. Она состояла из Литовцев, Поляков, Белорусов, Татар и рыцарей Тевтонского ордена. Натанзи всех их заключил в одно имя Урус. Могли и наших предков так называть, потому что их предшествовавшие судьбы больше двух веков были связаны с Урусами. Позднее, когда Днепровские Казаки окажутся в границах Великого княжества Литовского, русские дьяки в актах станут их писать л и т в о й . наравне с Белорусами и Северянами. Вообще же, в древних записях очень трудно доискаться точного подбора и отчетливого начертания названий народов. Достаточно сказать, что у европейцев все разноплеменные подданные Золотой Орды считались Татарами. Да этим именем мы и сейчас еще пользуемся чересчур широко и неточно.

Никому нельзя запретить наделять народы чужими или выдуманными прозвищами, но для истории, во всяком случае, остается одно основное и непререкаемое имя. Для наших предков таким историческим именем от глубокой древности неизменно служит имя нашего народа — К а з а к и . К нему они и возвращались постоянно, отряхивая с

себя все приставшие на вековых путях племенные эпитеты, вроде Черных Клобуков, Бологовцев, Бродников, Ижеславцев и др.

1) Ипатьевская летопись, год 1240.

2) Плано Карпини. Путешествие...

3) Др. Э. Хара Даван. Чингисхан. Баскак — татарское слово, означает — голова, командир. По большей части, это начальник тысячи воинов.

4) По этому поводу В. Д. Сухоруков (Историческое описание Земли Войска Донского) говорит: «Надлежит верить Татищеву и Болтину, что имя Казак стало известно в России от монгольских баскаков, кои, начальствуя в некоторых российских городах, имели при себе Казаков для охранения своего и других надобностей.»

5) В. В. Мавродин. Образование единого русского государства.

6) Вильгельм де Рубрукис. Дневник.

7) Там же.

8) И. Ф. Быкадоров. Донское Войско в борьбе за выход в море.

9) А. В. Соловьев. Византийское имя России. Визант. Временник, том XII, стр. 134. У Иосафата Барбаро (Путешествие в Тану) в 1437 году упоминается венецианец Бартоломео Руссо, владелец дома в Тане. Может быть это родоначальник, известной в Азове (б. Тана), семьи крупных купцов Руссо. Подворье Руссо (оно так и называлось в Азове) располагалось над береговым обрывом, рядом с крепостным валом.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ДНЕПРОВСКО — БУГСКИЙ КЛИН

Прорыв между Доном и Днепром. На Южном Буге. Болоховцы. Их князья. Болоховские города. Первые в истории атаманы. Бег Димитрий. Бологовцы — земледельцы. Нападение Даниила волынского. Замиранный Даниил. Бологовцы в Золотой Орде. На днепровском Низу. Казаки в Крымской Орде. Дружинники Менгли Гирея. Проводники Яна Альбрехта. Запорожские городища. В Польше знали Казаков, а на Руси — Черкасов. Флетчер о Черкасах. Казачья орда. Казаки в Литве.

Все степные пастбища и реки на восток от Днепра ордынцы заняли своими кочевьями. Куда делись при этом, наиболее выдвинутые в степь, городки Берендеев, Торпеев Засаковцев, Ковуев, ничего не известно. Вследствие непосредственного соседства со степью им, повидимому, пришлось пострадать больше других казачьих общин. Когда либо по этому поводу скажет свое авторитетное слово помощница истории — археология. Пока же известно только, что в 1282 году Татары пробовали возродить казачье население в Курской области, поселивши там выходцев с Кавказа, именовавшихся Казаками, Пятигорских Черкасов. Об этом будет сказано в свое время. Во всяком случае, непосредственные территориальные связи между Доном и Днепром в XIII веке прервалось почти совершенно. На равнине остались два обособленных казачьих центра: верхне-донской (казаро-бродницкий) и днепровско-бугский, где при Татарах сохранились крупные общины Торков и Болоховцев.

Болоховцы, как жители Южного Буга, появляются на страницах Ипатьевской летописи в 1235 году. Это народ то-

го же склада, что и другие Черные Клобуки. Судя по названиям их городов, они пользовались славянской речью. Но Болоховцы не принадлежали ни к какой ветви русского рода и среди славянских племен, указанных летописью, их нет. Их вожди «суть особнии князи», так же как у Торков и Берендеев, а истории хорошо известно, что все без исключения племена славянского мира от Подкарпатья до Новгорода и Суздаля находились под властью Рюриковичей, ревниво оберегавших свое исключительное право на владение славянскими «вотчинами» и не терпевших рядом никаких иных вождей местного происхождения. Бологовцы же, будучи ближайшими соседями Руси, наравне с другими Черными Клобуками, сохраняли своих собственных племенных князей. Следуя воинским традициям предков, они готовы были помогать по договору одной из сторон в удельных распрях русских князей. Но, будучи воинами, Бологовцы одновременно вели оседлый образ жизни и занимались обработкой своих полей. Само их имя родилось из древнего славянского корня *болог*, *благо*, что означало *добро*, *урожай*. Так же как Торки они обосновались на Южном Буге не очень давно и в XIII веке еще продвигались своими поселениями к верховьям этой реки ¹⁾. Бологовцы, вместе с Торками и Берендеями, оказались прямыми наследниками ушедших Печенегов в днепровско-бугском клину, основоположниками казачьих юртов на днепровском «Низу». Много вероятия в том, что Бологовцы это группа небольших казарских племен. Так же как и Меото-Казары они пользовались славянским языком; они обладали солидными оседлыми навыками и проявили основательное знакомство с культурным земледелием, хотя и оставались народом воинов. Они, к тому же, не были коренными жителями берегов Ю. Буга. Их принесла сюда волна переселений из Приазовья после падения Державы Мстислава. Не без основания запорожское предание велит род Днепровских Казаков от Казаров.

Бологовские города на Ю. Буге Деревич, Губин, Кобуд, Кудин, Городец, Божський, Дядьков сохранились при татарском нашествии, но вскоре были разрушены галичанами и волынцами. Хмельник, Винница, Брацлав, Торговица и Гард, вероятно, тоже построены Бологовцами и оставались после городами казачьими. Торговица на реке Синюха известна истории уже в XIV веке ²⁾. По русскому историку Костомарову, «в так называемой Литовской летописи мы находим смутное известие, что в XIV веке Ольгерд, покорив Подоль, нашел там местное население, живущее под начальством атаманов» ³⁾. Более точно местность, где пра-

вили атаманы, указывает русский историк Золотой Орды: «Литовский князь Ольгерд (1341-1377) съумел использовать ослабление Татар и в 1362 году отправился в поход в сторону Буга. Здесь при Синих Водах (ныне речка Синюха, впадающая в Буг) Татары были разбиты. Это было сводное войско под командой известного крымского бега Кутлукбега, Хаджибега и бега из Добруджи с христианским именем Димитрия» ⁴⁾. Неудачное для Татар сражение произошло между Днепром и Бугом на земле Черных Клобуков, каковой она означена и теперь на русских исторических картах ⁵⁾.

Еще до монгольских завоеваний Бологовцы выступали по стороне венгерской партии галичан. Потом они бились в интересах князя Ростислава Мстиславовича. В обоих случаях против Даниила волынского и галицкого. С Монголами они нашли какой то общий язык. Разрушив Киев и опустошив его область, Татары не тронули бологовских городков. Они поручили Бологовцам, как народу опытному в обработке земли, «да им орють пшеницу и проса» ⁷⁾.

Даниил, разсерженный на них за поддержку его противников в Галиче, гневался теперь еще сильнее, зная, что они в Татарах имеют своих опекунов: «на не болшую вражду держа, яко от Татар болшую надежду имеаху». Воспользовавшись случаем, когда Татары были далеко в Европе, а Бологовцы вместе с князем Ростиславом пробовали занять Бакоту, принадлежавшую отцу Ростислава, Даниил напал на их поселения: «абье устремися на не: грады их огневи предаст и гребля их раскопа». Забравши «плен мног», он возвратился на свою Волынь. Вскоре после этого разгром довершил его дьяк (печатник) Курил с тремя тысячами «пешець» и тремя стами «коньник» «пленив землю Болоховскую и пожег». Бологовские князья отступили в Мазовецкое княжество на Западный Буг, где местный князь Болеслав встретил их тоже враждебно. Они пообещались ему служить, но Даниил теперь хотел бы их иметь по своей стороне и объяснял зверства в бологовских городах самовольным поселением Бологовцев: «почто суть вошли во землю мою, яко не вдах им?» На это Болеслав ответил в таком смысле: тебе нечего беспокоиться о их судьбе, потому что это «не суть вои твои, но суть особнии князи». Из летописного изложения следует, что Даниил настаивал на своем и дал Болеславу за их увольнение многие дары, но что бологовские князья не захотели воспользоваться его благодеяниями и за это руками Даниила «Бог вомездье им даст, яко не оста ничтоже во граде их, еже бысть не пленено» ⁷⁾. Вернулись ли князья в свои разоренные города, неизвестно.

но. В XIV веке жители Побужья управлялись уже атаманами, а много позднее князья Болоховские упоминаются в русских актах, как выходцы из Литвы ⁸⁾.

Даниилу так и не удалось подчинить Бологовцев своей власти, т. к. Татары, вернувшись вскоре из Европы, заставили его самого раскопать построенные им по городам укрепления и приказали ехать в Орду на поклон к Батухану. Возвратившись на Русь, Даниил уже не думал о расширении вотчины и сделался послушным данником монгольской империи. Киев, принадлежавший ему одно время, хан передал другому даннику, князю новгородскому, а земли Бологовцев вместе со всем днепровско-бугским клином окончательно присоединил к своим ордынским владениям.

Что касается жителей восточной части днепровско-бугского клина, то для XIII века известий о них сохранилось не много. С полной определенностью можно только сказать, что в начале монгольской власти там не угасала еще полная и деятельная жизнь. Плано Карпини, среди народов покоренных Монголами, наравне с Казарами указывает и Торков, а известно, что главные поселения и кочевья Торков находились на юг от реки Роси. Вниз по течению Днепра, до порогов и еще южнее, долго сохранялись остатки многочисленных поселений. Они были разрушены в годы нового казачьего лихолетия, когда в Золотой Орде начались и горели междоусобные войны. Тогда города были покинуты, а их население скрылось по днепровским островам и зарослям или же переселилось ближе к Крыму. После этого и появились Казаки Перекопские, Казаки Белгородские и специальная казачья дружина крымского хана, заложенная еще при темнике Нагае, о которой вспоминает Менгли Гирей в грамоте свей московскому князю Ивану III (1474 года): «Мне, Менгли Гирею царю, твоей земли и тех князей, которые на тебя смотрят, не воевать ни моим уланам, ни князьям, ни Казакам.» Перешли в служебное положение, вероятно, и те, что сохранились ниже порогов. Они там собрались после в большом количестве довольно независимой общиной. Совершенно отчетливо говорит об этом запись польского летописца Мартина Бельского: «Описав поход Яна Альбрехта (сына короля Казимира IV) в Восточную Подолию против Татар в 1489 году, М. Бельский замечает, что польское войско могло успешно продвигаться в подольских степях благодаря тому, что проводниками его являлись местные казаки, хорошо знавшие свои края» ⁹⁾. Следовательно, во второй половине XV столетия Казаки были здесь «местными людьми» и свой край хорошо знали.

В 1740 году, после заключения Белградского мира, инженерная команда, занятая пробивкой русско - турецкой границы ¹⁰⁾, собрала сведения о многих разрушенных поселениях, когда то процветавших на берегах Южного Днестра и его притоков. Реестр этих старинных городищ был приведен в особой докладной записке, изданной после под названием: «История о Казаках Запорожских, как оные из древних лет зачались, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся.»

В реестре докладной записки на «очаковской», казачьей, стороне значатся следующие города и развалины: 1) выше порогов, в их начале — Кудак «старинной город козацкой»; 2) на реке Тарасовка — городище; 3) на реке Томаковка — городище Сечи; 4) на урочище Микитино при речке Подпольной — городище Сечи; 5) на реке Чертомлык — городище Старая Сечь; 6) на реке Меловая — городище Меловое; 7) ниже реки Каменки, в четырех километрах от нее, — древний город Пропасное; 8) там же — городище Сечи; 9) ниже их на 20 клм. — руины города Космаха; 10) от реки Дреймаловка в двух клм. — малое городище; 11) от него в шести клм. — другое побольше; 12) при реке Тягинка — большой город Тягинка с трехугольным каменным замком; 13) на реке М. Ингулец — развалины города. Большая часть речек и руин здесь носят славянские названия.

Иначе обстоит дело по «крымской» стороне, на левом берегу Днестра. Там названия преимущественно татарские: 1) на реке Конская — город Замык, областная столица с сотнями мечетей; 2) на реке Кара-Чекрак — развалины нагайского города того же имени; 3) на реке Маячка — городище Маячка с остатками мечети; 4) выше Каменного Затона в 20 клм. — татарское городище Палчик; 5) ниже речки Янчекрак — городище; 6) на реке Белозерка — руины города Белозерка, основанного по местному преданию Франками — Остготами; 7) на реке Мамай Сурка — городище Мамай; 8) на реке Мечетная Каир — татарское городище с остатками мечети; 9) в двадцати клм. ниже реки Веливела — татарское городище; 10) ниже его в пяти клм. — другое.

Границы Киевской Руси никогда не опускались по Днестру ниже реки Рось и поэтому разрушенные поселения со славянскими названиями на «Низу» могли принадлежать только той племенной смеси, что слыла под именем Черных Клобуков и к приходу Татар пользовалась славянской речью Казаров. Прийдя в этот край в XI-XII веках, Черные Клобуки оставались здесь и при Татарах, известные на Руси, как Черкасы, а в Польше и Литве — как Казаки. О них, со слов Русских, в XVI веке посол герман-

ского императора Герберштейн писал как о «русских Черкасах», а Англичанин Джильс Флетчер — как о Черкасах, «которые граничат с Литвой от юго-запада и далеко больше цивилизованы, чем остальные Татары. Это красивые люди величавых манер, во многом копирующие польский образ жизни» ¹¹⁾.

Жители днепровско-бугского клина при Татарах занимались скотоводством и земледелием, но вместе с тем они не забывали и своих воинских обыкновений. Их поселения на время стали чем то вроде ордынских форпостов на западе, а кроме того в их общинах сохранялись боевые группы, готовые принять участие в дальних походах. Иногда они и сами совершали налеты на соседей. Их независимые действия, дали повод польским историкам утверждать, что Казаки в монгольском царстве держались отдельной ордой, причем их орда считалась самой буйной и не слушалась никаких ханов ¹²⁾. Польский историк Кароль Шейноха, ссылаясь на литовского летописца Стрыйковского, утверждал, что в Литве, после знакомства с казачьей ордой, уже в XIV веке жить с добычи называлось «жить по казацки». Применительно к этому времени он пишет: «Много общих черт у литовских язычников с ордой, все большая к ней близость... привели и новокрещенных разбойников литовских к восприятию обычаев и имени боевой орды казачьей. Поэтому и казачил боярин долго еще после крещения, а тем более казачил во дни язычества и, хотя не многочисленный, нагонял страх на соседние народы» ¹³⁾.

Может быть, понятие орда употребляется здесь не совсем обоснованно, но замечания соседей указывают, во всяком случае, на территориальное, национальное и административное обособление Днепровских Казаков в стране ханов. Вместе с тем не может быть никакого сомнения, что польские и литовские сообщения о Казаках с самых древних пор имеют в виду только наших предков. Поляки и Литовцы хорошо ориентировались в проявлениях казачьей жизни и знали Казаков не только по Запорожью. Ведь массовые погребения дружинников с конем появились в центральной Литве одновременно с днепровскими в XI-XII веках, то есть после возвращения Торков с Балкан. Не утверждая категорически, можно предполагать причинную связь между этими явлениями. Кроме того, Торки и Берендеи из Посулья, скрываясь от татарского погрома, должны были уйти или на север в черниговские леса, или на запад за Днепр в болотные пущи Белорусии. Отсюда они несомненно пополняли дружины литовских князей. Князьям

нужны были воины-профессионалы, а Казакам — служба по их обычаям. Отсюда, верно, и пошло, вместе с широким распространением казачьего имени, начало казачьих обыкновений на Литве. В середине XIV в. Литовцы снова встретились с Казаками и их атаманами на Ю. Буге и, продолжая свои соседские связи с ними, пользовались их услугами во время похода Яна Альбрехта в 1487 году. В 1499 году Казаки промышленники, проживавшие по Днепру выше Киева, уже введены в писанные правовые нормы Великого княжества Литовско-Русского. В Уставной грамоте великого князя литовского о киевских пошлинах под этим годом значится: «Которые Казаки зверху Днепра и с наших сторон ходят водою на низ до Черкас и далее и што там здобудут, с того со всего воеводе киевскому десятое мают давати»¹⁴.

1) Князь волынский Даниил в 1241 году возмущался: зачем они заняли земли без его разрешения.

2) Торговица. Заметка в Большом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

3) Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях, т. 2-3.

4) Греков и Якубовский. Золотая Орда.

5) Смотр. Атлас истории СССР, часть 1, табл. 10.

6) Ипатьевская летопись, год 1241.

7) Там же.

8) Тысячная Книга 1550 г.

9) Голобуцкий (Запорожское Казачество) ссылается на польскую Хронику Мартина Бельского, т. II, стр. 882.

10) Новая граница прошла тогда от реки Синюхи к устью Орели (притоку Днепра) и по этой речке к верховьям Кальмиуса. Степи на юг от этой черты принадлежали раньше Крымскому ханству, а по Белградскому мирному договору Россия согласилась признать их собственностью Запорожского Войска Низового.

11) С. Герберштейн (Записка о русских делах) писал: «Я должен здесь заметить, что Черкасы живущие на Днепре — русские и отличаются от тех, что живут в черноморских горах, которых я описал выше.» Через пол века после него Джильс Флетчер (О Русской Державе) относит Днепровских Черкасов к Татарам!

12) Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях.

13) Кароль Шейноха. Ядвига и Ягелло. Окончательное крещение Литвы — год 1386.

14) В. А. Голобуцкий. Запорожское Казачество, стр. 45. С. Соловьев. История России.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

САРАЙСКАЯ ЕПАРХИЯ

Привилегии служителей церкви. Ханские ярлыки. Веротерпимые ханы. Митрофан епископ сарайский. В Переяславе. Феогност епископ сарайский и переяславский. Снова в Сарае. Наказанный владыка Измаил. Ворсонофий епископ сарайский и подонский. Подвоьре в Крутицах. Ордынские христиане. Спор из за Червленого Яра. Грамоты митрополитов. Рязанский «передел». Упрямые Казаки. Новокрещенные.

Уничтожая под ряд целые города с их населением, Монголы при завоевании Руси не делали исключения и для христианских служителей церкви. Их погибло тоже много. Но после того, как Золотоордынская империя утвердилась от Яика до Дуния и влилась в свои европейские границы, ханы не только наделили русское духовенство особыми преимуществами, но старались поддержать его авторитет и в глазах местного населения. В память умершего Чингисхана все церковнослужители на Руси получили освобождение от податных повинностей. В подтверждение их особого положения, Бату сразу выдал специальный «ярлык»: «Дали есьмя жаловальные грамоты русским митрополитам и церковным людям..., чтобы есте и последние (последующие, Г. Г.) цари по тому же пути пожаловали попов и чернецов, и всех богодельных людей, да правым сердцем молят за нас Бога и за наше племя без печали и благословляют нас, и не надобе им никакая царева пошлина» ¹⁾. Позднее, в семидесятых годах XIII века, ярлык Менгу Темира подтверждал: «и не надобе им дань, и тамга, и поплуж-

ное, ни ям, ни подводы, ни корм» ²⁾. Иначе говоря, духовенство освобождалось от всех государственных повинностей, обязательных для рядового населения покоренной страны.

Русская летопись тоже вспоминает о привилегированности духовных лиц. Под 1257 годом записано: «Приехали численици и исчетоша всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую и поставиша десятиники, сотники, тысячники и темники и поеха в Орду; только не чтоша игуменное и чернецов, и попов, и крилошан, кто зрит на святую Богородицу» ³⁾. Митрополиты всея Руси пользовались особым доверием и почетом у ханов, которые поручали им выступать в качестве уполномоченных высшей власти при поставлении князей на их «столы». Совершая торжественный акт, митрополит передавал назначенному князю «пожалование царево», право на княжение.

Установив преимущества для церковнослужителей на Руси, ханы не притесняли и своих христиан, живших в границах империи. Но высшим выражением веротерпимости было решение хана Беркая учредить в Золотой Орде особый епископат для христианского населения страны. Это произошло в 1261 году при киевском митрополите Киприане. В Истории русской церкви проф. Е. Голубинский говорит: «Чтобы сам митрополит обратился к хану с просьбой о дозволении учредить кафедру, весьма мало вероятно... вероятнее, что сам хан потребовал у митрополита учреждения кафедры, дабы иметь представителей при себе из русского духовенства не простых священников, а епископов.»

Причины, очевидно, были много глубже, чем представительство в ханской ставке, но об этом — после. Здесь же следует заметить, что такое толерантное решение последовало со стороны хана, лишь недавно принявшего магометанство. Не напрасно путешественник Миколо Поло говорил, что Беркай имел репутацию наиболее либерального и цивилизованного князя ⁴⁾.

Новейшие историки Золотой Орды видят причину основания епархии только в изобилии местных христиан: «В столицу Орды, Сарай, отовсюду понаехало много русских. А так как здесь, на юго-востоке, на Азовском побережье и Северном Кавказе, с незапамятных времен жило много Славян, то не удивительно, что в Сарае очень скоро, в 1261 году, была организована специальная православная Сарайская епархия» ⁵⁾.

Первым высоким иерархом в Золотую Орду был назначен епископ Митрофан. Для его подворья и кафедрального храма отвели место в недавно построенной ханской ставке, Новом Сарае. Но в 1269 году киевский митрополит распо-

рядился перенести местопребывание епископской кафедры в город Переяслав Южный. Здесь до 1239 года уже был свой епископ и, значит, должны были сохраняться подворье и храмы. А кроме того, поводом к переводу на новое место, вероятно, послужило и опасение, чтобы сарайский епископ не возгордился в отдалении и не использовал связей с верховной властью в ущерб для интересов русской церкви. Таким образом, к обширной и без того епархии присоединились черкасские приходы Переяславской и Поросьской областей. Как говорилось уже раньше, город Переяслав и все черкасские юрты состояли в границах монгольской империи. Поэтому они и вошли в состав епархии далекого Сарая, хотя близко к ним имелись епископы киевский и черниговский. Киев и Чернигов находились по другой стороне, за ордынской границей, а ханам важно было сосредоточить церковное управление внутри империи для того, чтобы прервать не только политическую, но и духовную связь между своими подданными христианами и Русью. В эти видах, кажется, хан и основал Сарайскую епархию.

В Переяслав был назначен новый владыка Феогност с саном «епископа сарайского и переяславского». Митрофан же отказался от епархии и ушел в монастырь на покой. Епископ Феогност заслужил особое расположение и доверие хана Менгу - Темира и по его поручению в 1279 году ездил в Константинополь.

На новом месте епархиальный центр находился не больше двух - трех десятков лет. В связи с начавшимся вскоре бунтом темника Нагая, междоусобной войной и разорением христианских поселений, не только епископы из Переяслава поспешили удалиться назад в Сарай, но и сам митрополит оставил разоренный Киев и переехал во Владимир на Клязьме. Переяслав после этого не упоминался в сане владык, которые стали титуловаться «епископами сарайскими и подонскими».

Близость к ханам наделяла сарайских епископов расширенными полномочиями. Иногда они, минуя киевского и всея Руси митрополита, сносились непосредственно со вселенским патриархом, особенно по вопросам о новокрещенных иноверцах. Но все это не изменяло факта их подчиненности митрополитам. Под 1312 годом в летописи, например, говорится: «Того же лета Петр митрополит сня сан с владыки с Измаила Сарского, а на его место постави Варсонофия». Что кроется за этим драматическим сообщением, каковы были причины такого сурового наказания, остается тайной. По времени оно совпадает с началом раздоров между епископами рязанским и сарайским из за области Черв-

ленного Яра. Митрополит Петр вел решительную борьбу за фактическое, а не только формальное подчинение митрополии сарайского духовного центра. Вместе с тем он требовал передачи богатых приходов Верхнего Дона в ведение Рязанской епархии. Измаил, вероятно, не проявил послушания и потому подвергся наказанию. Зато новый епископ Варсонофий, оставаясь в Сарая, не замедлил заложить в Крутицах, недалеко от Москвы и вне Орды, новое промежуточное подворье епископов сарайских и подонских, которое стало служить символом духовной близости к московскому православному центру. Похоже, что именно такой близости не желал расстриженный владыка Измаил.

Христианами на землях Орды были не одни наши предки. Кроме них жило там еще много пленников, взятых на Руси и в Польше. Рубрукис указывает следующих ордынских христиан: Русов, Валахов, жителей Малой Болгарии, Черкасов, Сольдайцев и Алан ⁶⁾. Что касается Черкасов, о которых говорит французский монах, то здесь речь может идти только о Черкасах степных, донских и днепровских, так как горские не состояли в положении подданных или данников Золотой Орды.

Границы Сарайской епархии совпадали с границами Монгольской империи в Европе. На севере они проходили там, где кончались поселения Казаков и начинались земли русских княжеств. Таковы указания некоторых церковных актов ⁷⁾. Долгие годы рязанские епископы возобновляли попытки подчинить себе приходы Червленого Яра, отобрав их у Сарая. Червленный Яр это область между Верхним Доном и Хопром, где уже давно жили наши предки, организованные в церковные приходы и построившие несколько монастырей. Митрополиты всея Руси поддерживали притязания Рязани, но Казаки и их духовенство упорно оставались под ведомством Сарайской епархии. Сохранившиеся акты ведут возникновение спора от времени митрополита Петра (1308 - 1326). Митрополиты Феогност (1333-1353) и Алексей (около 1360 г.) по этому вопросу обращаются с пастырскими посланиями ко всем христианам, населяющим область Червленого Яра и несущим службу «по караулам возле Хопор до Дону», к баскакам, и к сотникам, и к боярам, и к игуменам, и к попам, и к дяконам, и ко всем городам по Великую Ворону. Оба московских иерарха требуют от них отделения от Сарайской епархии и подчинения епископу рязанскому, с уплатой ему епархиальных взносов: «а что будет церковная пошлина и то ему давайте по давному по церковному обычаю».

«Передел» указанный митрополитами не совпадал ни с рубежами казачьего расселения, ни с политическими границами того времени. Приказ митрополитов передавал в распоряжение рязанского епископа ордынских подданных, так как граница Золотой Орды проходила северней области Червленого Яра, на уровне Непрядвы⁸⁾. Вотчинные земли рязанского князя и приходы Рязанской епархии не распространялись за линию казачьих караулов. Но несмотря на это рязанские владыки по какой то причине стремились расшириться за политические пределы княжества и углубиться духовной властью в ордынские земли. Такие перемены не соответствовали желаниям местного населения. Свыше полувека каждому митрополиту приходилось возвращаться к вопросу о «переделе» для того, чтобы в конце концов увидеть безнадежность своих усилий. Область Червленого Яра неизменно оставалась под ведомством епископа сарайского.

Достойно замечания, что митрополиты писали на Дон по русски, а степные караулы, судя по смыслу грамот, имели полковую организацию под начальством баскаков и сотников, таких же христиан, как и их подчиненные. Баскак по тюркски то же самое, что по нашему голова, полковой командир.

Терлимое отношение к чужой вере, царившее при ханском дворе, способствовало беспрепятственному пребыванию в Орде христианских и магометанских проповедников. Еще когда был жив Бату, при дворе его сына Сартака, по свидетельству Рубрукиса, «находились некоторые нестоианские священники, которые молились с четками и пели свои песнопения». Сартак, очевидно, имел склонность к христианству, хотя христианином считаться не хотел. «Так велика была их гордость, — пишет Рубрукис, — что, даже признавая кое что из христианского вероучения, они отказывались от него, не желая называться никак иначе, кроме как М о н г о л, именем, которое они предпочитают всякому другому. Не любят они также, чтобы их называли Татарами, потому что Татары это иной народ»⁹⁾.

Так было вначале, после прихода в Европу, но потом все изменилось. Крестился брат пекинского кахана — Загатай, крестился удельный князь Туркмении — Байду, Монголы Золотой Орды стали массами принимать магометанство и с большой охотой именоваться Татарами, а на востоке в далеком Пекине кахан Кубилай сделался горячим приверженцем Конфуция, религии растроstrаненной по всему

Китаю. В 1281 году он приказал предать сожжению все священные книги своей прежней веры — таоизма.

-
- 1) Греков и Якубовский. Золотая Орда.
 - 2) Там же.
 - 3) Троицкая летопись.
 - 4) Путешествия Марко Поло.
 - 5) Греков и Якубовский, как выше, стр. 232.
 - 6) В. Рубрукис. Дневник.
 - 7) Грамоты митрополитов Феогнота и Алексея.
 - 8) В Новгородской четвертой летописи под 1380 г.: «Князю же перешедшу за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы.»
 - 9) В. Рубрукис. Дневник.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

РУССКАЯ ДАНЬ

Орда Тюрков-Мангытов. Темник Нагай. Курская тьма. Черкасы из Пятигорья. Город Черкасы. Казаки в орде Нагая. Описание Пахимера. Мнение казачьего историка Савельева. Предание о Казаке Семене. Ордынские междоусобия. Гибель Нагая. Киевский митрополит покидает Киев. Епископ из Переяслава возвращается в Сарай. Походы Татар на Запад. Что спасло Европу. Откупщики русской дани. Князья собирают «выход» сами. Иван Данилович Калита. Выдвижение Москвы.

Около 1280 года в непосредственной близости к казачьим поселениям занял кочевья крупный племенной союз Тюрков - Мангытов, во главе которого хан Тудаменгу утвердил темника Нагая. Расположившись между Доном и Днепром на равнине особенно богатой обильными пастбищами и водами, орда Нагая уперлась своими северными юртами в р. Сейм, а крыльями примкнула к средоточиям оседлого расположения Казаков по Днепру и по Дону.

Нагай происходил из племенной аристократии и состоял в родстве с ханами. Но он не был потомком Чингисхана, и потому не мог претендовать на положение независимого государя, так как, по традициям, ханами могли быть одни Чингисиды. В царстве Дешт и Кипчак (Золотой Орде) Нагай считался только правителем западных областей. Однако энергичный и властолюбивый темник не удовлетворялся таким положением. Заняв подступы к Руси, он начал вести себя как независимый князь, мало считался с ханами Золотой Орды и самовольно распоряжался в соседних русских княжествах. Жителей городов Рыльска, Воргола, Ли-

пецка с многочисленными волостями, со слободами, «яко же грады великими», он объявил своими данниками и организовал там сборы в свою казну. Область получила название Курской тьмы¹⁾. И хотя город Курск недавно был разорен и разрушен, а его городище уже «все древесами поросло», здесь обосновался баскак Ахмат, гражданский голова и откупщик дани. Для вооруженной поддержки предприятия он призвал сюда по договору Казаков с Кавказа и заселил ими «две свободы в отчине Олга князя рыльского и воргольского». Старинный историк Болтин описывает событие так: «В 1282 году Баскак татарский Курского княжения, призвав Черкас из Бештау или Пятигорья, населил ими слободы под именем Казаков»²⁾.

До этого времени местные русские князья Олег и Святослав везли «выход» в Сарай, а теперь их принуждали отдавать дань в пользу Нагая. Боясь последствий, они обратились с жалобой на действия Ахмата непосредственно в Сарай. Хану Тудаменгу давно были не по вкусу самоуправства темника Нагая. Он разрешил русским уничтожить черкасские слободы. Такое решение послужило причиной кровавых столкновений, во время которых погибла часть Казаков с одной стороны, а многие русские бояре и князья — с другой. Раздоры грозили перейти в ордынскую междоусобицу и, не желая принимать в ней участия, Черкасы-Казаки перешли на службу к другому баскаку. Они, по словам Болтина, «не обретаая себе безопасности там, ушли в Канев к Баскаку, который и назначил им место к пребыванию ниже по Днепру. Тут они построили себе городок или, приличнее, острожок и назвали Черкасы, по причине, что большая часть их была пороною Черкасы».

Не трудно угадать, кем были призванные Ахматом кавказцы. В Пятигорье несколько позднее обнаружатся Черкасы, говорившие по славянски. Ахмат мог привлечь к себе на службу именно их, но они признали более удобным переселиться поближе к своим одноплеменникам Днепровским Казакам.

Через несколько лет после описанных выше событий, Нагай принял участие в дворцовом перевороте. Хан Телебуга был убит заговорщиками и сарайским престолом при помощи темника завладел другой потомок Чингисхана — Токта. После этого Нагай еще больше стал вмешиваться в дела управления и своими интригами положил начало будущим династическим распрям в Золотой Орде. Он занял Крым и все черноморское побережье от Перекопа до

Дуная. Галицкая Русь приобрела в нем нового государя-завоевателя и везла ему дань. Днепровские Казаки подчинились ему тоже, а их отряды принимали участие в его военных предприятиях. Пахимер, современник Грека, в подробном описании эпохи византийских императоров Михаила и Андроника, уделил много внимания и Нагаю.

«Нагай был храбрым воином, наиболее мудрым и ловким правителем, какого когда либо имели Татары называемые Монголами», писал Пахимер. «Аланы, Цики, Готы, Русы и множество других народов, живших раньше на этой земле около моря и дальше от моря, были теперь собраны вместе. Они приняли вскоре татарские обычаи, фасон платья, язык и объединенные стали настолько сильны, что хан, которому они вместе с Нагаем вышли из повиновения, попробовав их наказать, после тяжелых потерь в боях и сам был рад уйти от них целым. Они любили войну и вели простой образ жизни, довольствуясь малым и пренебрегая накоплением богатств.» «Нагай съумел вдохновить своих людей решимостью для разрыва с каспийскими ханами, но вместе с тем убедил их, что они останутся непобедимыми лишь в том случае, если будут выполнять данные им законы. Он их учил воздерживаться от изысканной пищи и довольствоваться грубой, жертвовать своими частными интересами в пользу общих интересов нации; разрешал иметь по несколько жен, которым поручались заботы об одежде и еде. Благодаря этому народ рос в числе и не терпел недостатков. Они не должны были строить крепких домов для того, чтобы не привязываться к одному месту и в случае нужды легко покидать его для нового; на походе им предлагалось питаться убитой дичью или просто, открыв вену у лошади, напиться ее крови. Если у них была возможность съесть мяса, то они не варили его, а вырезанные куски баранины клали под седло, где они парились в теплоте коня. Даже на новую одежду они нашивали какие попадутся куски материи и благодаря этому не стеснялись в случае действительной необходимости носить латки на старой. Обязав женщин готовить пищу, шить одежду для мужей и седлать для них коней, он имел целью освободить воинов от всех домашних забот и занять их исключительно воинскими упражнениями. Принуждая подданных точно выполнять основные предписания чингисханова права, он делал их правдивыми и искренними в речи, а их простодушие имело следствием честность в отношениях их друг к другу» ³⁾.

Казакий историк Е. П. Савельев (История Дона) считал, что перечисленные Пахимером народы составляли ка-

зачью дружину Нагая, которая своими подвигами способствовала росту военной славы крымского князя.

Жена Нагая, Ефросинья, была дочерью византийского императора Михаила и благодаря этому Византия всегда могла рассчитывать на его помощь в столкновениях с Болгарами. Очевидно, эта эпоха военного сотрудничества с Византией нашла отражение в одном из преданий, записанном в Запорожьи. По его содержанию, Низовое Войско Запорожское основал некий Семен со своими боевыми товарищами рода козарского. Сначала они, будто бы, жили, промышляя охотой в низовьях Днепра, там, где ныне Семенов Рог. Тут о них узнал греческий император, который призвал их на помощь против Турок. После того как Турки были побиты, император отпустил их с почетом, наградивши именем Казаков ⁴).

Историческая правда здесь смешалась с некоторыми наивными добавлениями. Но все же достойно внимания убеждение Запорожцев, что казачье имя могло считаться наградой для доблестных воинов.

Став полновластным владыкой в западных областях, Нагай не переставал вмешиваться в дела Золотой Орды. Новый хан Токта, хотя и обязанный ему своим возвышением, не хотел с этим примириться. Он гонел на него войска и началась борьба долгая и кровопролитная. Об этих событиях Пахимер замечает: «Для того, чтобы рассказать о войнах в их стране, о несчастьях и разрушениях городов и деревень, о ужасе массовых убийств, о печальном образе беженцев, уходивших с родины в Константинополь, пришлось бы написать отдельную книгу истории». Нагай упорно оборонялся, но все же его силы потерпели поражение, а сам он погиб в бою (1300 г.). Тракай, сын Нагая, с остатками дружины отошел к пределам Болгарии, а орду Мангытов хан переселил за Волгу и Яик. Свидетелями степных бед на Днепре остались развалины татарских и казачьих поселений ниже порогов.

В самый разгар смуты и незадолго до окончательного торжества Токты, киевский митрополит Максим в 1300 году «не терпя татарского насилия, остави митрополию, иже в Киеве, и избеже из Киева и весь Киев розбежеся, а митрополит иде к Брянску, оттоле в Суждальскую землю и тако седе в Володимери с клиросом и с всем житием своим» ⁵). Киев обезлюдел окончательно, а Северная Русь приобрела теперь авторитет духовно-религиозного центра.

Первую половину XIV столетия можно считать началом

политического возрождения Руси. До этого времени, совершенно обессиленная татарским нашествием, она лишь с трудом возвращалась к мирному течению жизни. Побитая, несчастная, ослабленная до последней степени, она была в состоянии только устраняться с дороги победителям и покорно подчиняться требованиям ханов. С этой стороны Золотой Орде не угрожало никакой опасности и поэтому ханы спокойно поднимали свои народы в походы на Западную Европу. За первые сто лет власти в Дешт и Кипчак Татары снарядили шесть больших походов на Запад. Малые набеги на польские и балканские области в счет не идут.

Все нашествия в Европу носили характер временный без настойчивого намерения занять постоянные кочевья на ее тесных равнинах. Там были леса и горы, а степных пастбищ не так уж много. И там их всегда встречало объединенное и организованное сопротивление, которое им ни разу не удалось сломить до конца. Даже соседние Литва, Польша и Венгрия избежали «татарского ига», хотя страдали от набегов больше, чем кто либо иной. Природных богатств Восточной Европы и обильной русской дани вполне хватало и для благоденствия Улуса Джучи, и для роскошного содержания ханского двора. В тех же случаях, когда приходило стихийное бедствие, вроде чумного мора, засухи, налета саранчи, гибели пастбищ, ханы уводили своих кочевников на Дунай, откуда возвращались по миновании беды назад в удобные европейско-азиатские степи. На Западе их принимали как бич Божий. Германский император, в союзе с остальными государями, напрягал все силы для противодействия вторжениям, а вместе с тем старался завязать нормальные соседские отношения с ханами. Римские первосвященники направляли к ним свои посольства и монахов проповедников. Но все это помогало меньше, чем начавшийся вскоре внутренний разлад в самой Орде. Возникнув по причинам династическим и национальным, междоусобные распри непрерывно подтачивали агрессивную мощь Монголов, избавляя Европу от их набегов и приближая к освобождению Русь, которая долго еще выплачивала потомкам Батухана регулярную дань и терпеливо ожидала, когда это, «Бог орду переменит».

Вначале, при сборах дани, Русским приходилось переносить обидное подчинение татарским головам — баскакам; их «численники» вели непрерывный учет населению и, собирая дань, творили насилия. Потом, через два-три десятка лет ханы для собственного удобства стали отдавать сбор

дани откупщикам. Предприниматель Монгол или Татарин обязывался вносить в ханскую казну определенную сумму и получал право выколачивать ее из населения своего округа, как хотел и как мог. Из примера Курской тьмы видно, что и при такой системе ничего не выигрывали ни князья, ни жители страны: «окупахуть бо тии оканьнии бесурмене дани и от того великую пагубу людем творяхут», жалуется летописец. Но новая система подала русским князьям мысль, перенять дело в свои руки. Они предложили ханам лучшую оплату, чем татарские предприниматели и получили откупы в свое распоряжение. Русские сборщики тоже не обходились без прибылей и потому размеры поборов не уменьшались. Но зато население освободилось теперь от лишних обид и унижений со стороны иноплеменников. Дань собиралась хозяевами уделов, после чего она представлялась главному, по назначению хана, откупщику, который и вез «выход» в Орду. Права главного откупщика принадлежали по положению великому князю. Поэтому к великому княжению, источнику богатства и власти, стремились все более видные представители дома Рюриковичей. Соревнование на этом поле привело к образованию одного сильного политического центра, отсеяло для власти над всей Русью одну княжескую семью, разбогатевшую на откупах и счумевшую заслужить расположение ханов. Ее глава и родоначальник Иван Данилович, по прозванию Калита (1328-1341), закончил борьбу за великое княжение, перебив всех соперников руками Татар. В сношениях с ордынскими вельможами он вооружался могучим средством — мешком денег. Откуп дани обогащал его род и в дальнейшем, закрепляя за ним господствующее положение на Руси. Москва, детище Ивана Калиты, начала возростать в престольный город. Московский великий князь приобрел особенный вес в политической жизни всего славянского Востока и пользовался доверием и поддержкой ханов. Орда склонялась к упадку, слабая от междоусобной смуты, но помогала подняться из праха своим данникам.

1) Тьма, монг. Тумен, крупное военное соединение или обширная область гражданского управления.

2) И. Болтин. Примечания...

3) История императоров Михаила и Андроника, написанная Пахимером.

4) А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой России.

5) Троицкая летопись.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ИСЛАМ

Монгольские кадры. Местные люди в Дешт и Кипчак. Азиатский опыт. Дух централизованного единовластия. Отюренные Монголы. Уход из под власти великого хана. Зародыш распрей. Хан Узбек. Воинствующий исламизм. Казаки магометане и Казаки христиане. Возрождение Руси. Великое княжество Литовско-Русское.

Золотоордынская империя или Царство Дешт и Кипчак, как его называли по старой памяти, образовалось в результате завоевательного продвижения в Европу монгольских кадров Улуса Джучи. Покорив местные народы, хан Бату принудил их к беспрекословному повиновению и при их же помощи подчинил своей власти всю Северо-Восточную Русь. В созданной им огромной империи Монголы остались народом господ, хотя численное превосходство принадлежало здесь местным тюркским племенам. Монголы в империи оказались в меньшинстве, так же как в азиатских владениях Чингисидов. Их сила заключалась в испытанных системах, военной и административной. Вместе с азиатскими ордами на наш Восток пришел дух созревающего централизованного единовластия. Только благодаря завоевательному и государственному опыту Тимучина Чингисхана потомкам Джучи удалось создать из неустойчивой, разноплеменной и подвижной смеси народов довольно прочный организм степной империи Дешт и Кипчак. Половцы за два века своего здесь пребывания, несмотря на расовую однородность и многочисленность, не сумели, да и не стремились, объединиться в сильное государство. Монголов они встретили лишь слабым союзом племен, а потому и были так легко ими покорены. Однако, вскоре после того, как Зо-

лотая Орда утвердилась на нашем Поле, тюркские влияния Куманов стали непрерывно проникать в недра правящей монгольской группы. Неуклонно и в этом случае действовал тот же этнологический «закон массы»: преобладающее количество завоеванного народа передавало завоевателям свои обычаи, внешние и духовные свойства, язык и даже имя Тюрков. «В древности это государство было страной кыпчаков, — говорит ал Омари, — но когда ими завладели Татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле их» ¹⁾.

Влияния Тюрков росли из года в год. «Насколько этот процесс отюречения был быстр и значителен, — пишет историк Золотой Орды, — видно из того факта, что уже в конце XIV века в Улусе Джучи (Золотой Орде) сложился литературный язык — не монгольский, а тюркский, причем с признаками кыпчацких и огузских элементов, имевшихся в низовьях Сыр Дарьи и Хорезме.» «На монгольском языке в Дешт-и-Кыпчак в XV в., повидимому, мало кто уже говорил. Более того, даже официальные грамоты ханов, известные золотоордынские ханские ярлыки, писаны или на среднеазиатско-тюркском литературном языке XIV века, или на местном кыпчакском языке» ²⁾. Монгольские ханы постоянно имели дело со своими подданными — Тюрками. Глубоко проникаясь тюркским духом, они наперекор природе сплошь и рядом стали считать себя тоже Тюрками.

В результате такой этнологической метаморфозы появилось политическое и духовное отчуждение от всего восточно-монгольского мира. Произошел разрыв связей между Улусом Джучи и прежним державным центром в Пекине, куда в 1259 году кахан Кубилай перенес свою столицу. Уже Берке признавал главенство великого хана только номинально. На отдаленной европейской окраине монгольской империи перестал действовать объединяющий авторитет центральной власти. Золотая Орда фактически отделилась в независимое государство. Некому там стало регулировать семейно-династические столкновения и потому уже в третьем поколении правление наследников Джучи обратилось в непрерывную борьбу за власть в Золотой Орде. Началась она во время темника Нагая, неудачно пытавшегося создать собственное княжество. Вскоре по его примеру, но с большим успехом, обособилась Ак Орда, кочевав-

шая за Аральским морем. Таким образом, «Улус Джучи распался на Кок орду и Ак орду, каждая из которых имела свою собственную династию из потомков старшего сына Чингисхана — Джучи» ³⁾.

При Узбеке, хане Золотой Орды (1312-1342), деление империи временно задержалось. Он и сам приобрел ханский престол не по праву наследования, а перебив всех законных наследников, но овладевши властью пресекал твердой рукой все попытки начать мятеж. В его время значительное число кочевников перешло к оседлости, отчего разрослись города и поселения. Особенно увеличилось число жителей в Новом Сарае (Сарае Берке), куда при Узбеке окончательно перешла ханская ставка. Здесь процветали ремесла всякого рода, производство оружия, конской сбруи, седел и всякого другого военного снаряжения. В городе собралось до ста тысяч жителей. Восстановилось также значение крупного торгового центра Азака (Азова), в 1312 году перешедшего от генуэзцев в руки венецианских купцов. Там чеканились монеты для Узбека. Сразу после своего воцарения Узбек принял магометанство и сделался ревностным последователем ислама. В религиозном рвении он приказал умертвить часть шаманов и буддийских лам, но вместе с тем не решился нарушить прав полученных русскими митрополитами «во имя Чингисхана». Он подтвердил их новой жаловальной грамотой в 1313 году.

Магометанство ширилось по ордынским племенам и раньше, но во время Узбека оно восторжествовало среди Монголов и Татар окончательно. Исламизм принял воинствующий характер и насаждался среди инаковерующих решительными мерами. Хан выполнял советы старых магометан. Египетский султан Бейбарс писал еще Берке хану, что с того момента, как он стал мусульманином, «этим вменяется ему в долг воевать с неверными, хотя бы они были его родичи. Ведь и пророк — над ним благословение Аллаха и мир — сражался со своими соплеменниками, родичами и воевал против Корейшитов; ему было повелено (Аллахом) бороться с людьми до тех пор, пока они скажут: нет божества, кроме Аллаха. Ислам не состоит только в одних словах: священная война есть одна из главных опор его» ⁴⁾. Узбек в свою очередь сообщал султану, «что в государстве его оставалась еще шайка людей, не исповедывавших ислам, но что он, воцарившись, предоставил им выбирать или вступление в мусульманскую религию или войну, что они отказались и вступили в бой, что он напал на них, обратил в бегство и уничтожил их посредством избиения и пленения» ⁵⁾.

Несмотря на все это, христианские подданные Узбека продолжали жить церковными общинами, а епископы сарайские и подонские по прежнему управляли духовными делами своей паствы. Однако малые группы христиан, заброшенные в окружение новых мусульман, при создавшихся настроениях, находились под постоянной угрозой религиозных укоров. Среди Ордынских Казаков позднее оказалось немало магометан. Это значит, что близкие к ханам воины ради спокойствия и житейских благ, следуя общей моде, изменили христианству. Таким образом, часть Ордынских Казаков постепенно «бисурменилась», равнялась и по вере с тюркскими массами степных жителей. Это дало повод русским летописцам и иностранным путешественникам считать их Татарами, каковыми они по крови не были.

Христиане, жившие на Дону и на Днепре в отдельных поселениях, крепко держались своей прежней христианской веры. Судя по грамотам московских митрополитов, население городов на Верхнем Дону в первой половине XIV века еще притеснений не испытывало: казачьи командиры, именуясь татарским словом *баскак*, оставались христианами, никто там не стремился оторваться от Орды с тем, чтобы перейти в духовное подчинение славянской Рязани. Распространение в Золотой Орде ислама не сразу создало атмосферу угнетения, но все же положен был конец традициям веротерпимости. Сам Узбек, очевидно, не старался насильно обратить в новую веру своих подданных Казаков и никаких религиозных ограничений для них не вводил. Однако его боевое рвение не могло миновать мусульманских низов, где должен был зародиться религиозный фанатизм и нетерпимость. Они проявились позднее после смерти Узбека, в связи с ростом междоусобиц и гибелью правопорядка в империи.

Хан Узбек долгие годы вел борьбу с иранскими ильханами за цветущий Азербайджан. Занятый борьбой на юге, он упустил из вида признаки грозного для Орды возрождения Руси, где Иван Калита, в. князь московский, при помощи самих Татар сумел заложить крепкие основы объединенной русской государственности. Узбек не препятствовал усилению Москвы, а сам Калита проявлял неизменную покорность, внимательно следил за регулярным сбором дани и своевременно вручал ее хану.

Оставил Узбек без внимания и буйный рост Руси Западной. Здесь действовала династия князей литовского рода. Основатель ее Гедимин создал из Литвы и Белой Руси мощный центр, около которого вскоре собрались все бли-

жайшие днепровские и волынские земли. Возникшее таким образом, обширное и могучее государство, с которым надолго оказались связаны и судьбы Днепровских Казаков, называлось Великим Княжеством Литовско-Русским.

-
- 1) Цит. по Греков и Якубовский. Золотая Орда и ее падение.
 - 2) Там же, стр. 66.
 - 3) Там же, стр. 261. Кок Орда или Синяя Орда то же самое, что русская Золотая Орда. Ак Орда — Белая Орда.
 - 4) Там же, стр. 79.
 - 5) Там же, стр. 167.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Л И Т В А

Литовцы и Жемойдь. Тевтонские рыцари. Миндовг. Лесной народ. Деревянное оружие. Беженцы из Поднепровья. Князь Гедимин. Западная Русь под властью Литвы. Ольгерд. Завоеванное Подолье. В Киеве. Ягелло и Ядвига. Кревская Уния. Витовт. Литовские уделы. Паны - Рада. Славянизация Литвы. Литва — имя народа. Колонизация Украины.

Литовцы, Жемойдь и Прусы произошли от одного племенного корня. Вместе с Ливами, Корсью и Земиголой (нынешними Латышами) они составляли в Европе совершенно отдельную и обособленную расовую группу. Из них Прусы, Ливы, Корсь и Земигола проживали вдоль берегов Балтийского моря, а Литовцы и Жемойдь занимали лесной край в бассейне Нижнего и Среднего Немана. К последним двум и относится историческое имя *Л и т в а*.

Татарские завоевания XIII века застали Литву и Жемойдь объединенными в небольшое, но сильное княжество. Уже целое столетие они вели непрерывную борьбу с Тевтонским рыцарским орденом, занявшим область Восточных Прусов. Литовцы препятствовали попыткам рыцарей углубиться дальше в их леса, но сами они частыми нападениями тревожили соседние польские княжества. Используя смятение Руси, связанное с нашествием Татар, литовский князь Миндовг (1224-1263) покорил многие соседние славянские племена.

Литва была лесной страной и население ее еще мало занималось земледелием. Скотоводство, охота и рыболовство служили главным источником пропитания. В ежедневном быту, в пище лесные люди отличались полной неприхотливостью и довольствовались лишь теми благами,

которые предоставляли им воды и леса их страны. Постоянный недостаток в железе заставлял их искать замены ему в твердых городах дерева. Оружием простого воина, по большей части, служили: лук со стрелами, деревянная палица, пика, шест обожженный с одного конца и праща. Высушенные шкуры диких животных, медведей, зубров, лосей они употребляли в защиту от ударов, делая из них подобие панцирей, а ездили в деревянных ленчиках, покрыв их мехом. Эти слабо вооруженные но стойкие в бою толпы, предводимые князем и его дружиной, нераз выходили победителями в боях с тевтонскими и польскими рыцарями. Татар — завоевателей мало прельщала страна лесов и болот. Поселения там не сулили какой либо добычи, а жители умели вовремя скрыться в чащах вместе со своим скотом. Благодаря этому, в Полесье собирались тысячи, уцелевших после татарского погрома, беженцев из Поднепровья. Здесь они находили приют среди родственных Белорусов и добывали лесное пропитание, не теряя, может быть, надежды на скорое возвращение в родные края.

Однако, надеждам суждено было исполниться только при их внуках. Литва, действительно, стала продвигаться к востоку, но произошло это не раньше, чем появились отчетливые признаки ослабления ордынских ханов. В 1320 году князь Гедимин, выдающийся воин и основатель единой литовской династии, занял города Брест на Буге, Владимир и Луцк. В следующем году он направился в сторону Киева. Встретив и здесь лишь слабое сопротивление Татар и Русов, Гедимин стал хозяином Южного Полесья и значительной части днепровского побережья.

После смерти Гедимины (1341) его сыновья поделили отцовские владения на три части. Ольгерд взял себе Вильно со всей прилегающей Белоруссией, на долю Кейстута пришлась Жемойдь с замком Троки, а Любарт получил Вольнь.

Наиболее деятельным из всех братьев оказался Ольгерд (1341 - 1377). Заняв и закрепив за собой Северские земли, он отправился в поход на юг к берегам Черного моря. По пути, в Подольи, ему пришлось сражаться с войсками трех татарских бегов, из которых один носил христианское имя — Дмитрий. Ольгерд разбил их при речке Синие Воды, недалеко от города Торговицы, который в то время уже стоял на своем месте. Здесь, по словам литовской летописи, проживал народ, управлявшийся атаманами (смотри главу тридцатую). Успешный поход вдоль Ю. Буга окончился у Черного моря. Около 1365 года Ольгерд овладел Киевом, который после этого принадлежал Литве и Поль-

ше на протяжении трех столетий. Так образовалось В. княжество Литовское.

Подолье, пересекавшее татарские пути в Европу, в. князь литовский передал своему племяннику Кориату. Собща с сыновьями, Кориат восстановил разрушенные Татарами замки Брацлав, Скалу, Соколец, Смотрич и др. Сюда шли добровольные переселенцы со всего Великого княжества Литовского. Таким образом, возрождая жизнь в изобильном краю, Гедиминовичи возводили преграды на подступах к Европе. Так же как и здесь, повсюду на востоке Литва подошла вплотную к границам Золотоордынского царства.

Наследником Ольгерда на великом княжении был Ягелло, его сын от первой жены Марии. При Ягелло произошел ряд перемен в политической структуре Великого княжества Литовского.

В те времена в соседней Польше высшая власть вручалась пожизненно выбранным королям. Выборы производились на специальных Сеймах, куда съезжалась вся польская шляхта, очень влиятельный класс в государстве. В 1382 году польским королем была выбрана венгерская царица Ядвига. При выборах юной принцессы, выборщики в значительной степени руководствовались намерением усилить и расширить край при помощи ее брака с одним из соседних государей.

Главным кандидатом в супруги молодой королевы намечался литовский князь Ягелло. Литва получила от Польши предложение объединить дела управления и обороны под одной короной, сочетав браком своих монархов. Ягелло заслал сватов и Ядвига, помимо ее воли, должна была подчиниться настояниям всемогущих магнатов. Ягелло стал мужем юной королевы, а представители сторон одновременно с этим подписали акт, так называемой, Кревской персональной унии (1385 г.). Теперь польским королем именовали Ягелло, который сохранил за собой и титул великого князя литовского.

Однако в Литве дела управления должен был вести, в силу необходимости, один из местных князей, уполномоченный родственник короля. Ягелло считал его своим наместником, но не так смотрели на него оставшиеся на местах Гедиминовичи. По их мнению Великое княжество должно было оставаться полностью независимым. После долгой и упорной борьбы Ягелло увидел необходимость предоставить права действительного верховного правителя Литвы двоюродному брату Витовту. Сам же после этого только титуловался в. князем литовским, не вмешиваясь в

ее дела. Таким образом Витовт стал фактическим государем Литвы и был им до конца своих дней, хотя и не нарушал видимости подчинения польскому королю.

При наличии великого князя, олицетворявшего верховную власть, Литва очень долго сохраняла структуру централизованного союза удельных княжеств. Завоеванные славянские области в князь раздавал в управление младшим отпрыскам гедиминова рода. И так, в северных областях Литвы стали пановать Радзивиллы, в Белоруссии — Сапег и Слуцкие, в Полесье — Чарторийские, на Волыни — Острожские и Сангушко, на Подольи — Кориатовичи, а в земле Северной — Кобыты. За исключением великокняжеских городов и сел, им принадлежали в этих своеобразных уделах все земли, леса и поселения; они взимали с жителей налоги и подати, строили новые города и замки, содержали собственную гвардию, придворные штаты, бояр, областную администрацию. Из них же в в. княжестве составлялся влиятельный Верховный совет или «Паны — Рада», принимавший участие в делах общего законодательства и в решении вопросов о войне и мире.

Таковым, в общий чертах, было политическое устройство Литвы в XV столетии, таковым оно сохранялось и после, хотя уделы назывались не княжествами, а воеводствами, сами же удельные правители носили звание «князей - воевод».

Население В. княжества, кроме первоначальных Литвинов и Жеймоди, все сплошь состояло из Западных Славян, пребывавших раньше под властью Рюриковичей. Гедиминовичи в этом случае пришли на смену потомкам Рюрика, в качестве новых иноплеменных завоевателей. Не меньше чем их предшественники, они в скором времени тоже поддались славянизации. Этому способствовало постоянное общение с преобладающими численно массами Славян — Белорусов, так же как и частые смешанные браки литовской аристократии. Сам Ольгерд дважды был женат на русских княжнах: Марии-витебской и Юлиане - тверской. По стране ширилось православие, а белорусский язык проникал в повседневный обиход правящих кругов, делался языком управления и законодательства. Гедиминовичи и их кадры вскоре стали одноязычными и единоверными со своими славянскими подданными, а название Литва разпространилось и на местных Белорусов, как национальное имя. Вместо прежнего их имени Русины или Русь, пришло новое — Литвины или Литва. В Великом княжестве Литовском совершилось то же самое, что некогда произошло на Днепре, где местные Славяне от господ-

ствующей династии переняли ее племенное имя — Русь.

Среди земель занятых Литвой, некоторые были совершенно опустошены Татарами и покинуты населением. Предстояло их заселить наново. Но В. княжество Литовское, обладало лишь ограниченными колонизационными средствами, не было богато и людским материалом для переселения его в пустынную полосу своей Украины. Поэтому жителями пополнялись только города, торговые и ремесленные центры, а сельские поля еще долго лежали в запустении. Потомки, ушедших некогда беженцев, не спешили возвращаться на дедовские пепелища, так как по близости все еще бродили отряды ордынских добытчиков. Новые мирные поселенцы, «литва», робко появлялись только в местах удаленных от широкой степи и не рисковали отходить в стороны от замковых и городских крепостных стен.

Между казачьими городками в Поросье и восстающим из пепла Киевом на исходе XV века по прежнему лежала безлюдная полоса Черного Шляха. Но зато в границах Литвы к этому времени уже находилось не мало общин Казаков Северуков. Охотники и рыболовы, они непрерывно проходили вниз по Днепру, а их промысловые юрты «уходы» по степным рекам Суле и Псиолу примыкали к таковым же «уходам» Черкасов заднепровских. Закреплялись политические и бытовые связи с Литвой и у Казаков живших вдоль Ю. Буга через возрождающееся Подолье. Эти связи впервые возникли еще при Ольгерде и, нужно думать, от того времени не мало Казаков пополнило ряды литовских боевых дружин.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Татары слабеют. Разделение. Нищета и голод. Окрепшая Москва. Темник Мамай и князь Дмитрий Иванович. Поражение Татар у Вожи. Мамай идет на Русь. Московиты и их союзники. Воевода Боброк — Волынец. Засадный полк. Критическое положение. Засадный полк бьет Татар. Кто такой Боброк. Выступление Донских Казаков. Две иконы. Краткая Московская летопись. Записи во Вкладных книгах. Татарская Родословная история.

В то время как Литва углублялась все дальше в окраины татарского царства, а Москва расширялась за счет соседних княжеств, ханская ставка Золотой Орды была занята частыми сменами правителей. Литва и Московия росли, набирались сил, а ослабевшая империя Дешт и Кипчак клонилась к упадку. Начавшиеся еще при Нагае династические распри обратились в непрерывные кровавые интриги, дворцовые перевороты, убийства и распад. С 1360 по 1380 год на золотоордынском престоле сменилось двадцать пять ханов. В 1362 году, когда Литва почти беспрерывно занимала днепровские «волости», один из меньших татарских царевичей, Булат Темир, оторвал от владений орды край Волжских Болгар. Там он заложил начало Казанскому царству. По его стопам пошел царевич Тугай, образовав независимое княжество Мордовское, а вскоре затем и все остальные владения империи разделились на две самостоятельных части: одна на запад от Волги, а другая от нее на восток.

Делению в значительной степени способствовал разнородный состав ее населения. Наиболее монгольским кочевым краем оставались Волжско-Каспийские степи. Здесь

Образ Донской Богородицы

Икона XIV века, находится в Москве в Третьяковской галерее.
По кн. Визант. Временник т. IX

возникло Царство Астраханское. Выше, по Средней Волге, как уже говорилось, обособились Башкиры и Мордва. Ак Орда, отгавшая раньше других, состояла из Туркменов, Узбеков и Кайсаков, а Тюрки Куманы, среди которых проживала и часть Казаков, преобладали в Западном царстве, т. е. в Крыму и в днепровско-донском междуречьи.

Раз начавшись, междуплеменная рознь продолжалась непрерывно. Отдельные улусы начинали взаимные потасовки по любому поводу, грабили и разоряли друг друга. Нищету углубляли периодические налеты саранчи. Она уничтожала пастбища и губила стада, а совершать походы для возмещения потерь на богатом Западе уже не было сил. Голод и чумные эпидемии довершали опустошения. Оборванные, босоногие, безоружные пастухи, теперешнее население степи, не были похожи и в отдалении на народ воинов времен Чингисхана и Бату.

Возрождающаяся Русь, собранная теперь около разбогатевшей и окрепнувшей Москвы, с нетерпением ожидала возможности избавиться от ига иноплемеников. Великие князья внимательно следили за стадиями ордынской «замятни» и от всей души приветствовали развал ханской империи. Русь непрестанно вооружалась и, наконец, в. кн. Дмитрий, внук обогатившего и возвеличившего Москву Ивана Калиты, почувствовал себя достаточно сильным для открытого сопротивления. Он прекратил выплату дани и не стеснялся посылать войска против ханских отрядов.

В это время при хане Магомете Булаке, слабом потомке Батухана, долгие годы распоряжался временщик и правитель — темник Мамай. Он был озабочен восстановлением пошатнувшегося авторитета татарской власти и укреплением прежних даннических отношений с Русью. Разгневанный проявлениями явного мятежа, Мамай отправил на умирение Москвы полки под командой Бегича. Дмитрий встретил Татар у реки Вожи, побил их и прогнал прочь. После этого, предвидя месть Мамаю, московский в. князь начал спешно готовиться ко встрече со всей татарской силой.

В следующем году, действительно, Мамай поднял против Руси все свои рати. Его войско измерялось сотнями тысяч. Кроме Кыпчаков и улусных Татар он призвал наемные полки Франков, Черкасов, Ясов, Мордвы, Черемисов и «иныя к сим». Выйдя к границам Руси, Мамай задержался в верховьях Дона, ожидая с запада своего союзника литовского в. князя Ягелло.

Под знаменами его противника московского князя

Дмитрия Ивановича собрались москвичи, владимирцы, суздальцы, ростовцы, ярославцы, белозерцы, муромцы, псковичи, отряд волынського воеводы Дмитрия Боброка и дружины литовских удельных князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Последние враждовали со своим братом Ягелло и потому оказались по стороне Москвы. С ними пришло сорок тысяч полочан и брянцев. Русских собралось много, но Татары значительно превышали их численностью.

Особую роль в этом предприятии играл рязанский князь Олег Иванович. Олег не верил в возможность победы Русских, а к тому же не ладил с окрепшей и агрессивной Москвой. Он договорился с Мамаем и обещал ему помощь.

Молодой и настойчивый князь Дмитрий Иванович, получив известие о движении Татар и гредупреждая их соединение с Ягелло, поспешил на встречу Мамаю. Минув Рязань, он пошел на Серпухов, переправился через Оку и 4-го сентября 1380 года подошел к Дону.

Летописная запись повествует, что русские воеводы были против перегравы через Дон «в мамаеву землю» и только по настоянию волынського воеводы Боброка «перевезеся князь великий со всею силою за Дон месяца сентября в 7 день». «Тоже повеле князь великий Дмитрию Боброкову, волинцу, полки урядити, он же устрои коегождо полка и уряди» ¹⁾. После этого войска двинулись вперед, а сам Боброк остался при «западном полку», скрытом в лесу на левом фланге.

Встретив Татар за Куликовым полем недалеко от реки Красивая Меча, Русские не выдержали первого натиска ордынцев и в беспорядке хлынули назад. Тут, при поспешном отступлении к переправам, они потеряли десятки тысяч воинов, многих князей и воевод. Пропал где то и сам великий князь. Татары, не дождавшись прихода союзников, справлялись самостоятельно. Русские безнадежно проигрывали уже битву на Куликовом поле, когда положение спгас все тот же воевода Боброк. Он съумел удержать «загадный полк» в засаде до нужного момента, а потом ударил в тыл победителям, смял их и обратил в бегство. Армия Мамаю, готовая уже торжествовать победу, потерпела полное поражение. Теперь нашелся и в. князь под деревом, без памяти и в одной рубашке.

Ягелло в это время находился на расстоянии одного перехода и, узнав о победе Русских, повернул назад. Олег рязанский тоже не очень спешил на выручку своему союзнику. Татары начали отступать вдоль Дона.

Решающая роль засадного полка и его руководителя

Дмитрия Боброка не подлежит никакому сомнению, но до сего времени остается не выясненным, кем, именно, был этот знаменитый воин, «нарочитый воевода», и каким образом, будучи волынецом, оказался он в рядах московской рати.

Устюжский летописный свод связывает его появление на Москве с приходом Ольгердовичей. Вернее всего, это доблестный представитель волынского боярства, того многочисленного западно-русского рыцарства, которое рекрутировалось по европейским образцам из родовитых православных семей В. княжества Литовского и не имело ничего общего ни с Казаками, ни с Черкасами. Казаки, действительно, участвовали в поражении Татар на Куликовом поле, но только — Казаки Донские, а не Днепровские.

На походе к Дону Казаков в русском войске не было. Передовые «сторожи» вели «крепкие дружинники» московского князя; проводниками оказались тоже не Казаки, а сурожские (крымские) купцы, которые сообщили Дмитрию новости о состоянии орды и указали пути к Дону. Казаки, будучи подданными ханов и живя за ордынским кордоном, могли явиться к русским голкам только тогда, когда те подошли к «мамаевой земле». Ригельман пишет о встрече Казаков с Русскими так: «Краткая Московская летопись напоминает нам, что перед сражением Московского Великого князя Дмитрия с Мамаем поднесена ему Донскими Казаками икона Донская, которая была в Москве в Донском монастыре» ²⁾. Два казачьих образа Пречистой Девы существуют в Москве по сегодняшний день. Один называется иконой Богоматери Донской, а другой — иконой Божьей Матери Гребенской. История их появления в московских церквях записана на страницах книг церковных вкладов.

Вкладная книга Донского монастыря повествует, что в междуречьи Дона и Непрядвы на встречу Дмитрию Казаки «в помощь благословенному воинству пришли бяше и сей Пречистые Богородицы образ благоверному князю и всему православному воинству на побеждение агарян вручиша» ³⁾.

Такая же вкладная книга имелась в московской часовне на Лубянке. В ней, по свидетельству И. Ф. Быкадорова, относительно Гребенской иконы записано: «Там в верховьях Дона, народ христианский воинска чина жующий, зовомии Козаци, в радости стретающа его со святыми иконами и со кресты, поздравляюща ему о избавлении своем от супостатов и принесоша ему дары от своих сокровищ» ⁴⁾. О том, что «народ христианский воинска чина» в XIII-XIV вв. жил на берегах Верхнего Дона, известно и из грамот мос-

ковских митрополитов (смотри главу тридцать первую). Во вкладных записях указывается его имя: это Казаки. Перед битвой они вручили Дмитрию образ Донской, а после победы над Татарами одарили его и поднесли снова икону, очевидно, прибывшую с кавказских «гребней» (хребтов) и потому получившую наименование Гребенской.

К тому же событию, вероятно, следует отнести и опубликованное А. И. Ригельманом сообщение Родословной татарской истории, утверждающее, «что когда татарская сила начала упадать, то Казаки, видя, что Россияне начали явно противиться Татарам, также напали на них всеми своими силами» ⁵⁾.

В ордах шли династические междоусобия, во всем подобные былым княжеским распрям на Руси. Раз начавшись, они расширялись все больше, обращаясь в войну всех против всех. Казакам, как населению окраин, пришлось от них страдать больше других, особенно Донцам. Вдали от каких либо ханов, сильные шайки Татар, а иногда и целые улусы, не определившие еще в разрухе своего места, насиловали и грабили немилосердно и своих и чужих.

Это, в конце концов, могло надоесть!

1) Устюжский летописный свод.

2) А. И. Ригельман. Повествование о Донских Казаках.

3) И. Ф. Быкадоров. История Казачества.

4) Там же.

5) А. И. Ригельман, как выше.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Т Р А Г И Ч Е С К И Й П Е Р Е Л О М

Мамай прошел. Тохтамыш. Сожженная Москва. Железный Хромец. Дон опустел. Черкасы жгут степь. Черкасия. Тохтамыш в Литве. Битва на Ворскле. Поражение Витовта. Литва подходит к казачьим юртам. Казачьи судьбы. На далеком севере. Вне закона. По прежнему в Поросье.

Переход на сторону Москвы стоил Донским Казакам очень дорого. Отступая вдоль Дона, войска Мамаея вознаградили себя за поражение на Куликовом поле. Они разгромили по пути все казачьи городки и поселки. «Пусто, словно Мамай грошел», осталась по этому поводу поговорка в народной памяти ¹⁾. Укрывались, где кто мог, но трудно было спастись перед сплошной стеной отступающей армии. Гибло достояние, накопленное трудами многих поколений, гибли и люди, не успевшие уйти с дороги грозного и безжалостного потока ордынских масс. Но и самого Мамаея в низовьях Дона ожидала новая катастрофа. Там он встретил своего соперника, хана Тохтамыша. Потеряв в сражении с ним остатки армии, Мамай бежал в Крым, где и был убит генуэзцами. После этого Тохтамыш низложил мамаева ставленника, хана Магомет-Булака, и сам занял его место. На некоторое время юг ордынской империи снова объединился под властью одного царя.

В это время Москва праздновала свою первую победу над Золотой Ордой. Сражение, в котором дерзание принадлежало московскому князю, а план боя и поражение врага — воеводе Боброку, своим блестящим успехом вызвало на Руси общее ликование. В поражении Мамаея видели признак полного ослабления и скорого падения власти ханов. Однако время окончательного торжества еще не пришло и

вскоре наступили дни тяжелых разочарований и военных неудач. В Москве появились послы нового хана с требованием послушания и дани.

Дмитрий не спешил с ответом, но почему то армии не собирал. Тохтамыш же, не теряя времени, прошел огнем и мечем по русским городам, захватил, брошенную князем, Москву и перевернул там все вверх дном, разыскивая скрытые сокровища бывших откупщиков дани. Возвращаясь в степи, он повел с собою несчетные толпы пленников.

На Русь вернулось уныние. Меньшие князья и бояре причитали, ожидая новых нападений: «мы несчастнее наших отцов, которым не приходилось бить Татар»²⁾. Возвратившись на пегелище Москвы, в. князь оплатил из своей казны расходы по погребению 24.000 трупов и принужден был покорно везти хану «выход».

Дону, еще не залечившему ран принятых от Мамаея, пришлось перенести второй разгром от ратей Тохтамыша. Казаки были вынуждены уйти за границы ордынских земель, покинуть свой родной край и искать пристанища на чужбине. Мирное сожительство с Татарами окончилось. «Казацьи земли были опустошены и обезлюдели окончательно», говорит А. И. Ригельман. И в самом деле, когда по Дону в Царьград глыл московский митрополит Пимен, взорам его свиты представлялись одни развалины казачьих городков. Безлюдную пустыню оживляли только дикие звери и лишь ближе к морю степь начала роиться толпами кочевников.

Тохтамыш оставался золотоордынским ханом недолго. Он имел дерзость вступить в борьбу с Тамерланом, владельцем Малой и Средней Азии, несмотря на то, что только благодаря его помощи получил престол в Царстве Дешт-и-Кипчак. В результате донским берегам пришлось пережить третье грозное нашествие.

Тамерлан (1336-1405) могущественный владыка обширных пространств и многих народов, не принадлежал к династии Чингисхана. Будучи только эмиром (воеводой), он добился власти благодаря личной энергии, уму и решительности. Не даром за ним сохранялось грозвище **Железный Хромец**. Соседние Татары за хромоту называли его **Аксак - Тимур**, что означало **Кривой Тимур**. По ирански же получалось **Тимур - лонки** и это имя увековечилось в истории, как Тамерлан.

Подобно Чингисхану, Тамерлан прославился в качестве непобедимого завоевателя, но политическим гением той же меры Железный Хромец не был. «Все пространство

населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей», говорил он. По его мнению, спокойствие необходимое для народов не возможно при наличии многочисленных и враждебных друг другу государств и стран. Однако, выступая таким доброжелателем человечества и проводя свою интернациональную философию в жизнь, сам Тамерлан уничтожил некоторые народы целиком, а из голов убитых, в целях устрашения, строил пирамиды.

В 1395 году, на берегах Терека, Тамерлан разбил полки Тохтамышша, рискнувшего поднять на него оружие. Розыскивая его потом на Дону, он дошел до русских пределов и завершил погром Казачьей Земли уничтожением Ельца. После этого войска эмира обернулись к Волге, сожгли Сарай и снова отошли к Дону.

У открытых ворот Азова к нему явилась покорная депутация от иноплеменных купцов. Тамерлан получил от них дары и милостиво выслушал просьбы о великодушном покровительстве. Но это мирное посещение сменилось налетом его войск. Мусульмане были ограблены и высланы прочь, а все христиане, которым не удалось бежать или скрыться на кораблях, оказались обречены на смерть или рабство ³⁾.

«Из Азова Тимур направился к Кубани. — пишет историк Золотой Орды. — Шереф ад дин Али Иезди рассказывает, что черкесы пожгли пастбища между Азовом и Кубанью. На протяжении 7-8 дней кони Тимура буквально бедствовали от отсутствия кормов. Разгневанный Тимур приказал отомстить черкесам и опустошить весь их улус. Кого подразумевает Шереф ад дин Али Иезди под черкесами? Повидимому, термин этот у него собирательный. Кроме собственно черкесов там были еще и другие горцы» ⁴⁾.

В добавление к этим словам русского историка следует припомнить, что в XIV веке страна Черкасия располагалась в гредгорьях и на северных склонах Кавказского хребта. В ее границы входили: горы Черноморского побережья, все Закубанье, кубано-терское междуречье и часть земель за Терекком. Жили в Черкасии народы и горские и равнинные: Абхазы, Цики - Адыге, Кабардинцы, Казаки - Казаровцы, Чичи, Ингуши, Аланы, Осы и др. Укрывшись здесь от Татар, они выходили иногда на равнину и общими силами отражали завоевательные попытки Золотой Орды. В записях современников все жители этой страны именуются одинаково Черкасами или Циркасами, что полностью соответствует Черкесам восточных авторов. Надо думать, их всех и имел ввиду Шереф ад дин Али Иезди.

После войны с горцами Железный Хромец возвратился через Кавказ в свои мало-азиатские владения, оставив на Волге подчиненного себе хана Темир Кутлука. Тохтамыш же, лишенный власти, бежал в Литву с остатком людей своего улуса. Недавно он подтвердил ханским ярлыком права Литвы на Чернигов и Курск, а теперь просил в князя Витовта помочь ему в борьбе за власть.

Витовту было наруку возвращение на сарайский престол дружественного ему хана. В этом случае за Литвой закрепились бы области, занятые ею во время татарской разрухи. Владения Литвы к концу XIV в. кончались недалеко от Москвы, а на юге распространялись на Киевское Поднепровье, Волынь и Подолию. Такое фактическое положение требовало еще формального признания Золотой Орды. Витовт избрал сторону Тохтамыша, не выдал его по требованию Темир Кутлука и начал готовиться к походу.

На его призыв сошлись: отряды удельных литовских князей, «западно-русское рыцарство» или белорусские и волынские бояре со своими дружинами, корпус Поляков, пятьсот тевтонских рыцарей - крестоносцев и главный виновник ссоры Тохтамыш с остатками Татар.

Когда войска собрались, Витовт пошел к Днепру и переправился на обычной татарской переправе между Черкасами и казачьим поселком Городище. Углубляясь в ордынские степи, союзные войска уверенно двигались вперед.

«Беглого нашего царя ты нам не выдал, а идешь на меня, — послал Витовту упрек Темир Кутлук. — Я, ведь, не нападал на твою страну.» Но на все попытки хана договориться, Витовт отвечал вызывающе гордо и продолжал поход дальше в степи.

Битва произошла на берегах реки Ворсклы (1399 г.) Татары нападали в рассыпном строю и потому новое оружие, несколько примитивных пушек, не причинили им урона и не произвело желанного впечатления. Когда Татары появились в тылу, построенная в сомкнутом строю, армия Витовта пришла в смятение. Началось бегство, во время которого погибла большая часть литовских полков. Сам Витовт сломя голову уходил от преследования Татар и поспешил скрыться за Днепром ⁵⁾.

Были ли в армии Витовта Казаки, принимали ли они массовое участие в страшной встрече на Ворскле — неизвестно. Днепровские Черкасы, так же как Донские Казаки, в то время много страдали от татарской разрухи, но и строй Литвы, подошедшей к Поросью, не таил в себе ни-

чего для Черкасов привлекательного. В стране царил произвол всякого рода и свойства. Страх и преклонение перед властью князей, бояр и их ставленников заменяли еще там все правовые нормы. Кроме князей никто не имел права владеть земельными угодьями. Помимо них земли нельзя было ни продать, ни передать, ни завещать. Пользование гашней, сенокосом, лесным угодьем требовало непременно согласия на то местного «государя». Власть князей основывалась на терроре, тюрьме, пытках. Если князь признавал поступок подданного достойным сурового наказания, он изрекал только одно слово: «повеся!» И не было больше спасения, осужденный должен был убить себя сам. А если он не решался выполнить над собой приговор, пробовал уйти, избежать казни, его, все равно, находила погоня и убивала карающая стрела.

В такой обстановке, действительно, вольные сыны степи не могли найти ничего заманчивого. Но, вместе с тем, с востока по гребню нависала татарская угроза, а Литва все ближе подходила к казачьим юртам с севера. Смелый, воинственный, но не достаточно сильный народ оказался замкнутым в какой то роковой круг. Рядом лежало свое Поле, но жить там было нельзя. Постоянная необходимость заставляла биться за чужие интересы. Нераз пришлось расставаться с насиженными местами, искать себе более мирных и удобных соседей или, покинув оседлость, вновь обращаться к кочевому быту, уходить прочь на поиски счастья. Одни пополняли казачий кошун в Крымской орде, ходили с крымцами в походы на Балканы, Польшу или Москву; другие, наоборот, шли в эту же самую Москву, чтобы помочь ей избавиться от Татар. Московия, отдаленный край, представлялась средоточием страдающих от иноплеменников единоверцев. Никаких обид в ту пору от нее Казакам переносить не приходилось, а предполагали они в ней сильный центр, вокруг которого, может быть, удастся собраться для сокрушения власти татарского насилия. ,

В эпоху назревания и свершения крупных перемен в степи, Донские и Днепровские Казаки, несмотря на территориальную обособленность, шли по одинаковым и сходящимся бытовым путям. Когда то тем и другим пришлось связать свои судьбы с жизнью монгольского государства. Роли, которые они выполняли в империи сначала, обеспечивали им равенство в правах и безопасность семей. Теперь же, когда государственный лад рушился в огне анархии, когда развязалась стихия произвола и насилия, а пра-

во сосредоточилось на острие шашки, Донским и Днепровским Казакам пришлось переносить одинаковые невзгоды.

На Дону, как известно, обстоятельства сложились совсем катастрофически. Три последовательных разорения заставили остатки Донцов рассыпаться по далеким окраинам Руси. Числа погибших при этом невозможно учесть. Ставши в ряды врагов Орды, Казаки уже не могли оставаться под ударами озлобленных Татар. Победа на Куликовом поле не принесла желанного мира. Наоборот, она послужила причиной еще больших несчастий: смерти, лишений, изгнания с родной земли. Теперь часть уцелевших Казаков искала спасения среди Мордвы и Мещеры. Другие проходили за рубежи Суздальской Руси, в северные владения Великого Новгорода или еще дальше, вплоть до берегов «Студенного моря».

Они шли на Север, привлекаемые его неограниченными промысловыми возможностями, его отдаленностью от тревожной кочевой степи. Там в богатых торговых и промышленных городах можно было остаться и на положении наемных воинов. Так и появились Казаки охранные и городовые наряду с Казаками судовыми, плотовщиками, промышленниками, охотниками за пушным зверем, рыболовами, солеварами и т. п. Все они слыли из поколения в поколение Сынами Тихого Дона, Донскими Казаками, хотя многие из них родились вдали от родной реки и никогда на ее берегах не жили. Лишь, задержавшиеся у истоков Дона в Рязанском княжестве, Донцы рисковали иногда посещать родные пепелища в Поле. Это было связано с большим риском. В татарском мнении Казаки стали не только неверными в смысле религиозном, но и бунтовщиками против установленной и узаконенной веками власти ханов. Каждый ордынец от нойона до босоногого пастуха считал своим долгом наказать изменника.

На Дону в XV веке, очевидно, Казаков не было. Венецианец Иосафат Барбаро, торговавший в Азове шестнадцать лет от 1436 года, в своих записках Казаков не упоминает. Под словом «казак» на Дону и в Персии тогда разумели богатий кафтан-казакин из дорогого материала ⁶⁾. Не видел Казаков на Дону и, проезжавший по близости в 1476 году, гутешественник Контарини. В то время вдоль Дона кочевали Татары со своими стадами ⁷⁾.

В городе Азове шла торговля невольниками. Поэтому вылавливание в степи всех зазевавшихся иноплеменников обратилось в очень распространенный и доходный промысел. Занимались добыванием ясыря и Татары и купцы «франки». Донские Казаки и Приазовские Черкасы обыч-

ным правом не охранялись. При встречах на землях Орды каждый мог безнаказанно их убить, взять в неволю, продать в рабство. Барбаро рассказывает случай, когда он сообща с Татарами напал на Черкасов, спавших в придонских зарослях. Они убили и взяли в плен около сорока человек.

Поселения Казаков на Днепровском «Низу», в отличие от донских, не лежали по пути опустошительных татарских походов на Русь. Кроме того, Черкасов связывали служебные отношения с крымскими ханами и потому им удавалось сохранять неприкосновенность своих юртов в Днепровско-Бугском клину, где уже три века протекала жизнь их предков. Теперь к ним вплотную приближались границы надвигавшейся Литвы. Их тревожили иные беды, но они оставались на старых местах и после окончательного падения Золотой Орды оказались чуть ли не единственными жителями литовских степных окраин.

1) Принятая в России форма поговорки, «Пусто, словно Мамай воевал», не оправдана исторически: там, где Мамай воевал, пусто не было, а было торжество Русских. На Дону говорили «прошел», а не «воевал».

2) Г. Лэмб. Победное шествие варваров и Тамерлан.

3) Там же.

4) Греков и Якубовский. Золотая Орда.

5) Г. Лэмб, как выше.

6) Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану.

7) Путешествия Амброзио Контарини.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

РАЗВАЛ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Восточная политика Витовта. Улус Тохтамышша. Глинск и Троки. Казаки в границах Литвы. Деление Царства Дешт-и-Кипчак. Василий II в плену. Служилые Татары. Русь ждет. Хан Ахмат и Иван III. Босоногие ордынцы. Конец «выхода». Наследники Золотой Орды. Украины. Снова фронтом к степи.

Побив Витовта на Ворскле, Татары ворвались в новые границы Литвы, заняли Киев и, получив незначительную контрибуцию ¹⁾, временно оставили там своего наместника.

На этот раз попытка вмешательства в отношения между ханами окончилась для Витовта неудачно. Но сделав орудием своей восточной политики династические распри Чингисидов, он пользовался ими не без успеха после смерти хана Темир Кутлука, умершего в 1400 году от злоупотребления алкоголем. В дальнейшем литовскому в. князю нераз удавалось утвердить свои влияния на ордынские дела. По его планам Орда должна была помочь Литве расширить еще границы за счет Москвы. Витовт продолжал поддерживать притязания Тохтамышша, а после того как хан погиб (1405), распростер опеку на его сыновей.

Некогда, после борьбы с Тамерланом и Темир Кутлуком, Тохтамыш отвел свой улус к границам Литвы и поселил его в, так называемом, Севере Сульском. Эти земли раньше принадлежали Золотой Орде. В нескольких городках уцелевших там сохранялись остатки жителей, повидимому не Славян, а поселенных здесь в свое время Финнов, Чуди ²⁾. Главными городами в улусе стали Глинск и Троки ³⁾. После смерти Тохтамышша его сыновья занимали ту же область и опирались на покровительство Витовта. В 1411 году при его помощи один из царевичей, Джелал ад

Дин, стал ханом Золотой Орды. Хотя Джелал ад Дин и недолго оставался на троне, в. князь литовский съумел использовать его возвышение и получил ханский ярлык на днепровские приобретения Литвы. Весь Север Сульский с землями и татарским населением со временем тоже перешел во владение в. князей литовских и стал называться княжеством Глинским. От Лексы, тохтамышева внука, пошел род князей Глинских.

После Кревской унии Литва должна была перейти на положение части, объединенного под одной короной с Польшей, двуединого государства, но Витовт вел самостоятельную политику и не допускал вмешательств польского короля в дела В. княжества Литовского. При помощи оружия и дипломатических мероприятий ему удалось создать обширную и сильную державу, земли которой раскинулись от Балтийского до Черного моря, а на востоке подходили под самую Москву на реках Угре и Оке.

В литовских рубежах оказались и все сохранившиеся казачьи городки по Роси, Десне, Сейму и другим степным рекам днепровского бассейна. В какой мере этому способствовали сами Казаки, не известно. Нет сомнений только, что от времени Витовта Казаки Поросьские, Переяславские, Северские и Путивльские сделался жителями княжества Литовского.

В это же самое время «смута в Золотой Орде, — по словам русского историка, — принимала все более хаотический характер, когда трудно даже установить, кого из соперничающих ханов надлежит признать действительно руководящей фигурой.» «Именно в этой обстановке и подняли головы вожди отдельных мелких татарских улусов. Центробежные силы в степи осуществлялись прежде всего через стоящих во главе их царевичей чингисидова рода.» «Пока Золотая Орда была сильна и внутри своей кочевой аристократии едина, она логко справлялась с разноплеменным по составу населением; когда же в ней наступили смуты и ее войска стали терпеть поражения, все чуждые татаро-монголам племена и народы радовались всякой неудаче этой власти и с надеждой на улучшение своего положения отрывались от нее» ⁴⁾.

Началось полное распадение единой раньше империи. В 1427 году царевич Давлет Берди, выйдя из подчинения Сараю, обосновался выше Перекопа и в Крыму. Вскоре после этого, в 1437 году, хан Улуг Махмет, потеряв власть в Орде, бросился со своей дружиной на север, захватил город Казань и, подчинив себе окрестные племена Мордвы,

Башкиров и Черемисов, укрепил Царство Казанское. От Русских он отобрал г. Белев и каждый год делал набеги на окрестности Москвы, Мурома и Коломны. Весной 1455 года под Суздалем к нему попал в плен сам в. князь Василий II. Освобождение его стоило подданным огромного по тому времени выкупа в 200.000 рублей.

Находясь в плену, Василий подружился с некоторыми мурзами и, возвращаясь в Москву, двух из них вывел с собою. Вместе с несколькими сотнями улусных людей, он привлек их на службу в качестве иноземных войск. Московиты нарекали на понесенные ими жертвы при сборе выкупа и жаловались, что в. князь, несмотря на эту жертвенность, «Татар и речь их любит сверх меры, а христиан томит без милости». Так Татары впервые появились на службе у московского государя.

В середине XV века Золотая Орда переместила свою столицу из неоднократно разрушенного Сарая в г. Астрахань. К этому времени под ее властью оставались только Дон, Нижнее Поволжье да берега Яика. Крым и Казань оторвались бесповоротно и постоянно враждовали со своим бывшим центром. Каждый из трех ханов, крымский, астраханский и казанский, считал себя наиболее законным наследником Джучидов и на этом основании все трое требовали от Москвы покорности и прежней дани. Однако подкрепить свои настояния силой оружия ни один не был в состоянии. Московия оборонялась от нападений, задерживала выплату дани и вела предусмотрительную политику: трепеща от мысли о возможности нового объединения своих поработителей, еще больше разжигала между ними рознь. Например, Иван III (1462-1505) вел дружбу с крымским и казанским ханами, направляя их вражду против астраханского. Дружественные ханы находили у московского в. князя благожелательное сочувствие и видимость покорности. Они получали от него нерегулярные подношения, «упоминки», а «выходы» доходили до ханов редко. Собранные с населения, они по большей части обращались в казну московского государя.

В 1483 году астраханский хан Ахмат попробовал устрашить Москву вооруженным нашествием. Он привел на р. Угру большую рать. Навстречу ему вышло сильное московское войско, но начать бой не решилась ни одна сторона. Ахмат не надеялся на стойкость ордынских воинов, а Иван опасался измены со стороны родственников и бояр. Не в силах он был преодолеть и внутренний трепет перед

Татарами. Враги простояли в бездействии до морозов и с началом холодов разошлись, каждый в свою сторону.

Татары в это время и не могли бы справиться со стойким сопротивлением. Амброзио Контарини, видевший их на кочевьях по дороге из Персии в Москву (1476 г.) записал: «Общее мнение склонно думать, что орда лишь с трудом могла бы выделить тысячу человек вооруженных мечами и луками, хоть и составляет огромное число людей. По большей части, это женщины, дети или босоногие мужчины без всякого оружия. Они считаются смелыми только потому, что совершают грабительские набеги на Черкасов и Русских. Их кони, которых у них не принято ковать, пугливы и дики не меньше своих хозяев. Совсем мало цивилизованными следует признать тех Татар, что живут между Танаисом и Волгой» ⁵⁾.

До 1502 года Золотая Орда, хотя и не регулярно, все еще получала из Москвы некоторое подобие дани. Только этот год считается временем окончательной ликвидации даннических отношений Руси с ханами, потому что к этому году погиб и сам Ахмат и все его сыновья. Прекратилась волжская династия, а с нею исчезло и понятие о Золотой Орде.

Золотая Орда распалась вследствие внутреннего разложения, без значительного воздействия со стороны объединенной Московии. На месте империи образовалось три самостоятельных центра монголо-татарской политической жизни: Царство Астраханское, Царство Крымское и Царство Казанское. Каждое из них оказалось иным по племенному составу.

Многочисленные еще недавно Астраханское и Крымское царства, в конце XV века, после смут, эпидемий и голодовок не были в состоянии занять кочевьями даже прежние ордынские юрты. Орды разошлись по приморским областям, покинув обширные степные пространства, широкую полосу земель прилегавшую к новым границам Литвы и Руси. Пустыни, примыкавшие непосредственно к занятым татарским областям, именовались у соседей Диким Полем, а те, что лежали вдоль границ Литвы и Руси, стали называться Украиной. На Украину, брошенную теперь Татарами, начали претендовать ее ближайшие соседи.

Литва заняла соседнюю Украину еще в XIV веке. Это было побережье Среднего Днепра, взятое от Татар вместе с Киевом, Волынью и Подолем. В Северной Украине В. княжество Литовское встретилось с Московией, которая также выступила в качестве претендента на золотоордынское наследство и продвигалась к Северскому Донцу и

вдоль берегов Верхнего Дона. От этого времени Северский край надолго делается ареной борьбы за преобладание в Восточной Европе между династиями Гедиминовичей и Рюриковичей, между Литвой и Русью.

Для правильного понимания актов того времени не следует забываться, что в XV веке географическое понятие Украина не выполнялось еще аналогическим этническим содержанием. То есть, «украинскими людьми» там считались не только остатки жителей Киевской Руси и переселенцы с Волыни, но и прибывающие сюда Белорусы (Литва), и Казаки уцелевших городов Поросья, и Татары тохтамшева улуса. Все они могли называться и малороссиянами по второму имени своего края — Малая Русь. Так же точно в наше время разноплеменные жители Западной Украины или Малой Польши в Речи Посполитой именовались малопольянами.

Поселения Казаков, не состоявших в ордах, в большинстве случаев располагались на рубежах опасных пустынь Дикого Поля, там же, где некогда кочевали и селились их предки Черные Клобуки. Таковыми были Поросье и днепровско-бугский клин за Поросьем, таковым был юг Северского края, где находились Казаки Северуки и Казаки Путивльские, таковыми были верховья Дона, куда к концу XV века непрерывным потоком начали возвращаться с севера общины Донских Казаков эмигрантов. Линия их новых поселений все глубже продвигалась в свободные просторы Поля, фронтом на Курско-белгородские степи. Рядом с ними двигались по рекам Посулья на встречу Казакам Поросьским — Казаки Северуки, в то время как днепровский «Низ» оставался на месте и вместе с Перекопскими и Белгородскими Казаками весь XV век находился в неоспоримой власти крымских ханов.

1) Устюжский летописный свод и Первая Новгородская летопись, самые близкие по времени к событию, называют суммы 500 рублей для города и 36 рублей для Печерского монастыря.

2) Повесть временных лет, 988 г.

3) На карте Авраама Ортелиуса *Theatrum Orbis Terrarum* 1570 г. город Троки обозначен там, где теперь стоит Нежин.

4) Греков и Якубовский. Золотая Орда.

5) Путешествия Амброзио Контарини.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

В ЛИТВЕ И ЗА ПОРОСЬЕМ

Около Киева. Литовская Украина. Казаки Поросьские и Северские. Белорусский язык. Литовские порядки. Литва и Польша под одной короной. Первые реформы. Казаки — литовские дворяне. Надднепровские пустыни. Литовско - татарская граница. Казаки Перекопские и Белгородские. Оселедец. Казачьи юрты на днепровском Низу и в Белгородских степях. Казачий улус. Казаки купцы.

В XV веке весь бассейн реки Днепра на север от города Черкасы уже принадлежал В. княжеству Литовскому. Кроме Черкас в границах Литвы оказались и другие казачьи городки в Поднепровьи и вдоль реки Роси. Пустынею еще лежал Черный Шлях, отделяя Поросье от редко населенной и разоренной Киевской области. Новые хозяева не обладали достаточными средствами и людским материалом для быстрого заселения опустошенных Татарами земель. Край оставался безлюдным. Только царственный Киев поднимался понемногу из праха, отстраивался и пополнялся новыми жителями, представителями власти, купцами, ремесленниками, а главным образом воинами. Возрождалось его прежнее значение торгового центра и столицы днепровских волостей.

Вся полоса новогрибренных от Татар, но еще органически не усвоенных Литвою, земель называлась в Польше, Сев. Руси и в самой Литве Малой Русью или Литовской Украиной. В XV веке это — еще очень неопределенное географическое понятие, без отчетливых границ и без ясного этнического содержания. Среди населения Литовской Украины польские акты различают, главным образом, Малороссиян или Русинов и Казаков, а русские, соответственно,

Литву, как народность, и Казаков - Черкасов. Границы Литвы в то время обнимали Казаков или Черкасов Поросьских, также как и всех Казаков или Черкасов Северуков, сохранившихся при Татарах за реками Десной и Сеймом. О последних вспоминает казачий историк В. Д. Сухоруков: «В древнем княжении Северском обретались свои Казаки, которых называли Северскими, Украинскими, Севрюками»¹⁾.

Таково было первоначальное распределение Казаков в В. княжестве Литовском.

В XV веке белорусский язык по всей Литве стал наречием принятым в быту и в правительственных учреждениях. Даже коренная литовская и жемойдская знать, князья и бояре, в большинстве принявшие гравославие, славянизировались полностью и пользовались белорусской речью в домашней жизни. На белорусском языке писались законы, акты, летописи и произведения литературы.

Казакам тоже издавна были знакомы славянские наречия и потому в их глазах Литва, после Татар, не представлялась немилостивой завоевательницей. К тому же Гедиминовичи приобрели некоторые мудрые навыки в управлении завоеванными областями. Они не старались изменять на свой лад местные обычаи.

«Литовской верховной власти была совершенно чужда тенденция к нивелировке областной жизни, — говорит русский профессор И. И. Лаппо, — да она и не имела для нее средств. В ее распоряжении не могло быть той развитой системы управления, с веками выработанными органами, которые в более новое время сделали возможным очень большое вмешательство центральной власти в жизнь областную. Сохранение старины получило даже значение одного из основных принципов для правительственной деятельности верховной власти Великого княжества Литовского: «мы старины не рухаем (т. е. не разрушаем), а новины не уводим (т. е. не вводим)», провозглашали великие князья литовские, подтверждая старые права земель, находившихся под их верховной властью»²⁾.

И действительно, первые сто лет Литва мало уделяла внимания новым далеким окраинам, ограничиваясь их обороной от татарских нападений да постепенным установлением там органов своего административного управления.

Общий строй жизни на окраинах не изменился и после того, как была подписана Кревская персональная уния (см. главу тридцать четвертую). Условия унии не отличались ясностью. Каждая сторона понимала их по своему. Поляки

считали центром объединения свою Польшу, а в подписанном акте видели только первый шаг к окончательному присоединению Литвы; великий князь литовский, ставши польским королем, тем самым как бы уступил польскому скипетру суверенные права своего княжества. Так обстояло дело по мнению польских влиятельных кругов. Но литовские удельные князья и бояре понимали Кревский договор, только как добровольный союз независимых государств, своего рода федерацию, а ущемленность грав Литвы признавали возможной лишь в общем законодательстве и во внешней политике. Объединенное государство не могло посягать на какие либо перемены во внутреннем порядке Литвы, не должно было нарушать ее границы или вмешиваться в ее дела; выходцы из Польши не могли занимать там какие либо должности в администрации, приобретать имения или заселять своими людьми коренные земли В. княжества Литовского.

Витовту, действительно, удавалось сохранять полную самостоятельность и при близких политических связях с Польшей оставаться независимым государем. Однако, сразу же после его смерти (1430 г.), польские магнаты начали с успехом преодолевать сопротивление Литвы. Пользуясь своей близостью к королям Ягеллонам, они приобретали все больший вес в литовских делах. Литвины противились им всеми силами.

Занятые скрытой борьбой, обе стороны долго откладывали пробы административных и хозяйственных реформ на далекой Украине. Некоторые новшества введены только через сто неполных лет после брака Ядвиги с Ягелло, перед лицом грозной опасности надвигавшейся с турецкого юга. В 1471 году король польский и в. князь литовский, как пишет историк Болтин, «княжение Киевское на воеводство переменял и всю Малороссию на поветы или уезды разделил, и из Малороссиян учредил Воевод, Каштелянов, Старост, Судей и других урядников, и Дворян всех из того Малороссийского народа честью и вольностью с польскими чиновными людьми и шляхтой сравнил» ³⁾.

С этого времени в Литве начинают появляться и Казаки, получившие за боевую службу «клеюнды» гербовой шляхты В. княжества Литовского. Таковых неоднократно вспоминают исторические памятники последующего времени. И хотя польская герольдика избегает прямых указаний на казачье происхождение многих своих дворян, его все же можно обнаружить, изучая польско-литовские

гербовые книги. (Род знаменитого Казака Богдана Зиновия Хмельницкого тоже печатался гербом Хабданк).

Реформа, проведенная в целях увеличения спаянности окраин с центром, мало изменила удельный или феодальный строй литовской Украины, так как воеводами остались княжившие там раньше Гедиминовичи. Мало изменила реформа и царящий там образ безлюдья и опустошения. Через два года после королевского универсала киевскими землями по дороге в Крым проезжал венецианец Контарини. Из Львова его везли по северной Вольни через Овруч, далеко от прямой дороги по Черному Шляху. «25 апреля, — рассказывает Контарини, — мы прибыли вечером в Житомир, город с деревянным замком. Выехав дальше на следующий день, мы гутешествовали до 29-го включительно через леса полные опасностей, т. к. там бродило множество всякого рода людей недовольных и мятежных. По дороге не встречались поселения для ночлега и потому пришлось спать в лесу голодными. Так что я все ночи был настороже. 30-го апреля мы добрались до Белгорода, где в больших неудобствах иногда проживает король» ⁴⁾. Таким образом, даже поблизости к Киеву, между Житомиром и Белгородом, тогда еще не существовало отстроенных деревень и сел. Киев тоже стоял разрушенным и потому квартиры полученные там путешественниками оставляли желать лучшего. Зато продукты выданные им отличались хорошим качеством. Здесь Контарини должен был ожидать несколько дней прибытия литовского посольства, с которым вместе и отправился дальше в Крым. У города Черкасы лежала литовская граница и отсюда к Перекопу их сопровождал уже конвой крымского хана.

Ту же картину опустошения рисует «Записка» Герберштейна, посетившего Киев в первой четверти XVI столетия: «В семи милях от Черкас, вверх по Днепру, стоит город Канев, от которого в восемнадцати милях — древняя столица Руси Киев. Его величие и царственный облик сохраняется в поверженных памятниках и развалинах, которые все еще не восстанавливаются из руин» ⁵⁾.

До XVII века Киевское воеводство оставалось «надднепровской пустыней», как его нераз называют польские акты. Боплан, французский инженер в службе польского короля, утверждал, что плодородные земли вдоль Днепра заселены выходцами из Польши только при нем между 1620 и 1638 годами ⁶⁾.

Редко населялась и прежняя граница Золотой Орды. В широких степных пространствах здесь одиноко возвышалось несколько казачьих городов, Канев, Черкасы, Белая

Церковь, Хмельник, Торговица, за которыми на юге начинались владения крымского хана. Однако было бы ошибкой думать, что в XV столетии у этих городов пролегал последний рубеж казачьей оседлой жизни на Днепре. Хроника Мартина Бельского и договорная грамота Менгли Гирея (см. стр. 210) дают отчетливые указания на пребывание Казаков и в ордынских степях в качестве постоянного населения или в качестве служилых общин, из которых по актам известны Казаки Перекопские и Белгородские. Более поздние подтверждения этому находятся в двух грамотах из польских государственных архивов.

Первая грамота, с датой 24 августа 1510 года; в ней от имени короля Сигизмунда Старого окраины Польши предупреждаются о предполагаемом нападении небольшого отряда, состоящего из Казаков Перекопских и некоторого числа белгородцев. Во второй же, датированной годом 1516, новый хан Магомет Гирей оправдывается перед королем в нападении на Польшу Белгородских Казаков, которые не слушают его приказов и, как раз, избрали себе вождем его врага царевича Алика. «Польские же летописцы, — пишет историк Кароль Шейноха, опубликовавший содержание приведенных писем, — говорят об этом нападении, что было оно затеяно одними белгородскими молодиками, самыми отчаянными «молойцами», которые отличались особенным и им только свойственным стрижением головы», а именно: «оставляя на макушке чуб, закручивают его за уxo» ⁷⁾. По такой отчетливой примете, как «оселедец», легко узнать будущих основателей Сичи Запорожской, особенно сопоставивши ее с другими свидетельствами той эпохи.

В XV веке все низовые Казаки состояли в каких то, еще не совсем ясных, отношениях с крымскими ханами. В обстановке вечного ордынского бунта рискованно было бы называть их подданством. Скорее, связывала их с Крымом традиционная договорная служба. При этом днепровский Низ должен был находиться в распоряжении Казаков, как закрепленный за ними юрт, где располагались их семьи и стада.

Богатых пастбищ в Крыму было мало. Поэтому там кочевала только часть подданных ханства. Главные пастбища лежали вне Крыма. Хотоны Перекопской орды занимали степи между Азовским морем и Днепром, Буджакская орда владела Забужьем до Днестра, а в распоряжении Малого Нагая находилась часть равнин Сев. Кавказа. Крыму принадлежал и днепро-бугский клин от моря до рр. Синюхи и Тясьмина ⁸⁾, но источники не указывают там ни од-

ной татарской орды. Следовательно там безраздельно господствовали Казаки. Литовские князья, восстанавливая замки на Подольи, тоже не пытались проникнуть далеко за Ю. Буг, в бесспорно ордынские земли. Здесь раньше проживали Черные Клобуки — Торки, Берендеи, Бологовцы; здесь же оставались и их потомки: проживавшие повсюду за Поросьем, Запороськие Казаки, или еще дальше за порогами — Запорожские Казаки. Летней ставкой крымских ханов Гиреев служил Ислам Кермень (по казачьи — Аслан городок), построенный в ста километрах от Перекопа на одном из днепровских островов. Совершенно естественно, что степи правобережья оставались в распоряжении их дружинников — Казаков.

Раннее присутствие наших предков на днепровском Низу подметил и русский профессор М. К. Любавский. Он «высказал предположение, что зародышем Запорожской Сечи была крупная казацкая артель, промышлявшая за порогами вблизи татарских кочевий и следы ее он находит уже в конце XV века» ⁹⁾.

Казачья община, обнаруженная профессором Любавским за порогами — открытие удачное, неудачно только примененное к ней имя артели. Невозможно допустить, чтобы Татары позволили беспрепятственно промышлять на своей земле, да еще «вблизи татарских кочевий», какой либо посторонней артели. Поэтому речь может идти только о скоплении Казаков местных, о «своих людях» для Татар, о казачьем улусе. Так его называли и сами Казаки в предании о первых запорожцах казарского рода: «Он, Семен, приехатчи со своими Казаками и стал жить на очаковской стороне при реке Днепре особливым улусом, а после оных Казаков много приумножилось» ¹⁰⁾.

XV век — время усиленного движения Казаков промышленников по Днепру в новых границах Литвы. Скотоводы, охотники и рыболовы они продвигались из Северщины к югу, а от Черкас и Канева поднимались вверх по степным рекам и Днепру. Один из польских авторов пишет о Казаках: «Это были люди приезжавшие в Киев со степей, с юга или с севера, но всегда от Днепра. Часть из них занималась торговлей и для этого они посещали Киев. Другие в степях жили охотой и рыболовством» ¹¹⁾. В Киеве для них даже существовало, сохранившееся в актах, отличное имя — купец К а з а к. Регулярное промысловое движение Казаков, постоянное посещение киевского рынка и вызвало обложение их торговыми пошлинами в 1499 году.

Так обстояли казачьи дела в границах В. княжества Литовского. Низовцы в это время, до последнего десятилетия XV века, сотрудничали с войсками крымского хана и были заняты преимущественно промыслом военным. Их земля, занятая еще Батуханом, до сих пор считалась собственностью татарской орды.

1) В. Д. Сухоруков. Историческое описание Земли Войска Донского.

2) И. И. Лаппо. Западная Русь и ее соединение с Польшей. Точный перевод белорусского понятия «не рухаем» будет «не трогаем».

3) И. Болтин. Примечания...

4) Путешествия А. Контарини.

5) С. Герберштейн. Записка о русских делах.

6) Г. Боплан. Описание Украины.

7) К. Шейноха. Два года нашей истории.

8) По Белградскому миру русская граница подошла с севера к этим рекам. Сичевой Низ оставался южнее. Только тогда (1740 г.) Турки признали эту часть владений крымского ханства собственностью казачей сичевой республики.

9) Проф. В. Ключевский. Курс русской истории.

10) А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой России.

11) Мариан Дубецкий. Казатчина.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ОКОЛО МОСКОВИИ

Московская Украина. Городецкие Казаки. На помощь Московии. Казки в летописи. От Волги до Белого моря. Вотчина в. князя московского. Слуги — холопы. Холопы — князья. Служилые Казаки. В родном Поле. Бездомные и бездольные. На гранях Дикого Поля. Северские «уходы».

Московия имела свою Украину, так же как и Литва. В русских актах XVI века она указывается, как пограничная полоса, пролегавшая от Земли Северской через Курск и Верхний Дон к Мордовии. Дипломатический курьер Заня Зудов в 1515 году доносил в. князю: «Пошли, государь, отселе из Азова, Казаки Озовские под твою отчину на Украину под Мордву». Вспоминаются также «украинские татары» из Мордвы.

После исхода с Дона в результате Куликовской битвы, Казаки не рискнули задержаться на близкой к Татарам Украине. Большая их часть ушла к северо-востоку, где многие остались у поселения Городец на Волге, между Московией и Царством Казанским. Поэтому они и назывались после Казаками Городецкими. Оказались Казаки и еще дальше в областях новгородских и даже в вотчине Соловецкого монастыря. Казаки обходили Московию с востока и первые пол века эмиграции русские акты и летописи ничего о них не вспоминают. Только около половины пятнадцатого века они снова появляются в поле зрения Руси. Первый раз говорит о них летопись в 1444 году.

В этом году осенью погорела южная степь. Татарские стада гибли от голода. Когда начались жестокие морозы, царевич Мустафа решил искать убежища для своего улуса среди рязанских земледельцев. Но здесь его подданные

вели себя не так, как бы подобало терпящим бедствия соседям, а как немилостивые напастники: грабили, насиловали, уводили людей в неволю. Русские князья выправил против Мустафы войско и тут на помощь москвитам пришли Городецкие Казаки, вместе с мордовскими лыжниками. Общими силами Татар изгнали, а царевич Мустафа пал в бою ¹⁾. Здесь впервые после Куликовской битвы Казаки, уже будучи на чужбине, возобновили военное сотрудничество с Русью. Вскоре некоторое их количество включается в общий строй московской жизни на традиционных ролях военно-служилых общин. На юг стали возвращаться и Казаки, ушедшие, было, на далекие северо-восточные окраины Московии. Казачий историк В. Д. Сухоруков, просмотрев русские и донские архивы, сделал вывод, что «к числу украинских городов, в коих поселенные Казаки именовались в то время Городецкими и Донскими, следует причислить: Пронск, Рязск, Козлов, Лебедянь, Епифань, Сапожков, Михайлов, Воронеж, Елец, Ливны, Чернявск, Донков, Чернь, Новосиль». «В 1468 году были Казаки и в Москве» ²⁾, добавляет он. Действительно, в указанном году, по летописи, в. князь послал «с Москвы к Галичу Руна с Казаки» ³⁾.

Следовательно, между 1444 и 1468 годами Казаки договорились о службе с московским в. князем, и какое то количество воинов переселилось в Москву. Позднее они появились и в порубежных русских городах, перечисленных В. Д. Сухоруковым.

Однако в Московии собралось далеко не все население Верхнего Дона. В то время казачьи общины разной численности можно было встретить повсюду от Волги до Камы и Белого моря. Леса по Каме, Вычегде и Северной Двине обладали притягательными свойствами: они лежали далеко от Татар и изобиловали пушным зверем. Казаки оставались там долго.

Каждый в эмиграции устраивался, как хотел. Крепкие прежде связи общегития оказались нарушенными. Одни шли служить с оружием князьям и правителям вольных городов, другие собирались в промысловые и рыболовные артели, третьи промышляли в одиночку. Неудачники неразделались жертвой различных случайностей, перебивались со дня на день, должны были мириться с горькой судьбой.

Северная Русь в эту эпоху успешно шла к ликвидации удельной раздробленности и выросла в обширное централизованное государство. Победной рукой в. князья московские присоединили к своим владениям вольные горо-

да - республики Новгород и Псков с их пригородами, так же как и близлежащие уделы родственников, сохранявших до сего времени независимость. Но и объединенная Московия оставалась таким же великокняжеским поместьем, «вотчиной», как и поглощенные ею мелкие уделы. Каждый слой населения продолжал выполнять прежнее трудовое назначение. Главной и общей целью деятельности, после удовлетворения личных потребностей подданных, была польза державного хозяина. Основная масса населения занималась сельским хозяйством, но собственной земли земледельцы не имели. Вся она принадлежала в князю, его родственникам и боярам, из которых слагался правящий аппарат страны и набирались кадры высших военных начальников. Значительными вотчинами владели также епископские кафедры и монастыри, где духовные владыки ставили управителей, имели своих подданных, писали для них законы, уставные грамоты, и создавали военно-служилое дворянство.

В Московии все жители считались «людьми» в князя или, по определению проф. Платонова, «подданными князя в нашем смысле этого слова, то есть находились в принудительной от него зависимости» ⁴⁾. При вотчинном строе все они были слугами или холопами своего государя, иначе говоря, самим рождением предназначались к безропотному выполнению его воли и каждого его поручения.

В точном разумеении понятия «холоп» заключается особый интерес, потому что Казаки неоднократно так именуются в московских актах.

В древней Киевской Руси, судя по первоначальным правовым кодексам «Русским Правдам», холоп по общественному положению близок к невольнику, рабу, но уже и тогда, по мнению русского историка-социолога, «при внимательном отношении к употреблению в „Правдах“ термина „холоп“, придется сделать вывод, что термин „холоп“ не всегда тождествен понятию «раб» ⁵⁾.

С течением веков термин «холоп» совершенно перестает отвечать понятию «раб», а «приобретает характер средневекового серва», т. е. слуги, подданого. «Холопы в XVII веке, — по словам того же историка, — в подавляющем своем большинстве иного происхождения и не связаны с патриархальным рабом киевского и докиевского периодов».

Историк Н. Костомаров считает, что на Руси Московской «холопами в обширном смысле назывались все те, которые были обязаны какою нибудь службой другому лицу. В этом отношении и бояре, и князья писались царскими холопами» ⁶⁾.

Таким образом, холопами московского государя считались все свободные жители Московии, от подчиненного ему русского или татарского князя, представителя высшей боярской знати до «чернопашенного» государственного крестьянина. От них отличались «кабальные холопы», бывшие свободные люди, запродавшие по «кабале» свои услуги какому либо хозяину ⁷⁾. Они тоже слуги, но слуги годневольные. Земледельцы, «черный, мизинный люд», именовались «сиротами» или «смердами», а не холопами.

Попав в границы Московского государства и оказавшись частью хозяйственной системы страны, вотчины в. князя, Казаки тоже должны были принять на себя выполнение каких либо определенных обязанностей. Древняя традиция указала для них привычную роль служилых воинов и, таким образом, часть Казаков стала слугами в. князя или по московским понятиям его холопами.

Казаки Северские, Путивльские, Рязанские и Верховые Донские приняли на себя охрану южных московских рубежей, а их «городовая» гарнизонная служба и «станичная» разведывательная непосредственно переплетались с промысловой деятельностью тех же казачьих обществ. Вышедшие от них артели вооруженных промышленников приносили со своих степных «уходов» на Диком Поле неизменно ценные сведения обо всем, что делается в глубине Причерноморской равнины. «В XV веке, — говорит профессор Ключевский, — ходили в степь для рыбного и звериного промысла. Люди отважные и бедные, эти вооруженные рыболовы и зверогоны получали средства от местных торговцев, которым и сбывали добычу».

Проф. Ключевский вспоминает и другие казачьи положения, известные по актам внутренних московских областей. В некоторых случаях Казаки представляются как бездельные «гулящие» люди, не приписанные ни к какому обществу.

Действительно на Москве попадались и такие. Но, нужно думать, стремление избежать закрепления припиской к какому либо обществу имело свои резоны. Прежде всего, ни одно общество на Руси не было *своим*, свободным казачьим обществом, приписка же к чужому «миру» замыкала в тесный круг малых прав и больших обязанностей. Круговая порука так же как коллективные рабочие и годатные повинности наглухо привязывали каждого селянина или горожанина к его коренному обществу. «Мир» старался не отпускать от себя плательщиков, так как их уход возлагал на плечи оставшихся лишние платежные повинности. Интересы «мира» здесь совпадали с интересами дер-

жавного хозяина вотчины: и тот и другой были заинтересованы в малой текучести населения. Образ людей свободных, независимых, не приписанных ни к какому обществу, вызывал подозрения, недоброжелательство, как если бы это был некто из леса с кистенем. Отсюда — гренебрежительное прозвище — «гулящий».

Казаки избегали кабалы «мира» не меньше, чем кабалы боярской. Во дворах вотчинного боярства тоже возникала постоянная угроза потери личной свободы, висела над головой кабальная запись. И Казаки, избегая дворянских усадеб, в тяжелые дни неудач шли на работу к крестьянам. В этом положении они получали пропитание без риска попасть в кабалу. О таких и пишет профессор Ключевский, что в XVI веке «казаками звали наемных рабочих, батрачивших по крестьянским дворам, людей без определенных занятий и постоянного места жительства». Для центральных областей Московии это состояние, как наиболее частое среди Казаков одиночек, инвалидов или неудачников, запечатлелось в актах ⁸⁾. Но у того же профессора можно найти и другой образ наших предков. Это Казаки промышленники, Казаки помещики или Казаки дворяне, сотнями «вербованные» в «дети боярские».

Бывали, конечно, положения и похуже: похолопление у бояр, обращение в дворовых слуг, кабальные записи, а то и полное падение до уровня «сироты», смерда. На чужбине медом не кормят!

Следует только подчеркнуть, что Казаки в Московии и на ее Украине, судя по актовым данным, не составляли единого обособленного сословия или класса. Их можно было встретить там в любой среде, в разнообразных званиях и состояниях.

К этому времени, вероятно, классовая дифференциация уже коснулась и их служилых общин. Но она создавалась только державною волею хозяина Московской вотчины. Нормальный же ход социальных процессов еще не был в состоянии поломать, укоренившееся в сознании казачьих масс, понятие о всеобщем равенстве перед Богом и общиной.

Так, в основных чертах складывалась жизнь Казаков внутри Московии и на ее окраинах.

В 1503 году, побив Литву на р. Ведроши, Москва отобрала от нее Путивль, Новгород Северский и Чернигов. Перешли к ней и поселения Казаков Путивльских или Северуков. У края Московии Северуки встретились с Донцами. В связи с этим прекратилась возможность враждебных

столкновений по стороне противоположных и вечно воюющих лагерей, московского и литовского. Началось боевое сотрудничество тех и других по обороне против татарских вторжений.

Теперь Казаки размещались непрерывной широкой полосой на северных границах Дикого Поля. На юг от них раскинулись широкие степи, Белгородские и Донские, где в XV веке еще господствовали ордынцы. Охрана от них легла почти целиком на глечи местных Казаков. Как некогда их предки Черные Клобуки, они должны были следить за всяким движением на Поле, а их «станции» непрерывно высылали сторожевые заставы и разъезды вглубь степи. Кроме того, далеко впереди от их «линии» находились вооруженные артели Казаков промышленников, от которых тоже шли постоянные вести о поведении Татар. Применительно к концу XV столетия пишет о них современник, польский монах Матвей из Мехова: «они живут добычей, никому не подчинены и ездят по обширным и густым степям отрядами в три, шесть, двадцать, шестьдесят человек и больше»⁹⁾.

Казаков в степи и на подступах к ней было полно повсюду. «Недаром, посылая своего слугу к Ивану III, Менгли Гирей опасался, что его посольство, «когда в Русскую землю войдут, к тебе, брату моему, не дойдут из за Севрюков»¹⁰⁾.

Не закрылись для Казаков и пути днепровские. «Связи северских уходов, расположенных по Суле и Ворскле, с Посемьем были столь прочны, а власть в князя литовского в Глинщине и рядом лежащих землях была в такой мере номинальной, что Севрюки продолжали беспрепятственно направляться на свои «ухожай», где они встречались с украинскими Казаками, приходившими из Канева и Черкас.» Реки Псиол и Ворскла в Литве считались принадлежащими Казакам правого берега Днепра, а после учреждения староства Черкасского, вошли в его состав.

1) В. В. Мавродин. Образование единого Русского государства.

2) В. Д. Сухоруков. Историческое описание Земли Войска Донского.

3) Устюжский летописный свод. Боярин Иван Дмитриевич Руно был видным московским воеводой. Летопись вспоминает его и в других местах.

4) Проф. С. Ф. Платонов. Учебник русской истории.

5) Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 160.

6) Н. Костомаров. Бунт Стеньки Разина.

7) Кабальная запись — акт, передающий какому либо лицу в возмещение долга право на труд подписавшего его должника. Записи давались бессрчные или на ограниченное время и обязывали службой на полном содержании хозяина.

8) Недавно многие из русских эмигрантов в Югославии жили работою у состоятельных крестьян. Хозяева говорили: имам Руса. Если это выражение попало в несколько современных записей и актов, то, по примеру профессора Ключевского, будущий исследователь мог бы сделать вывод, что в Сербии русами «назывались наемные рабочие, батрачившие по крестьянским дворам». Конечно, в том случае, если бы он тоже хотел скрыть истину.

9) Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях.

10) В. В. Мавродин. Образование единого Русского государства.

11) Там же.

ГЛАВА Сороковая

В Черкасии

В плавнях Приазовья. Азовские Казаки. Свидетельство Матвея из Мехова. Пятигорские Черкасы. Цики Герберштейна. Черкасы — территориальное прозвище. Георгий Интериано. Цики христиане. Посещение церкви. Одежда. Конусообразная шапка. Чуб — оселедец. Щедрость знатных. Борьба с Татарами. Турки. Религиозное воодушевление победителей. Секайдар. Толпы фанатиков. Уничтожение христиан. Гремуч. Бибердий — преданный Богу. Рожденная непримиримость. Борьба за Крым.

Кровавые насилия ордынцев принудили часть Казаков уйти с Поля и искать убежища вне досягаемости ханов и их подданных.

Пороським Черкасам посчастливилось оторваться от разваливающейся империи вместе со своей областью. К XV веку они вошли в границы владений в. князя литовского. Судьбы Верховых Донцов сложились много грознее: после трех разорений им пришлось покинуть свою Реку и искать спасения на севере. Там они разместились вдоль восточных окраин славяно-русских государственных образований. Таким образом, и те и другие после долгих мытарств оказались в стороне от борьбы враждующих татарских улусов. Кое как удавалось сохраниться и тем нашим предкам, что своевременно успевали скрыться в плавнях и на островах Приазовья.

Для XV века свидетельства о их пребывании при берегах древней Меотиды необычайно скупы, но и здесь, как во многих других случаях, недостаток источников ранних с избытком покрывается изобилием актового материала времен более поздних. Уже начало XVI века приносит указания на Азовских Казаков в летописях и многочисленных

актах. Для середины же пятнадцатого — можно видеть только намек на Азовских Казаков в туманном рассказе Георгия Интериано о жителях Приазовья. Он пишет: «Большая часть их страны имеет вид болота, густо заросшего аиром, из корней которого добывается душистое вещество. Болота начинаются от реки Тана и тянутся до реки Ромбит или Копа, образуя множество проливов и рукавов»¹⁾. Среди этих болот и зарослей, по его рассказу, Цики нападали на местных жителей, забирали их скот, а захваченную при этом молодежь продавали в Каир. Так как в конце того же столетия Азовские Казаки появляются с указанных Интериано берегов, имеется полное основание предполагать, что итальянец писал об их предшественниках. Но тогда их со всех сторон окружали враги и им грозили в удел обиды, бесправие и жизнь на чеку. Если же принять в расчет, что Приазовье входило как часть в страну Черкасию, можно его жителей угадывать и под именем Черкасов.

О таких Черкасах, «русских» по происхождению и по языку, живших южнее бывшей Алании, пишет, например, польский монах Матвей из Мехова: «Дальше к югу есть еще кое какие остатки Черкасов. Это весьма дикий и воинственный народ, по происхождению и языку русские». «К югу, по направлению к Каспийскому морю лежат горы Иберии и Албании, которые у русских называются по имени народа Пятигорские Черкасы, то есть, приблизительно, Черкасы Пяти гор. Среди этих же гор живут газарские племена, которые по словам... моравской легенды обращены были в веру Христову святыми братьями Кириллом и Мефодием». «По соседству с ними находятся племена Черкасов и Мингрелов. Все это христиане греческого обряда, обращенные св. Кириллом»²⁾.

Матвею Меховскому вторит его современник, посол германского императора в Московию, Сигизмунд Герберштейн: «Абазги живут вдоль реки Купа, впадающей в Меотийское болото. Там же, где горы встречают Мерулу, текущую в Черное море, они населены Черкасами или Циками. Этот народ, надеясь на неприступность своих гор, не оказывает послушания ни Туркам, ни Татарам. Русские утверждают, что это христиане, что они живут независимо, по своим собственным законам, а церковную службу выполняют по греческому обряду на славянском языке, которым они, собственно, и пользуются главным образом в жизни. Они по большей части смелые пираты. Спускаясь по рекам со своих гор, они грабят на море, чьи придется, ко-

рабли, а особенно купцов на пути между Кафой и Константинополем» ³⁾).

Из этих свидетельств явствует, что среди жителей Черкасии в свое время укрылось множество славяноязычных беженцев из равнинного Приазовья и с Дона. Это древние Казары (по Матвею — Газары), которые в эпоху близкого сожительства с горцами приобрели общее с ними имя Черкасов. Впоследствии они разнесли его по всему степному юго-востоку Европы. Черкассы для них не национальное имя, а территориальное сборное прозвище, по происхождению неразрывно связанное со страной Черкасией. В основе своей оно принадлежало исключительно бывшим жителям Северного Кавказа.

Амброзио Контарини, проезжавший через Русь в 1474 году, указывает Черкасию между Дагестаном и Мингрелией, вдоль всего Кавказского горного хребта. Таким образом, в ее границах помещались и прикубанские поселения Циков, вместе с Черкасами языка славянского, о которых вспоминает Герберштейн. Там помещает казачьи улусы и ранний русский историк И. Болтин (см. стр. 174). Он же сообщает о случае, когда татарский баскак вывел к себе на службу Казаков из Пятигорья. Еще раньше Болтина историк В. Н. Татищев пишет о Пятигорцах, храбрых людях одного языка с Русскими, обитавших в его время на старых «киммерийских» местах. Предыдущие поселения Гребенских Казаков, как записал А. И. Ригельман со слов старожилов, находились там же, вблизи Пятигорья (см. стр. 153). Из этого следует, что под известной частью Пятигорских Черкасов или Пятигорцев Русские понимали коренных Терских Казаков. По русским записям стали известны также Черкасы Днепровские и Донские.

Итальянец Георгий Интериано, живший в Черкасии около середины пятнадцатого столетия, вернувшись в Италию, написал небольшое сочинение «Жизнь и поселения Циков, именуемых Черкасами». Оно представляет некоторый интерес и для истории казачьей, так как дает образ среды, в которой приходилось возвращаться нашим предкам, иногда целые эпохи.

«Цики, — пишет он, — называемые так на разговорном латинском и греческом языках, у Турок и Татар известны как Черкасы, а сами себя именуют Адыгаи». Страна Циков, по словам Интериано, занимала Азовско-Черноморское побережье на протяжении пятисот миль, начиная от Дона и до Грузии, а вглубь материка простиралась на восемь дней пути.

Цики исповедывали христианство, причем богослуж-

жебные книги и священников получали от Греков. Обряд крещения у них совершался над детьми в возрасте восьми лет или даже старше. Несмотря на запрещение религии, Цики не гнушались многоженством и выполняли некоторые языческие обряды, особенно при погребении покойников.

Во главе племен стояли знатные, владетельные князья, которые не признавали над собой ничьей власти, кроме власти Бога, хотя в некоторых случаях, очевидно, объединялись против общего врага. Они пользовались у подданных большим авторитетом. Благородные проводили большую часть времени на охотах, в воинских утражнениях или в набегах на соседних Татар. Князья и воины до шестидесятилетнего возраста не входили в храмы, а присутствовали при богослужениях у паперти и обязательно верхом на лошади. Живя в грехах, промышляя корсарством, принимая участие в убийствах, они не решались преступать порог святыни, чтобы не осквернить ее своим присутствием. Церковь начинали посещать только после 60 лет, грекратив разбойную жизнь.

Платье их в основе было таким же, как в наше время у горцев или Кавказских Казаков: бурка, бешмет, ноговицы. «Их верхняя одежда сделана из войлока на подобие церковной ризы и носится открытой с одной стороны, чтобы не стеснять движения правой руки. Шапка их тоже из войлока конусообразной формы. Под плащем одевают, так называемый треличчи, шелковый или полотнянный, собранный от пояса мелкими складками, на подобие древних римских одеяний. На ногах носят широкие шаровары, льняные чулки, ноговицы и сапожки очень изящные, пригнанные для обувания поверх ноговиц. Носят длиннейшие усы. На поясе в кожаной сумочке, сделанной и вышитой руками жены, имеют постоянно огниво и бритву с оселком. Ею бреют друг другу голову, оставляя на макушке длинный гучек волос в виде косички. Это, по словам некоторых, делается для того, чтобы убийца мог ухватить отрубленную голову за волосы и, таким образом, лицо убитого не было бы обезображено и выпачкано окровавленными и мерзкими руками врага.»

У Циков очень восхвалялась щедрость. Они, не долго думая, дарили свою вещь каждому попросившему ее. В силу такого обычая благородные почти всегда были одеты хуже своих подданных. Всякий раз как они одевали новые одежды, кто либо выражал желание иметь такие же. И если бы знатный человек проявил свое нерасположение расстаться с вещью, он покрыл бы себя несмываемым позо-

ром. На каждую просьбу он должен был снять обновку и отдать ее просившему, а взамен получал «ловику» (рубашку) бедного гробителя, почти всегда ветхую и грязную. Не принято было дарить только обувь, оружие и коня. Ценность этих трех вещей составляла предмет их гордости. Знатные не представляли себе более драгоценного сокровища, чем хороший конь и нераз отдавали все дорогое, что имели, лишь бы его приобрести. Если же им случалось добыть золото или серебро, то они его расходовали на отделку седла и на украшение оружия.

Цикам почти ежедневно приходилось сражаться с Татарами, которые, по словам Интериано, окружали их со всех сторон. Делали они также набеги на крымцев, особенно зимою по ледяному покрову моря. Если им удавалось замануть противника в дикие места среди болот, льда и снега, они всегда выходили победителями, так как отличались большим чем Татары упорством и выносливостью. Гостей, даже совсем незнакомых, Цики принимали любезно, располагали с удобствами, угощали и охраняли, провожая в дороге, не считаясь с собственным риском.

Жить в каменных стенах благородные считали позорным проявлением трусости. Поэтому свои дома они строили только из дерева, камыша и соломы.

Покойников хоронили в гробах, выдолбленных в древесных колодах. На могилах насыпали холмики, высота которых зависела от степени любви и почитания памяти умершего ⁴⁾.

Отражение некоторых адыгейских обычаев, указанных Интериано, проявляется в жизни Черкасов Днепровских и Донских. Форма их одежды и головного убора находит свое соответствие у Донцов. Во время Татар на Дону сохранялись еще скифские шапки, «сделанные из войлока, по своей форме очень схожие с головой сахара» (см. стр. 204), а до последнего времени носились широкие штаны и бешметы, застегивающиеся справа на лево, так же как это принято и в «треличчи» горцев. Тоже касается обычая Запорожских Черкасов сыпать холмы над могилами и, особенно, **оставлять на бритой голове чуб — оселедец.**

Такие черты сходства не поражают своей неожиданностью, так как известно, что часть наших предков во время Интериано жила в близком соседстве с описанными им Циками; там, где кончались кубанские поселения Циков, в Пятигорьи или Бештау, ниходились Черкасы Пятигорские, казачьи общины геремешанные с общинами горцев.

Жизнь в северо-кавказских предгорьях и в азовских плавнях не создавала условий мирного процветания. И тут Казакам приходилось вести суровую борьбу не только за благосостояние, а просто за право жить. Годы грохотали в непрерывной войне с Татарами, плечем к плечу с кавказскими узденями-дружинниками. Только деление Золотой Орды и окончательное ее ослабление в XV веке отразилось на напряженности отношений между жителями гор и степными улусами. Перед Черкасами стала открываться широкая степь, но тут же Кавказу пришлось перенести ужасы нашествия Турок.

Кавказский поход Малоазиатских Турок был завершением их победного шествия на Балканы. В 1354 году они отобрали у Византии Галлиполи, в 1361 году под их ударами пал Адрианополь, от 1388 — после битвы на Коссовом поле — Сербия стала принадлежать султанам, а в течение следующих десятилетий заняты Балканы и Греция, сломлена попытка европейцев изгнать Турок назад в Азию. В 1453 году Султан Магомет II Завоеватель, после двухмесячной осады, взял Константинополь и закончил свои завоевания в Европе присоединением Боснии, Герцоговины и Валахии. После этого турецкие войска были направлены на покорение Кавказа. Для того чтобы через Закавказье и горы проникнуть в Приазовье и укрепиться на Керченском полуострове, Туркам потребовалось пять лет (1470-1475).

Одной из движущих сил при победном шествии Турок служило религиозное воодушевление солдат. Турецкий султан в глазах мусульманских подданных представлялся не только светским государем. Его считали сыном Пророка и главой правоверных. Завоевания велись под знаменем распространения правой веры и магометане не щадили усилий и жизни для того, чтобы как можно большее число народов стало провозглашать священный лозунг: Нет Бога кроме Бога и Магомет Его Пророк!

Как следствие такого религиозного рвения войск, за регулярными армиями двигались толпы фанатиков, готовых «во имя Бога» предать разграблению и смерти всех инаковерующих. На Кавказе особенно свирепствовал владеец города Ардебиль Секайдар со своими приверженцами. Он состоял главой мусульманской секты софитов в Персидском Азербайджане и пользовался там крупными влияниями. Горя ненавистью ко всем иноверцам, толпы Секайдара нападали на безоружных христиан Закавказья, опустошали страну, избивали население и возвращались отягощенные добычею ⁵⁾. Равнинная часть Черкасии и ее

окраины тоже погали в сефру нападений софитов. Иосафат Барбаро подробно описывает одно из таких нашествий. Он передавал о нем, как современник, со слов кафинского (феодосийского) монаха Викентия.

Это случилось в 1486 году.

«Страна Солтания, — пишет Барбаро, — неистовствовала, возбужденная горячими проповедями некоторых магометанских сект. Пылая религиозной ненавистью, с криками: Смерть христианам! проповедники подняли толпы жителей в поход на завоеванный Турками Кавказ. И чем дальше к северу они продвигались, тем больше росло их число, тем сильнее они бесновались в своем фанатизме. Вдоль моря Баку они пришли к местности Семмачи, к Дербенту и в область Тумена. Здесь они собрались в неимоверно большом количестве, хотя и не все вооруженные.

Прийдя к реке Терк, которая протекает через область Тезех, около гор Каспия, они перебили всех христиан — католиков, живших там во множестве, мужчин, женщин и детей. Отсюда они бросились в землю Гога и Магога, христианскую по греческому обряду, и обошлись там подобным образом. Та же судьба постигла, встреченные ими по пути, поселения Черкасии, куда они ворвались, двигаясь через Чеппичи и Чербетри по направлению к Черному морю. И они действовали там до тех пор, пока против них не выступили племена Татаркасии и Гремуча. Эти учинили им такую резню, что не больше двух десятков из сотни успело скрыться назад в свою страну. Так мы могли понять, что там пришлось пережить бедным христианам», кончает с сочувствием Барбаро ⁶⁾.

У Барбаро же можно найти кое какие сведения о победителях мусульманских фанатиков. Через Гремуч он проеждал по дороге в Персию. Эта местность находилась в трех днях пути от Азова. В то время там княжил Бибердий и его имя будто бы означало «преданный Богу». Отца его звали Хэртибей или в переводе «двадцать господ». «Там много деревень, — пишет Барбаро, — вокруг которых пасутся табуны коней, раскинулись плодородные поля, много хороших лесов, изобилие вод. Господа этой области живут с добычи, обирая караваны идущие мимо. Жители Гремуча прекрасные наездники, приветливые, остроумные и смелые люди. У них достаточно хлеба, мяса и меда, но вина нет. За ними дальше размещаются народы разной речи: Илагеге, Татаркасы, Собэй, Чеурпей и Асалапы». Речь здесь идет о племенах, проживающих ближе к Кубани и Тереку. Сам Гремуч надо полагать севернее нынешнего Ставрополя.

Образ насилий и зверств мусульманских фанатиков не мог исчезнуть без следа. Он должен был сохраниться в народной памяти, как последствие прихода Турок и, несомненно, в эту эпоху явился зародыш той непримиримой вражды, которая после веками жила в сердцах Казаков по отношению к Туркам. Последующие события ее только укрепили.

Не в пример Кавказу, покорение султану Крыма шло замедленными темпами. Семнадцатилетняя борьба (1475 - 1492) показала, что в лице крымских бойцов, непобедимый до сего времени завоеватель встретил противника опытного в обороне и воодушевленного идеей непримиримости. Менгли Гирей выставил против султана армию своих улусных людей с их князьями, подвластных ему уланов-царевичей с дружинами и всех Казаков, находившихся в его распоряжении. Естественными союзниками хана в его борьбе с Турками стали и кавказские христиане с Черноморского побережья. О их нападениях на турецкие корабли пишет Герберштейн (см. выше). По гольским данным Казаки с Днепра тоже вели ожесточенную борьбу с Турками на море и в 1492 году недалеко от днепровского лимана потопили турецкий корабль. Но в этом же году войска султана захватили Менгли Гирея в плен и заняли все его владения. С таким положением не примирились Казаки, проживавшие вблизи крымских юртов. В следующем 1493 году, избрав себе вождем князя Богдана Глинского, ослабевшегося потомка Тохтамыша, они совершили налет на турецкий уже в это время город Очаков. Начинаясь длительная эпоха казачьих нападений на владенья турецкого султана.

1) Георгий Интериано. Жизнь и поселения Циков, называемых Черкасами.

2) Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Польский монах из Мехова указывает Русь, как полосу земель между Карпатами и Танаисом, ограниченную с севера Литвой. Черкасов он называет русскими по той же причине, по которой в наше время Славян-Босанцев Сербь именуют Турками.

3) С. Герберштейн. Записка о русских делах.

4) Георгий Интериано. Жизнь и поселения Циков.

5) Об этом см. в книге: Рассказы путешественников в Персию, изд. Гэкайлит.

6) Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану.

7) Там же.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

НА ДИКОМ ПОЛЕ И В ОРДАХ

Снова «ничья земля». От Днестра до Дона. Поле не ставшее еще Диким. Изобильный край. Казачий промысел. Северские «уходы». Встречи у порогов. «Ордынские люди». В ханских дружинах. «Татарские Казаки не признавали никакого царя.» Огланы, князья и Казаки. Крепкие общины. Инородные жены. Болдыри. Сбор на Диком Поле.

Кипчакские степи в глазах соседей всегда представлялись полным спасностей Диким Полем. В XV веке Д и к о е П о л е становится географическим названием, которое применяется к части прежних владений Золотой Орды. Это обезлюдившая пустыня травяных зарослей, полоса степи, расположенная рядом с пастбищами Крымской орды. На севере она переходила в начинающие оживать Украины — литовскую и московскую. Дикое Поле принадлежало к улусу крымского хана, но эта принадлежность оставалась лишь номинальной, потому что ханы не имели там ни городов, ни постоянных стойбищ — кошей. Похоже, что и в этом случае «ничья земля» должна была служить целям охраны, то есть выполнять то же назначение, которое раньше выпадало на долю опустошенного Подолья и Черного Шляха.

Хотоны ближайшей Перекопской орды очень неохотно поднимались на пастбища вдоль Сулы и Верхнего Донца, а в плодороднейших Белгородско-курских степях можно было встретить одних Казаков. Татары появлялись там лишь всей ордой во время походов на Русь. Таким образом, полоса Дикого Поля от Днестра до Верхнего Дона лежала меж-

ду кочевыми юртами Перекопской орды и прежними землями Черных Клобуков.

В эпоху Мстислава Храброго, почти все Поле, не ставшее еще Диким, входило в его державу, а жили там племена наших предков Касаков, Казаров и Аланов-Танайтов. Немало селений и городков выросло тогда по берегам степных рек. После Половцев и Татар от них сохранились только следы; осталась широкая черноземная равнина, пересеченная оврагами и грядой невысоких гор, где в диком состоянии бродили стада круторогих туров да табуны не знавших еще человека коней. Там в густых рощах и речных плавнях можно было встретить, наравне с лосем и благородным оленем, рысь, дикого кабана и даже медведя; там вдоль берегов тихих переполненных рыбой рек, местами непрерывно тянулись «бобровые гоны», искусные сооружения трудолюбивого бобра; там мириады пчел целое лето несли со всей цветущей степи в тугие соты запасы душистого меда; там, проскакав сотню верст, трудно было увидеть человека, а зато белело много казачьих костей; там царило полное безвластие, а регулятором отношений служило право сильного.

В конце пятнадцатого столетия на Поле стали приходить «КазакИ многие», «со всех Украин», как пишут акты. Чем больше падал авторитет татарского могущества, тем чаще и глубже заходили Казаки в степи, наполняя Поле новой жизнью. В поисках пропитания и добычи отряды казачьих промышленников ходили далеко вниз по опустевшему Дону. Северские Казаки спускались по степным рекам Суле, Псиолу и Ворскле на свои «уходы», проходили к Днепру, где виделись с Казаками Каневскими и Поросьскими. Те и другие плыли дальше на юг и у порогов находили поселения Казаков — татарских подданных, форпостом которых возвышался Кудак «старинной город козацкой» (см. стр. 211). Нужно думать, что со стороны своих собратьев, значительно отатаренных Ордынских Казаков, Северуки и Поросьяне не всегда встречали враждебный прием. Теперь их разделяли новые границы, но раньше они все без исключения состояли в подданстве у Золотой Орды, назывались «ордынскими людьми» и даже Татарами.

Как говорилось раньше, Монголы вскоре после завоевания Восточной Европы начали пользоваться казачьим населением империи для формирования особых отрядов, которые служили в качестве заслонов на западной границе и со стороны Руси. Казачьи дружины стали появляться при ханах чуть ли не со времени темника Нагая. Надо полагать, что значение природных воинов — Казаков особенно воз-

расло с началом ханских междоусобий. Оборванные и безоружные пастухи, обедневшее татаро-монгольское население степи, вскоре совсем перестали походить на народ победителей стройных времен Чингисхана. А между тем борьба за власть и за восстановление престижа у данников требовали постоянного пополнения надежными бойцами.

С древних пор в ханских дружинах на первом месте стояла многочисленная родня и племенная знать: царевичи-огланы, нойоны, мырзы, мергени, сечени, аги и т. д. Теперь к ним добавлены были воины, выбранные из племен вооруженного народа, каким всегда были и оставались Казаки. Хань соперники привлекали на свою сторону казачьи роды и формировали из них особое войско, так же точно, как это раньше делали русские князья, пользуясь услугами их предков Черных Клобуков. Опытные воины, оставаясь на своих отдаленных окраинах людьми вольными и нейтральными, Казаки готовы были служить под ханскими бунчуками за добычу, за плату, за степной юрт, выделенный для пользования их родовых общин. К тому же оставаться в стороне от распрей делалось все труднее, приходилось ожидать ударов отовсюду. Обеспечить безопасность семей можно было только примкнув к одной из сторон, усилив ее. Во всяком случае, к концу пятнадцатого века под властью крымского хана, кроме специальной дружины из Казаков, находились и их крупные общины: Перекопская и Белгородская. Не мало собралось Казаков и под бунчуком хана астраханского.

Судя по актовым данным, Ордынские Казаки сохраняли за собой право свободного выбора вождей и нанимателей¹⁾. Благодаря этому в Польше и Литве считали, что Казаки мало зависели от ханской власти и составляли отдельную сроду. Польский историк К. Шейноха пишет: «Польские летописцы делят всю татарскую силу на четыре орды с разными царями: Заволжскую, Астраханскую, Казанскую и Перекопскую. К ним иногда добавляют еще пятую — Казачью. Эти татарские Казаки не признавали никакого царя и, живя в разных местах, считались во всем народе отчаянными храбрецами»²⁾.

По древним навыкам полукочевого быта Казаки в ордах обладали большой подвижностью, отличались быстрым мобилизационным подъемом и способностью свертываться в устойчивые оборонные очаги. За такие же свойства, за природные боевые качества ценили их предков славянские князья, а теперь и ордынские ханы охотно привлекали Казаков к себе на службу, как надежное войско. Хань ставили их по положению в одном ряду с ордынской аристокра-

тией. В сохранившихся актах они упоминаются сразу же за царевичами и князьями: «огланы, князья и Казаки» или «князья, мырзы и Казаки». Менгли Гирей, который имел сильную дружину из Ордынских Казаков, писал в грамоте к московскому князю Ивану третьему (1474 г.): «Мне, Менгли Гирею - царю, твоей земли и тех князей, которые на тебя смотрят, не воевать, ни моим уланам, ни князьям, ни Казакам». (см. стр. 210).

Казаки и здесь сохраняли свой первоначальный облик, принадлежность большинства к христианству и неизменно-обособленный общинный строй. О последнем можно судить хотя бы по названиям их крупных общин: Казаки Перекопские, Казаки Белгородские, Казаки Азовские. Трудно, однако, допустить, чтобы близкое сожителство с ордынцами не наложило на них своего отпечатка; трудно также допустить, чтобы в их среду не проникала монголо-татарская кровь. Наиболее вероятным кажется пополнение казачьих рядов детьми от Татарок и других инакородных жен.

После каждого похода в улусах появлялось изобилие христианских пленниц. Иногда это были Польки, в других случаях Гречанки, Черкешенки, Русские, Болгарки и т. п. Вероятно начало так называемой этнонимии у Казаков произошло от прозвищ по народности матерей: сына Польки прозывали Поляком, Гречанки — Греком, Волошки — Волошином, Персиянки — Персюком. От них и пошли казачьи роды Поляковых, Грековых, Волошиных, Персияновых или Персюков и т. д.

Можно также предполагать приток в среду Ордынских Казаков людей из улусов. Наводит на эту мысль казачье имя Болдырь, неоднократно встречающееся в актах. Вне всякого сомнения, среди населения каждой орды существовала прослойка не совсем полноправного потомства монголо-татарских кругов. Существовал даже специальный монгольский термин «болдыр», которым назывались метисы, нечистокровные. Дети пленниц-христианок в ордах приобретали двойную национальную сущность: азиатскую по отцу, европейскую по матери. Однако, там всегда ценилась чистота расы, вначале — монгольской, а потом — тюркской. Светлая кожа и волосы, нос не по монгольской мере, большие «лошадиные» глаза, всего этого было достаточно для того, чтобы прослыть «болдырем». К тому же болдыри происходили от матерей - пленниц, взятых из оседлого и презренного, с точки зрения кочевника, мира: «не сиди на месте, чтобы не бродить, как христиане, в собственных нечистотах», провозглашала татарская пословица. Не удиви-

тельно, поэтому, что болдыри оказались среди наших предков. Уходя от пренебрежения и насмешек, воспитанные матерями в христианстве, они становились в их ряды и нераз выдвигались у Казаков на первые и почетные места. Был между ними и нечистокровный царевич Занебек, захватчик власти в Крыму, которого Иван Грозный в своей грамоте называл Казаком.

К концу пятнадцатого века Татары в ордах все приняли мусульманство. Среди Казаков тоже стали появляться магометанские имена. Но едва ли несколько десятилетий обособленной жизни, одних среди Татар, других среди Русов, Литвы или Мордвы, так же как попутное поглощение болдырей и даже измена христианству, могли вызвать резкие различия в их основном облике, обычаях, языке. Не исчезло и взаимное тяготение разбросанных повсюду общин. Вскоре оно проявилось с неудержимой силой и Дикое Поле стало сборным местом, куда по старой памяти потянулись Казаки со всех мест своего рассеяния. Акты свидетельствуют, что они встречались там мирно и нераз действовали сообща.

В конце пятнадцатого века вышли из своих плавней Азовские Казаки и тут же стали объединяться с Казаками Ордынскими. В 1499 году «приходили Татарове, Ордынские Казаки и Азовские, под Козельск и взяли сельцо Олешню» ³⁾, записал летописец. В августе следующего года, 250 человек Азовских Казаков с вождем Караманом и 50 человек Ордынских «завольских» с Ахкубеком погромили в Донецких степях русское посольство кн. Кубенского. В 1502 году из Азова доносили в Москву: «Да сказывают, государь, Азовских Казаков и Ордынских человек с осьм сот пошли под Русь» ⁴⁾. Говорят акты и о совместных кочевьях Азовских Казаков с Белгородскими после 1503 года близ реки Десны и в верховьях Северского Донца. В 1515 году московский посол в Константинополь имел в наказе следующие слова: «и ты донеси речь до Салтана, чтоб Салтан Казакам своим Озовским и Белгородским, ко государя нашего недругу, к Жигмонту королю, на пособь, на наем ходить не велел». Однако, и те и другие в это время уже находились вне турецкой власти и не подчинялись ни своему прежнему государю — крымскому хану, ни султану. В скором времени они сообща начали переговоры о новом служебном договоре. Князь Аппак, постоянный посредник в крымско-московских сношениях, писал Василию третьему: «Да еще есть мое тебе челобитье про твое дело: Белгородские Казаки да Азовские Казаки, всяков же год нечто слово было, да и ныне ко мне нароком человека прислали, чтоб яз, Аппак

князь, тебе о них печаловался, чтобы, деи, нам князь великий лиха никоторого не учинил, чтоб нам, со своими женами прикочевав, жити у Путивля и слугами быти, а твоего бы недруга — короля воевати» ⁵⁾. Наконец, блестящее подтверждение взаимного притяжения и слияния их на Поле находится в словах одного из московских актов 1538 года: «На Поле ходят Казаки **многие: казанцы, азовцы, крымцы, и иные баловни Казаки; а и наших Украин Казаки с ними смешавшись ходят**» ⁶⁾. Из донесения же путивльского воеводы, князя Троекурова, видно, что были среди них и Днепровские Казаки: «Ныне, государь, Казаков на Поле много, и Черкасцев и киян, и твоих государевых. Вышли, государь, на Поле изо всех Украин». Следовательно на Диком Поле мирно сошлись Казаки Ордынские с Азовскими, Донскими, Днепровскими и Северскими. Нашли они и общий язык, независимо от того, какой помнили лучше, славянский или туранский.

Ордынские Казаки вскоре стали появляться и среди служилых Казаков на Москве ⁷⁾, а после того как Астрахань перешла в руки Русских (1556 г.) тысячи Ордынских Казаков и Казаков из Пятигорья хлынули на брошенные Татарами земли своего Поля, на берега своих рек, где снова слились в однообразный по происхождению и по быту вольный Казачий Народ.

Но об этом речь впереди.

1) См. стр. 212. Выше на стр. 258: «Магомет Гирей оправдывается перед королем в нападении на Польшу Белгородских Казаков, которые не слушают его приказов и, как раз, избрали себе вождем его врага царевича Алика».

2) К. Шейноха. Два года нашей истории.

3) Иоасафовская летопись.

4) Дела Крымские.

5) Там же.

6) Дела Нагайские.

7) Бурган, турецкий начальник в Азове, писал в Москву в князю: «Да что твой Казак Ордынский Кадыш узял троих робят под Азовом отоманского царя». (Дела турецкие).

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

ИТОГИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Бог не без милости, Казак не без счастья.

Эпоха Средних веков, считая от начала пятого и до конца пятнадцатого столетия, на протяжении тысячи лет полна разнообразных перемен в судьбах нашей широкой и обильной степи. Десятки тысяч дней много некованных конских копыт топтало ее тучную зелень в победных шествиях азиатских орд. Огромные массы свирепых варваров проходили и скрывались на западе, будто тонули в море. А вместе с тем, ни один из идущих мимо народов, пересекая нашу равнину, не сумел обосноваться в ней навсегда. Правда, Половцы и Монголы Золотой Орды задержались там надолго, но и их обезлюдевшие улусы к концу Средних веков расползлись обессиленные по дальним углам павшей империи. Лежало тогда наше Поле почти безлюдной пустыней. Многомилостивая судьба, как бы, вновь открыла степи для исконного их хозяина — Казака, хотя и изгнанного азиатскими ураганами, но не забывшего еще свои ковыльно-тюльпаные просторы, медоточивые берега своих рек.

История Средних веков на Казачьей Земле пестрит словами «разгром», «опустошение», «разрушение», «уничтожение», «резня», «погром» и т. п. И эти драматические понятия относятся не только к переходящим событиям; неоднократно они определяют сущность целых эпох казачьей истории. Время было жестокое, населению Восточной Европы приходилось переносить много бедствий, а особенно много страданий перепадало на долю наших предков. Свободо-

любивые и непреклонные, не по суровости характера, не по легкомыслию, а по необходимости сложились казачьи племена в народ воинов. Духовный тип Казака создан не в результате особенностей климата, природы или экономических возможностей; натура Казака - воина возросла в обстановке непрерывно действующих факторов политических: враждебного окружения, периодических азиатских нашествий, гибели местных кратковременных держав. Требовалась постоянная, напряженная, иногда почти безнадежная борьба за право жить на земле своих предков. Слияние племен в единый народ выковалось в обстановке перманентной войны и как ее следствие. Осознанная необходимость единства в обороне явилась у Скифо-Аланов (Касаков) и Меото-Казаров зародышем общенациональной идеи много раньше их полного объединения и нашла свое выражение в их общей и однообразной бытовой культуре, распространенной от Кубани до верховьев Дона и Донца и известной в археологии под именем аланской и салтово-маяцкой. Единство миросозерцания тех же племен запечатлела ранняя распространенность среди них христианских идей и религиозных верований; политическая зрелость проявилась непрерывным, но трудно осуществимым, влечением к своему государству, участием в создании Хазарской империи и в легком подчинении объединяющей воле Мстислава, ставшего для них своим государем. Возглавленный Мстиславом, дружный порыв Касаков и Казаров создал мощную Державу Томаторканскую.

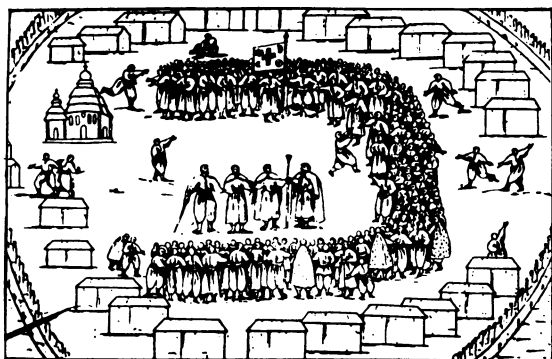
Таким образом, роль политического объединителя наших предков выпала на долю Мстислава Владимировича. Продолжительные, медленные процессы смешивания Меото-Казаров с Приазовскими и Подонскими Касаками ему удалось если не завершить, то ускорить, собрав тех и других в границах принадлежавшего им государства на два-три десятка лет своей власти.

Единовластие в Томаторкани, положив предел раздробленности казачьих племен, явилось началом естественного и очередного этапа в политическом развитии их общин. Но единоличная воля, власть своего князя, управляла судьбами объединенного народа слишком короткий срок. Будучи для него логически назревшим переходом от племенной разрозненности к единому национальному и политическому целому, Держава Мстислава могла бы закрепиться в наших степях надолго, в том случае, если бы род князя не прервался в самом начале.

В Средние века по всем странам Европы и Азии господствовало захватническое единовластие. В основе его почти

всегда лежало неприкрытое насилие, но каково бы не было его начало, оно повсюду явилось логическим и своевременным этапом общественно - политической эволюции. Объединяя разрозненные племена, искореняя в них анархические склонности, приучая их к законности и правопорядку, единовластие способствовало возникновению и росту национального сознания, в ускоренные сроки создавало народности и нации.

Золотая эпоха Мстислава, несмотря на кратковременность, успела также выявить казачье-казарский дух единения. В ее время наша степь оказалась под суверенной властью своего государя. Произошло то, что в казачьей истории больше не повторилось: народилась обширная и сильная казачья монархия.

Казачий Круг
по схеме Ригельмана

Борьба Мстислава с братом Ярославом не может рассматриваться, как один из эпизодов династических распрей Рюриковичей. Междоусобия шли на Руси, а Томаторкань стояла в стороне от Руси. Она объединяла степные нерусские народы и создана была их собственными трудами под руководством Мстислава. Как государство она возникла и существовала вне зависимости от киевского великого княжения, а ее князь не стремился овладеть ни великокняжеским престолом, ни землями коренной славянской Руси того времени. После нашествия Половцев она еще долго существовала в малых границах, заменив наследственное право своей неукоренившейся династии выборным правом своего народа. Одновременно с этим внекавказская часть ее населения проходила школу единовластия, зажата в лесосте-

пи между границами чужих национальных государств. Там Казаки, в лице своих предков Черных Клобуков, несли тяжелые потери и вырастили в себе отвращение ко всякому строю основанному на деспотической воле правителя. Наученные горьким примером вечных и разрушительных междоусобий в соседних славянских княжествах, Черные Клобуки уже не хотели подчиняться своим родоначальникам и племенным князьям. На непосредственном опыте создалось казачье народоправство, но казаки перешли к этой очередной фазе общественно-политического развития, по видимому, не пройдя еще полностью искуса своего, казачьего, объединяющего единовластия. Поэтому стремление собраться в крупные политические объединения не пошло дальше образования двух новых зачаточных государств на Нижнем Днепре и на Верхнем Дону. Эти речные государства - Земли прекратили существование по причине тех же степных катастроф. Пришли Татары-Монголы, и ханы Золотой Орды временно собрали большинство Казаков в границах империи Дешт-и-Кыпчак.

В границах монгольского царства Казаки не всегда пользовались благами мирной жизни, но тогда, связанные племенным родством, они обитали у себя дома и питали их соки родной земли. Долго еще и после, пребывая в ордах враждующих ханов или скитаясь на окраинах Северо-восточной Руси, предоставив даже языку изменяться под чужими влияниями, наши предки все же сохраняли связующий их общинный быт. Но пришло время, когда полукочевой примитив перестал удовлетворять многих из них, в массах стали появляться более широкие потребности и тогда в распоряжении их оказались только чужие формы оседлой цивилизации. Люди оседали на чужой земле, разрывали общинные связи, прикреплялись к чужому быту, обрастали местными неказачьими интересами, пополняли чужой народ в ущерб своему родному.

Чужие государи умело подогревали естественное стремление к элементарным жизненным удобствам. Их милости, «жалованье», выделение заслуженных, потомственных прав «лучших людей» разрушали казачьи общины, затирали привычное безклассовое сознание, готовили их легкую ассимиляцию в местных чужеродных массах. Получая разную плату за службу, Казаки, в конечном результате, всегда проигрывали: отдавали боевые труды, отдавали кровь и жизнь, а награды привыкали ожидать из посторонних рук. Монаршие милости стали причиной тяжких потерь в рядах казачьего населения русских окраин, может быть, больших потерь, чем их нанесли Казакам разгромы Мамая и Тамер-

лана. Народ не рос, а распадался, растворяясь в чужой среде, переживая одну из наиболее грозных эпох своей истории.

От гибели спасли и вывели Казачье племя на путь возрождения: отдельные общины, сохранившиеся на своем Поле в ордах; отдельные общины, сохранившиеся на чужой земле; политические инстинкты масс, общее сознание казачьего однообразия и единства; привязанность к своему древнему казачьему имени (иногда оно одно указывало пути беженцам, потерявшим ориентацию); общая насыщенность сокровенным смыслом христианского вероучения, усвоенного хотя бы в основе. А больше всего — Чудо неизсякаемого Божественного милосердия и покровительства, пресловутое К а з а ч ь е С ч а с т ь е .

ПРИЛОЖЕНИЯ

КАЗАЧЬЯ РЕЧЬ

Статья напечатанная в КАЗАЧЬЕМ ИСТОРИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ
№ 3, Париж 1956 г.

Живая речь это продукт творческой деятельности свободного человеческого духа. В создании и развитии ее принимает участие вся народная масса целиком. В поисках более точных, более выразительных определений, представители всех классов и состояний непрерывно пополняют запас слов своего языка, а иногда посягают даже на изменение принятых раньше грамматических правил.

В такой стихийной свободе творчества заключаются безграничные возможности обогащения человеческой речи, но переменчивость языка, неустойчивость его форм, только следствие той же свободы.

Каждый язык изменяется непрерывно.

Он изменяется в процессах совершенствования и развития; он изменяет нераз все свои основы, когда поглощает наречия встреченные по пути в кочевом, бродячем быту; изменяется он и в том случае, когда часть какого либо национального целого удаляется в обособление от своего ядра, когда их начинают разделять естественные или политические преграды. Такая изолированность особенно способствует усилению местных различий в языке, его делению на диалекты и говоры. В некоторых случаях язык не только изменяется, а и отмирает полностью, заменяясь речью совсем чужой. Благодаря этому разные по происхождению народы иногда пользуются одним и тем же наречием (Остяки, Мещера, Муром в России), в то время как единые по крови культуре, мышлению и темпераменту дробятся на языковые различия в отдельных группах, отходят от языка — основы и отказываются от него, привыкнув пользоваться чужим.

Вот, например, Евреи. Разбросанные судьбою по всему свету, они теперь пользуются в обиходе не своим древнееврейским, а несколькими чужими языками: в Европе уже столетия говорят на одном из древне-германских диалектов; в Америке мало кто из еврейской молодежи знает другой язык кроме местного; в Африке пользуются арабским. «Даже в наше время, — пишет один еврейский автор, — Евреи, изгнанные почти пятьсот лет назад из Испании и осевшие на Балканах, говорят между собою по испански» ¹⁾.

Евреи позабыли свою родную речь настолько, что, возвращаясь

в долгожданный Сион, иногда понимают друг друга только с помощью переводчика. И если бы их первоначальный язык не был запечатлен в церковных рукописях, он исчез бы без следа, как исчезли многие другие. Письменные памятники придают устойчивости и разговорным формам, а понятие о языке как о национальном достоянии рождается только после появления школ и отечественной литературы. При этом обязательно необходимо, чтобы народ стремился сохранить чистоту речи и прилагал к тому усилия. Изменения при этих условиях тоже происходить будут, но только в темпах замедленных.

Отсюда следует, что язык, как явление переменное, неустойчивое, может считаться признаком национальной принадлежности только условно.

Насколько легко и быстро изменяется речь отдельных народов видно из истории отюречения монгольских кадров Золотой Орды.

Хан Бату привел с собою из Азии в Европу несколько десятков тысяч чистокровных Монголов. Они составляли его главные кадры. Они гордились своим происхождением, гордились господством их расы над половиною мира. А, между тем, к пятнадцатому веку эта небольшая прослойка целиком растворилась в сплошных тюркских массах подвластной Монголам империи и монгольский язык почти совершенно вышел из употребления.

Наши предки были свидетелями подобных перемен и в Литве, где многие коренные Литвины во главе со своими князьями Гедиминовичами приняли в обиход речь Белорусов.

На многовековых казачьих путях подобные изменения переживала и речь наших предков. Мы, Казаки, пользуемся теперь диалектами русского и украинского языков. Теперь это наша казачья речь, независимо от того, что она принадлежит и двум другим народам. Таково положение в настоящий момент, но это не значит, что так было всегда и что раньше у нас не было какой то другой казачьей речи.

По своему происхождению наш народ должен был бы пользоваться особой речью Приазовских Славян сильно уснащенной туранскими вкраплениями, но на протяжении длительных эпох Казакам пришлось проживать в ближайшей близости с Восточными и Западными Славянами. Тогда то требования жизни заставили их приспособить свою речь к формам более удобным в тех обстоятельствах и отказаться от многих туранских понятий. Наши предки проживали небольшими отдельными общинами среди Славян. А большая масса если не встречает противодействия, всегда передает свои свойства массе меньшей. Так и в этом случае, наши предки легко поддались обрусению и украинизации. Это произошло с достаточной легкостью, потому что славянская речь была широко распространена уже и между народами Хазарии, которые по словам Араба ал Бекри «из за смещения со Славянами говорили по славянски наравне с другими народами севера» (см. стр. 119 наст. книги). Тем более укоренилась она во время Томуторкани, при наличии славяноязычной власти, и после ее раздела, когда степные племена устремились к Днепру и в землю Северскую. Переходя там к оседлости разрозненными общинами, новопоселенцы Черные Клобуки попадали в близость к среде исключительно славянской. Их говор постепенно обращался в те диалекты, которые позднее определялись, как «славяно-татарское наречие».

Оставался у Казаков в употреблении и язык тюркский. Он стал уходить из обихода не больше чем сто лет тому назад. Др. Хара Даван в книге «Чингисхан» утверждает, что московские грамоты Ка-

закам неоднократно писались по татарски. И. П. Буданов тоже приводит два случая, когда московские послания были писаны «татарским письмом» 2). Татарский язык среди Казаков был распространен повсеместно во время историка А. И. Ригельмана (середина XVIII века) и позднее, когда Л. Н. Толстой служил на Кавказе и писал в повести «Казаки»: «Молодец-казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по татарски». В наше время тюркский язык Казахов был знаком большинству Уральцев. Не принимая в расчет того, что Казаки раньше были народом трехязычным (как Швейцарцы), трудно было бы понять рассказ начальника партизан Дениса Давыдова. В «Записках» его о войне 1812 года приводится случай, когда русские крестьяне на французских тылах вырезали спящий казачий разъезд, расположенный в деревне на ночлег у «своих людей» без охраны. Перед Давыдовым крестьяне оправдывались, что приняли Казаков за французов. Если бы Казаки говорили между собою на языке им понятном, они бы не приняли их за врагов, а Давыдов не очень бы доверял их объяснениям.

Русская диалектология, наука о частных областных особенностях русского языка, делит донскую и кавказскую казачью речь на три группы: северную, по Дону до р. Иловли, она причисляет к рязанско-тамбовскому диалекту; дальше по всему казачьему югу считает однородной с орловско-курским диалектом, а Приазовье относит к украинскому языку 3).

Это деление очень примитивно и не отвечает действительному распределению казачьих говоров. На Дону хоперский и верхне-донской говоры можно, действительно, считать близким родственником тамбовского, но лишь до реки Медведицы. Отсюда казачий говор видоизменяется в «сильно якающий», подобный по произношению белорусскому. На среднем Дону, от реки Иловли и до Донца распространен «умеренно акающий» говор, близкий к диалекту курян и орловцев, а на юг от Донца он отчетливо переходит в говор «донской черкасы», который во многом отличается от всех других южно-русских диалектов и находит свое подобие в речи коренного населения северо-кавказских и крымских городов.

Очень богатый материал для изучения донской речи дает др. Марианна Артемовна Полторацкая, описывая язык Казаков-Некрасовцев, вернувшихся из Турции на Кубань в гг. 1924-1926 4).

Некрасовцы происходили со Среднего Дона и до сего времени сохранили особенности своего первоначального говора. Отмеченные М. А. Полторацкой, они в главных чертах таковы:

1) Короткие **а** и **о** во втором и третьем слогах перед ударением: «ночку сънъчавать», «штурма пъягнула с моря», «таперя рьботать в калхозе принуживають»;

2) «яканье» (звук **я** вместо звука **е**): «вяликий», «бягитя», «наши дяды», «я нясу», «бяруть усе в калхоз»;

3) «иканье» (вместо **е** и **я** произносится **и**): «не знаим как биде пьмагити», «митель митеть», «он нисеть», «ни глидел никуды»;

4) отсутствие твердого **г**: получается «Ихнат», вместо «Игнат», «Хамидия», вместо турецкого «Гамидие» и т. п.;

5) смягчение **к** и **х** в конце слов: «толька», «сверхю», «Ольгя», «сидить да в окошечко глидить», «асядлали сиделечко бранную»;

6) замена звука **ч** двойным мягким **ш**: «брови шшернаи», «лицо шшистая», «уста шшвернонаи, «шшиптурная девица»;

7) замена **щ** двойным твердым **ш**: «вари гушшы шшы», «няма в дому мушшын»;

8) отсутствие звука **ц**. Вместо него произносится **с** или мягкое **т**: «светы» или «тьветы», «кальсо», «Турсия»;

9) отсутствие чистого звука **Ф**: «Дарахвей», «Хвилип»;

10) отсутствие среднего рода существительных и замена его женским и мужским: «чада моя милая», «иди за сеной», «пошла за ма-лакой», «в летнюю время», «свежая мяса», «глубокий озир», «летось ядреная яблук уродил»;

11) замена звука **в** звуком **х** в окончании родительного падежа мн. числа: «у наших предках», «жили промежу грекох», «сколько тебе гадох»;

12) мягкое окончание всех глаголов в третьем лице ед. и мн. числа наст. времени: он «ходить», «бигить», «биреть», они «ходятъ», «бижать», «бируть»;

13) в первом лице ед. числа — «хадю», «прасю», «выпустю», а от глаголов «спать», «ловить», «кормить» и подобных им — «спю», «ловю», «кормю». Записан разговор двух старушек соседок: «И-и, жалкая моя сваха, я уж таперь пашти и не опю; так ис вечеру бутта и придрямю, а чуть што — пракинусь и на всю ночь.» Другая отвечает: «Таки уж года наши, дева. И я уж не спю, старая стала, балею... Утром толька кур покормю, от и вся мая работа».

Казачка-хозяйка говорит: «Што-ж, милаи мои, я ить с зари в зарю хадю, талкусь и в дома и на поле; хазайства у нас тута тяжелая, колхозная».

14) в повелительном наклонении — «неси - ниситя», «проси - проситя», «хвали - хвалитя»;

15) сочетание неопределенного наклонения глаголов с именительным падежом имен существительных, особенно в поговорках: «лутче вода пить в радости, нежели мед в кручине», «коли пашня пашут, так руками не машут», «съесть бы елова шишка, так скусом не сладка».

Почти все особенности языка Некрасовцев можно было еще недавно встретить повсюду у Казаков, особенно же на Среднем Дону.

М. А. Полторацкая пишет о Некрасовцах: «Здесь все приветствуют друг друга по-старому, по-казацки: Здорово дневали! Здорово ночевали! Женщины приветливо обращаются друг к другу: Ах, ты моя болезная, жаличка, кромочка. Тут не скажут: «войдите в дом», а «влезайте в курень»; не скажут: «я нашел три копейки», а «налез алтын»; не «зажег огонь», а «затеппил»; не «запасаться чем нивудь», а «гобить» (как в летописях) — «да у нее в рундуке много гобина»; не «танцевать», а «плясать», «скакать»; не «птицы», а «птахи»; не «курица», а «кокошка»; не «петух», а «кочет» или «петел»; не «казна», а «златница»; не «палка», а «палица»; не «чечевица», а «сочевича»; не «низменность», а «удолье»; не «уха», а «ушное»; не «плотник», а «сечкарь»; не «собрание гостей», а «беседа»; не «плечо», а «рамо»; не «крутлый», а «облый»; не «пыль», а «прах»; не «спор», а «пря» и т. п. «Вино» у них значит «виноград», а «виноград» значит «виноградник»; «желудок» значит «жолудь»; «на десно» — «направо», «ошуйно» — «налево»; «семо и тамо» — «здесь и там». Они говорят «братся оружием» — «биться» (с оружием в руках); «заберечь гостей» — «принять и угостить гостей»; «назначають начального» — «назначить начальника»; «начаяться» — «надеяться»; «несоветный человек» — «нерассудительный»; «нужные люди» — «нуждающиеся»; «наши обыкности» — «наши обычаи»; «надо быть опасным» — «надо быть бдительным»; «жить пространно» — «жить привольно»: «на Майносе жили мы пространно: и поле было, и хлеб родил, и рыба ловилась, а только душа тянула к родной земле». В противоположность этому, «жить в тесноте» значит жить в нужде, притеснениях: «живем мы теперь в тесноте: хлебушка не хватает, корову в колхоз забрали, да и воли нету: без проезжего листа никуды не двинешься» (проезжий лист — пропуск на проезд).

Старики говорят: «суд рядить», «дела чинить», «много пота утереть» (т. е. много потрудиться), на пиру пображничать — попить ка-сильчатого меду» (т. е. меда с корицей), Казаков повеличать: «Здравствуй Войско Донское с верху до низу и с низу до верху»; царя почтить: «Здравствуй, царь-государь в кременной Москве, а мы, Донские Казаки на Тихом Дону».

Таковы особенности речи Некрасовцев, не изжитые еще и среди других Казаков.

В русской диалектологии ничего не говорится о диалекте Донских Черкасов, жителей Нижнего Дона, приблизительно от станицы Константиновской до берегов Азовского моря. А он во многом отличается от всех других южно-русских говоров.

Слух там часто поражает отсутствие звуков **ы, ш, ч, щ**. Вместо **ы** слышется **и** (ми, ви, риба), **с** слышется вместо **ш** (Маса, Паса), мягкое **т** вместо **ч** (кафеиотик с кайматьком) и **ст** вместо **щ**. Южан дразнят: «пять пудов пасена, да сапетку яблотьков, да три махотки кислава малатьяка Белакапитая на Крестенскую гору так и вихватила».

Коренное население Крыма и северо-кавказских городов Азова, Армавира, Майкопа обнаруживает в своей речи те же акценты. Отсутствие звуков **ы, ш, ч** и **ш** интересно отметить и у Греков, говорящих по русски. Их в греческом языке нет. Южно-донской диалект, неразрывно связанный с береговой полосой Азовского и Черного морей, надо полагать, отражает влияние тысячелетнего общения с колонистами Греками.

Есть еще один очаг казачьей речи, совершенно обособленный от других говоров и сохранившийся лишь на Тереке в Гребенских станицах. Средний русский человек тамошнюю речь понимает лишь с трудом и это все, что можно о ней сказать без изучения ее на месте. Отдельные черты, подмеченные Л. Н. Толстым (повесть «Казаки»), не дают цельного образа, но, во всяком случае, указывают на связь говора Гребенцов, кроме татарского, еще с каким то западно-славянским. У них, например, не «барин», а «пан»; не «куда», а «кое место»; не «ружье», а «флинта»; не «убить», а «замордовать». «Помолить» имеет значение «пожелать счастья за выпивкой», «няня» — «друг сердечный». В семье — бабука, мамука, батяка, нянюка (сестра).

Так говорят Гребенцы, бывшие горцы, Казаровцы. Кроме этого на Тереке распространены говоры близкие к диалекту Донской Черкасы.

Я писал М. А. Полторацкой: «Вскоре после войны мне пришлось слышать, что в Гребенских станицах на Тереке и теперь еще употребляют какую то малопонятную славянскую речь. Не приходилось ли Вам встречаться с исследованиями по этому вопросу? Изучали ли гребенский диалект и к каким выводам пришли советские лингвисты? Мне лично кажется, что там в ходу остатки древней речи Приазовских Славян Меото-Казаров.»

В ответ на это получил следующие разъяснения: «Я занималась много южно-русскими диалектами, но преимущественно донскими. Что же касается гребенских диалектов, то из старых исследований известен труд Караулова, «Наречия Гребенских Казаков», а из современных — Труды Орджоникидзевского (т. е. Владавказского) Педагогического Института. Проф. Немировский стоял во главе кафедры русского и общего языковедения и руководил диалектологическими экспедициями по землям Терских Казаков. Изучение местных диалектов обычно сопровождалось и сбором этнографического материала.

Ваше предположение о некотором влиянии на гребенские диа-

лекты древней речи Приазовских Славян мне кажется вполне основательным» 5).

Черноморцы, а вернее — жители Приазовья, Кубанские Казаки, говорят на полтавском диалекте, который семь-восемь веков тому назад зародился на основах западно-славянской речи 6. Им же пользуется станица Боргустанская, единственная на Тереке.

На Урале Яицкие Казаки произносят слова «за щеку» с прикрытым ртом, по большей части с поднебным положением языка, как бы пристукивая им по небу. Поэтому свистящие звуки обращаются в шипящие (кажаровцы, щеврюга), а вся речь производит впечатление какого то двойного резонанса. Явилось ли это свойство в результате постоянного употребления казахского языка или осталось воспоминанием прежнего сожительства с Татарами и Черкесами в Пятигорьи, сказать трудно.

У Оренбургских Казаков говор близок к северному донскому. Значительная часть их, не считая коренных Уральцев, выселилась на свои нынешние места с берегов Самарской Луки. А на старой диалектологической карте говоры Самарской Луки указаны, как остров рязанско-тамбовского диалекта. Это означает, что Казаки пришли в район Самары с Верхнего Дона. Тут они оказались в большинстве, насадили свое наречие, а после были переселены на Оренбургскую линию.

В сибирских войсковых общинах казачья речь впитала некоторые свойства алтайских наречий, но во всяком случае сохраняет и многие черты диалектов, распространенных среди Казаков европейских. Она не дает единого образа и требует специального изучения.

Казачья речь несет на себе отчетливую печать всех крупных перемен, выпавших на долю наших предков. Причин странного многообразия их говоров не удастся понять без изучения условий, в которых они появились, т. е. вне казачьей истории Средних веков. Казачий народ, как единое целое, сложился из трех частей: Торков - Касаков (Черных Клобуков, Черкасов). Меото-Казаров и некоторой примеси жителей подонской страны Касак Аланов — Танаитов. В течение нескольких веков племени трех различных наречий (туранского у Торков, славянского у Меото-Казаров и германского у Танаитов) тесно общались на просторах нашего степного края, часто в границах одного и того же государства (Алания, Хазария, Томаторкань). Сроки общения были очень продолжительны, они измеряются целым тысячелетием. В эпохи сожительства все три полукочевых народа усиленно заимствовали друг от друга культурные навыки, черты быта, религиозные воззрения, создавали комплекс той особенной степной культуры, однородность которой неизменно проявляется во всех археологических памятниках.

Ниреллировались и языки. В бассейне реки Дона и в Приазовье всегда проживало большое количество племен славянского языка. Они составляли многочисленный христианский слой в Хазарии и потому Хазары «из за смешения со Славянами говорили по славянски наравне с другими народами севера» (ал Бекри).

Митрополит Макарий на основании греческих свидетельств в книге «Четьи Миней» называет Меото-Казаров «народом скифским языка славянского». Подтверждение его слов находится в житии св. Кирилла, а во всем объеме вопрос о северо-кавказских Славянах находит свое разрешение в последних открытиях археологии.

Меото-Казары в державе Мстислава Храброго господствовали численно. Они положили начало славянским диалектам казачьего языка, в то время как Касаки насытили его туранскими корнями, которые слились с казачьей речью органически, приобрели славянские формы и подчинились славянским грамматическим законам.

Во время Мстислава и при его наследниках Подонские и Северокавказские Славяне частично расселились в верховьях Дона, около Чернигова и Курска. Сопутствовали им летописные Касоги или вернее Касаки, уже ознакомленные со славянской речью. Они принесли сюда готовую смесь своих языков, дополнили и обогатили ею местные славянские наречия и на протяжении веков сожителюства с потомками Северян и Вятичей создали острова обособленных южно-русских диалектов, которые оказались потом казачьими говорами на Дону и в области Самары. Наравне с туранским наречием Торков, Донские и Северские Казаки пользовались этими диалектами и во время пребывания под властью Золотой Орды (1240-1380). Оставались они в обиходе и у Ордынских Казаков. С ними же ушли Донцы на север после трех татарских разгромов (1380, 1382, 1395 гг.), а в пятнадцатом столетии пришли назад на «украины» великого князя московского. С ними же они вернулись на Дон в тот год, когда Сары-Азманы «на Дону в трех и четырех местах города подделали» (1549 г.), когда двязычный казачий поток хлынул с московских окраин на Дикое Поле. Одни, спускаясь вдоль берегов родной реки до Хопра, шли сюда с тамбовским говором, другие из Черниговской области принесли на Медведицу в произношении и словаре показатель прежней близости к Белорусам, третьи вернулись на Средний Дон с орловско-курским диалектом и только Сары Азманы принесли на Нижний Дон некоторые особенности древней казарской речи, очевидно, по той причине, что на Северском Донце мало общались с Русами, а берега Черного и Азовского морей покинули не так давно.

Довольно отчетливые границы размещения говоров на Донской земле лишний раз подтверждают очевидность массового возвращения казачьего населения; Казаки вернулись на Дон хорошо организованными и однородными общинами, а не «пестрыми этнически» и разрозненными толпами.

Соответствующим образом можно проследить, как развивалось наречие украинское среди некоторых общин Днепровских Казаков.

Судя по памятникам древне-русской письменности, нынешний украинский язык в древности широко был распространен только по западным областям Киевской Руси. Его первичные формы принадлежали Вольни, Галичине и Червонной Руси. Но киевские князья, начиная от Владимира Святославовича, пополняли редкое земледельческое население вдоль степной границы принудительными выводами жителей с запада.

Таким образом, широкая полоса новопостроенных городов пограничья оказалась населена людьми украинской речи, а именно с ними больше всего пришлось иметь дело Черным Клобукам. В тех случаях, когда они, как федераты получали «в кормление» пограничные города, они селились там небольшими общинами во главе со своими вождями и, как своеобразный господствующий коллектив, должны были во всех проявлениях жизни непрерывно общаться с их жителями. Тут же размещали они свои семьи и, значит, детям приходилось расти в самой гуще украинских говоров. Тогда то среди них укоренилось украинское наречие, которое однако прошло через корректуру привычных им прежде языковых форм и обратилось в полтавский диалект Запорожцев. В малых масштабах и здесь повторились процессы славянизации столь отчетливые в истории Рюриковичей и Гедиминовичей.

При Татарах Золотой Орды снова понадобились туранские диалекты Торков, а под властью Гедиминовичей в Литве белорусский язык начал проникать и в казачью среду, особенно в деле официальных сношений. В результате Люблинской Унии (1569 года), ко-

гда Литва передала Польше свои днепровские владения, «Земли Запорожских Черкасов» вновь стали наполняться переселенцами из Польши, Холмщины, Волыни и Галичины. Широко по степи пошел украинский и польский говор, не нарушая полтавского диалекта местных Казаков. В 1792 году Запорожцы принесли его на Кубань. Их речь не была точным воспроизведением западно-украинских говоров, в частности галицких, которые шли в развитии своими путями и только в последние десятилетия при посредстве школ стали приближаться к красочному казачьему языку. Однако, в те же десятилетия, под давлением трагических революционных обстоятельств, полтавская казачья речь приморских станиц Кубани стала замирать и заменяться языком русским. Молодежь прибывшая оттуда с последней эмиграцией по украински говорит слабо и неохотно.

Казаки нашего времени пользуются преимущественно русским языком. В этом нет ничего катастрофического. Наши диалекты принадлежат нам по праву совместного владения с Русскими и исправно выполняют назначенную им роль в общении между людьми и в деле создания нашей художественной литературы. Они служат нашим национальным интересам, интересам нашей национальной культуры так же, как французские диалекты служат Бельгийцам или Швейцарцам, английские — Ирландцам и Американцам, а тюркские языки, кроме Турции, — целому сонму азиатских племен и народов.

1) М. Е. Вейнбаум. Загадка Колумба.

2) И. П. Буданов. Дон и Москва, кн. 2.

3) Проф. П. С. Кузнецов. Русская диалектология.

4) М. А. Полторацкая. Островок русской старины, журнал «В помощь преподавателю русского языка в Америке» №№ 31 и 32.

5) Письмо и ответ на него напечатаны в № 32 того же журнала.

6) Основной полтавский диалект был распространен по всей «Земле Запорожских Черкасов» (термин московских актов) от Чигирина до Конотопа. Он соответствовал языку Черноморских Казаков на Кубани. Но в настоящее время в тех же границах уже различается шесть параллельных типов речи, как результат переселения на бывшие казачьи земли Украины крестьян из различных областей Польши, Литвы и России. (см. В. С. Ващенко. Полтавські говори, ст. 437)

ИСТОЧНИКИ И КОММЕНТАРИИ

Стр. 9. Рисунок заставки. Для всех заставок взяты узоры казачьих ковров из книги «Oriental rugs antique and modern» by Walter A. Hawley.

Стр. 13. Так в Киевском Синописе назван народ... Слова «в Киевском Синописе» помещены ошибочно. Должно быть: «Так у Ригельмана назван народ»...

Стр. 15. Приазовье и берега Дона... Вопросы праистории нашей земли основательно разработал профессор-казак, археолог, историк и экономист д-р Михаил Александрович Миллер. К сожалению, содержательные книги его труда «Дон и Приазовье в древности» не могли быть использованы в тексте настоящей книги, потому что увидели свет только в конце 1958 года. Приходится ограничиться сокращениями и выдержками из них, которые приводятся ниже:

«Около 150.000 лет тому назад на Дону уже жили люди. Причем эта жизнь продолжалась в дальнейшем непрерывно до наших дней.» (Дон и Приазовье в древности. Часть 1. Первобытный период. Мюнхен 1958, стр. 93)

Первые люди (неандертальцы) «жили в форме первобытного стада и имели еще настолько примитивные орудия, что могли бороться с окружающими силами природы лишь сообща. Основными формами хозяйства у неандертальцев было собирание съедобных корней, диких плодов, яиц дикой птицы, моллюсков и ловля мелких животных. Однако у них существовала уже и облавная охота на крупных животных, водившихся в то время в степях в громадных количествах.» (там же)

«На основании (...) данных этнографии можно думать, что неандертальцы уже умели и добывать огонь, путем трения или сверления дерева. Огонь неандертальцы применяли в облавной охоте для загона животных, на огне раскалывали кремьнь для приготовления орудий на огне изготавляли пищу, хотя часто мясо и костный мозг ели в сыром виде. Вокруг костров сосредоточивалась домашняя жизнь неандертальцев, огонь же ночью охранял их от хищных животных. В качестве топлива использовалось дерево, кости животных, сухая трава.» (там же)

«Находка целого ряда погребений неандертальцев в Европе и в СССР (Киик Коба в Крыму, Тешик Таш в Средней Азии) совершенно определенно говорят крайней мере о вере в загробную жизнь.»

Жизненный опыт населения Дона рос и развивался из тысячелетия в тысячелетие. Ледник, покрывавший лесную полосу и север Европы, не распространялся на наши степи и потому жизнь там протекала непрерывно. В следующую эпоху (палеолит), отделенную от нашего времени десятками тысяч лет,

«Палеолитические люди уже строят настоящие землянки, используя для этого камень, кости мамонта, вероятно, дерево, ветки и шкуры животных. Поселения состоят из группы небольших овальных или круглых землянок, в которых помещалось по одной семье, но так же распространены и очень большие жилища, настоящие комплексы, создававшиеся, повидимому, постепенно, путем пристроек. В этих жилищах помещалось по несколько семей и количество очагов в них доходит до восьми.» (стр. 97)

7-8 тысяч лет тому назад, когда последний ледник отходит далеко на север, климат в наших краях делается теплым и влажным. К этому времени человек уже обзавелся прирученной собакой и луком со стрелами. На мелкого зверя и птицу он может охотиться в одиночку. Начинается эпоха неолита.

«Появляются первые челноки, долбленные из цельного дерева, которые дают возможность передвижения по воде — новое важное средство в развитии связей, рыболовства, охоты, использования островов и т. д.» «Возникает первое гончарство — изготовление сосудов из глины. Возникает ткачество, витье веревок, плетение сетей.» «Возникает и прогрессивная форма хозяйства — мотыжное или ручное земледелие. В технике обработки камня возникает шлифование и (...) сверление, пока только заверший для булав. Появляются гарпуны и рыболовные крючки из кости.» (стр. 99)

5-6 тысяч лет тому назад температура еще повышается и начинаются засухи. В связи с этим понижается уровень вод, многие реки, озера и болота исчезают совершенно. Растительный покров нашей зоны уменьшился, но зато «население чрезвычайно размножилось и распространилось по всей степной полосе.» (ст. 104)

Четыре тысячи лет тому назад в распоряжении человека появляются изделия из бронзы. Начинается эпоха бронзы — Бронзовый век. Он приходит в наши степи сразу и полностью сменяет не только облик культуры, но и антропологический тип населения. До этого времени смена прогрессирующих культур происходила без крупных ломов, путем естественного и последовательного развития, а тут в течение короткого времени произошли резкие и неожиданные перемены:

«Полная смена населения и культуры в причерноморских степях с началом бронзового века представляет единственным эпизодом такого рода в истории Причерноморья, а может быть и всей Европы и, повидимому, стоит в связи с крупными миграционными явлениями того времени. Из ряда египетских текстов и памятников передней Азии мы знаем, что в начале второго тысячелетия до н. э. (т. е. около четырех тысяч лет тому назад. Г. Г.) в бассейне Средиземного моря началось крупнейшее переселение народов, которые египетские тексты называют «народами моря», «голубоглазыми варварами», «людьми тумана» и т. д. Передвигались целые племена и союзы племен со всем своим имуществом с запада на восток. Эти племена высаживались в Египте но были отбиты, высадившись же на островах архипелага и в Палестине, они заняли там ряд областей, вытеснив оттуда местное население. По имени одного из этих племен — филистимлян была названа Палестина и из Библии мы знаем о тех бесконечных войнах, которые вели с ними иудеи после своего появления в Палестине. Это племя в египетских текстах называется «пуласати». Там же упоминается ряд других племен, названия которых более или менее расшифрованы. Появление в это время в причерноморских степях нового населения с средиземноморской культурой и связанного с Кавказом и Ираном явилось результатом этого великого передвижения народов. Конечно, в Западную Европу эти племена могли проникать и другими путями. Одна-

ко, в причерноморских степях они тотчас же после своего появления проявили большую агрессию и распространились до Волги и Буга.» (там же, стр. 109-110)

«Новое население эпохи бронзы характеризуется в своей культуре большим количеством и разнообразием бронзовых орудий, высокоразвитым пастушеским скотоводством с разведением не только мелкого, но и, главным образом, крупного скота, а также дальнейшим развитием земледелия — появлением бронзовых серпов и настоящих зернотерок. В идеологии — высокоразвитый культ солнца и сложный ритуал погребения. В общественном строе — развитый патриархат. Всеми этими показателями население и культура эпохи бронзы качественно и принципиально отличаются от предыдущей эпохи энеолита. Все особенности новой культуры, повидимому, принесены новым населением, так как в энеолите нет никаких предпосылок для развития явлений, характеризующих эпоху бронзы.» (там же, стр. 111)

«Бронзовые изделия степной причерноморской полосы имеют очень своеобразный характер, четко ограниченный этой полосой. Своеобразие этой культуры, включая сюда и культуру расписной керамики, проявляется уже в энеолите, в эпоху же бронзы придает степной полосе характер полной обособленности, как от Средней Европы, так и, особенно, от лесной полосы.» (там же, стр. 113)

«Бронзовая культура степной полосы в историческом процессе ее изучения называлась степной бронзой, черноморской, новороссийской и теперь называется северо-кавказской. Если нанести на карту места находок предметов этой культуры, то они точно определяют границы степной полосы, нигде не переходя в лесную полосу, а тем более выше.» (там же)

«В то же время характерные для лесной полосы бронзовые культуры фатьяновская, сейминская, абашевская, дьякова для степной полосы чужды и полностью неизвестны. Кроме того, бронзовые изделия появляются в лесной полосе почти на тысячу лет позже, чем в степной полосе.» (там же)

«Основным центром производства для всей степной полосы на всем протяжении бронзового века, как и в энеолите, является Северный Кавказ (Кубань).» (там же, стр. 114)

«Северо-кавказская бронза распространяется по степной полосе до Днепра, переходит на его правый берег и уже в более слабом выражении доходит до Днестра и в отдельных случаях до Прута. В распространении северо-кавказской бронзы по степной полосе Донской край играл роль пути, по которому эта бронза распространялась далее к западу. Поэтому здесь, особенно на Нижнем Дону, как на передаточном этапе, мы имеем северо-кавказскую бронзу в наиболее выразительном представлении. К западу же от Днепра проявления этой бронзы слабеют и сменяются бронзой, идущей из Закарпатья, так называемой венгерской или семигородской. Проявления карпатской бронзы к востоку от Днепра слабеют и достигают Дона лишь в крайне редких отдельных экземплярах.» (там же, стр. 115)

«Из двух великих центров бронзовых индустриальных культур, северо-кавказской и закарпатской, старшей и основной для нашего края является северо-кавказская. Изделия северо-кавказской бронзовой индустрии первыми проникли в причерноморские степи в эпоху энеолита. В дальнейшем эта культура в бронзовых изделиях и в подражаниях им из кости господствует в степях непрерывно на протяжении всей эпохи бронзы до появления праскифской и скифской культуры, которые также приходят в степную полосу с Северного Кавказа.» (там же, стр. 117 и 118)

«Поселений эпохи бронзы на Дону очень много, но в громадном

подавляющем Сольшинстве они относятся к эпохе поздней бронзы.» «Конечно, остатки раннебронзовых поселений могут быть найдены в дальнейшем и в других местах, однако, и теперь уже достаточно ясно, что население позднебронзового времени во много раз превышает количество поселений более ранних. Это указывает на непрерывный и быстрый рост населения бронзовой эпохи, которое в позднебронзовое время заселяет уже все долины более крупных рек и морское побережье.» (там же, стр. 136)

«При первом же ознакомлении с материалами донских поселений эпохи бронзы, бросается в глаза их разделение на две группы, значительно отличающиеся одна от другой. К первой группе относятся поселения верхнего и среднего Дона и Донца, до стан. Цимлянкой на Дону и Митякинской на Донце. Вторая группа — в низовьях Дона, Донца и на морском побережьи; на Донце вторая группа расположена на Кундюрюком песчаном массиве; на Дону — от стан. Аксайской до моря и по берегу моря. Поселения из землянок, характерные только для первой группы — во второй полностью отсутствуют. В поселениях первой группы довольно часты находки сельско-хозяйственных орудий, и самые поселения обычно расположены на низменных, заливаемых теперь пойменных берегах. Поселения второй группы расположены обычно на высоких обрывистых берегах и в них наивысшего развития достигает рыболовство.» (там же, стр. 138)

Речь идет о поселениях из землянок в первой группе и о поселениях из шалашей или о рыболовных стоянках во второй группе. «Поселений из землянок несравненно меньше, чем из шалашей, оставивших по себе лишь культурные слои, без признаков наземных построек.» (там же, стр. 133)

«Поселения из землянок характерны только для верхнего и среднего Дона. Стоянки распространены по всему Дону, его крупнейшим притокам и по морскому берегу. На нижнем Дону поселения из землянок отсутствуют.» «Значительное различие наблюдается и в характере хозяйства открытых поселений нижнего Дона и поселений из землянок на среднем Дону. В первых из них крупнейшей, после скотоводства, хозяйственной формой является рыболовство. В поселениях из землянок рыболовство полностью отсутствует и вместо него развивается земледелие, которое в открытых поселениях не дает почти никаких следов.» (там же)

«Землянки позднебронзового времени повидимому двух типов: обычные прямоугольные, глубиной 0,50 до 1,5 метра со столбиками по углам и по линии стен. Стены из камыша или хворости, обмазанные глиной. Крыша также, повидимому, камышевая. Посредине — очаг или прямо на земле, или на площадке, выложенной камнем. Землянки у хутора Ляпичева дают несколько иной тип. Очень большие по площади, до 140 кв. метров, причем каждая состояла из двух помещений — более широкого, служившего жилищем для людей, и более узкого, служившего помещением для скота. Крыши, повидимому, имели шатровый характер и состояли из бревен, стоявших нижними концами на земле и сходявшихся вверх в виде конуса.» (там же, стр. 135)

«В поселении у хут. Ляпичева найдено большое количество костей, которые принадлежат более всего крупному рогатому скоту, в значительно меньшем количестве — овцам и лошадям и менее всего — свиньям. Керамика и орудия — обычные для этой эпохи. Остатки ткацкого станка.» (там же)

«Большое поселение у стан. Аксайской (Кобяково), повидимому, из камышевых шалашей, от которых сохранились лишь остатки очагов. Из позднебронзовых отложений кости животных: крупного

скота — 15,0%, овец — 35,0%, лошади — 7,5%, собаки — 27,0% и диких животных — 15,5%». «Крупный рогатый скот эпохи бронзы был крупных размеров, типа диких быков-туров, которые как в то время, так и значительно позже, стадами водились в степях.» (там же)

«Бронзовые орудия в позднем периоде значительно увеличиваются количественно, давая в то же время много форм неизвестных ранее. На этом уровне развития техники вырабатываются в общем все те основные формы орудий ручного труда, которые существуют и до сих пор: топор, пила, долото простое и желобчатое, гвозди, тесла, шерхебели и рубанки, ножи и т. д.» (там же, стр. 143)

«Земледелие этого времени было ручное, мотыжное, которое могло развиваться лишь в пойменных долинах с глубоким и мягким аллювиальным черноземом. Такой характер земледелия, как и высокопродуктивное рыболовство и скотоводство, обусловили формирование всех поселений эпохи бронзы в долинах рек, вблизи воды. В эпоху поздней бронзы появляются и первые транспортные средства в виде тяжелых возов на двух, четырех и даже шести колесах, которые делались сплошными из двух-трех кусков дерева. Найденны и остатки ярма, из чего видно, что в повозки впрягались быки.» (там же, стр. 137 сл.)

Уже в то время символом старшинства и власти служили булавы.

«Более широкое распространение получают и навершия для булав, часто из декоративного камня, которые очень редко, в единичных экземплярах, появляются еще в энеолите. Булавы известны главным образом с Нижнего Дона и Приазовья. Кроме четырех булав из Мариупольского могильника, известны булавы из курганных погребений у Новочеркасска, у пос. Мостовского, станицы Нижне Чирской, возле Ростова, у пос. Хрящевского на Нижнем Донце и т. д.» (там же, стр. 129)

«Приведенные выше различия в характере первой и второй групп позднебронзовых поселений в басс. Дона обусловлены главным образом самыми природными предпосылками. Бассейн верхнего и среднего Дона дает приречные долины, благоприятные для раннего земледелия. В то же время бассейн верхнего Дона состоит из относительно небольших рек, в которых водится не так много рыбы и, главным образом, мелкой. Рыболовство здесь и сейчас носит непромышленный характер. В нижнем своем течении Дон представляет собою широкую, многоводную реку с высокими берегами, ограничивающими широкую пойменную долину, непригодную для земледелия, покрытую озерами, плавнями и водолюбивой растительностью. В этих болотах еще в историческое время водилось огромное количество дичи — всяких птиц и свиней. Равным образом на нижнем Дону, особенно в его дельте, водилось огромное количество рыбы, и Азовское море, по исследованиям акад. Н. Книповича, по биологическому богатству занимало второе место в мире. Это соотношение природных условий на Дону сохранилось по существу и поныне, а вместе с ним — и особенности в хозяйстве казачьего населения. В то время как станицы и хутора верхнего и среднего Дона на всем протяжении своего исторического существования культивировали земледелие, население нижнего Дона и Приазовья, главным образом, а местами и исключительно, занималось рыболовством.» (там же, стр. 140)

Две части книги нашего ученого М. А. Миллера «Дон и Приазовье в древности» изданы ротаторным способом в очень ограниченном количестве. Широкому кругу читателей они доступны не будут. В виду огромной значительности этого труда, я считал необходимым привести в выдержках, хотя бы только наиболее существе-

ные для казачьей праистории места первой части. Вторая часть будет использована в дальнейших комментариях.

Стр. 16. областей Иллиона. Мизии и Фракии... О Фригийцах азиатских у Страбона, «География» 12.4.4: «Предполагают, что все эти племена были Фракийцами, потому что Фракийцы живут и по другой стороне пролива, как и по той причине, что люди на обоих берегах очень мало отличаются друг от друга.»

Стр. 17. известное под именем Скифии Европейской «После возвращения в причерноморские степи, Скифы утвердили свое господство. Но, помимо Скифов, в степной и на границе лесостепной полосы жили и другие племена, особенно же потомки индоевропейцев, пришедших сюда с началом бронзового века. Геродот перечисляет эти племена и указывает на то, что некоторые из них говорили на своих языках, отличных от скифского.» (Проф. М. А. Миллер, Дон и Приазовье в древности, ч. 2, стр. 15)

«Кочевые племена по отношению к местному оседлому населению являются завоевателями и грабителями, что заставляет местные племена отодвигаться в полосу лесостепи и здесь сооружать первые городища для защиты своих поселений и скота. Это те племена индоевропейского происхождения, которые приходят в причерноморские степи с началом бронзового века и ко времени нашествия иранцев (Скифов, Г. Г.) занимаются земледелием и пастушеским скотоводством.» (там же, стр. 13)

Стр. 25. Сака в остроконечных шапках...

Судя по изображению на мраморной плите Трифона из Танаиса, на которой высечен конный сарматский воин, М. А. Миллер видит в остроконечных шапках Скифов форму близкую «к среднеазиатским островерхим тибетейкам». Но их с такой же вероятностью можно считать прототипом скуфеек православных монахов или первоначальным фасоном войлочных турецких фесок.

«Шлык с лопастями сохранился до наших дней на Кавказе, где он называется «башлык.» (там же, стр. 109)

Стр. 27. произносили бы К о с с а й и ... Придыхательный звук *г* или *h* во многих европейских языках проявляет склонность к отмиранию и выпадению. В русском языке мягкое *г* перед гласной *е* по звучанию приближается иногда к *й*. Отсюда «Турйенев» вместо «Тургенев» (см. П. С. Кузнецов. Русская диалектология) или «йерой» вместо «герой». Летописцы пишут не Египет, а Еюпет; имя Юрий получилось из древнеславянского Гюргий после выпадения обоих *г*. В последних случаях возможно копирование греческого произношения.

Стр. 28. предпочитают писать К о с с а к ... У Англичан и Американцев наше имя пишется «Cossack», а произносится к а с с а к. Они его отличают, как этническое от названия «Kazak», которое считают татарским словом обидным по значению.

Стр. 29. новый народ Касаки или Торки... Л. Нидерле, «Славянские древности», на стр. 133 пишет: «Впервые Торков упоминает Плиний и Помпоний Мела, затем в VI веке Ян Эфесский, неподалеку от Персии.» Касаков следует считать одним из народов Скифии Азиатской.

Стр. 29. которые назывались также Косаками и Узами... Название *У з ы* произошло путем перерождения в исторической литературе арабского *о л Гу з е х*, которое дало нэчало и среднеазиатскому *Гу з ы и*, по всем видимостям, то же самое, что *К о с а к* или *К а й с а к*, но в арабском произношении.

Стр. 29. самые ранние торческие погребения... У Е. И. Крупнова в статье «Киммерийцы на Северном Кавказе», МИА 68, стр. 188: «необходимо помнить, что именно в Закавказье мы имеем

наиболее ранние захоронения с конем (в могильнике Шахтахта — второй половины II тыс. до н. э.).»

Стр. 31. родственниками скандинавского народа — Готов... Прокопий из Кесарии в книге «История воен» III. 3. 1 пишет: «Вандалы, живущие около Меотийского озера, принужденные к этому голодом, двинулись в страну Германцев, которых теперь называли Франками, на р. Рейн, присоединив к себе Аланов, готский народ». У него же в книге «Война с Готами», I(V). 1. 3: «Римляне приняли в качестве союзников Скиров, Аланов и другие готские племена.»

В пятнадцатом веке Иосафат Барбаро (Путешествия в Тану и Персию) писал, что на берегах Азовского моря жили Готы, говорившие на одном из германских наречий, «как я узнал, — пишет он, — от своего слуги немца, бывшего со мной и достаточно их понимавшего». «На этих местах сначала были Аланы, — говорит он дальше, — но потом, когда пришли Готы и покорили эти края, они соединили свое имя с именем Алан и стали называться Готиталанами. Они полностью подражают греческим обычаям, что, впрочем, делают и Черкасы».

Проф. М. А. Миллер приводит замечание Страбона: «Гревтунги, называемые Танаитами», но считает его не достаточно ясным. Имя «Гревтунги» во время Страбона принадлежало жителям донских берегов, тем же Аланам, и имеет полностью древне-скандинавское звучание.

Стр. 34. От М. Ромбита по Тирамбе... Судя по расстояниям, указанным Страбоном, Б. Ромбит должен был находиться на уровне лиманов Бейсутского и Куцеватого. М. Ромбит, очевидно, Протока и Кубань. Во время Страбона вдоль берегов Азовского моря располагались острова, тянувшие камышвые плавни и болота.

Стр. 35. к монументу Сатира... Монумент Сатира в XII веке упоминается автором «Слова о полку Игореве», как «Тьмутороканский болван». На древне-славянском языке «болван» то же самое, что «истукан», «идол».

Стр. 35. называют их камарос... Через сто лет Тацит в «Историях» кн. 3. 47 описывает лодки черноморских варваров: «Варвары спешно построили корабли и теперь волочили по морю сколько хотели, пренебрегая могуществом римлян. Свои лодки они называли ка мар о с.» «Это корабли с низкими бортами, но широкие в вязании, сколоченные при помощи железных или бронзовых гвоздей.» «Корма у них имела ту же форму, что и нос, а весла можно было перекладывать в обоих направлениях. Поэтому они могли менять курс без поворотов.» Такими же были и корабли казахи в XVI в.

Стр. 37. они называли Черное море... В Географии Страбона, кн. 7: «Сначала Черное море было названо Аксенон — негостеприимное, вследствие частых бурь и свирепости прибрежного населения.» «Но позднее, когда на его берегах основали свои города Ионийцы, его стали звать Эвксинус — гостеприимное.»

Стр. 37. Тачаис (Азор) и склад товаров Кемни... По поводу Танаиса у Страбона: «На реке Танаис при Меотийском озере имеется многолюдный город, того же имени, что и река. Он был основан Греками, которые владели и Боспором. Однако в последнее время он был разрушен царем Полемоном (около 14 г. до Р. Хр. Г. Г.), так как не оказывал ему послушания. Там был общий склад товаров частью для азиатских и меотийских номадов, а частью для тех, кто приплывал от Боспора. Отсюда привозили рабов, кожи и другие вещи, а доставляли сюда одежду, вина и прочие продукты цивилизации.»

Первоначальное местоположение Танаиса археологи указывают на Мертвом Донце. Проф. М. А. Миллер (Дон и Приазовье в древности, ч. 2, стр. 41) пишет: «Исторический Танаис возник, повидимому, в конце III в. — в начале II до н. э. у поселка Недвиговки на берегу р. Мертвого Донца, которая в то время являлась основным руслом Дона у его впадения в море. На этом месте Танаис и существовал до самого своего конца. Танаис упоминается у античных писателей уже в I ст. до н. э. С половины II-го до половины III-го ст. н. э. Танаис достигает своего высшего расцвета, затем начинает клониться к упадку. В конце IV ст. Танаис до основания разрушается Гуннами и прекращает свое существование, так же как и все сарматские городки.»

Разрушенный в одном месте, он впоследствии возрождается там, где теперь стоит Азов.

Стр. 38. крупный город Пантикапея... Аммиан Марцеллин в «Истории Рима» говорит, что Пантикапея расположена на Боге, реке огромной и от своих вод, и от разных источников, которые в нее текут. У Страбона (кн. 7.4): «Пантикапея — это гора заселенная со всех сторон, в окружности двадцати стадий. На востоке она имеет гавань приблизительно на 30 кораблей. Есть также акрополь. Долгое время она управлялась монархами из династий Левков, Сатиров и Парисадов вместе с землями, лежащими по соседству у истоков Меотийского озера с его обеих сторон. Но Парисады отдали свою независимость Митридату. Их называли тиранами, хотя большая их часть, особенно Левки и Парисады были справедливыми правителями. Парисадов почитали наравне с богами, но последний из них не был в состоянии сдерживать натиск варваров, которые требовали от него все больших откупов. Он передал свою суверенность Митридату Евпатору. После же Митридата цари стали вассалами Рима.»

Стр. 40. Скифы заставляли коня лечь... У М. А. Миллера (как выше, стр. 116) читаем: «На Чартомлыцкой вазе изображены сцены ловли и дрессировки лошадей Скифами при помощи арканов. В скифских погребениях часто встречаются свинцовые конусики, которые служили наконечниками лассо. Арканы у сарматов делались, вероятно, из конского волоса, как и у последующих кочевников. Арканы у Сарматов, у кочевников и у Казаков широко употреблялись не только в скотоводческом быту, но и на войне, в качестве оружия при нападении. Аммин Марцеллин рассказывает о том, что однажды Аланы, прорвавшись через Аланское ущелье в Закавказье, напали на армянского царя, встретившего их с войском. В бою Аланы набросили аркан царю на шею и он едва спасся, перерубив аркан мечем.»

Стр. 42. Племена Сарматов Роксоланов...

По свидетельству Ибн-Руста, арабского автора начала X-го столетия, Аланы делились на четыре племени. Наиболее благородные из них назывались Рукс-Асы. (Г. Вернадский и Д. Джанты, Осетинская легенда о Ири Дада и Мстиславе)

Среди кавказских горцев Убыхов тоже было одно племя с именем Аланы. (Caucasian Review 7, стр. 100).

Стр. 47. Казары были народом скифским... Здесь речь идет только о Казарах из Меотиды. У Рительмана в «Летописном повествовании о Малой России»: «Объявляет нам ясно, взятое из греческих летописцев, Российская Четьи Миней, повествованием своим в месяце мае в 11 день, что Козары, коих Греки Козарами, Римляне же Газарами называли, был народ скифский языка славянского, страна же их была близ Меотического озера, что и Мертвым морем называлось (ныне же Азовским именуется).»

Стр. 57. духовному пуководству епископов Готии... На северных берегах Черного моря Готы оставались заметной величиной очень долго. В 1185 году «Слово о полку Игореве» вспоминает и их: «Се бо готские красные девы вьспеша на брезе Синему морю.» Титул митрополитов Готии сохранялся в Крыму до XVIII столетия.

Стр. 59. Аланов, которых обычно называли Танаитами... Некоторые имена Танаитов сохранились в надписях на каменных плитах, обнаруженных при раскопках Танаиса. Это — Дидимоксарф, сын Ходена, архонт Танаитов; Хофразм, сын Форгавака; Деметрий, сын Аполлона, Танаит. Из них Дидимоксарф может считаться отчетливо скифским, Ходен, Хофразм и Форгавак имеют звучание скандинавское, а Деметрий и Аполлон — греческое. (Имена взяты из цит. книги М. А. Миллера, стр. 47)

Стр. 63. имели перед глазами благоустройство своих городов... У В. Д. Блаватского (Новые данные о строительстве Пантикапея. Сов. Арх. XVII, стр. 172): «Высокому уровню городской планировки Пантикапея полностью отвечали благоустройство и хорошие санитарное состояние боспорской столицы. Улицы и переулочки города содержались в порядке, некоторые из улиц снабжены водостоками еще в V веке до н. э. Как показали раскопки (1948 г.) участка к северу от Первого Кресла Митридата, весь мусор (в том числе строительный) начисто удалялся из центральных частей города на мощные свалки». «При жилых домах были выгробные ямы; одна из них оригинальной конструкции, облицованная рядом камней, образующих свод, схожий по форме с микенскими склепами, была обнаружена в слое IV - III в. до н. э. на южном склоне Митридата». «Картину городского благоустройства довершает здание терм».

Стр. 72. Моравам и Болгарам сообщены... Русь получила алфавит «кириллицу» еще позднее, вместе с христианством после 988 года.

Стр. 79. хахан высоко почитался императорами... М. В. Левченко (Известия Константина Багрянородного, Визант. Временник VI, стр. 25) приводит формулу дипломатического обращения к хазарскому кагану: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, единого истинного Бога, Константин и Роман, верные в Боге римские императоры наибогороднейшему и славнейшему кагану Хазари;» к документу, содержавшему это обращение, привешивалась печать в 3 золотых солида. К русскому же князю писалось: «Грамота Константина и Романа, христолюбивых императоров римских, к архонту Росии» — т. е. без всяких почетных эпитетов, — и к документам привешивалась печать ценою в два солида.»

Стр. 83. Сакалибов увели в неволю... Л. Нидерле (Славянские древности, стр. 181): «Согласно Якуту и Словарю, называвшемуся Камус, люди со светлой кожей, вообще, назывались Сиклаб или Саклаб.»

Немецкий переводчик Ибн Фадлана А. Зеки Валиди Тоган считает Сакалибов «тюркско-финскими смешанными народами». (А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн Фадлана, стр. 79)

В М. Азии, на месте древней Фригии, найдена скифская гробница старой эры, которая издавна слывет под названием созвучным с «саклаб» — Искелиб. (М. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья, стр. 34)

Стр. 90. встретить много христианских народов... В VI веке, по свидетельству Прокопия из Кесарии (Война с Готами), Готы тетракситы, живя около Азовского моря, «с душевной простотой и великой безропотностью чтут свою веру. Недавно перед этим они прислали в Византию четырех послов, прося дать им кого либо в епископы, потому что тот, который у них был священнослужителем,

незадолго перед тем умер; они узнали, по их словам, что и Абасгам император прислал пастыря. Император Юстиниан, очень охотно исполнив их просьбу, отпустил их». Аланы тоже в его время были «христиане и друзья ромеев» (ромеев — византийцы).

Стр. 90. храм в честь Иоанна Предтечи... А. И. Ригельман (Повествование о Донских Казаках) пишет, что Казаки, взявши в 1637 году Азов, «возобновили в городе бывшую древнюю церковь Иоанна Предтечи греческого православия, которая сооружена была и образ в ней писан был еще от 637 лета.»

Стр. 95. Узы византийских историков. Гуззы арабских, тождественны Торкам... Узы Багрянородного это одно из племенных названий Торков — Касаков. Именем ол Гузех Ахмед Ибн Фадлан называет нынешних Кайсаков или Казахов. Арабское начертание ол Гузех требует внимательного анализа опытного арабиста. Ассирийские клинописные таблички VII в. до Р. Хр. с записями событий (анналы) называют Скифов именем «ашгуза», а в предсказаниях оракулов — «ашкуза». (Б. В. Пиотровский. Скифы и древний Восток, Сов. Арх. XIX, стр. 147 и 149) Имя ол Гузех может оказаться древне-арабской формой имени Казах.

Стр. 95. Печенеги ушли за Днепр... Согласно Багрянородному, некоторые из Печенегов после поражения покорились Узам, добровольно остались среди них, переняв их обычаи и даже фасон платья.

Стр. 102. остатки Антов, племена Вятичей... Л. Нидерле Славянские древности, стр. 140: «А. Гильфердинг, Д. Иловайский, И. Первольф и Ф. Вестберг самое название ант связывают с русским вятич.» Разъясняет их точку зрения сов. профессор Б. А. Рыбаков (Древние Русы, Сов. Арх. XVII, стр. 44): «Термин „анты“ является диалектным видоизменением общеславянского наименования «венеты». Западное произношение дает нам формы: «венеды», «венды», «винды»; восточные — более мягкие формы: «венеты», «вятичи», «вентичи» (из вѣты — венты). Отпадение начального в, столь обычное в русской географической номенклатуре (...) и отверждение носового звука, чуждого латинскому и греческому языкам, привело к тому, что из слова «венеты», вѣты образовалось слово «анты». Это был недолговечный термин в употреблении греков и римлян, но русские летописцы и арабы знают его в прежнем звучании «вентичи», «вентит».

Таким образом проф. Рыбаков подтверждает, что имя «анты» вошло в историю только вследствие диалектологического перерождения имени Вятичей, Вентичей.

Стр. 103. хазарский титул правителей — хаканы... Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 347: «Арабский географ Ибн Роста (около 903 г.) приводит между прочим название Руси, имянуя царя Русов именем хаган Рус. Илларион в своем «Слове о законе и благодати» величает князя Владимира «Великим каганом нашей земли». Наконец, автор «Слова о полку Игореве» старое время, время Ярослав и Олега, называет коганьим временем: «старого времени Ярославля, Ольгова, коганя».

Стр. 104. среди Остготов проживали Росомоны... Проф. Рыбаков (Древние Русы, Сов. Арх. XVII, стр. 100) пишет: «Рассказ Иордана о росомонах представляет большой интерес. Из него мы узнаем, что какой то знатный рос был союзником или подчиненным Германариха и вышел из подчинения. Тогда готский князь приказал разорвать жену этого роса — Сунильду, после чего братья Сунильды (тоже росоманы) в порядке кровавой мести убили самого Германариха».

Готский историк Иордан у Поляков иногда именуется Иорнан-дом.

Стр. 105. Константин Багрянородный, вспоминая Россию «внешнюю»... Цитируя по Б. Д. Грекову (Киевская Русь, стр. 296): «Однодеревки, приходящие в Константинополь из внешней России, идут из Новограды, в которой сидит Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милиниски, из Телюцы, Чернигоги и из Вышестрада. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самвата.»

Стр. 110. связей Святослава с Черноморьем... Лев Дьякон так описывает его наружность: «Среднего роста, не слишком высок и не слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритой бородой и с густыми длинными, висящими на верхней губе усами. Голова у него была совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином посреди их вставленным.» (Повесть временных лет, Т. 2, стр. 309)

Стр. 110. Русы заняли Дон... У М. И. Артамова (Саркел — Белая Вежа, МИА 62, стр. 77) читаем: «Арабские писатели Ибн Мисхавейх и Ибн ал Асир сообщают о нападении торок-гузов на Хазар в 965 г. Можно думать, что это нападение находилось в связи с восточным походом Святослава».

Стр. 116. в этой переписке на 36 листах... В книге «Библиография русских надписей XI - XV вв.», начиная от стр. 167 А. С. Орлов дает подробную опись «дела» о ограждении камня. Вначале помещено письмо таврического губернатора С. С. Жегулина к вице-губернатору К. И. Габлицу из Петербурга 4 ноября 1793 г.

«В письме этом Жегулин сообщает о высочайшем повелении поставить найденный на острове Фанагория камень на прежнее место, откуда он был взят бригадиром Пустошкиным, сделать вокруг него ограждение и снять с него меру, а более всего слова на нем находящиеся и рисунок доставить ее величеству... На передней стороне этого листа сверху написана резолюция Габлица — какие необходимо сделать распоряжения: предписать премьер майору Белому, землемеру Самбулову, архитектурскому помощнику Баженову, казначею Генбочеву, бригадиру Чепеге, городничему Лаушеву и исправнику.

На предписание дать рабочих людей и караульных «Войска Черноморского кошевой атаман, армии господин бригадир и кавалер Чепега» ответил так:

Высокоородному и превосходительному господину генерал майору таврическому губернатору и кавалеру Семену Семеновичу Жегулину

Рапорт.

Вашего превосходительства предписание о командировании по требованию посланного от господина вице губернатора и кавалера Габлица, во исполнение высочайшей ее императорского величества воли ради построения ограды вокруг камня, найденного на острове Фанагории, как рабочих, так и для караула козаков, хотя и следовало бы исполнить, но, как не безызвестно и вашему превосходительству, их новое переселение в пустые места, а притом и позднее пришествие сего лета от реки Днестра, так что вряд ли успеют для жен и детей на зиму и землянки построить; некоторые разъехались по разным местам для покупки к прокормлению своих семейств и состоящих на пограничной стражи казаков хлеба; з Екатеринославского наместничества и по сие время не выпускают; с числа зимо-

вавшихся прошлую зиму тут две тысячи состоят при реки Кубану от Устьлабьинской линии даже до Черного моря по высочайшей ея императорского величества грамоте на бдительной пограничной страже от набегов закубанских народов; небольшая часть остается для избережения казенной флотилии и протчих войсковых тяжелостей; а последние распущены для виводу своих семейств на сию землю, кои еще не возвратились, и заработков себе на следующую зиму одения и хлеба, ибо уже по высочайшей грамоте сего сентября по первое число дача указному провианту приостановилась. То по таковым обстоятельствам командировать для вышеписанной надобности крайне нет кого: о чем вашему превосходительству представляя, покорнейше прошу, покудова новопереселившиеся козаки себя поправлять хлебом и всем нужным, о освобождении их от таковых нарядов сделать уважение, дабы сии чрез то не пришли в крайнее разорение; ибо уже и так многие чрез столь понесенные в минувшую с Портою Отътоманскою войны в службе подвиги и частые переселения до крайности разорились:

**Атаман кошовый армии бригадир и кавалер
Захарий Чепега.**

№429

1793-го году

Сентября: 13: дня
при Кубани

Стр. 116. и войкового судьи Антона Анлреевича Головатого... Там же у А. С. Орлова на стр. 180: «Рапорт полковника А. А. Головатого таврическому губернатору С. С. Жегулину 29 марта 1795 г., с собственноручной подписью Головатого и пометою получателя: «писано г. Головатому». Синяя бумага, с датою 1792 г. на филиграни.»

Высокородному и превосходительному господину генераль майору, таврическому губернатору и кавалеру Семену Семеновичу Жегулину

Рапорт!

Вашему превосходительству чест имею доложить, что сделанной над мрамурным камнем с надписью деяний князя Глеба монумент поставлен от Тамана без малого на версту, близь разрушенного фантала, а к тому между частими пещаньми курганами и на самом низменном месте, так что в разсуждении очень песковатого туда разстояния редко кто и любопытствовать к нему приходить; а по сым обстоятельствам сужу я за способнее перенесть оной монумент к выстроенной в Тамане в прекрасном саду каменной церкви, и при оной выстроить тот монумент не таковым планом, каков ныне есть тесен и внутрь темной, но так чтобы оной камень лежал посредине оного монумента на четырех столбах, как бы на ашафоте, с порядочною крышею, от кровенно, дабы все надписе деяний князя Глеба без трудности любопытствующим видны были, при том же для его и ради церкви единоместной караул существовать может. Итак, ежели сие покажется приятным способом воле вашето превосходительства, покорно прошу резолюцию не оставить

**Войсковой судия армии полковник и кавалер
Антон Головатый.**

№ 128-й

Марта 29 дня
1795 года
Тамань

Второй рапорт А. А. Головатого:

Повеление вашего превосходительства от 8-го за № 406-м, последовавшее и дозволяющее перенесть монумент над мрамурным кам-

нем с надписью деяний князя Глеба, состоящий ныне при фантале, к новоосуженной в Тамане церкви, 16-го числа сего Апреля получа, докладываю вашему превосходительству, что для постановления под оной камень столбов есть в Ениколе при берегу и других местах войскими командами с Тамана перевезенные разные мрамурные столбы и фигуры, соответствующие древности, находящиеся без употребления. Ежели ж для такова достопамятного дела возможно их получить, покорно вашего превосходительства прошу об отдаче кому надлежит писать и о последующем меня резолюцию не оставить. А дабы откомандированный вашим превосходительством господин землемер Санбулов в отъезде мое по мнению моему построение при церкви в северных воротах монумента сделал, пре- проводил я фонагорийскому полковнику господину секунд майору Бурносу доверяемый тому месту план!

**Войсковой судия арми полковник и кавалер
Антон Головатый.**

№ 215

Апреля 17 дня

1795 года

Екатеринодар

Стр. 119. Славян раннего проникновения в Меотиду... В томе XIX Сов. Археологии, на стр. 120 указывается на следы Славян в Кубанском крае уже в сарматское время, т. е. в начале нашей эры: «На наличие некоторых общих черт в культуре Славян и Сарматов указывал уже К. Ф. Смирнов, характеризуя сарматское население Прикубанья. Он предполагает даже возможность «проникновения какой то группы населения из восточных районов культуры полей погребений в среднее Прикубанье.» (Ю. В. Кухаренко. О славяно-финских и славяно-сарматских отношениях.) Создателями «культуры полей погребений» считаются Славяне.

Стр. 120. Славяне появились на Верхнем Дону... В 1951 году раскопано славянское поселение восьмого или девятого века на территории хутора Ближняя Мельница, расположенного около р. Чир недалеко от впадения ее в Дон. Русский археолог И. И. Ляпушкин, производивший раскопки поселения, заканчивает свой отчет о нем следующим выводом: «Таким образом, проникновение группы Славян, населявшей исследуемый поселок, в бассейн нижнего течения Дона произошло, очевидно, ранее похода Святослава на Хазар, в период того широкого движения Славян на юго-восток, которое началось в VIII в. Для понимания этого процесса материалы поселения у хут. Ближняя Мельница имеют существенное значение.» (МИА 62, 1958 г., стр. 346-47)

Подобный вывод делает другой русский археолог М. И. Артамонов по отношению к городу Саркелу или Белой Веже: «создается впечатление, что раннее славянское население Белой Вежи относится не ко второй половине X в., ко времени после взятия крепости Святославом, а к значительно более ранней поре, к хазарскому периоду.» (МИА 62, стр. 62) В той же статье «Саркел — Белая Вежа» М. И. Артамонов пишет: «Теперь установлено, что Славяне проникали в салтовскую среду, основывали в глубине салтовской территории свои поселения, т. е., что между Славянами и салтовцами существовали мирные дружественные отношения.» (стр. 62) «Антропологические исследования многочисленных скелетов из безкурганного могильника Белой Вежи рисуют яркую картину смешения различных физических типов или рас. Наряду с длинноголовыми славянскими индивидами здесь много короткоголовых с черепами зливкинского типа, встречаются черепа с более или менее выраженными чертами монголоидности, имеются различные виды и степени расо-

вой метиоаши. (там же) (Салтово-маяцкая культура — условное обозначение археологических памятников, оставшихся от степных жителей раннего Средневековья на Дону и в Приазовьи. Ее отличают от Боршево-роменской, характерной для Славян Верхнего Дона и Северского края в ту же эпоху. Г. Г.)

Стр. 120. появились многочисленные Посуличи и Бродники... Подбор некоторых исторических свидетельств о Бродниках дает И. П. Буданов. (Дон и Москва, кн. IV, вып. 2, стр. 5 и след.) Бродники в летописях упоминаются не сразу. Впервые — в Ипатьевской под годом 1147, затем в Воскресенской под годом 1216, наконец, в Лаврентьевской под 1223 годом. Проф. Голубовский видит в них образование более позднее, времени половецкого: «Бродники есть община, выработавшаяся из остатков придонского оседлого населения, под влиянием исторических и этнографических условий, в которое оно было поставлено и представляющее собою прототип Казачества.» (И. П. Буданов, та же книга, стр. 15) Археолог М. И. Артамонов предполагает в них «русско-половецкое население Подонья, известное в истории под именем Бродников.» (М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа, МИА 62, стр. 84)

Дальше, в примечании для стр. 173, будут приведены соображения, по которым определение «русско-половецкое население» следует заменить «смешанным славяно-торческим населением».

Стр. 120. спорность следов оставленных Приазовскими Славянами... В последнее время можно встретить более точные данные о Подонских Славянах в отчетах об археологических изысканиях. Проф. М. А. Миллер, в описании Кобякова городища на окраине станицы Аксайской, пишет: «общая толщина культурных слоев обнажившихся в обрыве достигает свыше десяти метров. В основании — остатки поселений первой, ранней бронзы, с самого начала бронзового века, которые сверху переходят в отложения периода поздней бронзы. Затем тонкий слой погребенного гумуса, указывающий на перерыв, соответствующий скифской эпохе. Затем поселение и, очевидно, укрепление римского времени I-IV столетий. Выше — отложения византийской эпохи с остатками славянского поселения и построек из камня-дикаря». (М. А. Миллер. Дон и Приазовье в древности, ч. 2, стр. 66)

И в описании Нижне-Гниловского городища: «Тут, у вершины дельты Дона, находятся остатки поселения эпохи бронзы и некрополь того же времени, остатки бывшего там же поселения с греко-сарматской культурой, два больших сарматских некрополя и остатки поселений и погребений с культурами болгарскою и славянскою IX - XIII вв. н. э. (там же, стр. 67)

Стр. 122. Касаки в лице Торков... При раскопках курганных могильников хазарского времени около Саркела: «со многими из погребенных, сбоку, несколько выше скелета, оказывались части коня; во рту конского черепа находились одночленные удила, а посредине между конечностями лошади — стремяна, пряжки и кольца от седла. «При мужских скелетах обычно находилось оружие в виде наконечников стрел, костяных накладок на лук, пластинок для подвешивания колчанов и, более редко, длинных однолезвийных сабель в виде палаша (так называемый, кончар).» (М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа, МИА 62, стр. 76)

«Скорее всего кочевниками, входившими в состав гарнизона Саркела - Белой Вежи, были гузы — торки, признаки погребального обряда которых, равно как и форма некоторых вещей (одночленные удила, сабля-кончар), совпадают с характерными для курганного могильника Саркела - Белой Вежи.» (там же, стр. 77)

«Нет ничего невероятного в том, что отряд гузов, находившийся

на службе у хазар в качестве гарнизона Саркела, был оставлен Святославом в завоеванной им хазарской крепости на Дону и в дальнейшем жил в Белой Веже с русскими.» (там же, стр. 78)

Стр. 128. повесть о Редее все же существует в кавказском эпосе... Повесть о Редее, осетинская легенда, опубликована проф. Г. Вернадским и Джамбулатом Джанты (Осетинское сказание об Иридада и Мстиславе). По ее содержанию, поединок произошел в результате трагического недоразумения между Мстиславом и хмельным братом его жены — Аламатом. Обиженные Ясы потребовали от Мстислава: «за оскорбление Аламата ты должен заплатить кровью на поле брани». Мстислав ответил: «Я никогда не был вашим врагом, не чувствую к вам вражды и сейчас. Зачем нам уничтожать в бою своих людей? Я готов сам померяться силами с лучшим из ваших мужей.» Тогда против него вышел могучий богатырь, князь Ири Дада. Первый день борьбы окончился без результата. На второй они вооружились кинжалами и Мстиславу, в конце концов, удалось заколоть своего противника, перехватив кинжал в левую руку. В легенде упоминаются Казарские горы и Казарская долина. Аланская лошадь, по объяснению Джамбулата Джанты, была древней расы и до последнего времени высоко ценилась в Моздокских степях. Это конь горбоносый, высокий, стройный и быстрый как ураган. Некоторые кони красивой чалой масти с так называемым «ремнем по спине», т. е. с черной полосой по хребту от холки до окончания хвоста.

Стр. 142. Никон жил здесь... И. П. Буданов приводит выдержки из «Патерика Киево-Печерского монастыря» (Дон и Москва, кн. III, стр. 36): «Великий же Никон (отъиде) на остров Тьмутароканский и ту обрете место чисто близь града и седе на нем. И Божию благодатью възрасте место то, и церковь святые Богородицы възгради на нем; и бысть монастырь славен, иже и до ныне есть, приклад же имый в сей Печерский монастырь.» И. П. Буданов понимает слово приклад, как подчинение Киево-Печерскому монастырю. Но это слово в белорусском, украинском и польском языках означает пример. В данном случае: «брал пример с нашего Печерского монастыря».

Стр. 149. Взгляду на Торков как на христиан... Историк С. А. Плетнева в статье «Печенеги, Торки и Половцы в южнорусских степях» (МИА 62, стр. 185) пишет: «В кочевнических древностях Поросья выделяется одно богатейшее курганное погребение, обнаруженное у дер. Королевино под Таганчей (Каневский р-н, Киевской обл.). В нем захоронен мужчина, ориентированный головой на запад; вместе с ним положен конь. Инвентарь чрезвычайно богат и разнообразен: стремяна, удила, сабля, копье, булава, остатки щита, кольчуга, шлем, медальон с изображением Христа, серебряные накладки, серебряная чаша и т. д.»

Это погребение нашего предка — Торка или Бродника, как предполагает С. А. Плетнева, датируется десятым веком и не позже одиннадцатого. Образок Христа указывает на несомненную его принадлежность к христианству. В дополнение тот же автор выражает мнение, что «в XI-XII веках русских богатых дружинников не могли хоронить по языческому обряду — с конем и оружием». (там же, стр. 186)

Стр. 151. легче было потерять язык отцов... Подобные перемены в жизни народов встречаются на каждом шагу: Мазуры Восточной Пруссии, оставаясь, по существу, Поляками, в первой половине нашего века совсем отказались от польского языка, приняли немецкий и стали считать себя немцами; представители цветных рас в Америке часто даже не знают о существовании языка их отцов. В

США, например, все усвоили язык английский, сохраняя, однако, прежние внешние черты и цвет кожи; Европейские Евреи уже несколько веков не говорят по еврейски, а пользуются так называемым жаргоном, одним из старо-германских наречий. Это мало способствовало утасанию в них национального сознания, не изменило их внешних и психологических свойств.

Стр. 153. Казаки обрисовываются в виде сплава... С. А. Плетнева среди других выводов дает такое заключение своего археологического обзора в статье «Печенеги, Торки и Половцы в южно-русских степях», МИА 62, стр. 226:

1) На протяжении всей истории кочевники (печенеги, торки и половцы) смешивались с туземным алано-хазарским населением.

2) Результатом этого слияния явилось появление в бассейне р. Дона населения, выделяющегося из кочевнической массы особым погребальным обрядом, в котором соединены черты салтовского и кочевнического обрядов.

3) Вероятно, это население преимущественно обитало в донецких городах, захваченных и разоренных печенегами еще в IX веке и постепенно возрожденных впоследствии.» Такие указания, по мнению С. А. Плетневой, дает археология.

Стр. 172. между Доном и Хопром городки Бродников... С. А. Плетнева в цит. выше статье на стр. 226 пишет: «Из Бродников в XII начале XIII в.в. составлялись целые отряды. Они участвовали в Липецкой (1216 г.) и Калкинской (1223 г.) битвах. В науке неоднократно высказывалось мнение о том, что бродники — это предки казаков. Казаки часто (об этом говорится в украинских песнях-думках) хоронили воина вместе с его конем.» «Похороненный в Таганче воин с булавой был, вероятно, кошевым одного из броднических отрядов, положенных с атрибутом его власти — булавой.» (см. также комментарии к странице 149)

По словам проф. М. А. Миллера (Дон и Приазовье в древности, ч. 1, стр. 129) «Булавы известны главным образом с Нижнего Дона и Приазовья».

Стр. 173. Там жили Асы-Танаиты. Торки. Казары-Бродники... У М. И. Артамонова (Саркел — Белая Вежа, МИА 62, стр. 84) читаем: «Если учесть, что в низовьях Дона обнаружены поселения того же времени, что и в верхнем слое Белой Вежи, также с русской керамикой и с некоторыми вещами русского типа, то, может быть, имеет вероятие предположение о принадлежности всех этих поселений, с верхним слоем Белой Вежи включительно, тому смешанному русско-половецкому (читай: славяно-торческому. Г. Г.) населению Подонья, известному в истории под именем Бродников.» На стр. 63 тот же автор говорит о совместном пребывании местной салтовской культуры с пришлой северянской (роменско-боршевской) в археологических пластах Белой Вежи значительно раньше, чем на Дон пришли Русы, еще в хазарском периоде. Половцы же появились здесь только в одиннадцатом веке. На стр. 77 он сам подтверждает: «Эта кочевая группа не могла быть половецкой, так как половцы появляются в степях к западу от Волги не ранее середины XI века. К тому же погребальный обряд половцев отличается от характерного для кочевников Саркела — Белой Вежи.» «Скорее всего кочевниками, входившими в состав гарнизона Саркела — Белой Вежи, были гузы — торки.» Из этого следует, что в хазарское время на Дону не могла появиться русско-половецкая смесь, по той причине, что тогда там еще не проживали ни Русы, ни Половцы. Жили же там «казарские» Славяне и гузы-торки, иначе говоря, Казары и Казаки. (см. комментарии к стр. 120)

Стр. 175. Пятигорские Черкасы проживали в горах...

Взгляд на Терских Казаков, как на кавказских аборигенов, здесь высказывается не впервые. В Трудах Комитета Экономического Возрождения Юго-Востока России, книта С. Н. Сирина, «Юго-Восток России», Берлин 1922, на стр. 8 говорится: «Существует мнение — представленное в К-те Экономического Возрождения Ю.-В. Р. профессором Академии Ген. Штаба В. И. Баскаковым — уводящее генезис этой части юго-восточного казачества очень далеко вглубь истории. Согласно этого взгляда Казаки Кавказа, во всяком случае, должны считать давность своего поселения не позже других туземцев края, к каким они и должны быть причислены.»

Стр. 176. седла более совершенной конструкции... Проф. М. А. Миллер пишет: «Сарматы с начала н. э. имели уже не только седла, но и настоящие железные стремена, которые собственно и обусловили развитие конного боя. Упор ногами в стремена давал необходимую устойчивость для нанесения с коня ударов пикою и длинным мечем. Седла были сначала мягкие, но в аланскую эпоху появляются уже с деревянною основою (щепы или арчак) и вертикальною переднею лукою.» (Дон и Приазовье в древности, ч. 2, стр. 116).

«на мраморной стеле Перигена, сына Асклепиада, из Керчи (Эрмитаж) сарматский воин в полном вооружении на коне держит в правой руке нагайку того же самого типа, что и современные нагайки у кочевников, народов Кавказа и у Казаков.» (там же, стр. 117)

Стр. 187. с Татарами были и Бродники... В Новгородской первой летописи младшего извода под годом 1224: «Ту же и Бродники с Татари быша, и воевода их Плоскыня, и ть оканный воевода целова крест честный к Мьстиславу и ко обоим княземь, како их не избити, нъ пустити их на искуп, и солгав оканный: сице связав, передаст их Татаром своим; а город взяша, а люди иссекоша, и ту костью падоша; а двоих князей яша, и издавших их, покладши под доски, а саме верху седоша обедати и тако живот их конща.»

Стр. 192. обязанные платить им дань. в ы х о д... В договорной грамоте 1388 года Дмитрия Донского с двоюродным братом Владимиром Андреевичем есть такие слова: «А что даньщики сберут в городе, и в станех, и в варях, тому ити в мою казну, а мне давати в выход». (Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение, стр. 226) «Великий князь Василий Дмитриевич платил «выход» в семь тысяч рублей.» (там же) Дань называлась «выходом», потому что в. князь вез ее, периодически «выходя в орду».

Стр. 193. Монголы или Татары. как их часто называют... Понятия «Монголы» и «Татары» часто применяются историками в одном значении. Теперь их различают не только по языку, но и по расе.

Стр. 198. в списке покоренных Татарами народов... Народы покоренные Монголами перечисляет Плано Карпини (Путешествие в северо-восточную часть земли): «Названия земель, которые покорены, таковы: Китай Найманы, Соланги, Кара Китай или Черный Китай, Комания, Тумат, Войрат, Караниты, Гунор, Собоал, Меркит, Менит, Баригрюр, Гослит, Сарацены, Бисермены, Туркоманы, Былер, Великий Болгар, Байхары, Великий Унгар, Кергиз, Колона, Тобеты, Вуритабег, Пароситы, Сассы, Якобиты, Аланы или Асы, Обезы или Георгиане, Несториане, Армяне, Кангиты, Команы - Буутачи, которые иудеи. Мордва, Торки, Казары, Самогеды, Персы, Тоас, Малая Индия или Эфиопия, Иргас, Русы, Балдах, Сарты. Еще и другие многочисленные земли, но их имена я пропускаю. А это названия тех земель, которые сопротивлялись их нашествию и еще не покорены: Великая Индия, Мантия, некоторая часть Аланов, некоторая часть Китайцев, Сайи.»

Стр. 199. русских пленников при татарских стадах... У В. Рубрукиса в «Дневнике»: «Татары больше любят Сарацинов, чем Русских, потому что Русские — христиане. И когда они уже больше не в состоянии давать им золото и серебро, они забирают их и их детей, как стадо овец, заставляя их ухаживать за своим скотом.»

Стр. 202. Эти жители Подонья. Бродники... В послании папы Григория IX к Грансомкому епископу земля Бродников называется рядом с половицей Куманией. Папа писал: «Мы удостоиваем дать тебе наше полномочие (на проповедь и на крещение) в землях Кумании и Броднике соседнем с ней.» (И. П. Буданов. Дон и Москва, кн. IV, вып. 2, стр. 13)

Стр. 202. появились в Молдавии и в Трансильвании... У И. П. Буданова (как выше стр. 6) читаем: Венгерский король Бела IV в своем письме к папе Иннокентию в 1254 г. сообщает, что «когда государство Венгрия от вторжения Татар, как от чумы, большей частью было обращено в пустыню и, как овчарня изгородью, было окружено разными племенами неверных, именно: Русами, Бродниками с востока, Булгарами и Босняками еретиками с юга (...) Татары заставили платить дань, особенно страны, которые с востока граничат с нашим царством: Русь, Куманию, Бродников, Булгарию».

Стр. 204. Донские Русы и город Русия на Дону. это предметы совершенно нереальные... А. Л. Якобсон в статье «Раннесредневековые поселения Восточного Крыма», (МИА 85, стр. 501) византийский город Росио считает нынешней Керчью: «во второй половине X в. оба центра (Боспор и Таматарха. Г. Г.) вошли в состав сформировавшегося тогда русского Тмутараканского княжества. С возникновением его Боспор, ставший русским Корчевым (а в византийских источниках Росией) и сама Тмутаракань вступили в новый период своей истории».

Стр. 205. угадывать под именем «Русь»... Сами Русские называли наших предков, отличая от себя, Черными Клобуками, Черкасами или Казаками, а иногда и общим именем наемных солдат в Московии — «немцами». Джильс Флетчер (О Русской державе) в 1588 году писал: «Наемных солдат иностранцев, которых они называют «немцы», у них теперь 4.300. Поляков — Черкасов, которые живут под польской властью, около четырех тысяч.» Таким образом, Англичанин, со слов Русских, наделяет служилых Казаков тремя именами: Черкасы, Поляки и Немцы.

Стр. 209. на не болшую вражду держа... Здесь, так же как и в некоторых иных местах, где речь идет о наших предках, содержание Ипатской летописи изложено очень туманно. Из примечания в сноске следует, что тут возможно умышленное искажение первоначального текста. Там сказано, что за словом «болшую» «в Хлебниковском списке вложены два листа, на которых продолжение писано позднейшим почерком». (Ипатская летопись год 1241, примечание в сноске)

Стр. 217. обращаются с пастырскими посланиями... Грамота митрополита Θεογνόста на Червленький Яр. 1333- - 1353 г. (Акты исторические, изд. Археогр. комис. №18): «Благословение Θεογνόста, митрополита всея Руси, к детям моим, к баскакам и к сотником, и к игуменом и попом, и ко всем крестьяном Червленого Яру, и ко всем городом, по Великую Ворону. Молюся Богови, да будете душою и телом добри, здорови, и да сполнивали бы есте заповеди Божьи, имели бы есте любовь к ближнему своему и къ всем милостыню по силе, правду, целомудрие, исповеданье грехов своих, да наследници безконечного царства Божья будете. Ведайте, дети, занеже многжды речи и мятеж был, промежи двема владыками, рязаньским и сарайским, про предел ть, и послал был яз к вам игумена своего, да

разсмотрит по правде, чий передел будет; и по тогоже игумена послушству, дал есмь был грамоту владыце сарайскому Аванасью. Ныне же приехал ко мне владыка рязаньский с крилошаны своими и привезл ко мне грамоту брата моего Максима митрополита, а другую грамоту брата моего Петра митрополита, — и управливають владыку рязаньского и велеть ему держати всего передела того по Великую Ворону; и явил ми и третью грамоту владыки сарайского Софонья, как то ся отступил того передела, что ся ему не вступати, занеже не сарайский передел, но рязаньский. И си вся яз ныне виде, расудил есмь, по тем грамотам братии моей митрополитов, что держати владыце рязаньскому передела того всего, по Великую Ворону. И оже бых прежде сих грамот виде, ни игумна бых не послал изведывать, ни грамоты бых сарайскому владыце не дал. И ныне есть ту грамоту отложил, а грамот братии своей митрополитов не могу порушати. И того дея ныне пишу к вам и явно сътвориас, как то по тем грамотам братии моей митрополитов управливаю владыку рязаньского, ать ведает передел ть весь, по Великую Ворону; а владыце сарайскому не надобе вступатися. И дал есмь владыце рязаньскому Кюрилу грамоту правую, как то и братья моя дали митрополиты. И вы имейте к нему любовь и всяко послушанье и покоренье, и исполняйте все, елико глаголет вам душеполезная и спасеная. А что будет церковная пошлина, и то ему давайте, по давньому по церковному обычаю. А милость Божья и Святой Богородицы, и мое благословение да будет с вами.»

Следующая по времени грамота митрополита Алексия (1360 г.) обращается ко всем «крестьяном (христианам), обретающимся в переделе Червленого Яру и по караулом возле Хопор, до Дону, попом и дьяконом, и к баскаком, и к сотником, и к бояром» с обширным нравоучением о духовной власти митрополита и с упреками: «Вы же, как то и время являет, что моих слов и моего поучения не слушаете, но исполняете волю телесную и дела темная, а слова моего не слушаете. Не ведаете ли, что все русское земли владыки под моею властью суть и в моей воли? И яз их ставляю от благодати Пресвятаго Духа. Тако же и подана власть владыце вашему; вы пак как его слов не принимаете, но странных пастухов принимаете; и как то видится, несте от паствы истинного пастуха Христа, но противного духа.»

Дальше следуют новые поучения, после чего послание возвращается к вопросу о Червленом Яре: «О том же переделе по Великую Ворону, возле Хопор, до Дону, по караулам, церкви, что тот передел, как то пишут грамоты брата моего Максима митрополита (1283 - 1307 г. Г. Г.), и Петра, и Θεогноста, что сбором stworили на Костроме, и владыка Софроний дал грамоты из уст своих, что ему от тех мест, по тем грамотам, нельзе вступатися в тот передел чужий, и явно есть и вси ведают, что тот передел не сарайский. Ныне же пак владыка Афанасий сарайский уведал то, виде грамот тех, и за вину его показнен от митрополита, писаньем отступися того передела; и от сих мест владыце Афанасию сарайскому несть власти в том переделе, но власть рязаньская, попы и дьяконы поставляющего владыки и власть дающего. И ныне послал есмь к вам владыку рязаньского Василья с грамотою своею; и вы поминайте его, а пошлину церковную дайте ему по обычаю. Аже исполните, как то пишу к вам, душеполезная и спасеная, а грамоты послушайте, да и пошлину дайте, милость Божья и Святой Богородицы, и мое благословенье да будет с вами и с женами вашими и с детьми, и со всеми крестьяны (христианами. Г. Г.).»

Стр. 218. оставалась под ведомством епископа сарайского... У свящ. Н. А. Соловьева (Сарайская и Крутицкая епархии)

говорится, что спор из за границ окончился в пользу сарайской епархии и ее епископы от того времени стали именоваться «сарайскими и подонскими». Титул этот сохранился до 1764 года, «хотя по переводению в половине XV столетия епископской сарайской кафедры в Москву на Крутицы они именовались «крутицкими».

Стр. 221. большая часть их была пороодоу Черкасы... В Троицкой летописи некоторые поселенцы ахматовых слобод называются Русью, т. е., по тому времени, жителями Поднепровья. Генерал Болтин, описавший событие в первой половине восемнадцатого столетия, очевидно, пользовался источником после погибшим. Таким образом он сохранил для истории обстоятельства, предшествовавшие основанию города Черкасы.

Стр. 232. Ольгерд занял Вильно... Старший брат Явнута был устранен от участия в наследстве. Его дети Семен и Михаил стали основателями рода князей Заславских. Потомство Любарта в Польше было известно в качестве «князей русских».

Стр. 234. а в земле северской Корыбуты... Основатель этого рода Корыбут, сын Ольгерда, после крещения в православной вере — Димитрий, зять рязанского князя Александра, от 1381 года — князь северский.

Стр. 235. Новые мирные поселенцы. «литва»... Литовское Поднепровье заселялось преимущественно Белорусами. Поэтому за ним сохранялось название Белой Руси еще и в XVII столетии: «Да Иван же Выговский говорил: есть де у него в Белой Руси, которая от Смоленска к Киеву, и к Чернигову, и к Белой Церкви, и к Старому Костентину, свои и друзья.» (Документы и материалы **Воссоединение Украины с Россией**, т. III, стр. 402. О том же т. II, стр. 152, 154, 160, 232, 303, 304, 314). Рядом с нею тянулась «Запорожская земля» «от порубежного города Конотопа до Чигирина, (там же, т. II, стр. 145, 148, 158), куда, очевидно, до Люблинской унии (1569 г.) Западные Славяне не переселялись.

Стр. 240. книга Донского монастыря повествует... И. П. Буданов цитирует запись по Забелину (Историческое описание Донского монастыря): «Того ради последи прославися образ Пресвятыя Богородицы Донския, зане к великому князю Димитрию Ивановичу Донские Казаки, уведав о пришествии благоверного вел. кн. Димитрия Иоановича в междуречии Дону и Непрядвы, вскоре в помощь православному воинству пришли баше и сей Пречистыя Богоматери образ в дар благоверному и вел. кн. Димитрию Иоановичу и всему православному воинству в сохранение, а на побеждение нечестивых атарян вручиша». (Дон и Москва, кн. IV, вып. 1, стр. 56)

«Вторая же выпись, извлеченная из древней летописи и помещенная во вкладной книге в часовне на Лубянке, в Москве, такого содержания: «Там в верховьях Дона народ христианский воинского чину живущий, зовомый Казаки, с радостию стретающа его со святыми иконами и со кресты, поздравляюще ему о избавлении своем от супостатов и приносяще ему дары от своих сокровищ, иже имяху у себя чудотворные иконы в церквах своих.» (там же. И. П. Буданов цитирует по кн. Попов Х. Краткий очерк Дон. Каз.)

Стр. 243. одни развалины казачьих городков... Проф. М. А. Миллер любезно сообщил мне выдержки из описания этого путешествия: «В неделю же Св. Мироносиц поплыхом рекою Доном на низ. Бысть же сие путное шествие печально и унылнито, баше бо пустыня зело всюду... нигде бо видети человека, точию пустыни велии и зверие множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, бобры, медведи. Птицы-орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая и баше вся пустыни великия... Беша бо пустыня всюду, не бе бо видети тамо ничто же, ни града, ни села. Аще бо и бываша древле грады красны

и нарочиты зело видением, место точию пустошь велия и не населено.» (Никоновская летопись. ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897)

Археолог М. И. Артамонов (Саркел — Белая Вежа) пишет: «В этом описании говорится, что, плывя вниз по Дону, Пимен и его спутники миновали городище Терклию или Серклию, причем из расчета их пути следует, что это было где то в районе переволоки на Волгу. Однако археологическим обследованием в этом районе не обнаружено ничего похожего на Саркел; здесь нет ни одного городища со следами кирпичных крепостных сооружений.» (Труды Волгодонской археологической экспедиции, т. I, МИА 62, стр. 8) Следовательно, в описании путешествия речь идет не о развалинах хазарского Саркела, а об остатках бывших прежде поселений у Переволоки и выше ее по Дону.

Стр. 244. Ингуши, Аланы, Осы и др.... Иосафат Барбаро, писавший во второй половине XV века, называет Дон и Приазовье Аланией по той причине, что там раньше проживали Аланы, «которые на их языке зовутся Ас. Они были христианами и Татары их изгнали прочь или уничтожили.» «Здесь вначале были одни Аланы. Потом же, когда пришли Готы и покорили эти края, они соединили свое имя с именем Алан и стали называть себя Готиталанами. Они полностью подражают всем греческим обычаям, что, впрочем, делают и Черкасы.»

Стр. 253. понятие Украина не выполнялось еще... В «Словаре малоупотребительных и непонятных слов» каждого из трех томов сборника документов и материалов «Воссоединение Украины с Россией» (Академия наук СССР и Академия наук УССР) понятие «Украины» трактуется, как «окраинные, пограничные земли».

Стр. 254. днепровский «Низ» оставался на месте... По свидетельству А. И. Ригельмана (Летописное повествование о Малой России) с приходом в Крым и на днепровско-бугский лиман Турок (1492 г.) семейные Казаки ушли из за порогов в границы В. княжества Литовского. Король польский и в. князь литовский Сигизмунд I «одарил их вольностями и разными преимуществами и на то привилегиею своею им подтвердил, со всеми теми выгодами, каковыми жалованы были от ермени Казимира IV-го, короля польского, то есть 1472 г. живущие в Русских княжествах народы.» (Ригельман здесь имеет ввиду бывшие Киевское, Черниговское, Волынское и Галицкое княжества). Со времени переселения Казаков из Запорожья, край занятый ими в русских актах именуется «Зопороскою землею от порубежного города Конотопа до Чигирина» (см. комментарии к стр. 235), а о прежнем месте своего поселения Казаки говорят — Запороги: «уступим до времени в старожитное свое место в Запороги.» («Воссоед. Украины с Россией», т. II, стр. 159)

Стр. 261. дальше в областях новгородских... В расходной книге Новгородского Софийского дома под годом 1548 значится: «казaku увечному Олешке полтина». (Материалы по истории крестьян в России. Сборник документов, стр. 58)

Стр. 262. пришли Городецкие Казаки, вместе с мордовскими лыжниками... По Герберштейну (Записка о русских делах): «народ смешанный с Черемисами и называемый Мордвой.» «Живут в деревнях и обрабатывают землю. Это очень сильные люди, логко отражающие нападения бродячих татарских племен.»

О Черемисах же у Д. Флетчера (О Русской державе): «Черемисы татарский народ, живут между Русью и Нагаем и делятся на лутовых и нагорных. Раньше русские цари имели с ними много хлопот и потому теперь они были рады заключить с ними мир, оплачиваемый ежегодным жалованьем товарами, которые выплачиваются их родоначальникам. На известных условиях они помогают русским в

их войнах. Рассказывают, что они все отличаются честностью в делах и верны в слове, а Русских не любят и считают их двуличными обманщиками. Народ неохотно пошел бы на сотрудничество с ними, но выполняет договоры заключенные их князьями, т. к. за это князья получают царское жалованье.»

Стр. 262. Казаки оставались там долго... Уставная грамота отчины Соловецкого монастыря 1548 года упоминает Казаков проходящих и проживающих в монастырских волостях: «имати им с Казаков Сумских, и Виремских, и с Шиженских, и с Сухановолочен, и в Слободке, приказнику по две денги по Московской, а доводчику по дензе по Московской, то им поминка на год и с Великим днем.» (Материалы по истории крестьян в России, стр. 59) В другой уставной грамоте года 1564-го добавлены еще волости Сорочанская и Коложемская, причем, в восьмичленную комиссию пошлинных окладов игумен приказывает выбирать и двух Казаков: «да те бы восемь человек сидели у вас в окладе и окладывали земских людей и Казаков в Божию правду.» (там же, стр. 73)

Стр. 264. со своих степных «уходов» на Ликом Поле... Песенка записанная на Черноморьи Макаровым и помещенная И. П. Будановым в его книге (Дон и Москва, IV, вып. 2, стр. 8), очевидно, продиктована Макарову Белорусом и потому должна читаться с учетом белорусских значений. Непонятная в первоначальном виде, песенка приобретает ясный смысл, если читать не «угодник», а «уходник», и не «юн», а «ён», что по белорусски значис «он»:

Бродник по поморью, Бродник по нагорью,

Як бы и по всполью Бродником владае, добычу имае.

То казак уходник, а за то ён Бродник.

По русски это переводится так: Бродник и на поморьи, Бродник и по взгорьям, он, будто бы, и по краю Поля действует бреднем, добычу хватает. То Казак уходник, а потому он и Бродник.

Стр. «вербованные в дети боярские»... Должно быть: «поверстанные в дети боярские». По словам историка Ключевского: «В 1585 году в Епифанском уезде 289 казаков за раз были поверстаны в звание детей боярских, составляющих нижний чин провинциального дворянства, и получили там поместные наделы.»

Стр. 270. Пятигорских Чепкасов или Пятигорцев Русские понимали... В польской хронике «История Лжедимитрия» Пятигорцы упоминаются наряду с Казаками, как участники похода из за Днепра на Москву. Полк Пятигорцев находился и среди повстанцев знаменитого польского вождя Тадеуша Костюшко. По польской гербовой книге хорунжим в нем значится Александр Короткевич раненный под Мацевевицами (1794 г.).

Список использованной литературы

1. Повесть временных лет, т. I и II, М. - Л. 1950
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М. - Л. 1950
3. Новгородская четвертая летопись. Фотокопия повествования о Куликовской битве из П.С.Р.Л. С. Петербург 1846
4. Летопись по Ипатскому списку. Фотокопия Галицко-волинской летописи из П.С.Р.Л. С. Петербург 1871
5. М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. - Л. 1950
6. Иосафовская летопись. Москва 1957
7. Устюжский летописный свод. М. - Л. 1950
8. Летописец или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялось на Украине малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким. Микрофильм из «Сборника летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси». Киев 1888
9. Тысячная Книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. М. - Л. 1950
10. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Латинский текст с русским переводом. М. - Л. 1936
11. Боплан. Описание Украины или областей Королевства Польского, лежащих между пределами Московии и Трансильвании с присовокуплением известий о нравах, обычаях и военном искусстве украинцев. С. Петербург 1852
12. Никифора патриарха константинопольского Краткая история со времени после царствования Маврикия. Визант. Временник III, М. 1950
13. Прокопий из Кесарии. Война с Готами. М. 1950
14. Слово о Полку Игореве. М. - Л. 1950
15. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и Турцией. Том первый в Сборнике Русского Императорского Исторического Общества, т. 41, СПб. 1884
16. То же том второй в Сборнике Русского Императорского Исторического Общества т. 95, СПб. 1895
17. В. Д. Сухоруков. Историческое описание Земли Войска Донского
18. История или повествование о Донских Казаках из россий-

ских и иностранных историков, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра Великого. Инженер - генералмайор и кавалер Александр Ригельман. Москва 1778.

19. Летописное повествование о Малой России и ея народе и Казаках вообще. Отколе и из какого народа оные происхождение свое имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах обитают, как то: черкасские или малороссийские и запорожские, а от них уже донские, а от сих яицкие, что ныне уральские, гребенские, сибирские, волтские, терские, некрасовские и прочие казаки, как равно и слободские полки.

Собрано и составлено чрез труды инженер - генералмайора и кавалера Александра Ригельмана 1785-6 г. Москва. В Университетской типографии, 1847 г.

20. Примечания на историю древняя и нынешняя России Г. Леккера. Сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным, том I. Печатано в типографии Горного училища 1788 г.

21. История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. Напечатана при Императорском Московском Университете 1768 г.

22. История о Казаках Запорожских, как оные из древних лет зачалися и откуда свое происхождение имеют и в каком состоянии ныне находятся. Незвестного автора, из портфеля Г. Ф. Миллера. Помечена 1740 г. Напечатана в Московской университетской типографии 1847 г.

23. А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 - 922 гг. Харьков 1956

24. Феофилакт Симоката. История. М. 1957

25. А. Н. Кононов. Родословная Туркмен. Сочинение Абул - Гази, хана хивинского. М. - Л. 1958

26. С. И. Штамм. Судебник 1497 г. М. 1955

27. Материалы по истории крестьян в России XI-XVII в. Сборник документов. Изд. Ленинградского университета 1958 г.

28. Уставная грамота отчины Соловецкого монастыря августа 17, 1548 г. Фотскопия с № 221 Актов исторических изд. Археографической Комиссией.

29. Грамоты митрополитов Θεогноста и Алексия. Фотокопия из Русской Исторической Библиотеки 1880 г.

30. Документы и материалы в трех томах «Воссоединение Украины с Россией». М. 1954

31. А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI-XV вв. В приложениях «Подлинное дело о Тмутараканском камне». М. - Л. 1952

32. Проф. д-р М. А. Миллер. Дон и Приазовье в древности, части первая и вторая. Мюнхен 1958

33. А. Н. Зюграф. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935-1940 г. МИА 25. М. - Л. 1952

34. Л. Н. Белова. Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата. МИА 85. М. - Л. 1958

35. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА) кн. 23. М. - Л. 1951. Е. И. Крупнов. Предисловие

36. Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА 23

37. Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА 23

38. Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА 23

39. Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. Краткий очерк истории Скифии. МИА 36. М. 1954
40. М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. Труды Волго - донской археологической экспедиции, т. I. МИА 62. М. - Л. 1958
41. И. И. Ляпушкин. Памятники салтово - маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА 62
42. С. А. Плетнева. Печенеги, Торки и Половцы в южнс-русских степях. МИА 62
43. И. И. Ляпушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. МИА 62
44. И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. МИА 62
45. И. И. Ляпушкин. Курганный могильник близ Карнауховского поселения. МИА 62
46. И. И. Ляпушкин. Средневековое поселение близ ст. Суворовской. МИА 62
47. И. И. Ляпушкин. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница. МИА 62
48. А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950-1951 гг. МИА 62
49. Л. Г. Вуич. Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона. МИА 62
50. Е. И. Крупнов. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА 68. М. - Л. 1958
51. В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре. МИА 85. М.-Л. 1958
52. А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА 85
53. Дм. Струков. Древние памятники христианства в Тавриде. Москва 1876
54. Археологические исследования Украинской Академии Наук за 25 лет. Краткие сообщ. Института истории матер. культуры, вып. XIII. 1946
55. А. П. Смирнов. Волжские Болгары. Там же
56. Н. Д. Мец. К вопросу о Торках. То же вып. XXIII. 1948
57. Б. А. Рыбаков. Древние Русы. Сов. Арх. XVII. 1953
58. К. Ф. Смирнов. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. Там же
59. Ш. Ф. Мухамедьяров. А. П. Смирнов. Волжские Болгары. Там же
60. А. Л. Монтайт. Старая Рязань. МИА 49. 1955
61. Ю. В. Кухаренко. К вопросу о славяно-скифских и славяно - сарматских отношениях. Сов. Арх. XIX. 1954
62. Б. Б. Пиотровский. Скифы и Древний Восток (Доклад на конференции по скифо-сарматской археологии). Там же
63. Проф. В. Ключевский. Курс русской истории. 1923
64. Сергей Соловьев. История России с древнейших времен. М. 1858
65. Вестужев Рюмин. Русская история
66. Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, тт. 2 и 3. Издание Вестн. Знания
67. Н. Н. Карамзин. История Государства Российского. С. Петербург 1818 г.
68. Д. Бантыш Каменский. История Малой России. т. I, С. Петербург 1822
69. Проф. С. Ф. Платонов. Учебник русской истории. Буэнос Айрес 1945
70. Проф. С. Ф. Платонов. Очерки истории внутренних кризисов и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.
71. Д. Иловайский. К вопросу о происхождении русского народа.

72. Д. Иловайский. О мнимом призвании варягов
73. А. Пыпин. Новые опыты построения русской истории. Вестник Европы т. 7-8. 1876
74. Проф. К. И. Зайцев. Киевская Русь
75. Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1953
76. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. М. - Л. 1950
77. Свящ. Н. А. Соловьев. Сарайская и Крутицкая епархии. Чтения в Императорском обществе истории и древности российских при Московском университете, кн. 3 1894
78. Д-р І. Крипякевич, ред. Михаил Голубец и д-р Дм. Дорошенко. Велика Історія України.
79. Проф. Ярослав Пастернак. Україна на зарані історії.
80. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. Переведено с немецкого языка через И. К. Тауберта, Академии Наук адъюнкта. Издание третье. В Санкт Петербурге при Императорской Академии Наук 1782
81. Л. Нидерле. Славянские древности. Прага - Москва 1956
82. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М. 1953
83. М. В. Левченко. Произведения Константина Багрянородного, как источник по истории Руси. Визант. Временник VI. М. 1953
84. М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V - VI вв. Византийский Сборник. М. - Л. 1945
85. А. В. Соловьев. Византийское имя России. Визант. Времен. XII. М. 1957
86. А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М. 1954
87. И. П. Буданов. Дон и Москва, книги 3, 4, 5. Париж 1957-1958
88. И. И. Лаппо. Западная Россия и ее соединение с Польшей. Прага 1924
89. В. А. Голобуцкий. Запорожское Казачество. Киев 1957
90. В. В. Мавродин. Образование единого Русского государства
91. А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства в XV - XVII вв. М. 1954
92. М. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья. Москва 1946
93. И. Ф. Быкадоров. Донское Войско в борьбе за выход в море. Париж
94. Хара Даван. Чингисхан. Белград
95. История и археология древнего Крыма. Киев 1957
96. Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, т. I. М. 1955
97. Р. Трахо. Черкесы. Мюнхен 1956
98. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. Москва 1957
99. А. П. Якубинский. История древнерусского языка. М. 1953
100. Проф. П. С. Кузнецов. Русская диалектология. Москва 1954
101. Н. Н. Алексеев. Теория государства. Париж 1931
102. В. С. Ващенко. Полтавські говори. Харків 1957
103. Агафий Миринеийский. История. Визант. Временник III. М. - Л. 1950
- Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. 1, 2, 3. М. - Л. 1950

104. The History of Herodotus. Rawlinson's translation. London - New York 1910

В тексте: Геродот. История

105. The Geography of Strabo. With an English translation by Horace L. Jones Ph. D. Vol. XI and XII. Cornell University, London - New York 1932

В тексте: Страбон. География

106. Ammianus Marcellinus. History of Rome during the Reigns of Constantius, Julian, Jovianus, Valentinian and Valens. Bohns Libraries

В тексте: Аммиан Марцелин. История Рима

107. Hippocrates, Vol. I. Airs, Water, Places. With an English translation by W.H.S. Jones

В тексте: Гиппократ

108. Procopius of Caesaria. History of Wars. With English translation by H. B. Dewing. London, New York 1914 - 1940

В тексте: Прокопий из Кесарии. История воен

109. The Journal of frier William de Rubruquis a Franch man of the Order of the Minorite Friars 1253. Edit. by Richard Hakluyt. Glasgiew, New York 1903

В тексте: Дневник брата Вильгельма Рубрукиса

110. The Khazars. The Jewish Encyclopedia, New York and London 1903

В тексте: Статья «Казары» в Еврейской Энциклопедии

111. George Rawlinson, M. A. The Sewenth Great Oriental Monarchy, v. II. New York 1882

В тексте: Г. Раулисон. Седьмая Великая монархия Востока

112. Prof. H. Graets. History of Jews. New York 1894

В тексте: Проф. Г. Грэтс. История Евреев

113. On the Westerly Drifting of Nomades, from the Fifth to the Nineteenth Century by H. H. Howorth, Esq. Part IV. The Circassians and White Khazars. The journal of the Ethnological Society of London 1879

В тексте: Г. Г. Хаворт. Черкасы и Белые Кхазары

114. The Ossetian Tale of Iry Dada and Mstislaw by George Vernadsky and Dzambulatsky. Slavic Folklore. A Symposium American Folklore Society. Philadelphia 1956

В тексте: Г. Вернадский и Д. Джанты. Осетинское сказание об Иридада и Мстиславе

115. Josafat Barbaro. The Travels to Tana and Persia. Edit. The Hakluyt Society London, 1873

В тексте: Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану

116. The travels of a Merchant in Persia в книге A Narrativ of Italian travels in Persia in the fifteenth and sixteenth centuries. London 1873

117. La vita: e sito di Zichi: chiamati ciarcassi: historia notabile. Georgius Interianus

Фотокопия с экземпляра, хранящегося в Британском Музее.

В тексте: Георгий Интериано. Жизнь и поселения Циков

118. Das Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Nach einer Handschrift der von Gersdorff-Weichaschen Bibliothek zu Bautzen herausgegeben und mit Einleitung und Vermerkungen begleitet von Reinhold Schottin Dr. Ph. Halle 1866

В тексте: Эрих Лассота. Дневник

119. The Travels of Marco Polo. N. Y. 1926

В тексте: Путешествия Марко Поло

120. The Voyage of Johanes de Plano Carpini unto the Northeast parts of the World 1246. Edit. by Richard Hakluyt. Glasgow, N. Y. 1903

В тексте: Плано Карпини. Путешествие в северо-восточную часть земли

121. Notes upon Russia (Rerum Moscoviticarum commentarii), by the baron Sigismund von Herberstein. Ambassador from the court of Germany to the Grand Prince Vasiley Ivanovich in the Years 1517 and 1526. Translated and edited with Notes and an Entroduction by R. H. Major of the British Museum London. Printed for the Hakluyt Society 1851

В тексте: С. Герберштейн. Записка о русских делах

122. L'Histoire des Empéreur Michel et Andronique, écrite par Pachimer. Traduit sur le originaux grecs par Mr Cousin. L'Histoire de Constantinople, VI

В тексте: История императоров Михаила и Андроника, написанная Пахимером

123. The March of the Barbarians and Tamerlane by Harold Lamb. New York 1949

В тексте: Г. Лэмб. Победное шествие варваров и Тамерлан

124. The Travels of the Magnificent M. Ambrosio Contarini in the year 1473. Edit. The Hakluyt Society. London 1873

В тексте: Путешествия Амброзио Контарини

125. Dr. Giles Fletcher. Of the Russe Commonwealth. Edit. by Edward A. Bond. London 1856

В тексте: Джилие Флетчер. О Русской державе

126. The March of Muscovy, by H. Lamb. N. Y. 1948

127. Oriental rugs antique and modern by Walter A. Hawley

В тексте: Восточные ковры старинные и современные

128. Caucasian Review 2. Institut for the Study of U.S.S.R. Munich 1956

129. Caucasian Review 7. Institut for the Study of U.S.S.R. Munich 1958

130. Niesiecki Herbiarz Polski

131. Karol Szejnocha. Jadwiga i Jagello. Warszawa 1877

В тексте: К. Шейноха. Ядвига и Ягелло

132. Karol Szejnocha. Dwa lata dziejów naszych

В тексте: К. Шейноха. Два года нашей истории

133. O Kozakach. Księga Swiata. Warszawa 1855

- 134. A. Naruszewicz. *Historya Narodu Polskiego*. Lipsk 1836
- 135. Józef Szujski. *Historya Polski*
- 136. August Bielowski. *Wstęp wytyczny do dziejów Polski*. Lwów 1850
- 137. Adam Szelągowski. *Dzieje Polski w zarysie*. Kraków 1911
- 138. X. Hugon Kollataj. *Rozbiór krytyczny zasad historyi*. Kraków 1842
- 139. Adam Mickewicz. *Literatura słowiańska*. Leczje w College de France. Poznań 1865
- 140. *Historya Dmitra fałszywego*
Дневник событий, относящихся к Смутному времени. Русская Историческая Библиотека, т. I. 1872
В тексте: *История Лжедмитрия*

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора.	5
Введение.	9
Глава первая. Скифия.	15
Глава вторая. Ка - Саки.	25
Глава третья. Аланы и Сарматы.	31
Глава четвертая. Царство Восторское.	37
Глава пятая. Касаровцы.	44
Глава шестая. Дух Эллады.	48
Глава седьмая. Морские походы.	54
Глава восьмая. В горах Кавказа.	58
Глава девятая. Некоторые выводы.	65
Глава десятая. Хазарский каганат.	69
Глава одиннадцатая. Население и власть Хазарии.	75
Глава двенадцатая. Хазарская империя.	81
Глава тринадцатая. От язычества к христианству.	87
Глава четырнадцатая. Узы или Торки.	94
Глава пятнадцатая. Славяне и Русы.	100
Глава шестнадцатая. Падение Хазарии.	108
Глава семнадцатая. Томаторкань.	113
Глава восемнадцатая. Приазовье и Дон.	118
Глава девятнадцатая. Юный князь Мстислав.	125
Глава двадцатая. Держава Мстислава Храброго.	130
Глава двадцать первая. Томаторканское наследство	138
Глава двадцать вторая. Черные Клобуки казачьей народности	146
Глава двадцать третья. Начало служилых Казаков	155
Глава двадцать четвертая. Беспокойные соседи.	165
Глава двадцать пятая. На своих реках.	171
Глава двадцать шестая. Казачьи общины.	178
Глава двадцать седьмая. Первые Монголы.	185
Глава двадцать восьмая. Татары завоеватели.	193
Глава двадцать девятая. В царстве хана Бату.	200
Глава тридцатая. Днепровско - бутский клин.	207
Глава тридцать первая. Сарайская епархия.	214

Глава тридцать вторая. Русская дань.	220
Глава тридцать третья. Ислам.	226
Глава тридцать четвертая. Литва.	231
Глава тридцать пятая. Куликовская битва.	236
Глава тридцать шестая. Трагический перелом.	242
Глава тридцать седьмая. Развал Золотой Орды.	249
Глава тридцать восьмая. В Литве и за Поросьем.	254
Глава тридцать девятая. Около Московии.	261
Глава сороковая. В Черкасии.	268
Глава сорок первая. На Диком Поле и в ордах	276
Глава сорок вторая. Итоги Средних веков	282
Приложения:	
Статья «Казачья речь».	289
Источники и комментарии.	297
Список использованной литературы.	321

